

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 83

**Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)**

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

Томск
2022

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется: eLIBRARY.RU; Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index; Scopus

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Лукьянов О.В.** (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyjanov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjorpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмитс, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редактор Шумская Е.Г.; редакторы-переводчики: Лукьянова Е.О., Стайпек А.А., Горенинцева В.Н.; оригинал-макет Шумской Е.Г.; дизайн обложки: Кривцова Л.Д.

Подписано в печать 07.04.2022 г. Формат 70x100^{1/16}. Усл.-печ. л. 17,8. Тираж 50 экз. Заказ № 4939. Цена свободная.

Дата выхода в свет 12.04.2022 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

© Томский государственный университет, 2022

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–12 months

Abstracting and Indexing: eLIBRARY.RU; Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection's); Scopus.

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Dr. Sci. (Psychol.), Tomsk State University, Russia.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya, Tomsk State University, Russia.

E-mail: sibjornpsy@gmail.com

EDITORIAL COUNCIL

S.A. Bogomaz (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **T.G. Bokhan** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **V.I. Kabrin** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.D. Karnyshev** (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia); **N.V. Kozlova** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **O.M. Krasnorjadtseva** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.V. Seryy** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

EDITORIAL BOARD [In Russian Alphabetical order]

A.G. Asmolov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **N.A. Bokhan** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russia); **L.I. Vasserman** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russia); **E.V. Galazhinsky** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **I.E. Garber** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russia); **Iu.P. Zinchenko** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **V.V. Znakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); **Yu. Kovas** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **F. Laghi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **C. Lombardo** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **F. Lucidi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **S.B. Malykh** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russia); **H. Takooshian** (Fordham University, New York, USA); **A.Sh. Tkhostov** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **D.V. Ushakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

PUBLISHER:

Tomsk State University Press (Tomsk State University, Tomsk, Russia)

Editor E.G. Shumskaya; editor-translators: E.O. Lukyanova, A.A. Stipek; V.N. Gorenintseva; camera-ready copy E.G. Shumskaya; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 07.04.2022. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets 16,8. Circulation – 50 copies. Order N 4939.

36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation. Tel. +7(382-2)–52-98-49. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Общая психология и психология личности

Ануфриева А.А., Дагаев Н.И., Горбунова Е.С. Категоризация как универсальный процесс: роль категорий в перцептивных процессах и формировании действий	6
Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Кошечкина А.Г., Никонова Е.Ю. Повседневная деятельность подростков в смешанной реальности: пользовательская активность и многозадачность	20
Филенко И.А., Богомаз С.А. Изменение характеристик регуляторных процессов и ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях пандемии	46
Дьяков С.И., Костромина С.Н. Информационно-семантическая система психической самоорганизации в сознательном самоуправлении субъекта	67
Буана Д.Р., Лукьянов О.В. Экзистенциальная тревога религиозной идентичности и религиозного экстремизма у индонезийских мусульман	85

Педагогическая психология

Авалуева Н.Б., Алексеева А.С., Алиева Э.Ф. Система оценивания субъективного благополучия российских школьников: теоретико-методологическое обоснование	100
---	-----

Медицинская психология

Карауш И.С., Куприянова И.Е. Ранние дезадаптивные схемы как модераторы стресса и формирующей психической патологии	122
Шишкова А.М., Бочаров В.В., Черная Ю.С. Оценка психометрических показателей методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» (родительско-детский вариант)	141
Наследов А.Д., Мирошников С.А., Заширинская О.В., Ткачева Л.О., Компанец Н.Н. Применение Шкалы Аутизма для выявления риска нарушений психического развития детей 3–4 лет	164
Великанов А.А., Левашкевич Ю.Л., Столярова А.А., Демченко Е.А. Когнитивные ошибки и психологические особенности пациентов с ишемической болезнью сердца перед коронарным шунтированием в зависимости от пола и возраста	184
Лысенко Н.Е., Белякова М.Ю. Особенности дизрегуляции поведения у женщин, совершивших общественно опасные действия	204

Краткие сообщения

Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Субъективное качество времени как объект психологической диагностики	223
--	-----

CONTENTS

General psychology and psychology of the person

Anufrieva A.A., Dagaev N.I., Gorbunova E.S. Categorization as a Universal Process: the Role of Categories in Perceptual Processes and Formation of Actions	6
Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Koshevaya A.G., Nikonova E.Yu. Daily Activities of Adolescents in Mixed Reality: User Activity and Multitasking	20
Fileenko I.A., Bogomaz S.A. Changing the Characteristics of Regulatory Controls and Value Orientations of Students in the Context of a Pandemic	46
Dyakov S.I., Kostromina S.N. The Information and Semantic System of Psychology of Self-Regulation in Conscious Self-Governance of a Person	67
Buana D.R., Lukyanov O.V. Existential Anxiety of Religious Identity and Religious Extremism in Indonesian Muslims	85

Psychology of education

Avalueva N.B., Alekseeva A.S., Alieva E.F. Assessment System for Subjective Well-being of Russian Schoolchildren: a Theoretical and Methodological Rationale	100
---	-----

Medical psychology

Karaush I.S., Kupriyanova I.E. Early Maladaptive Schemas as Stress and Emerging Mental Pathology “Moderators”	122
Shishkov A.A., Bocharov V.V., Chernaya Y.S. Evaluation of Psychometric Properties of “Level of Parental Emotional Burnout”	141
Nasledov A.D., Miroshnikov S.A., Zashchirinskaia O.V., Tkacheva L.O., Kompanets N.N. Autism Scale Application for Identifying the Risk of Mental Development Disorders among Children Ages 3 And 4	164
Velikanov A.A., Levashkevich Y.L., Stoljarova A.A., Demchenko E.A. Age and sex determined differences in cognitive distortions and psychological traits in patients with coronary heart disease before coronary artery bypass surgery	184
Lysenko N.E., Belyakova M.Yu. Features of Behavior Dysregulation in Women Committed Socially Dangerous Acts	204

Work in Progress

Leontiev D.A., Osin E.N. The Subjective Quality of Time as an Object of Psychological Assessment	223
---	-----

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.95

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: РОЛЬ КАТЕГОРИЙ В ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ И ФОРМИРОВАНИИ ДЕЙСТВИЙ¹

А.А. Ануфриева¹, Н.Д. Дагаев¹, Е.С. Горбунова¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Освещены существующие теоретические представления и эмпирические данные о роли, которую играют разные уровни категорий в процессах восприятия и формировании действий с объектами. В этом контексте рассматривается несколько тем: превосходство категорий базового уровня, феномен случайных находок, эффекты совместимости и ориентации, роль цели действия в категоризации объектов, а также некоторые другие. Одним из ключевых примеров влияния категоризации на другие когнитивные процессы является эффект превосходства категорий базового уровня: при принятии решения о том, принадлежит ли данный стимул определенной категории, ответ оказывается быстрее, если категория относится к базовому уровню, по сравнению с суперординатным и субординатным. Важным направлением исследований эффекта преимуществ категорий базового уровня является рассмотрение роли этого эффекта в перцептивных задачах, в частности в задаче зрительного поиска – поиска целевых стимулов среди дистракторов. Один из примеров – управляемый поиск: направление внимания на определенные объекты. Существуют модификации задачи зрительного поиска: поиск–собираание и гибридный поиск. Принадлежность объекта к определенной категории влияет на эффективность зрительного поиска, а также на возникновение перцептивных ошибок. Другой важной областью изучения категоризации является выяснение взаимосвязи между категоризацией и аффордансами – воспринимаемыми возможными действиями с объектами. В основном такие исследования рассматривают роль категоризации в возникновении эффектов совместимости и ориентации. Наконец, всестороннее изучение взаимосвязи между категоризацией, восприятием и аффордансами происходит в исследованиях «поведения взгляда» по отношению к действию, которое дает видимый объект.

Ключевые слова: категоризация; аффорданс; зрительный поиск; гибридный поиск; эффект совместимости; феномен внезапных находок; формирование действий; эффект превосходства категорий базового уровня

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-78-10055.

Введение

Исследования категоризации – одно из актуальных направлений исследований в современной когнитивной психологии. Процесс категоризации позволяет производить группировку объектов для эффективного хранения и оперирования информацией. Помимо этого, существует представление об уровневой организации категорий, где каждый уровень имеет ту или иную функциональную значимость (Rosch, Mervis, 1975; Rosch, Mervis, Gray, Johnson, Boyes-Braem, 1976). Следует отметить, что в рамках данной темы есть несколько направлений исследования, включающих в себя, с одной стороны, изучение процесса категоризации самого по себе, а с другой – влияние категоризации на другие процессы, в частности изучение роли категорий разного уровня в низкоуровневых процессах: восприятии и формировании действий. Цель данной работы – рассмотрение второго аспекта изучения категоризации, поскольку одна из тенденций развития психологии состоит в комплексном рассмотрении высокоуровневых и низкоуровневых процессов, а частное проявление этой тенденции – анализ роли категоризации в перцептивных процессах и формировании действий.

Широко известным эффектом, демонстрирующим роль категорий разного уровня при решении когнитивных задач, является эффект преимущества категорий базового уровня, когда при принятии решения о том, относится ли заданный стимул к определенной категории, ответ дается быстрее, если категория дана на базовом уровне (например, «машина»), по сравнению с суперординатным (например, «транспортное средство») или субординатным (например, «седан») (Murphy, Smith, 1982). Данный эффект, как правило, объясняется двумя основными теориями: теорией «уровня ввода» и теорией дифференциации. Согласно первой теории, зрительные стимулы активируют в первую очередь категории базового уровня, в связи с чем стимулы, заданные посредством категорий базового уровня, опознаются точнее и быстрее по сравнению со стимулами из суперординатной и субординатной категорий (Jolicoeur, Gluck, Kosslyn, 1984). Альтернативное объяснение предлагается теорией дифференциации, согласно которой разные уровни обработки реализуются параллельно, однако стимулы из базовой категории содержат больше всего информации и являются наиболее полезными при решении большинства задач, что позволяет лучше дифференцировать их от других стимулов (Murphy, Smith, 1982).

Открытым остается вопрос: «Какие свойства базового уровня делают его преимущественным в обработке информации?» Выделяют три основных фактора для анализа эффекта преимущества категорий базового уровня: лингвистический (длина и частота слова), фактор, связанный с развитием (категории базового уровня выучиваются раньше других в детстве) и структурный (особенности самой категории) (Cortier, Gluck, 1992). Существуют свидетельства в пользу структурного фактора как достаточного для возникновения эффекта превосходства категорий базового уровня (Hoffmann, Denis, Ziessler, 1983), однако не исключается и комплексное влияние

всех трех факторов. Суть исследований структурного фактора, как правило, сводится к выявлению тех свойств, которые делают уровни категорий отличными друг от друга, в частности к вопросу об уникальности категорий базового уровня. Можно выделить четыре признака, конкурирующих за объяснение эффекта преимущества категорий базового уровня (Corter, Gluck, 1992):

1) достоверность подсказки (cue validity) – сумма достоверных подсказок (характеристик), ассоциирующихся с конкретной категорией; чем выше достоверность подсказки, тем лучше мы можем предсказать, к какой категории относится объект;

1) владение признаком (feature possession) – количество характеристик, отнесенных к конкретной категории, а не к вышестоящим или подчиненным категориям;

3) полезность категории (category utility) – категория считается полезной в той степени, в которой она улучшает способность верно предсказывать характеристики объектов этой категории;

4) скольжение внимания по категориям (category attentional slip) – длина оптимальной стратегии поиска всех необходимых характеристик объекта для заключения о принадлежности его к той или иной категории.

Несмотря на то, что причины возникновения эффекта преимущества категорий базового уровня на данный момент до конца не ясны, существует значительное количество исследований в области психологии восприятия, обнаруживающих данный эффект для целого ряда различных задач.

Категоризация в перцептивных процессах

Связь перцептивных процессов и категоризации отмечается рядом исследователей достаточно давно. Примером проявления такой связи может служить эффект категориальности восприятия – качественное изменение воспринимаемого сходства или различия объектов в зависимости от того, входят они в одну или разные перцептивные категории (Королькова, 2013). В рамках данного обзора мы остановимся в основном на роли принадлежности воспринимаемых объектов категориям разного уровня в протекании перцептивных процессов.

Одним из магистральных направлений изучения эффекта преимущества категорий базового уровня является исследование роли данного эффекта при решении перцептивных задач, в частности задачи зрительного поиска – поиска целевых стимулов среди отвлекающих стимулов (дистракторов). Традиционным направлением исследований зрительного поиска, в свою очередь, является изучение гайденса¹ – управления поиском, т.е. направления внимания на определенные объекты, а также факторов, влияющих на управление поиском (Maxfield, Zelinsky, 2012). Одним из таких факторов

¹ Гайденс (guidance) – направление внимания в зрительном поиске, необходимое для нахождения целевого стимула.

является категория, в которую входит стимул. В экспериментах J.T. Maxfield и G.J. Zelinsky (2012) испытуемым предъявлялись названия стимулов из разных категорий (базовых, суперординатных и субординатных), и задача состояла в том, чтобы как можно быстрее найти данный стимул, при этом производилась регистрация движений глаз (Maxfield, Stalder, Zelinsky, 2014; Yu, Maxfield, Zelinsky, 2016). При анализе результатов процесс поиска был условно разделен на два процесса: гайденс – нахождение стимула (время от начала пробы до фиксации на целевом стимуле), и верификацию – принятие решения о том, что стимул относится к данной категории (время от фиксации на целевом стимуле до нажатия на клавишу). Обнаружено, что эффект преимущества базовых категорий наблюдается при решении задачи верификации: время верификации оказывается меньшим для базовых категорий по сравнению с суперординатными и субординатными, в то время как для гайденса преимущество получают субординатные категории – в данном условии целевые стимулы фиксировались быстрее. Полученные результаты интерпретируются в терминах специфичности и отчетливости: базовые категории обладают высокой отчетливостью (в контексте особенностей выполняемых функций), но низкой специфичностью (в контексте перцептивных различий), что дает им преимущество в верификации, но не в гайденсе, поскольку их репрезентация является не такой подробной, как у субординатных категорий. Обладающие высокой специфичностью и низкой отчетливостью категории субординатного уровня, напротив, получают преимущество в гайденсе, но не в верификации, поскольку требуют проверки большего числа функций.

Существует модификация стандартной парадигмы – «гибридный поиск» (hybrid search), который характеризуется сочетанием элементов зрительного поиска и поиска в памяти, когда испытуемому сначала предъявляются изображения объектов для заучивания (чаще всего – предметы повседневного использования), а затем происходит зрительный поиск этих объектов (Drew, Boettcher, Wolfe, 2017). Обнаружено, что гибридный поиск объектов из одной категории (например, «растения» или «кухонные принадлежности») оказывается менее эффективным по сравнению с поиском конкретных объектов («кактус» или «сковорода») (Cunningham, Wolfe, 2014). При этом, согласно полученным данным, объекты из других суперординатных категорий просто отклоняются на уровне отбора стимулов для зрительного поиска.

M. Nordfang и J.M. Wolfe (2018) в своем исследовании поставили вопрос о возможности управлять поиском по категориям в памяти, в частности с помощью объектов, присутствующих в зрительном поле. Испытуемым предъявлялись для запоминания наборы, состоящие либо из одной категории (животные или дорожные знаки), либо из двух категорий, объекты которых и категориально, и перцептивно различаются (животные и дорожные знаки). После запоминания стимулов испытуемым необходимо было искать объекты из одной или двух категорий, т.е. на дисплее могли быть предъявлены или объекты, принадлежащие одной категории, или

объекты из двух разных категорий. Испытуемые должны были ответить, какие из предъявленных объектов принадлежат запоминаемому набору. Время ответа и количество ошибок зависели от категориального соответствия набора для запоминания и набора, предъявляемого на экране. Однако полученные данные, по словам самих авторов, не обладают выраженными систематическими различиями, что объясняется либо наличием неких стратегий поиска в памяти по категориям, либо индивидуальными различиями испытуемых, либо какого-то рода шумом. Авторы подчеркивают, что процесс поиска в памяти по категориям все еще требует прояснения – могут ли испытуемые сразу отбирать только релевантные кластеры (категории) или необходимо перебрать все активированные, что влияет на эффективность поиска среди категорий.

В экспериментах с сочетанием задачи гибридного поиска и поиска-собирания, когда испытуемый выполняет поиск нескольких экземпляров определенного типа стимулов, было обнаружено, что нахождение первого стимула происходит сравнительно медленно по сравнению с последующими, что говорит об отсутствии строгого гайденса в отношении первых стимулов (Wolfe, Cain, Aizenman, 2019). Последующий «сбор» стимулов подчинен следующей логике: испытуемый ищет стимулы того же типа, что и первый. Это объясняется установкой: во время совершения моторного акта – нажатия на первый стимул – внимание направляется на стимулы с теми же признаками, что и тот, который был отобран первым. Тем не менее конкретные механизмы работы такой установки (категориальные или чисто перцептивные) требуют прояснения.

Недавнее исследование J.M. Wolfe и соавт. (2019) было направлено на прояснение влияния ранее найденного объекта на последующий поиск. Авторы представили к проверке три гипотезы о причинах, задающих последующий поиск после нахождения первого объекта: поиск задается перцептивными характеристиками первого найденного объекта, поиск задается семантическими характеристиками или поиск задан фокусом внимания (возможно, в рабочей памяти) и независим от перцептивных или семантических характеристик, а обоснован затратой энергии для переключения на другую цель. Было обнаружено, что поиск целевых стимулов, заданных только одним базовым свойством (цвет), является наиболее быстрым в сравнении поиском целевых стимулов с двумя свойствами (цвет и форма) и поиском целевых стимулов, заданных семантически (буквы). После первого нахождения целевого стимула испытуемые, вероятнее всего, выберут следующим целевой стимул, обладающий теми же характеристиками, что и первый. Когда в качестве целевых стимулов выступали буквы, выбор последующих целей имел случайный характер. В условии поиска целевых стимулов, чьи характеристики заданы двумя параметрами (цвет и форма), испытуемые с большей вероятностью продолжали «собирать» цели одного типа (синие круги), нежели переключались на второй тип (зеленый квадрат), «меняя» оба параметра. Помимо этого, в условии намеренного частого переключения между целевыми стимулами скорость поиска заметно

падала в сравнении с условием, когда инструкцией не было продиктовано переключение. На основе результатов экспериментов авторы делают заключение, что «установка» задается перцептивными характеристиками и «стоимостью» затрачиваемых усилий для переключения внимания, а семантические характеристики играют меньшую роль. Однако подчеркивается, что отсутствие строгих свидетельств в пользу семантических характеристик стимулов может зависеть от стимульного материала (объектов для запоминания и поиска).

Другой пример влияния категорий на эффективность решения задач зрительного поиска обнаруживается в случае, когда испытуемому необходимо найти больше одного стимула, и эти стимулы имеют различную категориальную соотносительность. Примером такой задачи является феномен «внезапных находок» (*incidental findings*). Этот термин означает нахождение стимула, который исходно не являлся целевым, однако по умолчанию является важным: например, сломанное ребро на рентгеновском снимке у пациента, который изначально был направлен на диагностику в связи с подозрением на пневмонию. В экспериментах J.M. Wolfe, A.A. Sose и H. Schill (Wolfe, 2017) испытуемым необходимо было осуществлять поиск специфических объектов, объектов из определенной категории или и того и другого типа стимулов. Ими обнаружено, что в условии поиска двух типов стимулов объекты из определенной категории могут быть пропущены чаще по сравнению с конкретными объектами, что иллюстрирует проблему пропуска «внезапных находок»; при этом изменение соотношения конкретных объектов и объектов из определенной категории особенно сильно влияет на пропуск объектов из определенной категории: при соотношении конкретных объектов и объектов из определенной категории 80/20 категориальные стимулы пропускаются в 7 раз чаще по сравнению с конкретными объектами. Однако при наличии на экране сразу двух типов стимулов (и конкретного объекта, и объекта из определенной категории) вероятность пропуска объекта из определенной категории оказывается сопоставимой с условием единичного целевого стимула, т.е. данный эффект не связан с ресурсными ограничениями.

Еще один пример задачи зрительного поиска, в которой целевых стимулов может быть больше одного, – это пропуски при продолжении поиска (ПППП) – снижение успешности нахождения второго целевого стимула после успешного нахождения первого целевого стимула (Козлов, Горбунова, 2019). Данный эффект традиционно связывается с ограничением ресурсов для обработки второго целевого стимула либо с установкой на поиск стимулов, похожих на первый найденный, – как перцептивно, так и категориально. В исследовании с использованием анализа «больших данных», полученных на материале приложения-игры с поиском запрещенных к перевозке предметов, где целевые стимулы могли иметь перцептивное сходство (одинаковый цвет, например два синих объекта) либо категориальное (одинаковая функция или категория, например пистолет и пули), было обнаружено, что категориальное сходство существенно влияет на нахождение

ние второго целевого стимула, в то время как роль перцептивного сходства оказывается не столь значительной при контроле категориального (Mitroff, Biggs, Cain, 2015). Стоит отметить, что эти результаты могут быть связаны с ограничением перцептивного анализа одним признаком – цветом, а также в ряде проб, вероятно, – возможным совместным влиянием перцептивного и категориального сходства, что предполагает необходимость дальнейшего прояснения роли категорий при решении данной задачи (Ланина, Горбунова, 2018).

Роль категорий в формировании действий с объектами

Другим важным направлением исследований категоризации является прояснение связи категоризации и аффордансов – воспринимаемых возможных действий с объектами (Osiurak, Rossetti, Badets, 2017). Исследования категоризации в аффордансах на данный момент не очень многочисленны. Вероятно, это связано с распространенной точкой зрения о том, что низкоуровневые моторные действия должны быть независимы от высокоуровневых процессов категоризации. В то же время в задачах на быструю категоризацию обнаружено, что знание о функциональной части объекта ускоряет ответ о принадлежности нового предмета к определенной категории (Palmeri, Blalock, 2000). Примечательно, что в статье L. Vainio и R. Ellis (2020) рассматриваются свидетельства существования автоматической блокировки активации ответной реакции, инициируемой аффордансами нецелевого объекта. Предполагается, что данный механизм лежит в основе замедления скорости реакции на нерелевантную цель в условиях задачи.

Магистральным направлением исследования аффордансов является изучение эффекта совместимости. В первой работе R. Tucker и M. Ellis (1998), посвященной эффекту совместимости в аффордансах, испытуемым предъявлялись изображения бытовых предметов (нож, чашка, утюг и др.), относительно которых требовалось дать ответ: находится ли предмет в типичном для использования положении или в перевернутом. Для ответа испытуемые нажимали правой или левой рукой на соответствующую кнопку. Обнаружено, что испытуемые давали ответ быстрее в случаях, когда кнопка ответа и ручка предмета находились с одной стороны (совместимые пробы), чем когда ручка указывала в противоположную кнопке ответа сторону (несовместимые пробы). Эти результаты объясняются тем, что с каждым из демонстрируемых предметов тесно связаны репрезентации типичных действий с ними. Такие моторные репрезентации становятся активными при восприятии соответствующих объектов. Поскольку пространственная ориентация объекта – это важная для взаимодействия особенность, активирующаяся репрезентация учитывает эту характеристику, как следствие, активируются комплементарные моторные области (например, если ручка повернута вправо, то происходит активация моторных областей, связанных с правой рукой). То есть если такой моторный код в чем-то соответствует реальному действию, то это реальное действие будет выполнено быстрее.

Однако результаты исследования, в котором напрямую ставился вопрос о связи категориальной репрезентации и эффекта совместимости (Котов, Носов, 2017), не выявили различий в проявлении эффекта совместимости на примерах, имеющих разный категориальный статус в плане типичности / нетипичности для категории.

В серии работ D.N. Bub и M.E.J. Masson (Bub, Masson, 2010; Bub, Masson, Lin, 2013) испытуемые давали ответ на изображение предмета с помощью специфического вида хватательного движения: нажатие кнопки между большим и указательным пальцами либо нажатие кнопки между всеми пальцами и основанием ладони (Ellis, Tucker, 2000). Первый тип движения совместим с маленькими и короткими предметами, второй – с большими и длинными. Результаты их экспериментов также указывают на актуализацию моторного компонента при простом восприятии предметов (без эксплицитной цели совершить с ними действие). S. Triberti, C. Repetto, M. Costantini и соавт. (2016) было проведено исследование, направленное на прояснение роли цели действия в категоризации объектов. Участникам было предложено классифицировать различные объекты с точки зрения эффектора (рука, нога), обычно используемого для воздействия на них. Задание было выполнено до и после учебной сессии, на которой участникам было дано указание либо просто нажать на педаль ногой, либо выполнить те же действия, чтобы направить руку аватара (роботизированная рука), чтобы схватить маленький шарик. Результаты показали, что нажатие на педаль, чтобы схватить мяч, повлияло на то, как участники правильно определили захватываемые предметы как связанные с рукой, что сделало их реакции более неопределенными, чем до тренировки. Простое нажатие на педаль не имело подобного эффекта. Это свидетельствует, что влияние действия на категоризацию объектов может быть связано именно с целями такого действия.

Эффект ориентации состоит в том, что время реакции оказывается меньше, а точность ответов выше, когда стимул появляется в той относительной области пространства, где будет дан ответ, даже если локация абсолютно нерелевантна выполняемой задаче. Существует точка зрения (Lien, Gray, Jardin, Proctor, 2014), что он отражает не потенцированные действия, а некоторые абстрактные моторные коды наподобие тех, что стоят за эффектом Саймона (Simon effect) (Simon, Wolf, 1963). Однако подобная интерпретация сталкивается с серьезными затруднениями. Например, в работе E. Symes, R. Ellis, M. Tucker (2005) варьировала как ориентация предметов, так и их симметрия / асимметрия в зрительном поле (поскольку именно пространственная асимметрия предполагается источником различий во времени реакции с позиции сторонников интерпретации через эффект Саймона). В результате авторы обнаружили влияние обоих факторов. Таким образом, механизмы абстрактного пространственного кода сами по себе не могут объяснить эффект ориентации объекта.

В ряде работ было показано, что для возникновения эффектов совместимости реального действия и подразумеваемого предметом (ориентация,

способ хвата) необходимо, чтобы человек обращал внимание на объект целиком, т.е. обработка информации включала форму предмета (Pellicano, Iani, Borghi, Rubichi, Nicoletti 2010; Vainio, Ellis, Tucker, 2007). Например, было продемонстрировано, что эффекты ориентации не возникают, если перед испытуемым стоит задача опознания цвета предмета (Tipper, Paul, Hayes, 2006). Однако этот эффект возникает, если при задаче опознания цвета совершается не простое нажатие кнопки, а более сложное хватательное движение (Bub, Masson, 2010). На то, что эффект ориентации объекта связан именно с устойчивым моторным компонентом репрезентации объекта, указывают также результаты работы S.P. Tipper и соавт. (2006). Авторы обнаружили, что эффект ориентации увеличивается в случаях, когда предмет на изображении (дверная ручка) находится в «активном» состоянии, т.е. как если бы предмет используется (ручка находится в нажатом состоянии, в процессе движения).

В недавнем исследовании F. Da Silva, T. Camus, D. Brouill и соавт. (2021) изучалась роль аффордансов в категоризации неоднозначных стимулов, т.е. таких стимулов, которые могут вызывать два перцептивных образа (кухонный и садовый инструмент). Авторы предполагают, что аффорданс может выполнять функцию «стабилизации» восприятия, тем самым помогая последующей категоризации. Под неоднозначностью стимулов авторы подразумевают изображение объекта, когда он обладает свойствами сразу двух категорий (кухонные и садовые инструменты – такие изображение создаются самими авторами), а совместимость / несовместимость операционализировалась как положение потенциально захватываемой части на одной стороне с рукой, которой отвечает испытуемый. По результатам экспериментов испытуемые воспринимали исходный объект в неоднозначном виде дольше и демонстрировали большую стабильность ответа в совместимых, нежели в несовместимых ситуациях. Важно, что в ситуации совместимости чаще наблюдалась тенденция категоризовать неоднозначный объект исходя из предшествующего изображения. Таким образом, данное исследование еще раз подчеркивает роль эффекта совместимости при категоризации объекта, а также, интерпретируя результаты эксперимента, авторы заключают, что аффорданс может принимать участие в стабилизации воспринимаемого изображения с дальнейшим уменьшением неопределенности для принятия решения о принадлежности к той или иной категории.

«Поведение взгляда» и категоризация

Смежным направлением в исследованиях связи категоризации, восприятия и аффордансов является изучение «поведения взгляда» (того, как мы смотрим на объекты) по отношению к действию, которое дает видимый объект, и того, как действительные двигательные возможности влияют на это поведение. В исследовании E. Ambrosini, M. Costantini (2017) записывали движения глаз участников во время наблюдения за постижимыми /

потенциально захватываемыми и непостижимыми / потенциально недоступными для захвата предметами, когда их руки свободно лежали на столе или были связаны за спиной. Эффекты наблюдаемого объекта (объекты представлены с точки зрения действия, которое они предоставляют) и влияние положения руки на «поведение взгляда» были измерены путем сравнения фактического распределения фиксации с тем, которое было предсказано двумя широко поддерживаемыми моделями зрительного внимания, а именно моделью визуальной значимости на основе графиков (Graph-Based Visual Saliency model) и моделью адаптивного отбеливания (Adaptive Whitening Saliency model). Согласно полученным результатам, указанные модели не позволяют точно предсказать распределение фиксации участников для инструментов. Участники в основном фиксировали свой взгляд на функциональной части инструментов (т.е. связанной с действием) независимо от их визуальной значимости, при этом в условиях ограничения возможности действий участников (когда руки были связаны) был получен результат значительного снижения эффекта наблюдаемого объекта.

Еще один пример изучения «поведения взгляда» представлен в исследовании G.J. Zelinsky, Y. Peng и D. Samaras (2013). В рамках данной работы изучалась возможность опознать цель человека в зрительном поиске по паттерну фиксации взгляда во время поиска. Две группы участников искали или плюшевого мишку, или бабочку среди случайных дистракторов, каждый из которых был оценен как высокий, средний или низкий по сходству с целевым объектом. Затем другие участники просматривали записанные траектории поиска, наложенные на отсутствующие цели, и пытались расшифровать целевую категорию (медведь / бабочка), которую искал другой человек. В результате испытуемые, чьей задачей было определить, объект какой категории искали другие участники, достаточно успешно справлялись с этой задачей (средняя точность составила 89%). Авторы заключают, что информация о цели поиска человека существует в «поведении взгляда» и эта информация может быть поведенчески расшифрована, чтобы выявить цель этого поиска.

Выводы

1. В современной психологии наблюдается тенденция к уходу от взглядов на высокоуровневые процессы категоризации как изолированные от перцептивных и моторных компонентов деятельности, в частности изучение роли категоризации в перцептивных процессах и формировании действий.

2. Одним из ключевых примеров влияния категоризации на другие когнитивные процессы является эффект преимущества категорий базового уровня, когда при принятии решения о том, относится ли заданный стимул к определенной категории, ответ дается быстрее, если категория дана на базовом уровне, по сравнению с суперординатным и субординатным уровнями.

3. На данный момент появляется все больше эмпирических фактов и теоретических объяснений влияния категоризации на хорошо известные перцептивные феномены и реализацию моторных программ. В частности, принадлежность объекта к определенной категории влияет на эффективность зрительного поиска, а также на возникновение перцептивных ошибок.

4. Другим важным направлением исследований категоризации является проявление связи категоризации и аффордансов – воспринимаемых возможных действий с объектами. Преимущественно данные исследования рассматривают роль категоризации в возникновении эффектов совместности и ориентации.

Наконец, комплексное изучение связи категоризации, восприятия и аффордансов происходит в исследованиях «поведения взгляда» по отношению к действию, которое дает видимый объект.

Литература

- Козлов, К. С., Горбунова, Е. С. (2019). Загрузка объектной рабочей памяти и перцептивное сходство при решении задач зрительного поиска множественных стимулов. *Экспериментальная психология*, 12(3), 119–134. doi: 10.17759/exppsy.2019120309
- Королькова, О. А. (2013). Эффект категориальности восприятия: основные подходы и психофизические модели. *Экспериментальная психология*, 6(1), 61–75.
- Котов, А., Носов, А. (2017). Аффордансы и категории: одинаков ли эффект совместности по отношению к объектам с разным категориальным статусом? *Российский журнал когнитивной науки*, 4(2-3), 39–48.
- Ланина, А. А., Горбунова, Е. С. (2018). Роль категориальной идентичности стимулов в возникновении эффекта «пропусков при продолжении поиска». *Экспериментальная психология*, 11(3), 51–62. doi: 10.17759/exppsy.2018110304

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 28.09.2020 г.; повторно 01.07.2021 г.;
принята 08.10.2021 г.

Ануфриева Анастасия Анатольевна – стажер-исследователь лаборатории когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: aanufrieva@hse.ru

Дагаев Николай Игоревич – младший научный сотрудник лаборатории когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: ndagaev@hse.ru

Горбунова Елена Сергеевна – заведующий лабораторией когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

E-mail: gorbunovaes@gmail.com

For citation: Anufrieva, A. A., Dagaev, N. I., Gorbunova, E. S. (2022). Categorization as a Universal Process: the Role of Categories in Perceptual Processes and Formation of Actions. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 6–19. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/1

Categorization as a Universal Process: the Role of Categories in Perceptual Processes and Formation of Actions¹

A.A. Anufrieva¹, N.I. Dagaev¹, E.S. Gorbunova¹

¹ *HSE University, 20, Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract

This article is intended to highlight the existing theoretical concepts and empirical data on the role played by different levels of categories in the processes of perception and formation of actions with a person. In this context, we consider several topics, such as: the superiority of base-level categories, the phenomenon of incidental findings, the effects of compatibility and orientation, the role of goals in actions regarding categorization of objects, and some other topics. One of the **key examples** of the influence of categorization on other cognitive processes is the effect of the superiority of categories of the base level: when deciding whether a given stimulus belongs to a certain category, the answer is faster if the category belongs to the base level compared to superordinate and subordinate. One of the **main areas** of study of the effect of the advantages of categories of the basic level is the study of the role of this effect in perceptual tasks. One of these tasks is the visual search – the search for target stimuli among distractors. One of these is a guided search – directing attention to certain objects. There are modifications of the visual search - search collection and hybrid search. The belonging of an object to a certain category affects the efficiency of the visual search, as well as the occurrence of perceptual errors. Another important area of study of categorization is to elucidate the relationship between categorization and affordances – perceived possible actions with other objects. Most of these studies focus on the role of categorization in generating compatibility and orientation effects. **Finally**, this comprehensive study of the relationship between categorization, perception, and affordances mostly occurs as “gaze behavior” in relation to the action that creates clarity in visible objects.

Keywords: categorization; affordance; visual search; hybrid search; compatibility effect; incidental findings, action formation, the effect of the superiority of categories of the base level

References

- Ambrosini, E., & Costantini, M. (2017). Body posture differentially impacts on visual attention towards tool, graspable, and non-graspable objects. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 43(2), 360–370. doi: 10.1037/xhp0000330
- Bub, D. N. & Masson, M. E. J. (2010). Grasping beer mugs: On the dynamics of alignment effects induced by handled objects. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 36(2), 341–358. doi: 10.1037/a0017606
- Bub, D. N., Masson, M. E. J. & Lin, T. (2013). Features of planned hand actions influence identification of graspable objects. *Psychological Science*, 24(7), 1269–1276. doi: 10.1177/0956797612472909
- Corter, J. E., & Gluck, M. A. (1992). Explaining basic categories: Feature predictability and information. *Psychological Bulletin*, 111(2), 291–303. doi:10.1037/0033-2909.111.2.291
- Cunningham, C. A., & Wolfe, J. M. (2014). The role of object categories in hybrid visual and memory search. *Journal of Experimental Psychology: General*, 143(4), 1585–1599. doi: 10.1037/a0036313

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation, project № 20-78-10055.

- Da Silva, F., Camus, T., Brouillet, D., Jimenez, M., Viglieno, E., & Brunel, L. (2021). Is a letterbox always a letterbox? The role of affordances in guiding perceptual categorization. *Psychological Research*, 85, 1673–1684. doi: 10.1007/s00426-020-01328-x
- Drew, T., Boettcher, S. E. P., & Wolfe, J. M. (2017). One visual search, many memory searches: An eye-tracking investigation of hybrid search. *Journal of Vision*, 17(11), 1–10. doi: 10.1167/17.11.5
- Ellis, R., & Tucker, M. (2000). Micro-affordance: The potentiation of components of action by seen objects. *British Journal of Psychology*, 91(4), 451–471. doi: 10.1348/000712600161934
- Hoffmann, J., Denis, M., & Ziessler, M. (1983). Figurative features and the construction of visual images. *Psychological Research*, 45(1), 39–54. doi: 10.1007/BF00309350
- Jolicoeur, P., Gluck, M. A., & Kosslyn, S. M. (1984). Pictures and names: Making the connection. *Cognitive Psychology*, 16(2), 243–275. doi: 10.1016/0010-0285(84)90009-4
- Korolkova, O. A. (2013). The effect of categoricity of perception: the main approaches and psychophysical models. *Экспериментальная психология – Experimental Psychology*, 6(1), 61–75.
- Kotov, A., & Nosov, A. (2017). Affordances and Categories: Is the Compatibility Effect the Same for Objects with Different Categorical Status? *Rossiyskiy zhurnal kognitivnoy nauki – The Russian Journal of Cognitive Science*, 4(2-3), 39–48.
- Kozlov, K. S., & Gorbunova, E. S. (2019). Object working memory load and perceptual similarity in visual search for multiple targets. *Экспериментальная психология – Experimental Psychology*, 12(3), 119–134. doi: 10.17759/exppsy.2019120309
- Lanina, A. A., & Gorbunova, E. S. (2018). Stimuli similarity in subsequent search misses. *Экспериментальная психология – Experimental Psychology*, 11(3), 51–62. doi: 10.17759/exppsy.2018110304
- Lien, M. C., Gray, D., Jardin, E., & Proctor, R. W. (2014). Further evidence that object-based correspondence effects are primarily modulated by object location not by grasping affordance. *Journal of Cognitive Psychology*, 26(6), 679–698. doi: 10.1080/20445911.2014.940959
- Maxfield, J. T., Stalder, W. D., & Zelinsky, G. J. (2014). Effects of target typicality on categorical search. *Journal of Vision*, 14(12-1), 1–11. doi: 10.1167/14.12.1
- Maxfield, J. T., & Zelinsky, G. J. (2012). Searching through the hierarchy: How level of target categorization affects visual search. *Visual Cognition*, 20(10), 1153–1163. doi: 10.1080/13506285.2012.735718
- Mitroff, S. R., Biggs, A. T., & Cain, M. S. (2015). Multiple-target visual search errors: overview and implications for airport security. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, 2(1), 121–128. doi: 10.1177/2372732215601111
- Murphy, G. L., & Smith, E. E. (1982). Basic-level superiority in picture categorization. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 21(1), 1–20. doi: 10.1016/S0022-5371(82)90412-1
- Nordfang, M., & Wolfe, J. M. (2018). Guided search through memory. *Visual Cognition*, 26(4), 285–298. doi: 10.1080/13506285.2018.1439851
- Osiurak, F., Rossetti, Y., & Badets, A. (2017). What is an affordance? 40 years later. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 77, 403–417. doi: 10.1016/j.neubiorev.2017.04.014
- Palmer, T. J., & Blalock, C. (2000). The role of background knowledge in speeded perceptual categorization. *Cognition*, 77(2), B45–B57. doi: 10.1016/S0010-0277(00)00100-1
- Pellicano, A., Iani, C., Borghi, A. M., Rubichi, S., & Nicoletti, R. (2010). Simon-like and functional affordance effects with tools: The effects of object perceptual discrimination and object action state. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 63(11), 2190–2201. doi: 10.1080/17470218.2010.486903
- Rosch, E., & Mervis, C. B. (1975). Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. *Cognitive Psychology*, 7(4), 573–605. doi: 10.1016/0010-0285(75)90024-9
- Rosch, E., Mervis, C. B., Gray, W. D., Johnson, D. M., & Boyes-Braem, P. (1976). Basic objects in natural categories. *Cognitive psychology*, 8(3), 382–439. doi: 10.1016/0010-0285(76)90013-X

- Simon, J. R., & Wolf, J. D. (1963). Choice reaction time as a function of angular stimulus-response correspondence and age. *Ergonomics*, 6(1), 99–105. doi: 10.1080/00140136308930679
- Symes, E., Ellis, R., & Tucker, M. (2005). Dissociating object-based and space-based affordances. *Visual Cognition*, 12(7), 1337–1361. doi: 10.1080/13506280444000445
- Tipper, S. P., Paul, M. A., & Hayes, A. E. (2006). Vision-for-action: The effects of object property discrimination and action state on affordance compatibility effects. *Psychonomic Bulletin & Review*, 13(3), 493–498. doi: 10.3758/BF03193875
- Triberti, S., Repetto, C., Costantini, M., Riva, G., & Sinnigaglia, C. (2016). Press to grasp: how action dynamics shape object categorization. *Experimental Brain Research*, 234, 799–806. doi: 10.1007/s00221-015-4446-y
- Tucker, M., & Ellis, R. (1998). On the relations between seen objects and components of potential actions. *Journal of Experimental Psychology: Human perception and performance*, 24(3), 830–846. doi: 10.1037/0096-1523.24.3.830
- Vainio, L., & Ellis, R. (2020). Action inhibition and affordances associated with a non-target object: An integrative review. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 112, 487–502. doi: 10.1016/j.neubiorev.2020.02.029
- Vainio, L., Ellis, R., & Tucker, M. (2007). The role of visual attention in action priming. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 60(2), 241–261. doi: 10.1080/17470210600625149
- Wolfe, J. M., Cain, M. S., & Aizenman, A. M. (2019). Guidance and selection history in hybrid foraging visual search. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 81(3), 637–653. doi: 10.3758/s13414-018-01649-5
- Wolfe, J. M., Soce, A. A., & Schill, H. (2017). How did I miss that? Developing mixed hybrid visual search as a ‘model system’ for incidental finding errors in radiology. *Cognitive Research Principles and Implications*, 2(1). doi: 10.1186/s41235-017-0072-5
- Yu, C. P., Maxfield, J. T., & Zelinsky, G. J. (2016). Searching for category-consistent features: A computational approach to understanding visual category representation. *Psychological Science*, 27(6), 870–884. doi: 10.1177/0956797616640237
- Zelinsky, G. J., Peng, Y., & Samaras, D. (2013). Eye can read your mind: Decoding gaze fixations to reveal categorical search targets. *Journal of Vision*, 13(14):10, 1–13. doi: 10.1167/13.14.10

Received 28.09.2020; Revised 01.07.2021;

Accepted 08.10.2021

Anastasia A. Anufrieva – Research Assistant, Laboratory for Cognitive Psychology of Digital Interfaces Users, HSE University.

E-mail: aanufrieva@hse.ru

Nikolay I. Dagaev – Junior Research Fellow, Laboratory for Cognitive Psychology of Digital Interfaces Users, HSE University.

E-mail: ndagaev@hse.ru

Elena S. Gorbunova – Head of Laboratory, Laboratory for Cognitive Psychology of Digital Interfaces Users, HSE University, PhD in Psychology.

E-mail: gorbunovaes@gmail.com

УДК 159.9.072

ПОВСЕДНЕВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРОСТКОВ В СМЕШАННОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ И МНОГОЗАДАЧНОСТЬ¹

Г.У. Солдатов¹, С.В. Чигарькова¹, А.Г. Кошечкина¹, Е.Ю. Никонова¹

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9*

Резюме

Работа посвящена изучению повседневной активности подростков в офлайн, онлайн и смешанной реальности посредством дневникового метода. В исследовании приняли участие 125 подростков в возрасте от 14 до 18 лет. На первом этапе исследование проводилось с помощью онлайн-сервиса Google forms, на втором – с помощью чат-бота в Telegram. Полученные результаты подтверждают данные о высоком уровне пользовательской активности подростков. Выявлена значительная недооценка подростками своего уровня пользовательской активности – в среднем до трети от предполагаемого ими времени. Отмечается изменение в образе мира: более трети подростков, участвовавших в исследовании, ощущают себя живущими в смешанной реальности. При этом такое представление характерно для подростков с более высокой пользовательской активностью, в первую очередь гиперподключенных. Подавляющее большинство подростков субъективно определяют себя как многозадачников, при этом достаточно высоко оценивая свою эффективность в таком формате. Совмещение различных видов активности оказывается характерным для подростков с более высокой пользовательской активностью, особенно для гиперподключенных, которые используют многозадачный формат деятельности интенсивнее. Выявлена динамика его использования: по сравнению с пиком многозадачной активности в будни, когда подростки совмещают учебу с поиском дополнительной информации и другой познавательной деятельностью, а также общением, в выходные наблюдается спад многозадачной активности, за исключением вечерних часов. В этом контексте многозадачность можно рассматривать как инструмент адаптации к сложности и разнообразию современного мира. Характер совмещения онлайн- и офлайн-активностей схож с совмещением онлайн-активностей: в будние дни по утрам учеба совмещается либо с коммуникативной, либо с поисково-познавательной деятельностью, в вечернее же время подростки совмещают выполнение бытовых дел с коммуникативной, развлекательной или поисково-познавательной деятельностью онлайн. Таким образом, высокая пользовательская активность и многозадачность выступают одними из атрибутов жителя смешанной реальности, а цифровая активность не вытесняет привычные социальные практики, характерные для данного возраста, а дополняет и, вероятно, усиливает возможности удовлетворения потребностей подростков, в первую очередь в коммуникации и познавательной деятельности.

Ключевые слова: повседневная деятельность; многозадачность; медиамногозадачность; пользовательская активность; смешанная реальность; подростки; дневник

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-14181.

Введение

Современный образ жизни сложно представить без взаимодействия с цифровыми технологиями. На сегодняшний день появляется новая тенденция в исследованиях – рассматривать онлайн и офлайн не как отдельные реальности, или онлайн как еще одну реальность, которая является расширением / дополнением к обычной, а как единое инфокоммуникационное пространство, в котором онлайн и офлайн сложным образом переплетаются и объединяются в повседневной жизни человека. Интенсивное использование цифровых устройств особенно характерно для представителей подрастающего поколения, зачастую не только опережающих взрослых по уровню погруженности в цифровую среду, но и начинающих все с более раннего возраста жить в формате смешанной реальности (Солдатова, Рассказова, 2020). С позиции культурно-исторической психологии такая связь традиционной и цифровой социализации порождает уникальную ситуацию развития ребенка, не имеющую аналогов в истории и детерминирующую возникновение новых активностей, феноменов и эффектов в жизни человека. В данной работе мы хотели бы остановиться на двух новых форматах деятельности – пользовательской интернет-активности, в том числе гиперподключенности, и медиамногозначности (ММЗ), к изучению которых все чаще обращаются исследователи. Именно такого рода активности не только являются важными особенностями цифровой социализации, но и определяют переход человека в смешанную реальность (Солдатова, Войскунский, 2021).

Пользовательская активность может быть отражена в показателях экранного времени – количестве часов, проведенных перед экранами мониторов и смартфонов. Под гиперподключенностью в данном случае понимается уровень пользовательской активности, характеризующийся таким взаимодействием с цифровыми устройствами, в первую очередь персонализированными, когда в период бодрствования время в сети начинает соответствовать времени без экранов компьютеров. Гиперподключенность как один из важнейших эффектов проникновения инфокоммуникационных технологий в повседневную жизнь вносит вклад в ряд трансформаций устройства современного мира: стирает границы между человеком, технологиями и природой; определяет переход от информационного дефицита к информационному изобилию, от примата отдельных вещей, свойств и бинарных отношений к главенству взаимодействий, процессов и сетевых отношений (Ottrel-Cass, 2019; Floridi, 2015). Использование цифровых устройств не только оказывает влияние на различные практики взаимодействия с другими и с реальностью в целом, но и меняет представления человека о себе и его картину мира (Солдатова, 2018; Floridi, 2015). В этом контексте предложенная П. Милгрэмом и Ф. Кишино еще три десятилетия назад концепция смешанной реальности как континуума продолжает быть основой для понимания соотношения реальности и виртуальности (Milgram, Kishino, 1994), хотя и дополняется новыми подходами (Speicher, Hall, Nebeling, 2019). Тем не менее рассмотрение концепции реальности в современном мире

невозможно без анализа отношения к смешанной реальности, понимаемого как субъективное восприятие и переживание человеком того, в какой степени он чувствует себя живущим онлайн, офлайн или совмещающим эти два мира (Солдатова, Рассказова, 2020). Такие серьезные изменения требуют тщательного и глубокого осмысления, особенно в контексте понимания нового поколения, родившегося и выросшего в эпоху интенсивной цифровизации, формирующегося в рамках новой картины мира.

Возрастание разнообразия, сложности мира, ускорение темпов жизни в разных сферах, опосредованные активным внедрением цифровых технологий в повседневность, требуют адаптации к такому социокультурному пространству, в том числе за счет все более распространяющегося формата многозадачности. Особую роль в такой ситуации играет медиамногозадачность, понимаемая большинством исследователей как совмещение различных онлайн-активностей или совмещение офлайн- и онлайн-активностей (Baumgartner, van der Schuur, Lemmens, te Poel, 2018; Hwang, Jeong, 2018; May, Elder, 2018; Uncapher, Wagner, 2018). Эмпирические исследования показывают, что данный формат деятельности становится все более широко используемым среди подростков, при этом его эффективность остается достаточно низкой (Baumgartner et al., 2018; Солдатова, Чигарькова, Дренева, Кошечкина, 2020; Cain, Leonard, Gabrieli, Finn, 2016; van der Schuur et al., 2018; Yang, Zhu, 2016). Изучение особенностей совмещения различных деятельностей в повседневной жизни является сложным и с точки зрения используемых методов исследования. Одним из методов, позволяющим, на наш взгляд, оценить как особенности пользовательской активности и гиперподключенности, так и различные аспекты ММЗ в повседневной жизни, представляется дневниковый метод, в том числе его новый вариант – медиадневник.

Медиадневник – обобщающий термин для широкого спектра методов сбора информации о том, как люди используют цифровые устройства, дающие доступ к медиа, и как с ними работают (Berg, 2019). Использование цифровых устройств – неотъемлемая часть повседневности, и зачастую сам факт их применения забывается или вовсе не осознается (Mitchell, Macklin, Rahman, 2007). Это осложняет процедуру заполнения опросных методик, так как респондентам становится трудно постфактум точно оценить поведение с точки зрения своей пользовательской активности или многозадачности (Brasel, Gips, 2011; Papper, Holmes, Popovich, Bloxham, 2004). Дневник в этом случае – более точный метод, поскольку момент фиксации данных теснее связан с фактическим использованием цифровых устройств (Papper et al., 2004), в то время как опросы являются отсроченной оценкой использования гаджетов. Таким образом, исследователи отмечают большую точность дневникового метода для измерения количества времени, которое дети проводят с цифровыми устройствами (Scantlin, 2008).

Медиадневники также позволяют исследовать цифровую грамотность (Berg, 2019). На основании эмпирических данных, полученных в ходе такого исследования, могут быть разработаны соответствующие образовательные программы. В таком ракурсе растет потребность в понимании

жизненного мира детей и подростков, который все больше и больше пронизывается различными формами цифровой коммуникации. В данной области медиадневники оказались полезным методом получения доступа к повседневному цифровому опыту детей и подростков (Королева, 2016; Солдатова, Рассказова, Илюхина, 2019).

Использование дневника в качестве методического инструментария не очень распространено в исследованиях ММЗ (Czerwinski et al., 2004; Voorveld & Van der Goot, 2013). Однако существует ряд работ, в которых для сбора данных использовались приемы, основанные на дневниковом методе (Papper et al., 2004; Czerwinski, Horvitz, Wilhite, 2004; Voorveld, Van der Goot, 2013; Jeong et al., 2010; Kirchberg, 2015; Lindström, 2020). Время, в течение которого ведется дневник, варьирует от одного дня до месяца, а подходы к пониманию ММЗ в разных исследованиях отличаются.

Несмотря на преимущества метода дневникового исследования, ведение дневника – процесс весьма энергозатратный, что может сказываться на естественном ходе повседневной деятельности респондентов (Czerwinski et al., 2004). Также участники исследования могут просто забыть зафиксировать одновременное использование различных медиа потому, что не всегда осознают сам факт такой активности (Ibid.).

Цель данной работы – исследование посредством дневникового метода повседневной активности подростков в офлайн, онлайн и смешанной реальности. Основные задачи: анализ пользовательской активности, а также сравнение объективных и субъективных оценок повседневной онлайн-активности; исследование особенностей использования цифровых устройств в повседневной активности подростка; анализ специфики ММЗ в повседневной деятельности подростков; оценка субъективной эффективности и удовлетворенности от использования стратегии многозадачности в повседневной деятельности; анализ специфики повседневной активности и степени многозадачности у гиперподключенных подростков.

Методы

Выборка. В исследовании приняли участие 125 подростков в возрасте от 14 до 18 лет ($M = 16,4$; $SD = 0,98$): 62% девушек и 38% юношей, учащиеся 8–11-х классов московских школ и студенты 1–2-го курса московского колледжа. Для большинства респондентов характерна высокая успеваемость: 16% учатся только на «отлично», 60% – на «отлично» и «хорошо», у 23% – средняя успеваемость (в основном «3» и «4», но бывают и «5»), у 1% – плохая.

Сбор данных осуществлялся в два этапа: в 2020 г. в исследовании приняли участие 67 человек (42 девушки, 25 юношей); в 2021 г. – 58 человек (30 девушек, 28 юношей).

Процедура и методы исследования. На первом этапе исследование проводилось с помощью онлайн-сервиса Google forms. В основу исследования легла модификация дневникового метода, апробированная в 2019 г. (Солдатова и др., 2019) и скорректированная на основе полученных ре-

зультатов. Опросник включал: общие вопросы, посвященные пользовательской активности (время в Интернете в будни / выходные, используемые цифровые устройства, доступ в Интернет), восприятию смешанной реальности, самооценке предпочтения многозадачности и ее успешности, а также успеваемости; дневник для фиксации деятельности подростка на протяжении каждых двух часов, а также оценку использования цифровых устройств, осуществления различных видов офлайн- и онлайн-активности, предпочтения многозадачной стратегии онлайн и офлайн, удовлетворенности от выбранной стратегии, оценку настроения за данный промежуток времени. Заключительный блок опросника направлен на оценку качества сна и использования цифровых устройств в ночное время. Респонденты заполняли дневник на протяжении одного буднего и одного выходного дня по восьми временным периодам: с 8:00 до 22:00 с интервалом в 2 часа и в период после 22:00 до времени отхода ко сну.

Второй этап дневникового исследования осуществлялся с помощью чат-бота в Telegram. В его основу легли вопросы 2020 г. Респонденты также заполняли вступительную анкету в первый день с общим блоком вопросов, предложенных на первом этапе. После вступительной анкеты начиналась дневниковая часть исследования: респонденты в течение 4 дней (2 будних и 2 выходных) отвечали боту на вопросы о своей повседневной активности (онлайн и офлайн). Вопросы приходили на смартфон каждые 2 часа с 8:00 до 22:00. К дневниковой части был добавлен вопрос о совмещении нескольких дел онлайн и офлайн, позволяющий оценить осуществление деятельности в смешанной реальности, а по утрам приходил блок вопросов, связанных с оценкой качества сна, использования цифровых устройств в ночное время, а также вопрос о количестве часов, проведенных в предыдущий день со смартфоном. По окончании исследования респонденты присылали скриншоты из приложения «Экранное время», позволяющие объективно оценить реальное количество часов, проведенных за смартфоном, а также количество разблокировок смартфона.

Отсутствие значимых различий по показателям субъективной пользовательской активности и многозадачности ($p > 0,05$) позволило анализировать выборки 2020 и 2021 гг. как целостную выборку. Данные выборки сравнивались как независимые только по показателю ММЗ, который был получен на основании анализа ответов о совмещении нескольких дел по каждому двухчасовому интервалу.

Полученные в ходе дневникового исследования описания активностей в течение дня были проанализированы с помощью тематического анализа с обсуждением и согласованием выделенных категорий группой экспертов. Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 23.0.

Результаты исследования

Пользовательская активность. Предпочитаемые цифровые устройства. Для выхода в Интернет подавляющее большинство подростков (82%)

предпочитают смартфон, 14% – свой компьютер или ноутбук. Практически каждый третий подросток (30%) держит смартфон под рукой и во время сна, у двух третей (68%) гаджет находится в комнате, и только 3 человека сообщили, что оставляют его в другой комнате во время сна.

Распределение по группам пользовательской активности на основании самооценки. Для сравнительного анализа выборка была разделена на группы по пользовательской активности в зависимости от количества часов, проведенных с цифровым устройством: в среднем до 1 часа в день – низкая пользовательская активность (1,6% подростков по будням; 2,4% – по выходным), 2–4 часа в день – умеренная (41,6% подростков по будням; 21,6% – по выходным), 5–7 часов в день – высокая (40,8% подростков по будням; 44% – по выходным), более 8 часов в день – гиперподключенность (16% подростков по будням; 32% – по выходным).

Пользовательская активность: объективные и субъективные показатели. Результаты самооценки пользовательской активности сравнивались с объективными показателями экранного времени у участников исследования 2021 г. Выборка для проведения сравнительного анализа состояла из 50 респондентов (8 респондентов отказались предоставлять свои данные). В исследовании 2021 г. использовался дополнительный вопрос на самооценку пользовательской активности именно в отношении смартфона – «Сколько времени в среднем Вы используете смартфон в будни (выходные)?» – для правомерного сравнения с объективными показателями экранного времени, полученными из приложения на смартфоне респондента. Такой подход для сравнения обоснован использованием смартфона как наиболее распространенного среди подростков цифрового устройства, что подтверждается полученными результатами, а также с технической точки зрения наиболее точными возможностями измерения экранного времени именно приложениями на смартфонах.

Различия между самооценкой и объективной оценкой экранного времени являются значимыми как по будням ($t = -6,230$; $df = 49$; $p < 0,001$), так и по выходным дням ($t = -3,714$; $df = 49$; $p = 0,001$). И в том и другом случае субъективные представления респондентов занижены по сравнению с объективными данными экранного времени. Так, в будние дни средняя субъективная оценка экранного времени составляет 4,6 ч, в то время как объективная – 7 ч (т.е. подростки недооценивают примерно треть от проведенного со смартфоном времени); по выходным средняя субъективная оценка экранного времени составляет 5,2 ч, объективная – 6,5 ч. Адекватно оценил свое экранное время (разница между субъективными и объективными оценками составила менее 1 ч) практически каждый четвертый подросток (22%) как в будние, так и в выходные дни, хотя важно отметить, что лишь в трех случаях это одни и те же подростки.

Для иллюстрации данного результата выборка была разделена на группы по пользовательской активности (табл. 1).

Как показывает сравнение, подростки недооценивают время, проведенное со смартфоном: 6,9% ответили, что используют смартфон менее 1 ч

в день, хотя по объективным показателям никто из подростков не проводит со смартфоном так мало времени.

Таблица 1

Сравнение распределения по группам пользовательской активности на основании самоотчетной методики и объективных показателей экранного времени

Пользовательская активность	Будние дни		Выходные дни	
	Субъективная оценка	Объективная оценка	Субъективная оценка	Объективная оценка
Низкая (до 1 ч)	6,9%	0%	12,1%	0%
Умеренная (2–4 ч)	41,4%	12%	27,6%	20%
Высокая (5–7 ч)	43,1%	42%	39,7%	40%
Гиперподключенность (более 8 ч)	8,6%	46%	20,7%	40%

Также подростки редко оценивают себя как гиперподключенных (8,6%), хотя на основании объективных показателей к гиперподключенным относится практически каждый второй (46%). Объективно гиперподключенными оказываются подростки, относящиеся по субъективной оценке к пользователям с умеренной и высокой активностью. Схожая картина наблюдается и в оценке пользовательской активности по выходным.

Ощущение смешанной реальности. Практически две трети подростков (62,4%) сообщили, что в той или иной степени разделяют реальный и виртуальный миры (учитывались следующие ответы: «реальный и виртуальный миры для меня не пересекаются» (4,8%), «живу в основном в виртуальном мире» (4,8%), «живу в основном в реальном мире» (52,8%)). Более трети (36,8%) полагают, что живут в смешанной реальности (учитывались следующие ответы: «переключаюсь между этими мирами в зависимости от времени и задачи» (27,2%), «не вижу разницы между реальным и виртуальным, для меня это одно и то же» (1,6%), «живу в равной мере в обоих мирах» (8%)).

Таблица 2

Ощущение смешанной реальности в зависимости от уровня пользовательской активности по выходным дням на основании самооценки и объективных показателей экранного времени смартфона

Пользовательская активность	Самооценка экранного времени		Объективные показатели экранного времени	
	Разделяющие реальный и виртуальный миры	Живущие в смешанной реальности	Разделяющие реальный и виртуальный миры	Живущие в смешанной реальности
Низкая (до 1 ч)	33,3%	66,7%	–	–
Средняя (2–4 ч)	81,5%	18,5%	83,3%	16,7%
Высокая (5–7 ч)	65,5%	34,5%	95,2%	4,8%
Гиперподключенность (более 8 ч)	47,5%	52,5%	65,2%	34,8%

Ощущение смешанной реальности и пользовательская активность. При анализе на основании самооценки по критерию ощущения смешанной реальности были обнаружены значимые различия у подростков с разной пользовательской активностью по выходным дням ($\chi^2 = 0,274$; $df = 3$; $p = 0,026$).

Также обнаружены значимые различия в ощущении смешанной реальности по объективному экранному времени смартфона по будням между группами с разной пользовательской активностью ($\chi^2 = 6,231$; $df = 3$; $p = 0,044$). Чаще других смешанную реальность ощущают гиперподключенные (34,8%), хотя в целом по выборке подростки, особенно те, у кого оказался высокий уровень пользовательской активности, в основном разделяют жизнь на реальный и виртуальный миры (табл. 2). Схожие различия на уровне тенденции были получены и по группам пользовательской активности по выходным дням ($\chi^2 = 4,688$; $df = 2$; $p = 0,096$).

Предпочтение многозадачного формата деятельности. Среди подростков только каждый десятый предпочитает делать только одно дело. Подавляющее большинство с разной степенью интенсивности совмещают выполнение нескольких дел: 8% – всегда, 46% – часто, 36% – иногда.

Более трети подростков (37%) считают, что успешно справляются с данным форматом, более половины (57%) полагают, что лишь часть дел им удастся выполнять успешно в формате многозадачности, и лишь 4% думают, что им не удастся успешно справляться с выполнением нескольких дел одновременно (2% отметили, что предпочитают выполнять только одно дело).

Объективным показателем распространенности среди подростков многозадачного формата деятельности может выступать время одного сеанса на смартфоне (экранное время за день делится на количество разблокировок смартфона). Вследствие большого разброса показателей (от 1,6 до 61 мин по будням и от 0,9 до 19,4 мин по выходным) в данном случае представляется более целесообразным рассматривать медианное время сеанса. Оно составило 3,5 мин в будний и 4,5 мин в выходной день. Среднее количество разблокировок смартфона составило 115 по будням и 113 по выходным.

Многозадачность и пользовательская активность. Были выявлены значимые на уровне тенденции различия по предпочтению многозадачного режима у респондентов с разным уровнем пользовательской активности по выходным дням на основании самооценки ($\chi^2 = 16,054$; $df = 9$; $p = 0,066$). При делении выборки на две группы (многозадачники и однозадачники) различия выделяются более ярко ($\chi^2 = 11,739$; $df = 3$; $p = 0,008$). Наибольший процент многозадачников оказался в группе с высокой пользовательской активностью (96,4%) и среди гиперподключенных (92,5%). При этом среди гиперподключенных наибольший процент тех, кто считает, что всегда (10%) или часто (57,5%) совмещает выполнение нескольких дел (табл. 3).

Многозадачность и уровень пользовательской активности по самооценке экранного времени смартфона. Выявлены значимые различия по предпочтению формата многозадачности у подростков с разным уровнем использования смартфона в будни (по данным самооценки; $\chi^2 = 20,130$;

$df = 3$; $p = 0,017$). Среди подростков с низкой пользовательской активностью лишь четверть считает, что часто делает несколько дел одновременно.

Таблица 3

Количество многозадачников и однозадачников среди подростков с разным уровнем пользовательской активности по выходным дням (самооценка)

Пользовательская активность	Многозадачники			Однозадачники
	Всегда	Часто	Иногда	Предпочитаю делать только одно дело
Низкая (до 1 ч)	0%	33,3%	33,3%	33,3%
Умеренная (2–4 ч)	7,4%	33,3%	33,3%	25,9%
Высокая (5–7 ч)	7,3%	43,6%	45,5%	3,6%
Гиперподключенность (более 8 ч)	10%	57,5%	25%	7,5%

В группах с умеренной и высокой пользовательской активностью наибольший процент многозадачников: 92% подростков с разной интенсивностью выполняют несколько дел одновременно. Среди них 8% считают, что всегда совмещают выполнение нескольких дел. В группе гиперподключенных процент многозадачников ниже (80%), однако все они ответили, что «часто» выполняют несколько дел одновременно, в то время как среди умеренно и высоко подключенных 46 и 52% подростков соответственно считают, что только «иногда» выполняют несколько дел одновременно.

Различаются также ответы на вопрос о многозадачности среди подростков с разным уровнем самооценки пользовательской активности по выходным ($\chi^2 = 20,324$; $df = 9$; $p = 0,016$). Результаты схожи с представленными выше. Наибольший процент однозадачников в группе с низкой пользовательской активностью (57,1%), в то время как наибольший процент многозадачников представлен в группах с умеренной (93,7%) и высокой пользовательской активностью (95,7%) (табл. 4).

Таблица 4

Сравнение ответов на вопрос «Как часто Вы делаете несколько дел одновременно?» среди подростков с разным уровнем экранного времени на смартфоне (пользовательской активности) по будним и выходным дням (самооценка)

Пользовательская активность	Будние дни				Выходные дни			
	Всегда	Часто	Иногда	Предпочитаю делать только одно дело	Всегда	Часто	Иногда	Предпочитаю делать только одно дело
Низкая (до 1 ч)	0%	25%	0%	75%	14,3%	28,6%	0%	57,1%
Умеренная (2–4 ч)	8,3%	37,5%	45,8%	8,3%	12,5%	43,8%	37,5%	6,3%
Высокая (5–7 ч)	8%	32%	52%	8%	0%	34,8%	60,9%	4,3%
Гиперподключенность (более 8 ч)	0%	80%	0%	20%	8,3%	41,7%	33,3%	16,7%

Важно отметить, что оценка и многозадачности, и экранного времени субъективна. С объективными показателями экранного времени значимых различий по уровню многозадачности обнаружено не было.

Анализ повседневной активности подростков и многозадачности. При качественном анализе повседневной активности подростков было выделено 8 категорий для описания офлайн-активности (общение, отдых и досуг, быт, физическая активность, учеба и работа, чтение, игровая деятельность, творчество) и 12 категорий для онлайн-активности (просмотр ленты в социальных сетях, игровая деятельность, общение, просмотр кино / видео, поисково-познавательная деятельность, развлечения, творчество, учеба и работа, обработка фото / видео, чтение новостей, чтение книг, покупки). Анализировались ответы участников, ответивших положительно на вопрос о совмещении нескольких дел в онлайн-пространстве во всех временных интервалах. Совмещение нескольких дел в онлайн в течение временного интервала рассматривалось как показатель ММЗ.

Повседневная активность и медиамногозадачность в будние дни. В целом значимых различий по уровню ММЗ в течение дня обнаружено не было. В среднем треть подростков (34%) совмещают два и более дел одновременно в каждом временном интервале (рис. 1). Каждый пятый подросток в будние дни во всех временных интервалах утверждал, что не совмещал выполнение нескольких дел (19%), что позволяет рассматривать его деятельность как линейную и последовательную и отнести его к категории «однозадачников».

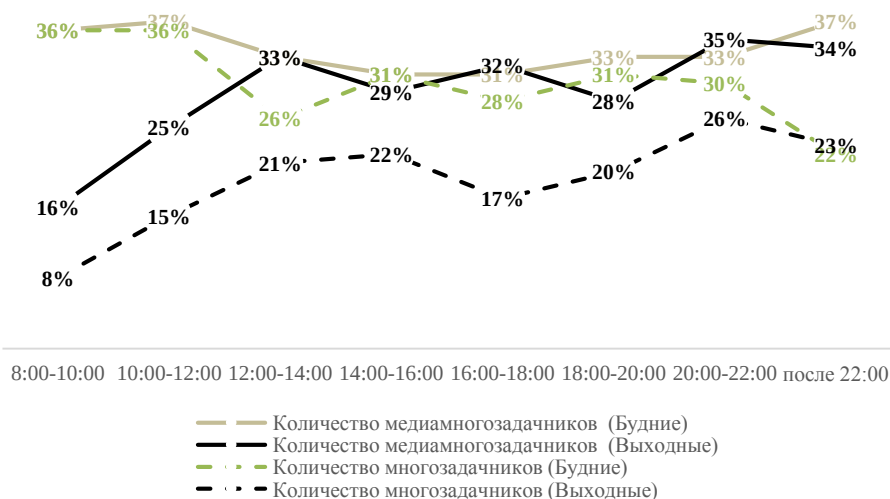

Рис. 1. Количество многозадачников и медиамногозадачников по будним и выходным дням, %

При оценке эффективности ММЗ 74% подростков считают, что при совмещении нескольких дел у них все получается хорошо или отлично

(рис. 2). Для большинства подростков-медиамногзадачников характерно хорошее или отличное настроение на протяжении всего дня (рис. 3). При сравнении настроения многзадачников и однозадачников были обнаружены различия на уровне тенденции в интервале 20:00–22:00 ($F = 3,548$; $df = 1$; $p = 0,062$): в данном интервале настроение у многзадачников в среднем лучше, чем у однозадачников.

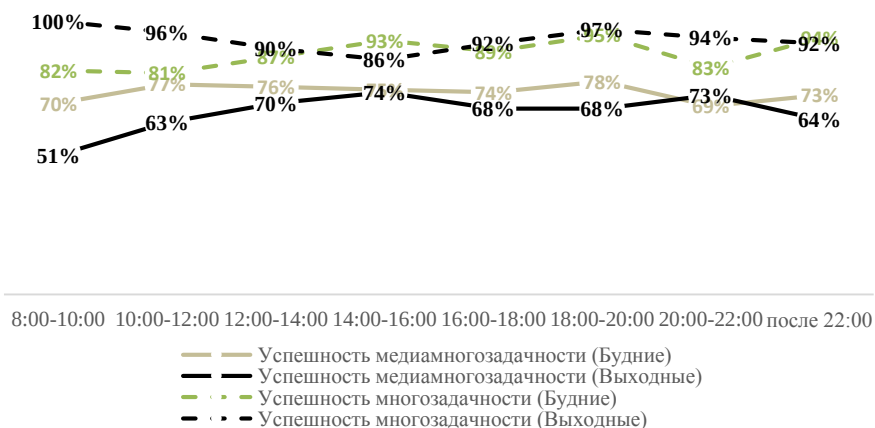

Рис. 2. Успешность многзадачности и медиамногзадачности по будним и выходным дням (ответы «хорошо» и «отлично»), %

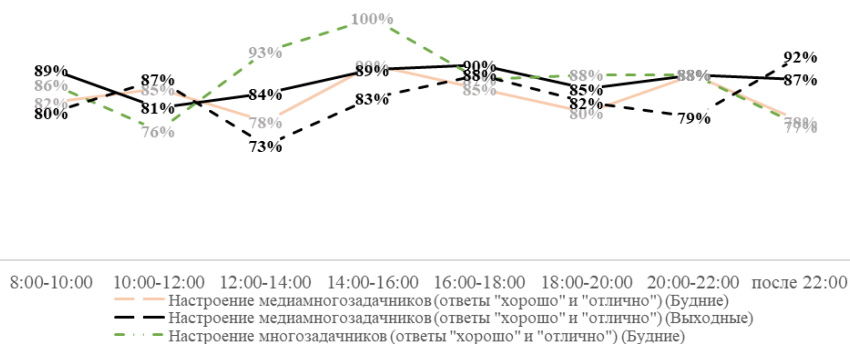

Рис. 3. Настроение многзадачников и медиамногзадачников по будним и выходным дням (ответы «хорошее» и «отличное»), %

Наиболее активно подростки совмещают несколько дел в онлайн-пространстве в учебное время – в период с 8:00 до 14:00 (доля подростков-медиамногзадачников составляет более трети от всей выборки). Определены наиболее популярные онлайн-активности, которые совмещаются в разных сочетаниях: просмотр ленты в социальных сетях, общение онлайн, игры, поисково-познавательная деятельность, онлайн-обучение, чтение, просмотр развлекательных видео / кино / сериалов и игры. Отметим, что

при работе в формате ММЗ одна из наиболее часто встречающихся активностей – учеба. Можно выделить две группы по характеру совмещения данной активности: одни совмещают учебу с поиском информации или чтением, т.е. учеба дополняется поисково-познавательной деятельностью, другие – с деятельностью, не связанной с учебой (например, с развлечением, коммуникацией). В среднем около 80% подростков-многозадачников оценивают в этот временной интервал свое настроение как хорошее и отличное.

Второй пик многозадачности по будним дням приходится на вечер – время после 18:00. В этот период реже встречается совмещение какой-либо активности с онлайн-обучением. Подростки отдают предпочтение совмещению общения, просмотра ленты в социальной сети, видео, фильмов и сериалов, игр и поисково-познавательной деятельности. Именно последняя чаще всего сопряжена с учебой онлайн (12%). В вечернее время все виды деятельности в большей или меньшей степени сопровождаются общением, просмотром ленты в социальных сетях, развлекательных видео / фильмов / сериалов или играми – онлайн-активность подростков сдвигается в сторону коммуникации и развлечений. Например, общение совмещается с просмотром ленты в социальных сетях в среднем в каждом пятом случае (20%). В данный временной промежуток подростки также оценивают свое настроение достаточно высоко (82% оценили его как хорошее или отличное), однако здесь появляются ответы «плохо» (2%) и ниже среднего (3%), возможно, это можно объяснить усталостью к концу дня.

Повседневная активность и медиамногозадачность в выходные дни. К выходным доля медиамногозадачников снижается: в среднем в течение дня более четверти подростков совмещают два и более дел одновременно (см. рис. 1). На основе анализа ответов о совмещении нескольких дел в течение всего дня было получено, что 30% подростков целый день работали в однозадачном режиме. Незначительно снижается оценка успешности ММЗ: две трети подростков (67%) считают, что им удастся успешно совмещать выполнение нескольких дел (см. рис. 2). В выходные, как и в будние дни, большинство подростков-медиамногозадачников сообщает о хорошем или отличном настроении (см. рис. 3).

По выходным также можно наблюдать два пика многозадачности: первый с 12:00 до 18:00, второй – после 20:00.

Треть подростков (31%) сообщили о том, что совмещают два и более дела в период с 12:00 до 18:00. В данный промежуток времени практически все виды деятельности совмещаются с онлайн-общением: чаще всего оно совмещается с просмотром ленты в социальных сетях (23%), играми (21%), просмотром фильмов / сериалов / развлекательных видео (21%), поиском информации или просмотром познавательных видео (26%), развлечениями (19%), учебой или работой (25%). Доля многозадачников, включающих в свой режим работы учебную деятельность, по сравнению с будними днями снижается. Кроме общения, учебу совмещают с поиском информации или просмотром познавательных видео (24%), просмотром развлекательных видео / фильмов / сериалов (13%), просмотром ленты в социальных

сетях (11%), с развлечениями (10%). Настроение в большей степени у подростков в этот промежуток времени хорошее (28%) и отличное (59%).

В вечернее время (интервал после 20:00) доля многозадачников слегка увеличивается (33%). В данное время вся онлайн-активность подростков интенсивно совмещается с общением онлайн, просмотром ленты в социальных сетях, просмотром развлекательных видео / фильмов / сериалов, поиском информации или просмотром познавательных видео. Учебная деятельность здесь присутствует гораздо реже, но в случае, если подростки ею занимаются, то совмещают ее с общением (23%) или поисково-познавательной деятельностью (24%). Настроение у подростков-многозадачников также в основном хорошее (30%) и отличное (58%).

При сравнении данных, полученных в 2020 и 2021 гг., были получены значимые различия по количеству медиамногозадачников по будням. Так, в период самоизоляции (2020) в будние дни доля медиамногозадачников была значительно выше, чем годом позднее ($F = 14,06$; $df = 1$; $p < 0,001$), причем различия были получены как раз в пиковые по ММЗ интервалы: в период с 8:00 до 16:00 и с 20:00 до момента отхода ко сну ($F = 3,911-20,861$; $df = 1$; $p = 0,001-0,05$).

При анализе совмещения онлайн- и офлайн-активностей в будние и выходные дни (показатель многозадачности) учитывались данные только 58 подростков, поскольку анкеты 2020 и 2021 гг. отличались: в 2020 г. в анкету не входил вопрос о совмещении нескольких активностей в смешанной реальности.

Повседневная активность и многозадачность в смешанной реальности в будние дни. В среднем доля многозадачников в будни составляет 30% от выборки, однако анализ ответов о совмещении нескольких дел по каждому интервалу показал, что 72% подростков хотя бы раз за день совмещали несколько онлайн- и офлайн-активностей. Наиболее интенсивно совмещают офлайн- и онлайн-активность утром с 8:00 до 12:00 (см. рис. 1), т.е. до учебы или непосредственно в учебное время. В это время преобладающая деятельность в офлайне – учебная. В 33% случаев ее совмещают с просмотром ленты в социальных сетях, поиском информации или просмотром познавательных видео, а также используют цифровое устройство для учебы или работы, в 29% – с чтением книг, в 24% – с онлайн-общением, в 21% – с развлечениями, в 14% – с просмотром новостей. Также часто встречается совмещение бытовых дел с онлайн-активностью. Каждый четвертый подросток (24%) совмещает бытовые дела с просмотром ленты в социальных сетях, каждый пятый (19%) – с общением онлайн и учебной деятельностью, 14% – с просмотром новостей, чтением книг или поиском информации, а 12% – с развлечениями. В этот промежуток времени каждый пятый подросток дает более низкую оценку успешности совмещения нескольких дел (80% подростков считают, что им удастся это делать успешно) (см. рис. 2). У большинства подростков-многозадачников настроение хорошее (53%) и отличное (29%) (см. рис. 3), лишь 5% отметили, что настроение у них в этот период было ниже среднего.

В период с 12:00 до 14:00 доля многозадачников снижается и снова возрастает в интервале с 14:00 до 16:00 (см. рис. 1). В данный промежуток времени, кроме учебной деятельности и выполнения повседневных дел, подростки активно включаются в офлайн-общение, и каждый шестой (17%) совмещает его с просмотром ленты в социальных сетях, онлайн-общением, развлечениями и учебой. Причем успешность многозадачности оценивается в данный интервал выше, чем в утренний промежуток времени (87% подростков сообщили, что успешно справляются с совмещением нескольких дел; см. рис. 2). 93% подростков отметили, что настроение у них хорошее (33%) и отличное (60%) (см. рис. 3).

Далее доля многозадачников снова уменьшается (с 16:00 до 18:00) и возрастает в вечернее время в интервале с 18:00 до 20:00 (см. рис. 1). В данный промежуток времени офлайн-активность сдвигается в сторону бытовых дел, выполнение которых совмещается с онлайн-общением (33%), развлечениями (22%), поиском информации или просмотром познавательных видео (17%), учебой онлайн (11%), чтением книг онлайн (11%), просмотром ленты в социальных сетях (11%). Учеба офлайн совмещается с онлайн-общением (22%), учебой онлайн (17%) и развлечениями (17%). Также подростки в это время активно общаются в реальной жизни, параллельно общаясь онлайн (17%), просматривая ленты в социальных сетях (17%), просматривая развлекательный контент (11%) или обучаясь онлайн (11%). Здесь успешность совмещения нескольких дел оценивается наиболее высоко (95% подростков считают, что им это удастся хорошо или отлично; см. рис. 2). В данный интервал времени 88% подростков оценили свое настроение как хорошее или отличное (см. рис. 3).

Повседневная активность и многозадачность в смешанной реальности в выходные дни. К выходным процент многозадачников значительно снижается: в среднем по выборке лишь каждый пятый подросток (19%) совмещает офлайн-деятельность с онлайн-активностью в каждый временной интервал (см. рис. 1). Однако на основе анализа ответов о совмещении нескольких дел по каждому интервалу 52% подростков хотя бы раз за день совмещали несколько онлайн- и офлайн-активностей. В выходной день наиболее насыщены совмещением онлайн- и офлайн-активностей интервалы с 12:00 до 16:00 и с 18:00 до момента отхода ко сну.

В первый интервал (12:00–16:00) в реальной жизни подростки в основном отдыхают, общаются или занимаются бытовыми делами. Отдых совмещается с онлайн-общением (25%), развлечениями (19%), просмотром фильмов / сериалов / познавательных видео и поиском информации (17%), просмотром ленты в социальных сетях (15%), играми и занятием творчеством на цифровых устройствах (13%). В каждом шестом случае (17%) офлайн-общение совмещается с онлайн-общением, просмотром фильмов / сериалов / познавательных видео, поиском информации. Бытовые дела совмещаются с общением онлайн (31%), обучением онлайн (25%), поиском информации (25%), просмотром ленты в социальных сетях (25%), просмотром фильмов / сериалов / развлекательных видео (17%), развлечениями

ми (17%). Около 90% подростков оценивают свою деятельность как эффективную (см. рис. 2). В данный промежуток времени 18% подростков оценили свое настроение ниже среднего, 9% – средне, 44% – хорошо, 34% отлично (см. рис. 3).

После 18:00 разнообразие офлайн-активностей расширяется: помимо общения, бытовых дел и отдыха подростки занимаются физическими упражнениями или гуляют, большинство из них активно занимается учебной или работой, некоторые читают. Выполняя задания по учебе, подростки смотрят фильмы / сериалы / развлекательные видео (27%), сочетают офлайн- и онлайн-обучение (26%), общаются (23%), ищут информацию (21%), просматривают ленту в социальных сетях (18%) и развлекаются (18%). Общение офлайн подростки чаще всего совмещают с просмотром ленты в социальных сетях (12%) и общением онлайн (12%). Отдыхая, подростки предпочитают посмотреть развлекательный контент (26%), фильмы и сериалы (15%), просматривать ленту в социальных сетях (11%) или общаться (11%), обрабатывать фотографии / видео (10%), некоторые совмещают отдых или досуг с учебной онлайн (13%). Выполнение бытовых дел чаще всего совмещается с учебной онлайн (23%) и общением онлайн (23%), развлечениями (17%), поиском информации (14%) или просмотром фильмов / сериалов / развлекательных видео (14%). Физическую активность сочетают с общением онлайн (15%), просмотром ленты в социальных сетях (13%) и развлечениями (13%). Чтение бумажных книг подростки совмещают с онлайн-общением (10%), развлечениями (10%), учебной (10%). Около 94% подростков считают, что им удастся успешно совмещать онлайн- и офлайн-активности (см. рис. 2). Настроение подростков в данный интервал времени ухудшается, но все равно большинство оценивают его хорошо (27%) и отлично (57%) (см. рис. 3). 11% оценили свое настроение как плохое, 9% ниже среднего и 8% как среднее.

Несмотря на то, что коммуникативная деятельность занимает значительную часть времени подростка, общению с семьей отводится малое количество времени: в течение всего буднего дня от 1 до 9% подростков отметили в дневнике, что общались с членами своей семьи, и от 2 до 8% – в выходные.

Обсуждение результатов исследования

Субъективные и объективные показатели пользовательской активности. Полученные результаты подтверждают данные о высоком уровне пользовательской активности подростков (Солдатова, Рассказова, 2020; Smahel et al., 2020). По оценкам самих подростков, более половины проводят в сети от трети до двух третей времени бодрствования. При этом даже во время сна каждый третий не расстается со своим наиболее часто используемым устройством – смартфоном, оставляя его в постели, у двух третей гаджет ночует с ними в одной комнате, также в зоне ближайшей доступности. Неразлучность с цифровыми устройствами даже во время сна

может указывать на потребность подростков в создании условий для потенциальной гиперподключенности.

Важно отметить, что нами были получены значимые различия между «самоотчетными» оценками количества времени, проведенного в Интернете, и оценками времени на основе объективных показателей, фиксируемых в приложениях устройств. Выявлена значительная недооценка подростками своего уровня пользовательской активности – в среднем до трети от предполагаемого ими времени. Причем, по данным исследований, по мере взросления ребенка оценка длительности временных интервалов приближается к адекватной: в возрасте 15–17 лет точность восприятия времени увеличивается как у девушек, так и у юношей (Балашова, Микеладзе, 2013). Диапазон недооценки оказался достаточно широк. Так, только каждый двенадцатый подросток сообщил, что проводит более 8 часов в сутки за смартфоном в будни, при этом по показателям приложения по отслеживанию экранного времени таких – каждый второй. Каждый третий подросток, сообщивший об умеренной пользовательской активности в будни (2–4 часа в день) по объективным данным оказался в группе с высокой пользовательской активностью или гиперподключенностью. Если смотреть на средние показатели по всей выборке, то по своим ощущениям подростки проводят в будни треть времени бодрствования со смартфоном, а объективно – половину. Выходные дни соответствуют схожему сценарию, однако недооценка времени не такая большая, как в будни, – чуть более 1,5 часов. Возможно, в будние дни подростки занимаются большим количеством активностей, в том числе и с использованием цифровых устройств, поэтому менее отчетливо «ощущают» экранное время, не отделяя использование гаджетов от других активностей. Еще одним объяснением может быть специфика сеансов использования цифровых устройств, которые сложно суммировать и целостно оценить по времени из-за их многочисленности и непродолжительности, при этом в будни сеансы более короткие, чем в выходные. Это может быть одним из индикаторов переживания смешанной реальности, когда становится сложно четко разделить свою деятельность на реальную и виртуальную, которые попеременно выступают как фоновая активность. Эмпирические подтверждения недооценки пользователями своего экранного времени получены на молодежных и взрослых выборках (Kaye, Orben, Ellis, Hunter, Houghton, 2020; Andrews, Ellis, Shaw, Piwek, 2015; Ellis, Davidson, Shaw, Geyer, 2019; Sewall, Bear, Merranko, Rosen, 2020).

Многозадачность как показатель смешанной реальности. Пользовательская активность становится не только критерием изменений в образе жизни современного подростка, но и основой трансформации в образе мира, уже не так четко разделяющегося на цифровое и реальное пространство. Более трети подростков, участвующих в исследовании, ощущают себя живущими в смешанной реальности. При этом такое представление характерно для подростков с более высокой пользовательской активностью, в первую очередь гиперподключенных (и по самооценке, и по объективным показателям).

телям), а также для небольшой группы пользователей с низкой активностью. Если для первых это может объясняться стиранием границы в восприятии реального и цифрового миров и субъективным переживанием нового образа мира, то в случае подростков с низкой пользовательской активностью такие результаты могут свидетельствовать, напротив, об отсутствии для них разницы между этими пространствами из-за недостаточного интереса и погруженности в цифровую реальность.

Полученные результаты о распространенности субъективного переживания смешанной реальности как нового образа мира для пользователей с высокой активностью в сети требует особого внимания в контексте формирования личности представителей подрастающего поколения. Переживание рассматривается нами вслед за Л.С. Выготским как единица сознания, в которой в неразложимом виде представлены, с одной стороны, внутреннее отношение подростка к действительности, с другой – среда, т.е. то, что переживается (Выготский, 1966). Образ мира как совокупность представлений о среде представляется сложным психологическим феноменом, оказывающим влияние на различные аспекты становления личности и ее социализации (Леонтьев, 1983; Смирнов, 1985). Тем не менее исследование единства особенностей личности и специфики образа мира подрастающего поколения в условиях цифровизации повседневности остается практически вне фокуса внимания исследователей, особенно в контексте смешанной реальности.

Еще одним фактором возрастания роли смешанной реальности может стать увеличение доли подростков, совмещающих офлайн- и онлайн-деятельность, т.е. не просто субъективно переживающих ее, но буквально действующих в смешанной реальности: в будни таких более двух третей, а в выходные – каждый второй.

Многозадачность и пользовательская активность. Подавляющее большинство подростков субъективно определяют себя как многозадачников, при этом достаточно высоко оценивая свою эффективность в таком формате. Эти данные согласуются с результатами исследований о распространенности многозадачного формата в непосредственной деятельности подростков (Солдатова и др., 2020; Uncapher et al., 2017; Rideout, Foehr, Roberts, 2010). Совмещение различных видов активности оказывается характерным для подростков с более высокой пользовательской активностью, в первую очередь для гиперподключенных, которые используют такой формат интенсивнее. Полученные результаты требуют более тщательного и качественного анализа содержания совмещаемых видов деятельности, что стало возможным благодаря анализу дневника.

Роль медиамногозадачности в повседневности. Большинство подростков с разной частотой используют формат ММЗ в своей повседневной деятельности. В целом по выборке подавляющее большинство подростков как в будние, так и в выходные дни хотя бы один раз за день действовали в данном формате. При этом подростки дают довольно высокую оценку своей эффективности – более двух третей подростков как в будни, так и

выходные считают, что успешно совмещают выполнение нескольких дел. Важно, однако, отметить, что данные экспериментальных исследований многозадачности показывают, что субъективная оценка эффективности такого режима подростками оказывается достаточно завышенной по сравнению с объективной оценкой продуктивности деятельности (скорость и правильность выполнения задач) (Солдатова и др., 2020).

Полученные результаты показывают, что многозадачники дают высокие оценки своему настроению, что выступает для нас в качестве одного из индикаторов психологического благополучия. Причем чем выше уровень многозадачности, например по вечерам в будни, тем лучше настроение. Это может быть связано с тем, что многозадачники получают удовольствие от смены деятельности, отчего меньше скучают и устают в течение дня (Carrier, Rosen, Cheever, Lim, 2015). Это согласуется также с результатами кросс-культурного исследования, в котором было установлено, что более трети из 13 тыс. респондентов из разных стран мира переключаются на коммуникативную или развлекательную деятельность, когда им становится скучно (MarketingCharts.com, 2013).

По сравнению с пиком многозадачной активности в будни, когда подростки совмещают учебу с поиском дополнительной информации и другой познавательной деятельностью, в выходные наблюдается спад многозадачной активности, за исключением вечерних часов. Такая тенденция, с одной стороны, может быть объяснена отсутствием необходимости работать в формате многозадачности в выходные в связи с отсутствием такой перегрузки, как в будни. С другой стороны, высокие показатели многозадачности в будни могут быть следствием интенсивной нагрузки и стремления переключиться на более эмоционально привлекательную деятельность во время учебы, например на общение или просмотр ленты в социальных сетях (другая часть подростков интенсивно совмещает учебную деятельность с коммуникативной или развлекательной). Так, в исследовании студентов университета Гонконга было показано, что для молодых людей ММЗ с использованием смартфона с целью коммуникации во время учебы – обычное явление (Deng, Ku, Kong, 2019). В выходные же совмещаемые онлайн-активности изменяются в сторону рекреационно-развлекательной и коммуникативной деятельности, и необходимость поиска такой эмоциональной разгрузки от когнитивного напряжения, связанного с учебной, отпадает.

Сравнение особенностей медиамногозадачности во время самоизоляции и после нее. В период самоизоляции, в 2020 г., число подростков, предпочитающих формат ММЗ, было значительно выше, чем в 2021 г. Такой результат обусловлен переходом обучения в онлайн-формат и сокращением контактов в офлайне. Полученные данные согласуются с результатами итальянского исследования ММЗ при онлайн-обучении: было обнаружено, что более 95% подростков пользовались другими устройствами или просматривали веб-страницы во время дистанционных занятий (Ferraro, Ambra, Aruta, Iavarone, 2020). Снижение доли медиамногозадач-

ников также может объясняться возвращением коммуникации из онлайн в офлайн после периода самоизоляции, так как при анализе совмещения офлайн- и онлайн-активностей значительную долю среди офлайн-активностей составило общение «вживую».

Многозадачность в повседневной деятельности. На основании анализа данных 2021 г. характер совмещения онлайн- и офлайн-активностей схож с совмещением онлайн-активностей: в будние дни по утрам учеба совмещается либо с коммуникативной, либо с поисково-познавательной деятельностью. Также до учебы подростки занимаются бытовыми делами, сочетая их выполнение с просмотром ленты в социальных сетях, просмотром новостей, общением или учебой онлайн. В вечернее же время подростки совмещают выполнение бытовых дел с коммуникативной, развлекательной или поисково-познавательной деятельностью онлайн. Также по вечерам буднего дня они заняты учебой или общением офлайн, параллельно общаясь онлайн, просматривая ленты в социальных сетях или развлекательный контент.

По выходным преобладает рекреационно-развлекательная и коммуникативная деятельность как офлайн, так и онлайн. Подростки часто проводят время на свежем воздухе или занимаются физическими упражнениями, интенсивно общаются офлайн, а также занимаются бытовыми делами. Данные активности совмещаются с общением онлайн, развлечениями, просмотром фильмов, сериалов или развлекательных видео, просмотром ленты в социальных сетях, играми и занятием творчеством на цифровых устройствах. Таким образом, офлайн-активность подростков весьма разнообразна и насыщена, в связи с чем можно сделать вывод, что в повседневной жизни подростка цифровое устройство, хоть и используется довольно интенсивно, скорее дополняет, чем заменяет или вытесняет реальную жизнь.

В целом можно сказать, что коммуникация, как онлайн, так и офлайн, занимает значимое место в повседневной жизни подростков – на протяжении всего дня она присутствует как фоновая активность (и в будни, и в выходные). Даже офлайн-общение подростки дополняют онлайн-общением. Такие результаты показывают, что подростки расширяют репертуар своих возможностей для осуществления одной из ведущих форм деятельности, характерной для этого возраста, – коммуникативной.

Выводы

Анализ полученных результатов позволяет выделить несколько тенденций, определяющих роль гиперподключенности и переживания смешанной реальности, а также место формата многозадачности в повседневной жизни подростков.

1. Высокая пользовательская активность и гиперподключенность становятся одной из ключевых характеристик, определяющих повседневность подростков. Гиперподключенность – это феномен, понимание которого не должно ограничиваться количеством часов, проведенных за гаджетами.

Это одно из ключевых измерений цифровой социализации, которое отражает также качественные изменения, определяемые возникновением особых отношений между подростками и их персонализированными цифровыми устройствами. Смартфон становится главным инструментом, расширяющим возможности ребенка и позволяющим ему осуществлять самые различные виды деятельности, которые были недоступны его сверстникам пару десятков лет назад. Неслучайно смартфоны практически круглые сутки находятся в зоне ближайшего доступа, превращаясь в неотъемлемых спутников детей, в часть их личности, в высокофункциональную технологическую достройку, которой современные дети учатся самостоятельно управлять. Рост пользовательской активности и специфика практик использования цифровых устройств отражают давно идущий процесс размывания границ между онлайн- и офлайн-мирами и активное освоение детьми смешанной реальности. Полученные нами эмпирические факты наличия многочисленных и краткосрочных сеансов практически в каждый временной интервал и существенная недооценка подростками количества часов, которые они проводят в сети, на наш взгляд, – одно из доказательств того, что реальность все чаще начинает ими переживаться как смешанная, а не разделенная на реальный и виртуальный миры.

2. Необходимость осуществления деятельности в смешанной реальности в условиях все ускоряющегося темпа жизни провоцирует распространение многозадачного формата, характерного для большинства подростков. Подростки совмещают не только различные онлайн-активности, но даже чаще – офлайн- и онлайн-деятельность. Неслучайно предпочтение такого формата связано с гиперподключенностью. В дополнение к ней многозадачность – еще один атрибут жителя смешанной реальности. Несмотря на спорность продуктивности многозадачности, субъективно подростки высоко оценивают свою эффективность в таком формате. По-видимому, многозадачность также позволяет обеспечивать сохранение внутренних ресурсов, что отражается в более высоких показателях хорошего настроения в конце дня у многозадачников по сравнению с подростками, действующими в линейном однозадачном режиме.

3. Динамика снижения использования многозадачного формата от будних к выходным дням может свидетельствовать о том, что предпочтение многозадачной стратегии определяется в большей степени необходимостью решения разнообразных задач при ограниченных временных ресурсах, а не исключительно активностью, связанной с использованием цифровых устройств или сложностями удержания внимания. Так, многозадачность становится инструментом адаптации к сложности и разнообразию современного мира. При этом цифровая активность не вытесняет привычные социальные практики, характерные для данного возраста, а дополняет и, вероятно, усиливает возможности удовлетворения потребностей подростков, в первую очередь в коммуникации и познавательной деятельности.

4. Один из пиков многозадачности приходится именно на учебное время, когда обучающий процесс дополняется как поисково-познавательной

онлайн-активностью, так и общением в социальных сетях и мессенджерах. В условиях самоизоляции, возможно, такое поведение связано с необходимостью компенсации отсутствия привычных социальных контактов в стенах школы, что является важной составляющей социализации подростка. С одной стороны, такой формат может носить отвлекающий характер, с другой – позитивный опыт взаимодействия может повышать психологическое благополучие подростков и, возможно, приводить к росту самооэффективности. Учитывая достаточно хорошие показатели академической успеваемости большинства опрошенных подростков, многозадачный режим может рассматриваться если не как успешный, то по крайней мере не критичный для их продуктивности. Тем не менее остается открытым вопрос об уровне осознанности использования многозадачного формата подростками в контексте метакогнитивных функций, развитие которых могло бы повысить эффективность управления этим инструментом адаптации к повседневности в смешанной реальности. В контексте распространенности многозадачного формата среди подростков, его интенсификации в условиях дистанционных форм взаимодействия, с которыми нам, возможно, еще придется так или иначе сталкиваться и в процессе обучения, а также противоречивых данных о его эффектах такая линия дальнейших исследований представляется перспективной.

Литература

- Балашова, Е. Ю., Микеладзе, Л. И. (2013). Возрастные различия в восприятии и переживании времени. *Психологические исследования : электронный научный журнал*, 6(30), 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.09.2021).
- Выготский, Л. С. (1966). Игра и ее роль в психическом развитии ребенка. *Вопросы психологии*, 6, 62–76.
- Королева, Д. О. (2016). Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения. *Современная зарубежная психология*, 5(2), 55–61. doi: 10.17759/jmfr.2016050207
- Леонтьев, А. Н. (1983). Развитие высших форм запоминания. В кн. В. В. Давыдов, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьев, А. В. Петровский (ред.), *Избранные психологические произведения* (в 2 т., т. 1, с. 31–64). М.: Педагогика.
- Смирнов, С. Д. (1985). *Психология образа: проблема активности психического отражения*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Солдатова, Г. У. (2018). Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. *Социальная психология и общество*, 9(3), 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308
- Солдатова, Г. У., Войскунский, А. Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431–450. doi: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И. (2020). Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности. *Культурно-историческая психология*, 16(4), 87–97. doi: 10.17759/chp.2020160409
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Илюхина, С. Н. (2019). С гаджетами круглые сутки? Один день из жизни абитуриента МГУ. *Дети в информационном обществе*, 31, 54–61.

Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Дренева, А. А., Кошечая, А. Г. (2020). Эффект Юлия Цезаря: типы медиамногозадачности у детей и подростков. *Вопросы психологии*, 66(4), 55–63.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 15.09.2021 г.; принята 10.02.2022 г.

Солдатова Галина Уртанбековна – профессор кафедры психологии личности, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор, академик РАО.

E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Чигарькова Светлана Вячеславна – младший научный сотрудник кафедры психологии личности, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

E-mail: chigars@gmail.com

Кошечая Анастасия Георгиевна – аспирант кафедры психологии личности, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

E-mail: koshag@inbox.ru

Никонова Евгения Юрьевна – младший научный сотрудник лаборатории «Психология профессий и конфликта», факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

E-mail: eniconova@mail.ru

For citation: Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., Koshevaya, A. G., Nikonova, E. Yu. (2022). Daily Activities of Adolescents in Mixed Reality: User Activity and Multitasking. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 20–45. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/2

Daily Activities of Adolescents in Mixed Reality: User Activity and Multitasking¹

G.U. Soldatova¹, S.V. Chigarkova¹, A.G. Koshevaya¹, E.Yu. Nikonova¹

¹ Lomonosov Moscow State University, 11/9 Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract

This paper explores, through the diary method, the daily activities of adolescents in offline, online, and mixed reality. Particular attention is paid to two new formats of activity: Internet user activity, including hyperconnectivity, and media multitasking, which attract more and more attention from researchers. These types of activities are not only important features of digital socialization, but they also determine a person's transition to a mixed reality. The study involves 125 adolescents aged 14–18 years. In the first stage, the study was conducted on the base of an online service Google Forms, in the second stage we used a chatbot in Telegram. The results confirm the data about the high level of adolescents' user activity. Adolescents show significant underestimation of their level of user activity – on average, up to a third of the time they estimate. A change in the image of the world is noted: more than a third of adolescents participating in the study feel that they are living in a mixed reality. At the

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-14181.

same time, this image is typical for adolescents with higher user activity, primarily hyper-connected adolescents. The vast majority of adolescents subjectively define themselves as multitaskers, and they appreciate their effectiveness in this format quite highly. Combination of different types of activity turns out to be representative for adolescents with higher user activity, especially for hyperconnected adolescents who use multitasking format more intensively. The dynamics of its use are revealed: in comparison with the peak of multitasking activity on weekdays, when adolescents combine studying with searching for additional information and other educational activities, as well as socializing, there is a decrease in multitasking activity at weekends, except for evening hours. In this context, multitasking can be seen as a tool for adapting to the complexity and diversity of the modern world. The nature of the combination of online and offline activities is similar to the combination of online activities: on weekdays in the morning study is combined either with communicative or educational search activities, in the evening adolescents combine the performance of everyday activities with communicative, entertaining or educational search activities online. Thus, high user activity and multitasking are among the attributes of a mixed reality resident, and digital activity does not replace habitual age-specific social practices, but complements and probably enhances opportunities to fulfill adolescents' needs, primarily in communication and cognitive activities.

Keywords: daily activities; multitasking; media multitasking, user activity; mixed reality; adolescents; diary

References

- Andrews, S., Ellis, D. A., Shaw, H., & Piwek, L. (2015). Beyond self-report: Tools to compare estimated and real-world smartphone use. *PloS one*, 10(10), e0139004. doi: 10.1371/journal.pone.0139004
- Balashova, E. Yu., & Mikeladze, L. I. (2013). Vozrastnye razlichiya v vospriyatii i pere-zhivanii vremeni [Age differences in the perception and experience of time]. *Psikhologicheskie issledovaniya : elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 6(30), 9. Retrieved September 3, 2021, from <http://psystudy.ru>
- Baumgartner, S. E., van der Schuur, W. A., Lemmens, J. S., & te Poel, F. (2018). The relationship between media multitasking and attention problems in adolescents: Results of two longitudinal studies. *Human Communication Research*, 44(1), 3–30. doi: 10.1093/hcre.12111
- Berg, M. (2019). Media diaries as pedagogy. In P. Mihailidis, R. Hobbs (Eds.), *The International Encyclopedia of Media Literacy* (pp. 1–6). Wiley-Blackwell.
- Boredom Said to Spur Video Sharing among Smartphone Owners. (2013) Retrieved July 23, 2021, from <http://www.marketingcharts.com/online/ boredom-said-to-spur-video-sharing-among-smartphone-owners-35474/>
- Brasel, S. A., & Gips, J. (2011). Media multitasking behavior: Concurrent television and computer usage. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 14(9), 527–534. doi: 10.1089/cyber.2010.0350
- Cain, M. S., Leonard, J. A., Gabrieli, J. D., & Finn, A. S. (2016). Media multitasking in adolescence. *Psychonomic Bulletin & Review*, 23(6), 1932–1941. doi: 10.3758/s13423-016-1036-3
- Carrier, L. M., Rosen, L. D., Cheever, N. A., & Lim, A. F. (2015). Causes, effects, and practicalities of everyday multitasking. *Developmental Review*, 35, 64–78. doi: 10.1016/j.dr.2014.12.005
- Czerwinski, M., Horvitz, E., & Wilhite, S. (2004, April). A diary study of task switching and interruptions. In *Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems* (pp. 175–182). doi: 10.1145/985692.985715

- Deng, L., Ku, K. Y. L., & Kong, Q. (2019). Examining predictive factors and effects of in-class multitasking with mobile phones. *Interactive Technology and Smart Education*, 16(1), pp. 49–58. doi: 10.1108/ITSE-08-2018-0056
- Ellis, D. A., Davidson, B. I., Shaw, H., & Geyer, K. (2019). Do smartphone usage scales predict behavior? *International Journal of Human-Computer Studies*, 130, 86–92. doi: 10.1016/j.ijhcs.2019.05.004
- Ferraro, F. V., Ambra, F. I., Aruta, L., & Iavarone, M. L. (2020). Distance learning in the covid-19 era: Perceptions in Southern Italy. *Education Sciences*, 10(12), 355. doi: 10.3390/educsci10120355
- Floridi, L. (Ed.) (2015). *The Onlife Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era*. Springer Nature. doi: 10.1007/978-3-319-04093-6
- Hwang, Y., & Jeong, S. H. (2018). Multitasking and task performance: Roles of task hierarchy, sensory interference, and behavioral response. *Computers in Human Behavior*, 81, 161–167. doi: 10.1016/j.chb.2017.12.008
- Jeong, S. H., Zhang, W., Fishbein, M., Davis, E., Bleakley, A., Jordan, A., & Hennessy, M. (2010). Multiple media use and multitasking with media among high school and college students: A diary method. In Michael B. Hinner. (Ed.), *The Interrelationship of Business and Communication* (Vol. 6, pp. 409–434). Peter Lang. doi: 10.3726/978-3-653-01168-5/18
- Kaye, L. K., Orben, A., Ellis, D. A., C Hunter, S. C., & Houghton, S. (2020). The conceptual and methodological mayhem of “screen time”. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(10), 36–61. doi: 10.3390/ijerph17103661
- Kirchberg, D. M., Roe, R. A., & Van Eerde, W. (2015). Polychronicity and multitasking: A diary study at work. *Human Performance*, 28(2), 112–136. doi: 10.1080/08959285.2014.976706
- Koroleva, D. O. (2016). A study of the daily life of modern teenagers: the presence in social networks as an integral component of communication. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*, 5(2), 55–61. doi: 10.17759/jmfp.2016050207
- Leontiev, A. N. (1983). Razvitiye vysshikh form zapominaniya [The development of higher forms of memorization]. In V. V. Davydov, V. P. Zinchenko, A. A. Leontiev, & A. V. Petrovskiy (Eds.), *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected Works on Psychology], (Vol. 1, pp. 31–64). Moscow: Pedagogika.
- Lindström, J. (2020) *Understanding digital distraction: a longitudinal study on disruptive everyday media multitasking among diginatives*. Åbo: Åbo Akademi University Press.
- May, K. E., & Elder, A. D. (2018). Efficient, helpful, or distracting? A literature review of media multitasking in relation to academic performance. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 15(1), 1–17. doi: 10.1186/s41239-018-0096-z
- Milgram, P., & Kishino, F. (1994). A taxonomy of mixed reality visual displays. *IEICE TRANSACTIONS on Information and Systems*, 77(12), 1321–1329.
- Mitchell, V., Macklin, J. E., & Paxman, J. (2007). Social uses of advertising: An example of young male adults. *International Journal of Advertising*, 26(2), 199–222. doi: 10.1080/10803548.2007.11073007
- Otrel-Cass, K. (Ed.). (2019). *Hyperconnectivity and Digital Reality: Towards the Eutopia of Being Human*. Springer Nature. doi: 10.1007/978-3-030-24143-8
- Papper, R. A., Holmes, M. E., Popovich, M. N., & Bloxham, M. (2004). Middletown media studies. *International Digital Media & Digital Arts Association Journal*, 1(1), 1–56.
- Rideout, V. J., Foehr, U. G., & Roberts, D. F. (2010). *Generation m 2: Media in the lives of 8-to 18-year-olds*. Henry J. Kaiser Family Foundation.
- Scantlin, R. (2008). Media use across childhood: Access, time, and content. In S. L. Calvert & B. J. Wilson. (Eds.), *The Handbook of Children, Media, and Development* (pp. 51–73). Wiley-Blackwell.

- Sewall, C. J., Bear, T. M., Merranko, J., & Rosen, D. (2020). How psychosocial well-being and usage amount predict inaccuracies in retrospective estimates of digital technology use. *Mobile Media & Communication*, 8(3), 379–399. doi: 10.1177/2050157920902830
- Smahel, D., Machackova, H., Mascheroni, G., Dedkova, L., Staksrud, E., Ólafsson, K., ... & Hasebrink, U. (2020). *EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries*. doi: 10.21953/lse.47fdeqj01ofo
- Smirnov, S. D. (1985). *Psikhologiya obraza: problema aktivnosti psikhicheskogo otrazheniya* [Psychology of the image: the problem of the mental reflection activity]. Moscow: Moscow State University.
- Soldatova, G. U. (2018). Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 9(3), 71–80. doi: 10.17759/sps.2018090308
- Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., Dreneva, A. A., & Koshevaya, A. G. (2020). Effekt Yuliya Tsezarya: tipy mediamnogozadachnosti u detey i podrostkov [The Julius Caesar effect: types of media multitasking in children and adolescents]. *Voprosy psikhologii*, 66(4), 55–63.
- Soldatova, G. U., & Rasskazova, E. I. (2020). Digital Transition Outcomes: From Online Reality to Mixed Reality. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural – Historical Psychology*, 16(4), 87–97. doi: 10.17759/chp.2020160409
- Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., & Ilyukhina, S. N. (2019). S gadzhetami kruglye sutki? Odin den' iz zhizni abiturienta MGU [With gadgets round su-tki? One day in the life of an MSU entrant]. *Deti v informatsionnom obshchestve*, 31, 54–61.
- Soldatova, G. U., & Voiskounsky, A. E. (2021). Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 18(3), 431–450. doi: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
- Speicher, M., Hall, B. D., & Nebeling, M. (2019, May). What is mixed reality? In *Proceedings of the 2019 CHI conference on human factors in computing systems* (pp. 1–15). doi: 10.1145/3290605.3300767
- Uncapher, M. R., & Wagner, A. D. (2018). Minds and brains of media multitaskers: Current findings and future directions. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(40), 9889–9896. doi: 10.1073/pnas.1611612115
- Uncapher, M. R., Lin, L., Rosen, L. D., Kirkorian, H. L., Baron, N. S., Bailey, K., ... & Wagner, A. D. (2017). Media multitasking and cognitive, psychological, neural, and learning differences. *Pediatrics*, 140(Supplement_2), S62–S66. doi: 10.1542/peds.2016-1758D
- van der Schuur, W. A., Baumgartner, S. E., Sumter, S. R., & Valkenburg, P. M. (2018). Media multitasking and sleep problems: A longitudinal study among adolescents. *Computers in Human Behavior*, 81, 316–324. doi: 10.1016/j.chb.2017.12.024
- Voorveld, H. A., & Van der Goot, M. (2013). Age differences in media multitasking: A diary study. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 57(3), 392–408. doi: 10.1080/08838151.2013.816709
- Vygotskiy, L. S. (1966). Igra i ee rol' v psikhicheskom razvitii rebenka [Play and its role in the mental development of the child]. *Voprosy psikhologii*, 6, 62–76.
- Yang, X., & Zhu, L. (2016). Predictors of media multitasking in Chinese adolescents. *International Journal of Psychology*, 51(6), 430–438. doi: 10.1002/ijop.12187

Received 15.09.2021; Accepted 10.02.2022

Galina U. Soldatova – Professor, Department of Personality Psychology, Lomonosov Moscow State University, D. Sc. (Psychol), Professor, Full Member of Russian Academy of Education. E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Svetlana V. Chigarkova – Research Fellow, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD (Psychol.).

E-mail: chigars@gmail.com

Anastasia G. Koshevaya – Postgraduate Student, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: koshag@inbox.ru

Evgenia Yu. Nikonova – Research Fellow, Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: eniconova@mail.ru

УДК 159.922

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК РЕГУЛЯТОРНЫХ ПРОЦЕССОВ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

И.А. Филенко¹, С.А. Богомаз¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36*

Резюме

Целью настоящего исследования является изучение возможных изменений, вызванных фактором пандемии, в психологической системе обеспечения жизнедеятельности молодежи, связанных, в частности, с регуляторными процессами и ценностными ориентациями. Выборка состоит из 164 человек в возрасте 17–25 лет (средний возраст 19,4 года; 39,0% – мужчины), студенты г. Томска, и включает две равновесные подгруппы по 82 человека каждая (2019 и 2020 гг.).

Методы исследования: методика личностной готовности к деятельности (С.А. Богомаз) и «Портретный ценностный опросник – Пересмотренный» (Ш. Шварц). Методы анализа данных: рангово-бисериальная корреляция, регрессионный анализ, критерии различия – U-критерий Манна–Уитни и t-критерий Стьюдента, сетевой анализ.

Данные корреляционного и регрессионного анализа позволили обнаружить достоверные связи изучаемых психологических переменных с «фактором пандемии», которые значительно более выражены, чем связи с традиционными социально-демографическими переменными респондентов (пол, возраст, специальность). В большей степени это относится к переменным Планирование, Рефлексия, Сохранение. Использование статистических критериев различия обнаружило значимое снижение показателей Планирование, Рефлексия, Индекс ЛГД в 2020 г. по сравнению с 2019 г. Обнаружено значимое увеличение ценности высшего порядка Сохранение в 2020 г. Также увеличивается роль этого индикатора в сетевой структуре психологической системы обеспечения жизнедеятельности молодежи, в то время как роль ценности Открытость снижается. Эти явления отражают динамическую согласованность ценностных ориентаций молодежи с глобальными критическими факторами, связанными с пандемией.

Наблюдается перестройка структурных особенностей ценностной и регуляторной систем обеспечения жизнедеятельности молодежи в условиях пандемии. В сетевых графах 2019 г. представлен единственный центр – Целеполагание, выступающий в роли системообразующего фактора. В 2020 г. он заменяется кооперативным, полицентрическим образованием, объединяющим три близких по степени влияния на жизнедеятельность человека характеристики – Планирование, Рефлексия, Сохранение.

Ключевые слова: COVID-19; молодежь; ценности высшего порядка Ш. Шварца; готовность к деятельности; планирование; рефлексия; регрессионный анализ; сетевой анализ; фактор Байеса

Введение

С начала 2020 г. и по настоящее время жизнь всех людей претерпела кардинальные изменения на фоне распространения коронавируса, в связи с чем можно выделить следующие новые факторы, которые в последние два года оказывают существенное влияние на всех наших современников: значительно возросло воздействие неопределенности на человека в различных сферах его жизнедеятельности; произошло изменение привычных форм поведения людей, детерминированное пандемией, которое привело к разнообразным проявлениям внутриличностных и межличностных конфликтов, стало источником неблагоприятных психических состояний; существенно повысились риски психических и соматических расстройств, непосредственно не связанных с заболеванием коронавирусом; значительно усилилось воздействие недостоверной, искаженной информации на каждого человека (эффект «инфодемии»); жизненная перспектива многих людей сузилась за счет переноса важнейших целевых ориентиров из области будущего в область настоящего.

Ситуация пандемии явилась серьезным вызовом для всего человечества, предъявив высокие требования не только к социальным институтам с точки зрения надежности и устойчивости их функционирования в нестандартных ситуациях, но и к личностным ресурсам каждого человека, прежде всего к качествам жизнеспособности, стрессоустойчивости, саморегуляции, асертивности, взаимопомощи, которые могут повысить психологическое благополучие личности в условиях вынужденных ограничений. Задачи, стоящие перед психологами в этих условиях, связаны с разработкой средств психологической поддержки населения с учетом дифференциальных особенностей различных социальных групп. В связи с этим на протяжении последних двух лет в исследованиях психологов анализируются (в большинстве своем негативные) эффекты пандемии, связанные с различными психологическими переменными.

Значительное количество работ изучает неблагоприятные психические состояния, связанные с пандемией. Так, в исследовании С. Gonzalez-Sanguino и соавт. (2020) было установлено, что во время пандемии 18,7% опрошенных жителей Испании переживают состояние депрессии, 21,6% – тревожности, а для 15,8% характерны синдромы ПТСР. Сохранение духовного благополучия, по результатам данного исследования, является наилучшим способом защиты от неблагоприятных состояний. В общенациональном опросе в Китае в первом полугодии 2020 г., в котором приняли участие более 52 тыс. человек, почти 35% респондентов отметили, что испытывают психологический стресс из-за SARS-CoV-2 (Qiu et al., 2020). В этом исследовании женщины оказались более уязвимыми к стрессу, чем мужчины. В исследовании M.I. Lopez-Núñez, J.F. Díaz-Morales, M.E. Aparicio-García (2021) по результатам обзора литературы делается вывод, что распространенность симптомов нарушения психического здоровья во время пандемии COVID-19 относительно высокая и варьирует в разных странах, в частности

по показателю тревожных симптомов – от 6,33 до 50,9%, по депрессии – от 14,6 до 48,3%, по психологическому стрессу – от 34,43 до 38%. Выделены наиболее уязвимые социальные группы: женщины; лица моложе 40 лет; люди, страдающие хроническими или психиатрическими заболеваниями; безработные; студенты; лица, ориентированные на частое чтение новостей, связанных с COVID-19. Далее авторы приводят результаты собственного эмпирического исследования, проведенного в Испании (выборка 1 659 человек периода взрослости), направленного на выявление личностных и социальных предикторов психического здоровья во время пандемии. Ими обнаружено следующее: высокие показатели тревожности чаще демонстрируются молодыми людьми (до 30 лет), женщинами, офисными работниками, в связи с трудовыми и семейными конфликтами и при более низких уровнях эмоциональной стабильности и более высоких показателях социальной желательности; более высокие показатели депрессии выявлены у молодых людей, женщин, работающих дома, в связи с конфликтами на работе и в семье, а также в связи с более низкими показателями добросовестности, экстраверсии и эмоциональной стабильности; предикторами более высокой удовлетворенности жизнью являются большое количество людей, живущих вместе дома, более высокие показатели добросовестности, экстраверсии и эмоциональной стабильности и более низкие показатели социальной желательности.

В работе С.Н. Ениколопова, О.М. Бойко, Т.И. Медведевой, О.Ю. Воронцовой, О.Ю. Казьминой (2020) исследовалась динамика психологических реакций жителей России на начальном этапе развития пандемии – с 22 марта по 04 апреля 2020 г.: изучались копинг-стратегии, компоненты критического мышления, а также симптомы, связанные с состояниями депрессии, тревожности, враждебности. Исследование показало падение уровня конструктивного мышления и эмоционального совладания в ходе развития пандемии. Статистически значимо выросли показатели «эзотерического мышления», «наивного оптимизма» и на уровне статистической тенденции – «категорического мышления». Статистически значимо увеличивается уровень соматизации и растет число беспокоящих симптомов, также на уровне статистической тенденции растут фобии.

В исследовании Е.И. Рассказовой, Д.А. Леонтьева, А.А. Лебедевой (2020) показано, что у респондентов в ситуации самоизоляции отмечается более низкий уровень позитивных эмоций, но неудовлетворенности жизнью и негативных эмоций. Также обнаружено, что эмоционально ориентированные копинг-стратегии и мысленный уход от проблемы хотя и связаны с более высоким уровнем тревоги по поводу пандемии, но различаются по своей связи с удовлетворенностью жизнью. Так, для людей, реализующих стратегии мысленного ухода от проблемы, характерны более низкие уровни удовлетворенности жизнью.

В работе Б. Осина и соавт. (2021) приводятся результаты сравнения уровней психического здоровья в России и Испании в первые несколько недель 2020 г., когда были введены ограничительные меры. Отмечено, что

показатели депрессии и тревожности у испанских и российских респондентов значимо не различаются, тогда как уровень переживаемой дискриминации и интернализованной стигмы значимо выше в российской выборке. Также обнаружено, что воспринимаемая социально-психологическая поддержка в обеих странах положительно сказывается на показателях психического здоровья, но в Испании все источники поддержки вносят тот или иной вклад в психическое здоровье и эмоциональное состояние индивида, тогда как в России такую роль выполняет только поддержка со стороны семьи, положительно сказываясь на всех рассматриваемых показателях, снижая тревожность, депрессию, переживание дискриминации и интернализованной стигмы.

В исследовании Т.Л. Крюковой, Е.А. Силиной, А.М. Говорковой, О.А. Екимчик (2021), посвященном изучению уровней и качеств переживаемого стресса в ситуации угрозы COVID-19, а также особенностей проявления совладающего поведения обнаружено, что доминирующими копинг-стратегиями являются принятие, активный копинг и позитивная переоценка, самоотвлечение, поиск эмоциональной поддержки, планирование, юмор. Не было обнаружено различий между мужчинами и женщинами в выборе копинг-стратегий, а также в уровне переживаемого стресса между людьми от 17 до 25 лет и от 65 лет. Также нет значимых различий между мужчинами и женщинами в показателях ситуативного и множественного копинга, однако выбор ригидного копинга более характерен для мужчин, которые сложнее перестраивают свой копинг в кризисных ситуациях. Мужчины и женщины, которым свойствен *ригидный копинг*, переживают чувства подавленности, депрессивности и безнадежности, не могут успокоиться и расслабиться в стрессовых ситуациях, в отличие от тех, у кого выражен множественный копинг. *Ситуативный копинг*, напротив, снижает негативные чувства. *Множественный копинг* сильнее, чем ситуативный, влияет на снижение вышеперечисленных показателей, при этом уменьшает также чувство усталости и отсутствия энергии, чего не отмечается при ситуативном копинге. Также установлено, что хронические заболевания в ситуации новой угрозы здоровью COVID-19 увеличивают такие проявления стресса, как чувства подавленности, депрессивности и безнадежности, усталости и нехватки энергии.

В работе А.Л. Pedrosa и соавт. (2020) на основе анализа результатов многочисленных исследований, выполненных в 2020 г., показано, что значительный рост функциональных нарушений – скуки, стигматизации, беспокойства, фобии, разочарования и гнева – оказывает существенное влияние на психическое здоровье людей во время пандемии. При этом авторами выделяются наиболее уязвимые социальные группы, для каждой из которых существует своя специфика наблюдаемых психологических расстройств: дети, студенты, пенсионеры, медицинские работники, люди без определенного места жительства, иммигранты, больные, страдающие психическими заболеваниями, лица, перенесших инфекцию SARS-CoV-2 и др. Также отмечается, что ситуация пандемии сопровождается «инфодемией»,

которая не только характеризуется огромной частотой фальшивых и неточных новостей, но также является источником дополнительных угроз для психического здоровья населения, вызывая рост тревожных состояний, фобий, паники, депрессий, одержимости, раздражительности и паранойи, связанных с COVID-19. Авторы обращают внимание на необходимость мониторинга психического состояния населения, что может иметь решающее значение для осуществления новых защитных мероприятий и улучшения общего благополучия. Также в данной работе анализируются личностные ресурсы и социальные практики, которые позволяют смягчать негативное влияние пандемии на психическое здоровье населения. К ним относятся: стратегии, направленные на поиск и установление социальных связей, волонтерство, переключение повседневной активности на другие виды деятельности (хобби, прослушивание музыки, чтение, просмотр кинофильмов и телевидения, благоустройство дома), освоение техник декоративно-прикладного искусства, физические упражнения (в том числе и онлайн), вера, молитва, игра, приготовление пищи и выпечка, уход за домашними животными, садоводство, соблюдение рутинного или ежедневного плана в области психического здоровья, управление поступлением информации, сведение к минимуму мониторинга новостей с целью снижения уровня тревожности, соблюдение социального дистанцирования, обеспечение здорового сна, использование практик «телепсихологии» – дистанционных консультаций психологов и тренингов для наиболее уязвимых лиц.

В эмпирическом исследовании A. Büssing, D.R. Recchia, R. Hein, T. Dienberg (2020) в качестве антистрессовых ресурсов в условиях COVID-19 рассматриваются позитивные духовные состояния, медитационные и религиозные практики, использование когнитивных стратегий переоценки жизненных ситуаций, формирование внутреннего состояния благодарности. Люди, ориентированные на эти жизненные ресурсы, по мнению авторов исследования, демонстрировали более высокие уровни психологического благополучия и удовлетворенности жизнью, а также более низкие уровни стресса.

В работе В.В. Гриценко и др. (2020) исследуется переживание страха перед коронавирусом заболеванием в зависимости от выраженности базисных убеждений личности. По результатам обследования 950 человек в возрасте от 12 до 74 лет в марте 2020 г. авторы делают вывод о том, что базисные убеждения личности, в первую очередь убеждение в ценности и значимости собственного Я, выступают в качестве психологического ресурса преодоления страхов, связанных с коронавирусом заболеванием.

В эмпирическом исследовании A. Gabbiadini и соавт. (2020) изучается позитивная роль цифровых технологий в формировании чувства социальной поддержки и снижении таких негативных состояний, как тревога, одиночество, скука, гнев и раздражительность. Обнаружено, что цифровые технологии для общения и виртуальных встреч могут способствовать более высокому восприятию социальной поддержки, что, в свою очередь, связано с более низким чувством одиночества, скуки, гнева, раздражительности и большим чувством принадлежности. Тревога была единственной

переменной, на которую не повлияло использование цифровых технологий. Также обнаружено, что респонденты старшей возрастной группы в меньшей степени чувствовали себя одинокими, злыми, раздражительными, скучающими и встревоженными во время изоляции. У женщин в сравнении с мужчинами были выявлены более высокие уровни психологического стресса, т.е. более сильные чувства гнева, раздражительности, скуки и тревоги, что может объясняться большим количеством социальных ролей, которые они выполняли во время пандемии по сравнению с мужчинами.

В работе Ю.П. Зинченко, В.И. Моросановой, И.Н. Бондаренко (2021), исследовавших 1 634 респондентов в возрасте 18–60 лет, показано, что люди с высокой общей способностью к осознанной саморегуляции наилучшим образом справляются с требованиями самоизоляции. Установлено, что существует возрастная специфика регуляторных ресурсов самоорганизации человека в условиях самоизоляции, в частности в группе молодых людей ресурсы осознанной саморегуляции и уровень самоорганизации в условиях самоизоляции значимо ниже, чем у участников старшего возраста, но обеспечиваются более широким спектром регуляторных ресурсов. Обнаружено, что осознанная саморегуляция и эмоциональные состояния вносят независимый вклад в самоорганизацию жизни в период самоизоляции. Негативные состояния – тревога, эмоциональное истощение и беспомощность – усиливают трудности самоорганизации жизни и принятия неопределенности. Напротив, оптимизм вносит значительный вклад в осознанную саморегуляцию, опосредствующим образом положительно влияя на успешную самоорганизацию жизни и способствуя решению возникающих внешних и внутренних проблем. Делается вывод, что в ситуации самоизоляции для снижения стресса необходимо выбирать стратегию регуляции деятельности, а не состояния.

Ряд теоретических исследований посвящен изучению особенностей динамики ценностных ориентаций в условиях пандемии. Так, L.J. Wolf, G. Haddock, A.S.R. Manstead, G.R. Maio (2020), проанализировав структуру ценностей в модели Ш. Шварца, отмечают, что в условиях COVID-19 у большинства людей, ориентированных на выполнение социальных профилактических рекомендаций, следует ожидать снижение приверженности ценностям самосовершенствования и открытости и усиление приверженности ценностям самотрансценденции и сохранения. Это связано с тем, что люди, которые отдают значимое предпочтение самотрансценденции (т.е. ответственности) и консервативным ценностям (т.е. ценностям безопасности и сохранения), более способны в формировании адаптивных стратегий и лучше помогают другим преодолевать кризис.

В работе Т. Reeskens и соавт. (2021) анализируются отличия между разными видами интенций личности и выделяются группа «базовых ценностей», которые остаются устойчивыми в широком круге жизненных воздействий на человека, и группа «простых предпочтений», характеризующаяся высокой изменчивостью. Базовые ценности лежат в основе системы убеждений человека, формируются в детстве – в процессе ранней социализации

личности, и, по мнению авторов статьи, на протяжении жизни изменяются слабо, а ситуация пандемии на них практически не влияет. К этой группе авторы относят религиозные ценности, политическую идеологию, базальное социальное доверие, постматериальные ценностные ориентации. Изменяемые ценности, которые могут меняться в условиях COVID-19, – это ценности, связанные с доверием к конкретным социальным институтам, конфиденциальностью личной информации и др.

S. Steinert (2020) отмечает, что ценности могут меняться при изменении эмоционального климата в обществе, который в ситуации пандемии имеет в основном негативную окраску и связан с эмоциями страха, тревоги, печали, недоверия и гнева. В связи с этим в условиях COVID-19 ожидается изменение общественных ценностей в сторону ценностей, связанных с традициями, сохранением безопасности и предотвращением угроз, что в дальнейшем будет способствовать изменению политических ценностей. Также в работе делается вывод о том, что широкое изменение ценностей общества от ценностей, ориентированных на терпимость и открытость, к ценностям, подчеркивающим безопасность и стабильность, может усилить предпочтение людей политическим мерам, которые препятствуют прогрессу в области инклюзивной морали.

Проведенный анализ публикаций позволяет заключить, что современные эмпирические исследования в области психологии, изучающие эффекты пандемии, обращают основное внимание на формирование неблагоприятных психических состояний и в очень слабой степени – на другие психологические явления, связанные с когнитивными, регуляторными, интенциональными, поведенческими характеристиками человека.

В связи с этим целью данного исследования является изучение возможных изменений, вызванных фактором пандемии в 2020 г., в психологической системе обеспечения жизнедеятельности молодежи, связанных, в частности, с регуляторными процессами, а также с ценностными ориентациями.

Гипотеза настоящего эмпирического исследования: различия психологических показателей ценностной и регуляторной сфер, измеренных в однородных выборках респондентов 2019 и 2020 гг., могут быть статистически значимыми и в большей степени связаны с фактором пандемии, нежели с другими социально-демографическими характеристиками респондентов.

Данное исследование продолжает изучение психологических эффектов пандемии, частично описанных в предыдущей публикации авторов (Bokhan et al., 2021).

Методы и организация исследования

Выборка. Для проведения статистического анализа из массива данных, полученных в ходе комплексных исследований студенческой молодежи г. Томска, были сформированы две однородные выборки – по 82 человека каждая: одна включала респондентов 2019 г., другая – респондентов 2020 г. По своим возрастным, половым характеристикам, а также направлениям

профессиональной подготовки выборки не отличались (табл. 1). Общая выборка включала 164 человека возраста 17–25 лет.

Таблица 1

Характеристики выборки исследования

Характеристики респондентов	Выборка 2019 г.	Выборка 2020 г.	Общая выборка
Количество респондентов, N	82	82	164
Возраст, годы	$19,3 \pm 1,7^*$	$19,5 \pm 1,5^*$	$19,4 \pm 1,6$
Количество мужчин / женщин, N ₁ /N ₂	32/50	32/50	64/100
Количество студентов технических / гуманитарных специальностей, N ₃ /N ₄	57/25	57/25	114/50
<i>Примечание.</i> * – различия между возрастом респондентов незначимы: $t = 0,912$, $p = 0,363$ (t-критерий Стьюдента)			

Инструментарий. В исследовании использовались следующие методики: методика личностной готовности к деятельности (Буравлева, Богомаз, 2020; Атаманова, Богомаз, 2021) и «Портретный ценностный опросник – Пересмотренный», разработанный Ш. Шварцем (Шварц, Бутенко, Седова, Липатова, 2012), в модификации К.В. Сугоняева (2019), позволяющий оценивать ценностные ориентации вузовской молодежи.

Методика личностной готовности к деятельности включает следующие показатели: Целеполагание (6 пунктов) и Планирование (4 пункта) (разработаны на основе методики «Опросник самоорганизации деятельности» (Мандрикова, 2010), при этом исходные шкалы преобразованы с 7-балльной оценочной шкалы в 5-балльные); Системная рефлексия (разработана на основе опросника «Дифференциальный тест рефлексивности» Д.А. Леонтьева (2014), включает 7 наиболее информативных пунктов из 12 первичных, которые измеряются в 5-балльной шкале); шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева (2020), содержащая 5 пунктов, которые оцениваются по 5-балльной шкале. После процедуры нормализации этих четырех показателей в исходной версии опросника вычислялся суммарный Индекс личностной готовности к деятельности (ЛГД). Данная шкала применяется в контексте исследований молодежи совместно с методиками изучения ценностно-смысловой сферы и других психологических характеристик, значимых для успешной самореализации в современном обществе (Атаманова, Богомаз, 2021).

В методике Ш. Шварца (модификация К.В. Сугоняева) оценка пунктов проводилась с применением 5-балльной шкалы Лайкерта в диапазоне от «совсем не похож на меня» до «очень похож на меня». В данной работе анализировались следующие первичные показатели: Безопасность: общественная и Безопасность: личная (по ним рассчитывался индекс Личностная безопасность как среднее арифметическое упомянутых шкал); Традиции, Конформизм – Межличностный, Конформизм – Правила (по ним рассчитывался индекс ценности высшего порядка Сохранение); Самостоятель-

ность – Мысли, Самостоятельность – Поступки; Стимуляция (по ним рассчитывался индекс ценности высшего порядка Открытость изменениям, или Открытость).

Обработка данных. При обработке данных на первом этапе анализа определялись описательные статистики для изучаемых шкал, а также оценивались характеристики нормальности распределений. На втором этапе рассчитывались коэффициенты рангово-бисериальной корреляции между показателями опросников и социально-демографическими характеристиками.

На третьем этапе статистической обработки – для шкал, которые удовлетворяли требованиям нормальности распределений, был проведен регрессионный анализ. В качестве зависимых переменных исследовались психологические показатели, а в качестве независимых использовались социально-демографические характеристики: пол, возраст, год исследования, направления подготовки студентов.

На четвертом этапе применялись статистические критерии для выявления различий в показателях двух групп респондентов – 2019 и 2020 гг.: непараметрический U-критерий Манна–Уитни, t-критерий Стьюдента, а также критерий, связанный с расчетом фактора Байеса (Bayes factor₁₀), который в современных исследованиях оценивается как надежная альтернатива критериям, построенным на определении уровней статистической значимости p (Jarosz, Wiley, 2014; Garcia, Puga, 2018).

На завершающем этапе статистической обработки проводилось визуальное моделирование (сетевой анализ) частных корреляций между исследуемыми показателями – отдельно по группе 2019 г. и группе 2020 г. С.Л. Артеменков (2021), Е.И. Фриед и соавт. (2017) отмечают, что данный вид анализа позволяет выявить структурные особенности сложных психологических явлений. После этого было проведено качественное и количественное сравнение двух сетевых структур.

Для обработки данных использовались статистические пакеты программ – STATISTICA 13.3, а также jasp 0.14.1., который в настоящее время применяется в профессиональных психологических исследованиях (Хохлов, Словенко, 2020).

Результаты исследования

Поскольку социальная жизнь всех людей, в том числе и молодежи, в 2019 и 2020 гг. претерпела серьезные изменения, в данном исследовании предполагалось выявить их проявления на психологическом уровне. Для этого нами была введена гипотетическая переменная – «фактор пандемии», которая имеет значение 1 для выборки 2019 г. и значение 2 для выборки 2020 г. Для более детального изучения вероятных различий между респондентами с точки зрения социально-демографических факторов (возраст, пол), а также возможного фактора пандемии нами был проведен корреляционный анализ, в котором определялся рангово-бисериальный коэффициент корреляции. В качестве дихотомических переменных рассмотрены пол

респондентов; возраст респондентов (17–19 лет – 1-я группа, 20–25 лет – 2-я группа); фактор пандемии (респонденты 2019 г. – 1-я группа, респонденты 2020 г. – 2-я группа). Результаты анализа приведены в табл. 2.

Таблица 2

Значения рангово-бисериальной корреляции для измеряемых показателей для объединенной группы (N = 164 человека)

Показатели методик	Социально-демографические показатели		
	Пол	Возраст	Фактор пандемии
Целеполагание	0,043	0,070	0,049
Планирование	0,054	0,047	0,278***
Рефлексия	0,016	0,079	0,347***
Удовлетворенность жизнью	0,088	0,084	0,055
ЛГД	0,025	0,043	0,234***
Открытость	0,099	0,002	0,056
Сохранение	0,188*	0,015	0,237**
Личностная безопасность	0,080	0,134	0,171*

Примечание. Значения коэффициентов корреляции статистически достоверны на уровнях: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$

Как видно из табл. 2, фактор пандемии характеризуется статистически достоверными связями с показателями: Планирование ($r = 0,278$, $p < 0,001$), Рефлексия ($r = 0,347$, $p < 0,001$), ЛГД ($r = 0,234$, $p < 0,01$), Сохранение ($r = 0,237$, $p < 0,01$), Личностная безопасность ($r = 0,171$, $p < 0,05$). Статистически достоверные связи для других социально-демографических характеристик фиксируются только между показателями Пол и Сохранение ($r = 0,188$, $p < 0,05$). Для характеристики Возраст не выявлено достоверных корреляций с психологическими показателями.

Поскольку анализ распределений для общей выборки обнаружил, что часть из них (для показателей Целеполагание, Рефлексия) отклоняется от нормального, изучение регрессионных зависимостей в дальнейшем проводилось только для переменных с нормальным распределением, при этом в качестве зависимых показателей выступали показатели психологических методик, а в качестве независимых – социально-демографические характеристики: пол, возраст, направление профессиональной подготовки, фактор пандемии. В табл. 3, 4 приведены статистические показатели четырех регрессионных моделей, обладающих приемлемыми характеристиками регрессионных зависимостей.

Как следует из табл. 3, полученные регрессионные модели значимы с точки зрения рассматриваемой характеристики F критерия Фишера (модели 1, 2) или имеют тенденцию к статистической значимости (модели 3, 4).

Результаты табл. 4 для трех регрессионных моделей свидетельствуют, что в моделях 1 и 2 наиболее существенной независимой переменной является фактор пандемии, т.е. изменения в показателях Планирование и Сохранение детерминированы эффектом пандемии. В модели 3 наиболее существенный вклад в изменение показателя Безопасность вносят два близких по величине фактора: фактор пандемии и фактор специальности.

В модели 4 наиболее существенный вклад в изменение показателя ЛГД вносит фактор пандемии.

Таблица 3

Статистические показатели для четырех регрессионных моделей – зависимые переменные Планирование, Сохранение, Безопасность, ЛГД

Модель	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Зависимые переменные	Планирование	Сохранение	Безопасность	Деятельность
Независимые переменные	Пол, возраст, специальность, фактор пандемии			
R	0,249	0,253	0,229	0,216
R ²	0,062	0,064	0,053	0,047
F-критерий Фишера	2,62	2,72	2,20	1,95
p, значимость модели	0,037	0,031	0,071	0,100

Таблица 4

Статистические характеристики для коэффициентов регрессии (независимые переменные – пол, возраст, специальность, фактор пандемии) для четырех регрессионных моделей, приведенных в таблице 3

Статистические характеристики	Независимые переменные в моделях регрессии			
	Пол	Возраст	Специальность	Фактор пандемии
Модель 1 (независимая переменная – Планирование)				
Коэффициенты регрессии	–0,153	–0,0009	–0,162	–0,530
Стандартная ошибка	0,188	0,061	0,221	0,173
t-статистика	–0,814	–0,015	–0,733	–3,06
p-значение	0,417	0,988	0,465	0,003
Модель 2 (независимая переменная – Сохранение)				
Коэффициенты регрессии	–0,143	0,015	0,061	0,197
Стандартная ошибка	0,083	0,027	0,098	0,077
t-статистика	–1,720	0,558	0,619	2,56
p-значение	0,087	0,577	0,537	0,011
Модель 3 (независимая переменная – Безопасность)				
Коэффициенты регрессии	–0,074	0,039	0,185	0,150
Стандартная ошибка	0,088	0,029	0,103	0,081
t-статистика	–0,841	1,359	1,790	1,856
p-значение	0,402	0,176	0,075	0,065
Модель 4 (независимая переменная – ЛГД)				
Коэффициенты регрессии	–0,052	0,005	0,050	–0,229
Стандартная ошибка	0,093	0,030	0,110	0,086
t-статистика	–0,556	0,170	0,455	–2,664
p-значение	0,579	0,866	0,650	0,009

В табл. 5 приведены статистические показатели по критериям различия для двух групп респондентов – 2019 и 2020 гг. В качестве критериев использовались непараметрический U-критерий Манна–Уитни; t-критерий Стьюдента для показателей, распределение которых близки к нормальному, а также критерий, связанный с расчетом фактора Байеса (Bayes factor₁₀), позволяющий определить отношение вероятности принятия альтернативной гипотезы к вероятности принятия нулевой гипотезы для сравниваемых наборов данных. Согласно современным исследованиям, фактор Байеса мо-

жет являться более надежным статистическим показателем, характеризующим статистический вывод в задачах выявления различий (Jarosz, Wiley, 2014; Garcia, Puga, 2018), чем традиционные статистические показатели.

Таблица 5

**Статистические показатели по критериям различия
для двух групп респондентов – 2019 и 2020 гг.**

Показатели	Группа 2019 г. (N = 82)	Группа 2020 г. (N = 82)	Фактор Байеса ₁₀	Знач. U- критерия Манна– Уитни	Стат. значи- мость по U- критерию Манна– Уитни, p	Знач. t-ста- истики для крите- рия Стью- дента	Стат. значи- мость по критерию Стьюдента, p
	M ₁ (δ_1)*	M ₂ (δ_2)*					
Планирование	3,34 (1,04)	2,81 (1,16)	13,101	–	–	3,097	0,002
Рефлексия	4,02 (0,66)	3,61 (0,74)	94,621	2 195	< 0,001	–	–
ЛГД	3,65 (0,51)	3,42 (0,57)	4,450	–	–	2,679	0,008
Сохранение	3,59 (0,46)	3,79 (0,52)	3,817	–	–	–2,614	0,010
Личностная безопасность	4,13 (0,53)	4,29 (0,50)	1,013	–	–	–1,976	0,050
Целеполагание	4,02 (0,62)	3,93 (0,73)	0,231	3 199	0,592	–	–
Открытость	3,99 (0,52)	4,04 (0,51)	0,198	–	–	–0,584	0,560
Удовлетворен- ность жизнью	3,20 (0,73)	3,31 (0,74)	0,272	–	–	–1,019	0,310
<i>Примечание.</i> * – M ₁ (δ_1) и M ₂ (δ_2) – средние (M ₁ и M ₂) и стандартные отклонения (δ_1 и δ_2) для показателей групп 2019 и 2020 гг.							

Как видно из табл. 5, ряд показателей демонстрирует значимые различия при сравнении групп респондентов 2019 и 2020 гг. Так, для показателя Планирование тест Стьюдента демонстрирует значимость различий на уровне $p = 0,002$, а фактор Байеса, равный 13,101, свидетельствует о сильных (положительных) аргументах в пользу альтернативной статистической гипотезы H_1 , т.е. о значимости различий между группами. При этом показатель Планирование существенно снижается в 2020 г. по сравнению с 2019 г.

Для показателя Рефлексия, который в группе 2020 г. существенно ниже, чем в группе 2019 г., критерий Манна–Уитни демонстрирует значимые различия на уровне $p < 0,001$ между респондентами 2019 и 2020 гг. Фактор Байеса, равный 94,621, свидетельствует об очень сильных аргументах в пользу альтернативной статистической гипотезы H_1 в выявлении различий между группами по показателю Рефлексия (т.е. о наличии значимых различий между выборками 2019 и 2020 гг.).

Для показателя ЛГД критерий Манна–Уитни демонстрирует значимые различия на уровне $p = 0,008$ между респондентами 2019 и 2020 гг. Фактор Байеса, для этой переменной равный 4,450, свидетельствует о существенных аргументах в пользу альтернативной статистической гипотезы разли-

чий H_1 . Также в 2020 г. среднегрупповые уровни показателя ЛГД ниже, чем в 2019 г.

Для показателя Сохранение, который в группе 2020 г. выше, чем в группе 2019 г., критерий Стьюдента демонстрирует значимые различия на уровне $p = 0,010$ между респондентами 2019 и 2020 гг. Фактор Байеса, равный 3,817, свидетельствует о существенных (позитивных) аргументах в пользу альтернативной статистической гипотезы различий H_1 для данного показателя.

Для переменной Личностная безопасность обнаружена значимая тенденция (на уровне $p = 0,050$) возрастания данного показателя в 2020 г. по сравнению с 2019 г. Для трех переменных – Целеполагание, Открытость, Удовлетворенность жизнью – статистические критерии не выявили значимых различий между группами 2019 и 2020 гг.

Следующим этапом анализа стало изучение частных корреляций между изучаемыми показателями – отдельно для данных 2019 и 2020 гг. Результаты данного анализа являются предпосылкой к последующему визуальному моделированию, которое наглядно представляет сетевые структуры, описывающие взаимосвязи между переменными для рассматриваемых групп (рис.1). Визуальное моделирование (сетевой анализ) проводилось в программе jasp 0.14.1.

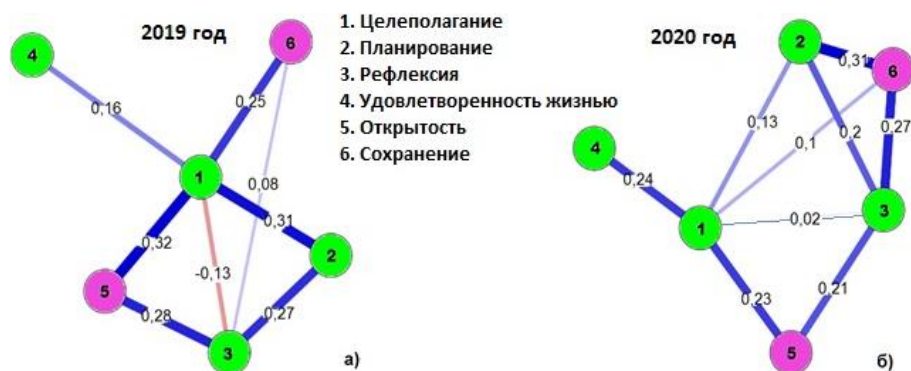

Рис. 1. Сетевые взаимосвязи показателей для групп респондентов 2019 г. (а) и 2020 г. (б): фиолетовым цветом выделены узлы для ценностных показателей; зеленым – для показателей методики ЛГД; цифрами обозначены коэффициенты частных корреляций

Как видно из рис. 1, в 2020 г. происходит перестройка сетевых связей по сравнению с 2019 г. В частности, отрицательная связь между Целеполаганием и Рефлексией (2019) в 2020 г. отсутствует; показатель Целеполагание, который в 2019 г. играет роль системообразующего фактора, в 2020 г. ослабляет свои связи с другими узлами. В 2020 г. появляется четко выраженная локальная подсеть, объединяющая три показателя – Планирование, Рефлексия и Сохранение, которые, по сути, образуют новый «коллективный центр» всей сети. Также существенные изменения происходят в ценностных факторах: ценность высшего порядка Открытость, которая превалирует

ет в 2019 г. над ценностью Сохранение (по силе корреляционных связей), в 2020 г. ослабляет свои связи с другими узлами, а ценность высшего порядка Сохранение из «слабого» (по характеристикам корреляционных связей) узла в 2019 г. превращается в один из ведущих узлов всей системы в 2020 г.

Эти же закономерности отмечаются и на рис. 2, где приведены количественные характеристики ожидаемого влияния для различных показателей в группах 2019 и 2020 гг. Значения ожидаемого влияния узлов рассчитываются с учетом трех базовых количественных характеристик сети (Артемков, 2021; Erpskamp, Borsboom, Fried, 2018): близости, которая является инвертированной суммой всех коротких путей от одного узла ко всем другим узлам; промежуточности, измеряющей количество коротких путей между двумя узлами, которые идут через рассматриваемый узел; силы связи, характеризующей суммарную величину всех корреляционных связей для данного узла.

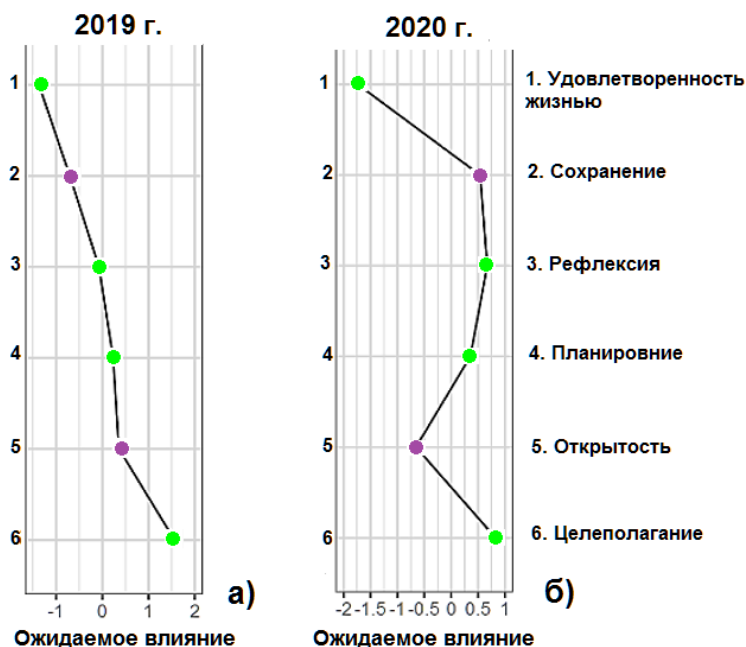

Рис. 2. Характеристика ожидаемого влияния для различных показателей в группах 2019 г. (а) и 2020 г. (б). по вертикали цифрами обозначены показатели: 1 – Удовлетворенность жизнью; 2 – Сохранение; 3 – Рефлексия; 4 – Планирование; 5 – Открытость; 6 – Целеполагание; по горизонтали приведены значения характеристики «Ожидаемое влияние»

Из рис. 2 следует, что в 2019 г. ведущим по степени ожидаемого влияния на другие показатели является Целеполагание, а на втором месте – Открытость. «Аутсайдерами» в 2019 г. являются показатели Удовлетворенность жизнью и Сохранение. В 2020 г. три показателя – Целеполагание, Рефлексия и Сохранение – становятся практически равными по силе влия-

ния, т.е. система становится полицентричной. В свою очередь, показатель Открытость в 2020 г. становится одним из наиболее слабых показателей системы.

Обсуждение результатов

Представленные выше результаты рангово-бисериальной корреляции (см. табл. 2), регрессионного анализа (см. табл. 3, 4), применения критериев различия (см. табл. 5), визуального моделирования частных корреляций (см. рис. 1, 2) позволяют заключить, что описанный в начале статьи гипотетический «фактор пандемии», различный для двух выборок – 2019 и 2020 гг., связан со значимыми изменениями в психологической системе жизнедеятельности молодежи в возрасте 17–25 лет. Если рассматривать специфику этих годов, то именно начало пандемии, приходящееся на январь 2020 г., и последующее ее распространение на различные социальные группы с параллельным влиянием на все социальные и экономические институты стран мира и России в частности являются тем кардинальным отличием, которое выделяет 2020 г. от 2019 г. и предыдущих, относительно предсказуемых по своим изменениям. Полученные результаты эмпирически подтверждают выводы современных публикаций, в которых отмечается, что фактор пандемии усиливает стремление людей к консервативным ценностям – сохранению и безопасности (Steinert, 2020), и ослабляет ориентацию на ценности открытости.

На основании полученных результатов (см. табл. 5) можно сделать вывод, что все изучаемые регуляторные характеристики – Планирование, Целеполагание, Рефлексия, индекс ЛГД – снижаются в 2020 г. по сравнению с 2019 г. Также важным является то, что наибольшие изменения претерпевают Рефлексия, Планирование и ценность высшего порядка Сохранение. Причем для Планирования и Рефлексии, с одной стороны, характерны значимые снижения уровней этих показателей в 2020 г. по сравнению с 2019 г., а с другой стороны, данные переменные становятся более связными, согласованными, скоординированными для обеспечения жизнедеятельности молодежи в новых условиях (см. рис. 1, 2). Наблюдаемый значимый рост ценности высшего порядка Сохранение в 2020 г. у молодежи по сравнению с 2019 г. отражает динамическую природу ценностных ориентаций и возможности их существенной перестройки в годы, связанные с кризисными ситуациями. Динамика ценностей Сохранение и Открытость, которая обнаружена в данном исследовании у студенческой молодежи в период 2019–2020 гг., соотносится со сходными результатами, представленными F.M. Sorthaix, P.D. Parker, C.M. Lechner, S.H. Schwartz (2017), изучавшими влияние глобального экономического кризиса 2008 г. на ценности молодежи возраста 16–35 лет в 16 европейских странах. Так, авторы обнаружили существенное усиление ценности высшего порядка Сохранение, а также снижение ценности высшего порядка Открытость непосредственно после пика экономического кризиса 2008 г. – в 2009 и 2010 гг., по сравнению с докризисным периодом.

Приведенные на рис. 1, 2 особенности сетевых структур изучаемых показателей в периоды 2019 и 2020 гг. свидетельствуют, что в спокойные годы ведущими ресурсами обеспечения жизнедеятельности молодежи являются Целеполагание и Открытость, а в экстремальные годы – Сохранение, Рефлексия и Планирование.

Заключение

По результатам проведенного исследования регуляторных и ценностных характеристик молодежи в 2019 и 2020 гг. можно сделать следующие выводы:

1. Результаты корреляционного и регрессионного анализа обнаружили достоверные связи изучаемых психологических переменных с фактором пандемии, которые значительно более выражены, чем связи с традиционными социально-демографическими переменными респондентов (пол, возраст, специальность), что позволяет говорить о возможном влиянии пандемии на психологическую систему обеспечения жизнедеятельности молодежи. В большей степени это относится к переменным Планирование, Рефлексия, Сохранение.

2. Использование статистических критериев различия обнаружило значимое снижение показателей Планирование, Рефлексия, Индекс ЛГД в 2020 г. по сравнению с 2019 г., что свидетельствует о негативном влиянии пандемии на развитие регуляторного компонента системы обеспечения жизнедеятельности у современной молодежи.

3. Значимое повышение уровня ценности высшего порядка Сохранение вместе с возрастанием роли данного показателя в сетевой структуре психологической системы обеспечения жизнедеятельности молодежи с одновременным снижением роли ценности высшего порядка Открытость свидетельствует о возможной динамической согласованности ценностных ориентаций молодежи с глобальными критическими факторами социальной жизни, в частности о базовой ориентации молодежи в период 2020 г. на Сохранение в ущерб Открытости. Данное явление имеет две грани: позитивную, связанную с тем, что в последние два года молодежь больше стала обращать внимание на Сохранение (в том числе в его физических, психологических и социальных аспектах); негативную, связанную с тем, что ориентация на Сохранение и отвержение Открытости проявляется в снижении социальных контактов, а также в меньшей приверженности инновативному поведению.

4. Перестройка структурных особенностей ценностной и регуляторной систем обеспечения жизнедеятельности молодежи приводит в условиях пандемии к появлению в сетевых графах вместо единого моноцентрического образования, выступающего в роли системообразующего фактора (Целеполагание в 2019 г.), кооперативного, полицентрического образования, объединяющего три близких по степени влияния на жизнедеятельность человека характеристики – Планирование, Рефлексия, Сохранение (в 2020 г.).

5. Возможно, данные эффекты связаны с перестройкой временной перспективы молодежи в направлении от базовой ориентации на Будущее к ориентации на повседневность, т.е. на задачи Настоящего.

6. Ограничения данного исследования связаны с набором переменных, которые были включены в рассмотрение, а также с относительно небольшими объемами изучаемых выборок. Однако эти моменты не отразились, по мнению авторов статьи, на статистической значимости и репрезентативности полученных результатов, а также на описанных выше закономерностях, позволяющих лучше понять причины наблюдаемых феноменов.

Итоги проведенного исследования могут быть полезными современным специалистам гуманитарного профиля – психологам, педагогам, социологам, изучающим вопросы развития молодежи в условиях интенсивных социальных изменений. Дальнейшие изыскания в рассматриваемом проблемном поле могут быть связаны с изучением особенностей изменений в психологической системе обеспечения жизнедеятельности молодежи под влиянием не только пандемии, но и других факторов, с учетом дифференциальной специфики отдельных социальных групп, отличающихся гендерными, возрастными, профессиональными особенностями.

Литература

- Артеменков, С. Л. (2021). Проблемы построения и анализа упорядоченных сетей частных корреляций в психологических исследованиях. *Моделирование и анализ данных*, 11(3), 36–56. doi: 10.17759/mda.2021110303
- Атаманова, И. В., Богомаз, С. А. (2021). Ценностные и деятельностные ориентации вузовской молодежи: выбор между безопасностью и инновационностью. *Science for Education Today*, 11(1), 59–74. doi: 10.15293/2658-6762.2101.04
- Буравлева, Н. А., Богомаз, С. А. (2020). Личностные особенности студентов как прогностические характеристики их готовности к инновационной деятельности. *Сибирский психологический журнал*, 76, 155–180. doi: 10.17223/17267080/76/10
- Гриценко, В. В., Резник, А. Д., Константинов, В. В., Маринова, Т. Ю., Хоменко, Н. В., Израйловиц, Р. (2020). Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности. *Клиническая и специальная психология*, 9(2), 99–118. doi: 10.17759/cpse.2020090205
- Ениколопов, С. Н., Бойко, О. М., Медведева, Т. И., Воронцова, О. Ю., Казьмина О. Ю. (2020). Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19. *Психолого-педагогические исследования*, 12(2), 108–126. doi: 10.17759/psyedu.2020120207
- Зинченко, Ю. П., Моросанова, В. И., Бондаренко, И. Н. (2021). Осознанная саморегуляция как ресурс самоорганизации жизни и преодоления негативных эмоциональных состояний в период пандемии (2021). В кн. Ю. П. Зинченко (ред.), *Психологическое сопровождение пандемии COVID-19* (с. 133–164). М.: Изд-во Моск. ун-та. doi: 10.11621/гпо.2021.06
- Крюкова, Т. Л., Силина, Е. А., Говоркова, А. М., Екимчик, О. А. Совладание со стрессом в ситуации пандемии COVID-19 и самоизоляции (2021). В кн. Ю. П. Зинченко (ред.), *Психологическое сопровождение пандемии COVID-19* (с. 189–198). М.: Изд-во Моск. ун-та. doi: 10.11621/гпо.2021.08
- Леонтьев, Д. А., Осин, Е. Н. (2014). Рефлексия «Хорошая» и «Дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(4), 110–135.
- Мандрикова, Е. Ю. (2010). Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД). *Психологическая диагностика*, 2, 59–83.

- Осин, Б., Кастелланос, М. А., Шайгерова, Л. А., Алмазова, О. В., Гонзалес-Сангвино, К., Ваханцева, О. В., ... Муньоз, М. (2021). Психическое здоровье населения и влияющие на него факторы в период введения мер по сдерживанию пандемии COVID-19 в России и Испании: общее и особенное. В кн. Ю. П. Зинченко (ред.), *Психологическое сопровождение пандемии COVID-19* (с. 360–382). М.: Изд-во Моск. ун-та. doi: 10.11621/гпо.2021.15
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Рассказова, Е. И., Леонтьев, Д. А., Лебедева, А. А. (2020). Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание. *Консультативная психология и психотерапия*, 28(8), 90–108. doi: 10.17759/cpr.2020280205
- Сутоняев, К. В. (2019). Исследование психометрических характеристик опросника «Шкала академической мотивации» в контексте аттестационного тестирования. *Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review*, 5(27), 207–220. doi: 10.23951/2307-6127-2019-5-207-220
- Хохлов, Н. А., Словенко, Е. Д. (2020). Нейропсихологические предикторы школьной неуспеваемости. *Вестник Московского университета, Сер. 14. Психология*, 3, 291–313. doi: 10.11621/vsp.2020.03.13
- Шварц, Ш., Бутенко, Т. П., Седова, Д. С., Липатова, А. С. (2012) Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 43–70.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 08.09.2021 г.; принята 10.02.2022 г.

Филенко Игорь Александрович – доцент кафедры общей и педагогической психологии, Томский государственный университет, кандидат психологических наук, доцент.
E-mail: filen5725@mail.ru

Богомаз Сергей Александрович – профессор кафедры организационной психологии, Томский государственный университет, доктор психологических наук, профессор.
E-mail: bogomazsa@mail.ru

For citation: Filenko, I. A., Bogomaz S. A. (2022). Changing the Characteristics of Regulatory Controls and Value Orientations of Students in the Context of a Pandemic. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 46–66. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/3

Changing the Characteristics of Regulatory Controls and Value Orientations of Students in the Context of a Pandemic

I.A. Filenko¹, S.A. Bogomaz¹

¹ Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract

The aim of this study is to study possible changes caused by the pandemic factor in the psychological system of ensuring the psychological health of young people, related to regulatory controls and value orientations.

The sample consisted of 164 university students, 17 to 25 years of age (the mean age is 19.4 years; and 39.0% are males), divided into two equal investigation groups of 82 people from 2019 and 2020.

Research methods: “Personal Readiness for Activity (PRA)” scale (I. V. Atamanova, S. A. Bogomaz) and “Portrait Value Questionnaire-Revised (PVQ-R)” (Sh. Schwartz). Data analysis methods: rank-biserial correlation, regression analysis, Mann-Whitney U-test, Student's t-test, network analysis.

Results: The data of correlation and regression analysis revealed relationships between the studied psychological variables and the “pandemic factor”, which are significantly more pronounced than the common socio-demographic relationships from before the pandemic from a variety of respondents (gender, age, specialty). To a greater extent, this applies to the variables of Planning, Reflection, and Conservation.

The use of statistical criteria for differences revealed a significant decrease in the indicators of Planning, Reflection, and the PRA Index in 2020 compared to 2019.

We found a significant increase in the level of higher-order value of Conservation in 2020. The role of this indicator in the network structure of the psychological system for ensuring psychological health of young people is also on the rise, while the role of the value of Openness is on the decline. These phenomena reflect the dynamic consistency of youth value orientations with global critical factors related to the pandemic.

There is a restructuring of the structural features of the value and regulatory controls for ensuring the psychological health of young people in the context of a pandemic. In the network graphs of 2019, a single center is represented – Goal setting, which acts as a system-forming factor. In 2020, it was replaced by a cooperative, polycentric subsystem that combines three characteristics that are similar in their degree of influence on human life – Planning, Reflection, and Conservation.

Keywords: COVID-19; university students; Sh. Schwartz higher-order values; readiness for activity; planning, reflection, regression analysis; network analysis; Bayes factor

References

- Artemenkov, S. L. (2021). The Issues of Construction and Analysis of Ordered Partial Correlation Networks in Psychological Research. *Modelirovanie i analiz dannykh – Modelling and Data Analysis*, 11(3), 36–56. doi: 10.17759/mda.2021110303
- Atamanova, I. V., & Bogomaz, S. A. (2021). Tsennostnye i deyatelnostnye orientatsii vuzovskoy molodezhi: vybor mezhdru bezopasnost'yu i innovatsionnost'yu [Value and activity orientations of university youth: the choice between safety and innovation]. *Science for Education Today*, 11(1), 59–74. doi: 10.15293/2658-6762.2101.04
- Bokhan, T. G., Galazhinsky, E. V., Leontiev, D. A., Rasskazova, E. I., Terekhina, O. V., Ulyanich, A. L., ... Vidyakina, T. A. (2021) COVID-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 18(2), 259–275. doi: 10.17323/1813-8918-2021-2-259-275
- Buravleva, N. A., & Bogomaz, S. A. (2020). Personal Characteristics of Students as Predictors of their Readiness to Innovate. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 76, 155–180. doi: 10.17223/17267080/76/10
- Büssing, A., Recchia, D. R., Hein, R. & Dienberg, T. (2020) Perceived changes of specific attitudes, perceptions and behaviors during the Corona pandemic and their relation to wellbeing. *Health and Quality of Life Outcomes*, 18(1):374, 1–17. doi: 10.1186/s12955-020-01623-6
- Enikolopov, S. N., Boyko, O. M., Medvedeva, T. I., Vorontsova, O. Yu., & Kazmina O. Yu. (2020). Dynamics of Psychological Reactions at the Start of the Pandemic of COVID-19. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya – Psychological-Educational Studies*, 12(2), 108–126. doi: 10.17759/psyedu.2020120207
- Epskamp, S., Borsboom, D., & Fried, E. I. (2018) Estimating psychological networks and their accuracy: a tutorial paper. *Behavior Research Methods*, 50, 195–212. doi: 10.3758/s13428-017-0862-1

- Fried, E. I., van Borkulo, C. D., Cramer, A. O. J., Boschloo, L., Schoevers, R. A., & Borsboom, D. (2017). Mental disorders as networks of problems: A review of recent insights. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 52(1), 1–10. doi: 10.1007/s00127-016-1319-z
- Gabbiadini, A., Baldissarri, C., Durante, F., Valtorta, R. R., De Rosa, M., & Gallucci, M. (2020) Together Apart: The Mitigating Role of Digital Communication Technologies on Negative Affect During the COVID-19 Outbreak in Italy. *Front. Psychol.*, 11:554678, 1–11. doi: 10.3389/fpsyg.2020.554678
- Garcia, A. M. R.-R., & Puga, J. L. (2018) Deciding on Null Hypotheses using P-values or Bayesian alternatives: A simulation study. *Psicothema*, 30(1), 110–115. doi: 10.7334/psicothema2017.308
- Gonzalez-Sanguino, C., Ausin, B., Castellanos, M. A., Saiz, J., Lopez-Gomez, A., Ugidos, C., & Munoz, M. (2020) Mental health consequences during the initial stage of the 2020 Coronavirus pandemic (COVID-19) in Spain. *Brain Behav Immun.*, 87, 172–176. doi: 10.1016/j.bbi.2020.05.040
- Gritsenko, V. V., Reznik, A. D., Konstantinov, V. V., Marinova, T. Yu., Khomenko, N. V., & Izraylovits, R. (2020). Fear of Coronavirus Disease (COVID-19) and Basic Personality Beliefs. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical Psychology and Special Education*, 9(2), 99–118. doi: 10.17759/cpse.2020090205
- Jarosz, A., & Wiley, J. (2014) What Are the Odds? A Practical Guide to Computing and Reporting Bayes Factors. *Journal of Problem Solving*, 7, 2–9. doi: 10.7771/1932-6246.1167
- Khokhlov, N. A., & Slovenko, E. D. (2020). Neyropsikhologicheskie prediktory shkol'noy neuspevaemosti [Neuropsychological predictors of school failure]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 3, 291–313. doi: 10.11621/vsp.2020.03.13
- Kryukova, T. L., Silina, E. A., Govorkova, A. M., & Ekimchik, O. A. (2021) Sovladanie so stressom v situatsii pandemii COVID-19 i samoizolyatsii [Coping with stress in the situation of the COVID-19 pandemic and self-isolation]. In Yu. P. Zinchenko. (Ed.), *Psikhologicheskoe soprovozhdenie pandemii COVID-19* [Psychological Support of the COVID-19 Pandemic] (pp. 189–198). Moscow: Moscow State University. doi: 10.11621/rpo.2021.08
- Leontiev, D. A., & Osin, E. N. (2014). “Good” And “Bad” Reflection: From An Explanatory Model To Differential Assessment. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(4), 110–135.
- Lopez-Núñez, M. I., Diaz-Morales, J. F., & Aparicio-Garcia, M. E. (2021). Individual differences, personality, social, family and work variables on mental health during COVID-19 outbreak in Spain. *Personality and Individual Differences*, 172, 110562, 1–6. doi: 10.1016/j.paid.2020.110562
- Mandrikova, E. Yu. (2010). Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deyatel'nosti (OSD) [Development of a self-organization questionnaire (OSA)]. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2, 59–83.
- Osin, B., Castellanos, M. A., Shaygerova, L. A., Almazova, O. V., Gonzalez-Sangvino, K., Vakhantseva, O. V., ... Munoz, M. (2021). Psikhicheskoe zdorov'e naseleniya i vliyayushchie na nego faktory v period vvedeniya mer po sderzhivaniyu pandemii COVID-19 v Rossii i Ispanii: obshchee i osobennoe [Mental health of the population and factors influencing it during the period of introduction of measures to contain the COVID-19 pandemic in Russia and Spain: general and special information]. In Yu. P. Zinchenko. (Ed.), *Psikhologicheskoe soprovozhdenie pandemii COVID-19* [Psychological Support of the COVID-19 Pandemic] (pp. 360–382). Moscow: Moscow State University. doi: 10.11621/rpo.2021.15
- Osin, E. N. & Leontiev, D. A. (2020). Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of*

- Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Pedrosa, A. L., Bitencourt, L., Frôes, A. C. F., Cazumbá, M. L. B., Campos, R. G. B., de Brito, S. B. C. S., & Simxes e Silva, A. C. (2020) Emotional, Behavioral, and Psychological Impact of the COVID-19 Pandemic. *Front. Psychol.*, 11:566212, 1–18. doi: 10.3389/fpsyg.2020.566212
- Qiu, J., Shen, B., Zhao, M., Wang, Z., Xie, B., & Xu, Y. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications and policy recommendations. *Gen. Psychiatry*, 33(2):e10021, 1–3. doi: 10.1136/gpsych-2020-100213
- Rasskazova, E. I., Leontiev, D. A., & Lebedeva, A. A. (2020). Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping. *Konsultativnaya psikhologiya i psi-khoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 28(3), 90–108. doi: 10.17759/cpp.2020280205
- Reeskens, T., Muis, Q., Sieben, I., Vandecasteele, L., Luijckx, R., & Halman, L. (2021). Stability or change of public opinion and values during the coronavirus crisis? Exploring Dutch longitudinal panel data. *European Societies*, 23(Suppl. 1), S153–S171. doi: 10.1080/14616696.2020.1821075
- Khokhlov, N. A., & Slovenko, E. D. (2020). Neyropsikhologicheskie prediktory shkol'noy neuspevaemosti [Neuropsychological predictors of school failure]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 3, 291–313. doi: 10.11621/vsp.2020.03.13
- Schwartz, Sh., Butenko, T. P., Sedova, D. S., & Lipatova, A. S. (2012) A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(2), 43–70.
- Sortheix, F. M., Parker, P. D., Lechner, C. M., & Schwartz, S. H. (2017) Changes in young europeans' values during the global financial crisis. *Social Psychological and Personality Science*, 10(1), 15–25. doi: 10.1177/1948550617732610
- Steinert, S. (2020) Corona and value change. The role of social media and emotional contagion. *Ethics Inf. Technol.*, 21, 1–10. doi: 10.1007/s10676-020-09545-z
- Sugonyaev, K. V. (2019). The study of psychometric properties of the academic motivation scale in high stake testing context. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*, 5(27), 207–220. doi: 10.23951/2307-6127-2019-5-207-220
- Wolf, L. J., Haddock, G., Manstead, A. S. R., & Maio, G. R. (2020). The importance of (shared) human values for containing the COVID-19 pandemic. *British Journal of Social Psychology*, 59(3), 618–627. doi: 10.1111/bjso.12401
- Zinchenko, Yu. P., Morosanova, V. I., & Bondarenko, I. N. (2021). Osoznannaya samoregulyatsiya kak resurs samoorganizatsii zhizni i preodoleniya negativnykh emotsional'nykh sostoyaniy v period pandemii [Conscious self-regulation as a resource for self-organization of life and overcoming negative emotional states during a pandemic]. In Yu. P. Zinchenko. (Ed.), *Psikhologicheskoe soprovozhdenie pandemii COVID-19* [Psychological Support of the COVID-19 Pandemic] (pp. 133–164). Moscow: Moscow State University. doi: 10.11621/rpo.2021.06

Received 08.09.2021; Accepted 10.02.2022

Igor A. Filenko – Associate Professor, Department of General and Pedagogical Psychology, Tomsk State University, Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: filen5725@mail.ru

Sergey A. Bogomaz – Professor, Department of Organizational Psychology, Tomsk State University, D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: bogomazsa@mail.ru

УДК 159.9.01

ИНФОРМАЦИОННО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПСИХИЧЕСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ В СОЗНАТЕЛЬНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ СУБЪЕКТА

С.И. Дьяков¹, С.Н. Костромина²

¹ Севастопольский государственный университет, Россия, 299053, Севастополь, ул. Университетская, 33

² Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Резюме

Представлен семантический подход в исследовании психической самоорганизации (ПСО) личности как субъекта сознательного самоуправления. Под ПСО понимается синергетическая система психической деятельности в единстве сознания и неосознаваемых автоматизмов и установок, в динамике социокультурного взаимодействия личности.

Цель и задачи: Изучение семантических свойств субъектности в информационно-синергетической системе ПСО личности; выявление роли интеллекта в управлении произвольной деятельностью сознания.

Материалы и методы. На выборке (N = 2 000) с использованием метода интроспекции в групповой форме работы испытуемых изучены семантические характеристики информационно-синергетической системы ПСО субъекта.

Результаты. Полученные результаты проанализированы в аспекте субъективной семантики опыта. Раскрыта специфика психических процессов в ПСО субъекта. Описан механизм управления вниманием с помощью мышления в самоорганизации мыслепотока в сознании. Выявлены семантические свойства мыслепотока и автономности мыслеобразования в ПСО, а также механизмы управления мыслепотоком в ПСО процесса мышления с помощью направленной (в аспекте цели) внутренней речи и образных представлений (сознательная самоорганизация процесса мыслепостроения).

Выводы. Личность выступает «наблюдателем» относительно происходящих процессов и явлений в пространстве ПСО, будучи идентифицированной со своими мыслями в осознании значения и смыслов (семантики) мыслепостроения. Построение ПСО мыслепотоков и мыслеобразований происходит путем их направленного контроля в аспекте потребностно(ценностно)-смысловой самоорганизации. Субъектность в ПСО раскрывается в волевом выборе, который, как и другие процессы, требует сознательной самоорганизации деятельности (контроля и произвольного построения), программа реализации которой переходит далее в систему автоматизмов ПСО.

Ключевые слова: информационно-семантическая система; психическая самоорганизация; мыслепоток; мыслеобразование; субъект; субъектность личности

...предметом психологии становится
субъект в непрерывном процессе функ-
ционирования и развития его психики
А.В. Брушлинский

Введение

В контексте современной субъектной парадигмы в психологии актуальной является задача исследования механизмов сознательной самоорганизации и произвольного самоуправления в целях оптимизации жизнедеятельности и самореализации личности (Леонтьев, 2016). А.В. Брушлинский, говоря о «психологии субъекта», подчеркивал сложное соотношение субъекта и его психических процессов, состояний и свойств. Вместе с тем он делал акцент на процессе мышления и отмечал, что личность и группа индивидов являются *субъектами мышления* (Брушлинский, 2003), а также что мышление, «...функционируя в основном на уровне бессознательного, отчасти осуществляется относительно автономно и управляется, контролируется субъектом лишь косвенно, опосредствованно – через систему целей, осознаваемых мотивов и т.д.» (там же, с. 62). Таким образом, «многоуровневая взаимосвязь сознательного и бессознательного – одна из наиболее актуальных и трудных проблем психологии субъекта» (там же, с. 63).

В свое время Аристотель говорил о том, что воля человека раскрывается на основе разума. В аспекте автономности мышления воля есть самопроизвольное, автоматизированное действие (Жане, 2009). Речь идет о запрограммированных в бессознательном установках и диспозициях, о конструктах интеллектуально-логических алгоритмов и сетей, отражающих информационно-семантические концепты опыта индивида в жизненном континууме информационной системы социокультурной организации общества и цивилизации (ноосферы). В то же время воля как основной аспект субъектности позволяет человеку делать выбор, принимать решения и самостоятельно управлять своими поступками и действиями, тем самым, как и на уровне мышления, проявляя взаимосвязь сознательного и бессознательного.

В психолингвистике информационно-семантические концепты обсуждаются в аспекте обусловленности восприятия и мышления структурами языка (Ч. Осгуд, Э. Сепир, Б. Уорф), которые складываются в логические алгоритмы и семантические сети (Žáček, Telnarová, 2009). К.А. Абульханова (2021), основываясь на работах С.Л. Рубинштейна, рассматривает природу мышления как социальную: в контексте детерминации сознания личности общественным сознанием. Сознание личности является уже не общественным сознанием как таковым, а отражает установленные социумом схемы, стереотипы, законы, которые усваиваются в индивидуальном опыте социализации и персонализации (Ali, 2019). Таким образом, субъектность личности проявляется в самоорганизации жизнедеятельности с помощью мышления (на основе словесного языка и речи), сознания и воли. Их комплементарность определяет психическую самоорганизацию (ПСО)

и обуславливает способность человека сознательно контролировать и управлять когнитивными, эмоциональными и мотивационными психическими процессами и функциями.

Однако человек в значительной мере не контролирует бессознательные (подсознательные) процессы, которые автоматизированы. Будучи связанными в функциональную систему, они становятся автономными механизмами ПСО и саморегуляции (ПСР). Сознание индивида представляет собой автоматизированную саморефлективную систему самоорганизации личности (например, как в модели С.Л. Рубинштейна: «познание–переживание–отношение» и др.). В результате мы наблюдаем диалектику системы ПСО в становлении человека как сознающего субъекта, где управление «снизу вверх» сменяется руководящей ролью «вершинных структур» (Л.С. Выготский), движением от сложившихся автоматизмов и установок в пространстве социокультурного взаимодействия в информационном поле познания жизни к сознательной самоорганизации. В данной связи А.В. Петровский указывает на социокультурную обусловленность сознания, на то, что сознание индивида уникально, но *не произвольно*, потому что обусловлено внешними относительно сознания и независимыми от него факторами, т.е. другими людьми как носителями сознания (Петровский, Ярошевский, 1990).

Подобный взгляд импонирует положениям отечественной физиологии (рефлекторным концепциям И.П. Павлова и И.М. Сеченова, коллективной рефлексологии В.М. Бехтерева), а также принципу понимания природы психики как системы отображения реальности. И.М. Сеченов по этому поводу отмечал, что все психические процессы, в том числе и сознательные, суть рефлексы (Сеченов, 1953). В.М. Бехтерев говорил о коллективных рефлексах поведения. Такая постановка проблемы умаляет собственную волю и переводит сущность человеческого Я в разряд социокультурной обусловленности (социокультурного информационно-семантического программирования личности), определяя отраженную природу ПСО субъекта. По мнению Ч. Кули, *социальная самость* – это просто какая-то идея или система идей, вытянутая из коммуникационной жизни и взлелеянная умом как своя собственная, а субъект – это сумма психических реакций человека на поступки окружающих людей (Кули, 2007).

Объективность исследований ПСО раскрывается в нейронауках, определяющих связь функционирования мозга с психическими функциями и свойствами. Когнитивная наука в аспекте категоризации ПСО уточняет лингвосемантические конструкторы, паттерны и сети системы значений и смысловой структуры индивидуального и социокультурного опыта (Kim, 2019; Matsuka et al., 2019). В психологии доказана культурно-историческая социогенетическая обусловленность развития высших психических функций и сознания человека (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.). Этим определяется проблема места и роли личности как субъекта сознательной активности в системе ПСО и жизнедеятельности человека, а вместе с тем – проблемы свободы, воли, выбора. Таким образом, возникает сразу две ис-

следовательские линии. Первая связана с изучением информационно-семантической системы ПСО личности как синергетической (саморазвивающейся) системы в социальном пространстве и жизненном поле посредством словесно-логических обобщений и семантического структурирования информации. В результате этого человек становится способным к сознательной активности (понимать смысл и делать выбор, принимать решения и организовывать свою жизнь) и, таким образом, обретает свою субъектность. Вторая кроется в междисциплинарном характере ПСО, интегрирующей нейрофизиологические характеристики структурно-функциональной самоорганизации когнитивной системы, опосредованный личностью жизненный опыт, культурные и средовые условия, обуславливающие онтогенетическую эволюцию субъекта.

Отдельной проблемой выступает методология исследований ПСО. В отечественной психологии исследования в этой области сосредоточены на изучении методов психической саморегуляции (ПСР) (Леонтьев, 2016), контроля и самоконтроля, а также метакогнитивного знания (В.И. Моросанова, Е.А. Сергиенко (Сергиенко, 2015), Е.И. Перикова и др. (Перикова, Бызова, 2021)). Контекстом для исследований служат когнитивные системы (Kitsantas, Baylor, Hiller, 2019), процессы обучения (Tian, Fang, Li, 2018; Xiao, Yang, 2019), спортивные достижения (McCormick, Meijen, Anstiss, Jones, 2019), клинические нарушения (Lajoie, Zheng, Li, Jarrell, Gube, 2019). Большая часть исследований демонстрирует междисциплинарные связи и предполагает трансдисциплинарный подход в рамках синергетики, нейронаук и когнитивной науки (Bernstein, Hadash, Fresco, 2019; Костромина и др., 2015). Реальность рассматривается как самоорганизующаяся система взаимодействующих подсистем разного уровня и порядка (Brier, 2021). Однако во главу угла становится человек как субъект созидающий, как творец, контролирующий энтропию реальности и формирующий свою ПСО (Клочко, 2005; Badcock, Friston, Ramstead, 2019).

Цель данного исследования – изучение семантических свойств субъектности в информационно-синергетической системе ПСО личности. Основной задачей является выявление роли интеллекта (как когнитивно-информационной системы) в управлении произвольной деятельностью сознания для построения семантической системы чувства–знания и структуры смыслообразования в ПСО. Иными словами, как «Разум организует мир, организуя самого себя» (Piaget, 1937, с. 311).

В качестве основной **гипотезы** выступило следующее предположение. Психика человека как система во многом функционирует в автономном режиме сложившихся в индивидуальном опыте информационно-логических смысловых программ. ПСО личности является запрограммированной (прежде всего социокультурно) психологической информационно-семантической системой. Соответственно, субъект выступает агентом социокультурного взаимодействия, а Я человека – это его самоидентификация с содержанием семантических конструкторов и концептов своего сознания, мыслей и чувств, раскрывающихся в пространстве психического переживания.

Методология эмпирического исследования предполагает самонаблюдение испытуемыми за внутренними процессами и функциональными состояниями, раскрывающими специфику и механизмы психической самоорганизации личности.

Методы исследования

Ведущим методом исследования выступила индивидуальная интроспекция в групповой форме работы испытуемых. В настоящее время этот метод возвращает себе актуальность (Петренко, 2007; Desbordes, Negi, 2013), позволяя подтверждать аналогии или определять вариации в наблюдаемых испытуемыми психических явлениях. В современных работах его часто относят к так называемым «созерцательным практикам» (contemplative practices), которые составляют подгруппу методов экспериментальной феноменологии и используются для преднамеренных вариаций переживаний посредством изменения направления внимания и выбора отношения в соответствии с устными инструкциями (Lundh, 2018). Экспериментальная феноменология активно применяется в изучении измененных состояний сознания (Berkovich-Ohana, 2017; Petitmengin, van Beek, Bitbol, Nissou, Roesporff, 2018 и др.) и психопатологии (Tercero et al., 2021). В данной связи знаменательны слова нобелевского лауреата Р. Сперри: «Когнитивная интроспективная психология и связанные с ней науки о познавательных функциях уже не могут более оставаться вне поля зрения экспериментаторов (Sperry, 1982). Значимость созерцательных практик возрастает (Bitbol, Petitmengin, 2013), как и экспериментальной феноменологии в целом, однако требуется их методологическая стандартизация (Grossman, 2018).

Это ориентировало нас на использование интроспекции в групповом варианте организации квазиэксперимента, состоящего из нескольких серий. *Независимыми переменными* выступили:

- 1) собственные мысли (чувственно-понятийные психические информационные субстраты), отслеживаемые самостоятельно субъектом. Как образно-чувственные и лингвистические паттерны (понятия и выражения, составляющие внутреннюю речь) они наполнены эмоциональными впечатлениями и представляют значимые фрагменты опыта человека;

- 2) значения и смыслоопределения (семантические свойства) мыслеформ;

- 3) чувственно-понятийные психические информационно-семантические программы, представляющие собой образно-чувственные ассоциации и словесно-логические наделенные смыслом аспекты индивидуального опыта.

Зависимыми переменными были:

- 1) психические переживания, впечатления и побуждения

- 2) результаты раскрытия (смысловой интерпретации) содержания мысли;

- 3) формы и последовательности реагирования и активности индивида на информационные стимулы программы мыслеформ (в виде внутренних психических и органических реакций и внешних физических действий либо бездействия).

Организация исследования. Исследование проводилось в групповой форме. Возраст испытуемых варьировал от 15 до 50 лет ($M = 23$, $\sigma = 2,5$) (Дьяков, 2021). Всего в исследовании приняли участие 2 000 человек (520 мужчин, 1 480 женщин). Исследование проводилось на протяжении 17 лет в условиях естественной обстановки со студентами, в том числе заочного отделения, и учащимися старших классов школ, на учебных занятиях по психологическим дисциплинам, в Крыму, Донецкой и Николаевской областях.

Структура и процедура квазиэксперимента

Серия 1 проводилась на всей выборке. *Цель – выяснить, насколько мы способны сознательно, по своей воле контролировать свои мысли и, следовательно, программы переживаний и действий.* Во время занятий по психологическим дисциплинам учащимся представляется классический теоретический материал о формах психических явлений, структуре и механизмах психики. Краткое содержание: «Наша психика является системой, которая связана с функционированием органического субстрата – нервной системы, и прежде всего головного мозга. В основном психика человека функционирует автономно, произвольно, неосознанно, однако мы можем в определенной степени управлять психическими процессами сознательно. Наши мысли связываются в определенные логические алгоритмы (программы) и в результате повторяющегося опыта событий автоматизируются и в дальнейшем складываются в мыслепоток сами по себе, произвольно. Но таким образом мысли влияют на направленность наших действий и деятельности, мотивов и целей. Получается, что мы лишь наблюдаем за происходящим в нашей психике и соглашаемся или не соглашаемся с ходом и логикой мыслей, переживаем определенные эмоциональные, также произвольные, впечатления удовольствия или неудовольствия в зависимости от возможности или невозможности удовлетворения имеющихся потребностей». Затем предлагается провести опыт: нужно «остановить свои мысли», т.е. 1–2 минуты ни о чем не думать, чтобы остановились образы и отсутствовала внутренняя речь.

Инструкция к заданию серии 1. «Давайте проведем небольшой опыт. Сядьте удобно, закройте глаза и расслабьтесь. Остановите ваши мысли, не думайте ни о чем (далее ведущий направляет ход самонаблюдения испытуемых). Наши мысли раскрываются в нашем сознании в двух формах: в форме образов (зрительных, слуховых и т.д.) и в языковой словесной форме как внутренняя речь. Поэтому остановите зрительный образ, который возник на вашем внутреннем экране, или представьте любой обычный объект, например яблоко, или пусть это будет просто фон, черный или цветной, – любой образ остановите, пусть он застынет, и остановите внутреннюю речь. Вы так хотите».

Серия 2. *Цель – выяснить способность трансформации образов тревожных переживаний.* В аналогичной обстановке испытуемым ($N = 180$,

возраст 18–20 лет) предлагалось тренинговое упражнение, направленное на управление и трансформацию образов, эмоций и ощущений, связанных с негативными переживаниями своего прошлого опыта: «Закройте глаза; подумайте о том, что вас беспокоит». В результате у испытуемых возникали ассоциации сцен тревожных переживаний событий прошлого. Затем испытуемых инструктировали, что как только они почувствуют неприятное состояние (негативные ощущения в теле и негативное эмоциональное волнение), им надо образно сделать шаг назад и как бы выйти из своего тела, оставаясь далее в той же ситуации в роли «наблюдателя» себя (прием диссоциации). Далее испытуемым предлагалось наполнить сюжет наблюдения альтернативными модальностями восприятия образа ситуации.

Серия 3. Цель – тренировка способности останавливать образы и внутреннюю речь, произвольные мыслепотоки путем концентрации внимания на определенных участках тела или контроля дыхания. В аналогичной групповой обстановке испытуемым (N = 180, предыдущая выборка) предлагалось тренинговое упражнение: групповой вариант аутогенной тренировки. Участники погружались в легкий транс и могли последовательно наблюдать, как изменяются характеристики функционирования их психики и изменяется их собственное психическое и физиологическое состояние (в состоянии отстраненности от внешних раздражителей, развивающейся мышечной релаксации, устойчивой концентрации внимания). Ведущий настраивал испытуемых на самостоятельное управление (организацию) своими образами и внутренней речью с помощью повторения речевых формулировок ведущего, произносимых от первого лица (чтобы создать образец испытуемым для повторения), например: «Я полностью сосредоточен на ощущениях в указательном пальце моей правой руки». Далее самоорганизация мыслепотока у испытуемых достигалась ими в условиях мышечной релаксации путем концентрированного наблюдения за своими ощущениями в направляемой последовательности сканирования участков тела, а также наблюдения за управляемым ими собственным дыханием. Вместе с тем использовались элементы самовнушения (испытываемые про себя повторяли положения, произносимые тренером от первого лица, например: «Я способен управлять своим вниманием, управлять своими мыслями и т.д.»).

Другой вариант задания: испытуемые сами погружались в транс с помощью аутогенной тренировки (АТ) или медитации и наблюдали происходящие изменения в теле и психике.

Результаты исследования

Результаты серии 1 «Остановка мыслей» представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты задания «Остановка мыслей» (N = 2 000, %)

Остановка мыслей	Возможна	Невозможна
	0,03	99,9

Испытуемые убеждались в том, что это сделать невозможно. То есть естественное состояние функционирования психики представляет собой непрерывный процесс движения (течения) мыслей, мыслеобразов (информации) в психической системе. Это подтверждает тот факт, что психика функционирует в автономном (автоматическом) режиме, и можно, следовательно, наблюдать мысли и информационно-смысловые программы определенного содержания, которые разворачиваются перед внутренним взором (на внутреннем экране) в психическом пространстве индивида (в речевом сопровождении), имеющего сознательное намерение (как субъект) остановить течение мыслей.

Результаты серии 2. Ассоциации сцен тревожных переживаний событий прошлого показывают, что картины негативных запечатлений присутствовали практически у всех испытуемых. Очевидно, негативные аспекты опыта отмечены у каждого человека. Но тот факт, что они есть и автономно вызывают негативные переживания и состояния у испытуемых, говорит о присутствии в ПСО информационно-семантических паттернов, вызывающих внутренние стрессирующие и порой деструктивные последствия в жизнедеятельности. В результате использования приема диссоциации и изменения модальностей восприятия картины испытуемые наблюдали ослабление присутствовавших до того неприятных ощущений и негативных переживаний. Таким образом, испытуемые фиксировали способность самостоятельно управлять беспокоящей переживаемой ситуацией, сложившимся автоматизированным комплексом тревоги, трансформировать его содержание и значение и нейтрализовывать навязчиво действующие до того сцены переживаний (табл. 2). При дальнейшем использовании данного упражнения тревожные воспоминания сглаживались и теряли актуальность.

Таблица 2

Трансформирование комплекса тревоги (N = 180, %)

Полностью	Частично	Не удается
26	62	12

Результаты серии 3. После того как испытуемые наблюдали, что мысли остановить невозможно (серия 1), их просили оставаться в этом состоянии (с закрытыми глазами) и продолжать просто наблюдать за происходящим во внутреннем пространстве, не думать ни о чем и пробовать найти какой-то практический способ остановить поток мыслей. Результаты «внутреннего созерцания» за тем, что «делают» мысли (т.е. какие вызывают эффекты) и что «делает» разум, как функционирует внимание и проявляются эмоции, выявлялись с помощью вопросов ведущего либо в процессе интроспекции (находясь с закрытыми глазами), либо после сеанса.

Участникам задавались следующие вопросы.

1-й вопрос. Что вызывают мысли (какие реакции)? Наиболее частые варианты ответов: «мысли отвлекают», «задают какие-то действия», «задают направление действий на решение каких-либо задач». Мысли несут

в себе значения и потому вызывают переживания о чем-то, что волнует, значимо.

2-й вопрос. Что делает ваш разум? Варианты ответов: «разум автоматически принимается решать возникающие в сознании задачи», «в ситуации, когда не должно быть никаких заданий и задач, разум все равно пытается их отыскать», «направить сознание и внимание на актуальные проблемы и задачи», «происходит анализ, оценивание и поиск сути, значения, смысла, в том числе, в чем состоит сама задача “не думать ни о чем”». Автоматически возникают заключения типа: «а для чего, зачем это нужно?», «это не имеет смысла?», «не опасно ли это?» и т.п. Отмечается социокультурный контекст оценки («А как правильно?», «Как положено» и т.п.). Наблюдается работа механизмов тревоги в ситуации неопределенности.

3-й вопрос. Можно ли остановить свои мысли, поток мыслей? На этот вопрос испытуемые были вынуждены дать отрицательный ответ. В общей выборке испытуемых ($N = 2\,000$) лишь единицы (6 чел.) дали ответ, что у них получается некоторое время наблюдать остановку мыслей. В данной ситуации организации опыта можно полагать, что присутствует влияние дополнительной переменной, связанной с условиями группового воздействия на заключение отдельного испытуемого (испытуемые соглашались с заключениями других). Однако многократные повторения, а также проведение индивидуальной интроспекции показывают, что показатель в аспекте способности остановить поток мыслей не изменяется. Данный показатель (и фактор диссимуляции, выделения личной значимости в задании) незначительный, менее 1%. Испытуемые, которые отмечают способность остановить мысль, продолжительное время занимались тренировками по системе йоги, один испытуемый отметил специфику ступора мыслей в результате детской травмы.

4-й вопрос. Что происходит с вниманием? Насколько удастся управлять своим вниманием? Результаты: самонаблюдение в такой среде четко показывает и дает возможность испытуемым убедиться в том, что их внимание направляется содержанием значений мыслей и актуальностью аспектов жизни, которые они отражают. Ответы: «внимание следует за ходом возникшей мысли, ее значение задает тему мышления», «переключается на возникающие мысли, значение которых актуально для жизни». Возникающие самостоятельно, «без разрешения субъекта», образы и словесные паттерны раскрываются в представлениях и логических размышлениях, оформленных в словах и выражениях, внутренней речи, и имеют выраженный, значимый заряд впечатлений (часто проблемный), вызывающих переживания и побуждения. Однако, как показывает практика аутотренинга и медитации, возможно более устойчивое произвольное управление вниманием, что позволяет организовывать и направлять сами мысли, включать определенный канал мыслительной активности и выключать при этом другой, сознательно переключая психическую активность и деятельность с одного вида на другой. Это не требует волевого усилия. Надо отметить, что на протяжении XX в. в зарубежной психологии вместо понятия воли

использовалось понятие «произвольное внимание» (Иванников, 1991). В классической системе йоги (в «восьмеричном пути Будды») концентрация («дхарана») внимания занимает шестую ступень (из восьми) и является ключом к «включению» состояния медитации (от лат. – размышление), состояния продуктивного размышления.

5-й вопрос. Какие психические эффекты возникают в результате работы мышления? Ответы: «возникают переживания», «волнения», «непроизвольные мысли», «отвлечение», «переключение внимания на актуальные или тревожные аспекты деятельности».

6-й вопрос. Мысли сопровождаются эмоциями и чувствами. Можно ли управлять эмоциями, когда возникают тревожные мысли? По этому поводу респонденты отмечают, что можно, но сложно. Испытуемые заключают, что управлять эмоциями порой невозможно, так как они усиливают волнение и вызывают тревожные или страстные переживания и желания (мотивацию), нарушая психическое равновесие и формируя ситуативный дисбаланс настроения, самочувствия и поведения. В практике жизни, закрепляясь в определенных способах реагирования и подкрепляясь когнитивной интерпретацией, эмоции оформляются в чувства (путем осознанного или неосознанного запечатления и опредмечивания), которые формируют в ПСО устойчивые аспекты отношений к определенным вещам и становятся факторами возбуждения и побуждения (мотивации) активности личности как субъекта, отражающего специфику своей ПСО. Также респонденты приходят к выводу, что основной задачей в саморегуляции являются управление своими эмоциями («именно эмоции создают стрессовое состояние, дискомфорт») и организация своих чувств, отражающих систему ценностей, желаний и возможностей и определяющих систему отношений к миру и жизни и благополучию.

7-й вопрос. Можно ли управлять своими мыслями? Варианты ответов: «да, можно, но мысли должны быть организованы и направлены на оптимальные переживания», «важно научиться останавливать непроизвольный поток мыслей, отражающий автоматизированную активность психики и мозга», «мыслепоток нельзя остановить (например, негативных переживаний), его надо организовывать, перенаправить в другое русло позитива», «мысль в психике отражается, оформляется в форме образа и слова внутренней речи», «мыслепоток самоорганизуется (путем определения значения, смысла (семантика), актуальности ситуации или темы переживания и логического построения решения задачи), если его не контролировать». В целом ответы на этот вопрос позволяют заключить, что ПСО личности строится в контексте семантики задач и решений и определяет субъектность (осознание) позиций отношения, намерений и действий.

8-й вопрос. Можно ли управлять своим психическим и функциональным состоянием? Варианты ответов. «состояния формируются непроизвольно, однако можно и важно научиться управлять своим состоянием», «это связано с управлением мыслями, вниманием и эмоциями». Основным фактором психической саморегуляции все же выступает внимание (отклю-

чаться от проблем, переключаться в нужное русло размышления, направлять внимание и удерживать сосредоточенность сознания). Респонденты отметили для себя, что, управляя и направляя внимание (как в аутогенной тренировке, медитации), мы организовываем свои сознание и деятельность.

9-й вопрос. Что вы наблюдали в состоянии расслабленности в аутогенной тренировке? Ответы: «возникают необычные состояния», «в состоянии спокойствия мысли обретают постоянное направление», «легко собирается информация для решения задач», «эмоциональное состояние нейтральное», «спонтанные интуитивные функции способствуют решению задач (связанных с деятельностью или снятием напряжения)», «возникает состояние позитива». В варианте АТ или медитации испытуемые отмечали, что в таком состоянии (отстраненности от внешнего мира, концентрации на нейтральных стимулах, спокойствия и расслабленности, собранности и направленности) происходят значимые изменения в теле и психике: чувство спокойствия, спонтанные мыслепотоки замедляются и исчезают, мысли принимают устойчивую нейтральную направленность, эмоциональное состояние выравнивается, появляется позитивная мотивация. Далее испытуемые либо засыпали, либо входили в безмятежное состояние, в котором информация сценария легко и свободно складывается в спокойные мыслеобразы непроизвольно раскрывающейся интуитивной сенсорно-перцептивной репродукции и фантазии (по сценарию медитации или АТ).

В процессе квазиэксперимента не возникали вопросы о воле как усилении. Данный аспект в ПСО связан с произвольным контролем внимания и мыслеобразования путем организации образов и внутренней речи в поле сценария.

Полученные характеристики психических процессов в ПСО субъекта представлены в обобщенном виде в табл. 3.

Таблица 3

Характеристики психических процессов в ПСО субъекта

Мышление	Внимание	Внутренняя речь	Эмоции
Автоматически решаются задачи проблемной области, анализа или критики происходящего	Автоматически переключается внимание на задачу, ситуацию, имеющую значимость, либо на привычные сюжеты переживаний	Автоматически складывается относительно актуальности потребностей	Автоматически возникают, актуализируют, усиливают, побуждают к действиям
Проблемные, критические мысли отвлекают от задачи ситуации	Фокусировка создается актуальностью, значимостью области переживания, задачи	Раскрывает аспекты значения ситуации, стимула, актуальности целей (семантика)	Волнуют, тревожат, мешают сосредоточению
Мысли невозможно остановить произвольно	Неустойчиво, непродолжительна устойчивость вне актуальности, значения ситуации (семантика)	Невозможно остановить произвольно	Сложно управлять тревогой, переживая трудные, проблемные сюжеты, при страхе, азарте – сильных реакциях эмоций

Окончание табл. 3

Мышление	Внимание	Внутренняя речь	Эмоции
Для самоорганизации мыслепотока его нужно перевести в другое русло, тему переживания, задачу, используя организацию внутренней речи и образов в поле концентрации внимания и осознания сценария	Для самоорганизации мыслепотока переключить в нужное поле, используя внутреннюю речь и образную концентрацию	Для самоорганизации мыслепотока строить произвольно речь в целевом поле нужного значения (семантика) относительно образной картины и ощущений	Раскрывают позитивное / негативное значение и значимость ситуации переживания (семантика). Успокаиваются при нейтральной, расслабляющей семантике переживаний
В практике ауто-тренинга и медитации мыслепоток устойчив и направлен в аспекте семантики цели	В практике ауто-тренинга и медитации устойчиво и направлено в аспекте семантики цели	В практике ауто-тренинга и медитации строится в аспекте семантики цели или стереотипном повторении мантры и т.п.	В практике ауто-тренинга и медитации успокоены и направлены в аспекте семантики цели

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют сделать выводы в аспекте моделирования ПСО субъекта.

1. Психическая самоорганизация человека как система складывается и функционирует во многом в автономном режиме протекания информационно-семантических ассоциативно-логических программ переживания опыта в пространстве жизнедеятельности. Алгоритмы данных программ представляют собой информационные (образно-чувственные и словесно-понятийные) ассоциации и логические построения понимания–отношения (в аспекте значения и смысловой оценки решений и выбора субъекта) в контексте опыта личности. Жизненные аспекты ассоциаций и размышлений составляют виды и темы семантических концептов (образов, чувств и категорий), в которых человек как субъект (осознающий, т.е. понимающий и способный управлять своими психическими и практическими процессами) является по большей части «наблюдателем» и, будучи идентифицирован со своими мыслями, – «соглашателем» относительно происходящих процессов и явлений во внутреннем (психическом) пространстве жизни. Таким образом, можно полагать, что воля человека как субъекта активности – явление самопроизвольное, автономное – логически создаваемый семантический конструкт выбора в идентификации субъекта.

2. Человек самоорганизует жизнедеятельность относительно запрограммированной информационно-семантической синергетической системы его ПСО. Содержанием программ является пространственно-временная самоорганизация жизненного пространства психически отражаемой действительности в индивидуальном опыте, структурированная семантически.

3. ПСО представляет собой запрограммированную (прежде всего социокультурно) систему, программы которой содержат алгоритмы семантик социокультурных статусно-ролевых нормативов и эталонов ценностей. Факторами программирования в ПСО личности в таком случае выступают, с одной стороны, условия окружающей среды и социокультурного окружения (как возможности), с другой – потребности и ценности, создающие поле индукции побуждений, впечатлений и переживания значения и значимости аспектов личного опыта в контексте задач происходящего и перспективных целей. Сам субъект выступает как «Я осознающий центр» системы ПСО, в которой Я проявляется и с которым самоидентифицируется. Этот психический интегрируемый (самоорганизованный) и далее интегрирующий (самоорганизующий) центр оформляется как самосознание (Я-концепция) личности, содержанием которого являются когнитивно-эмоциональные и чувственно-понятийные структуры самопознания, определяющие позиции выбора и мотивации в жизненном пространстве и времени.

ПСО субъекта можно представить в виде графической модели (рис. 1).

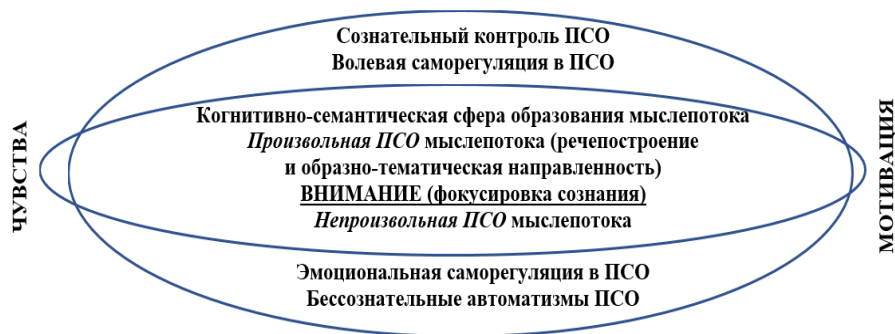

Рис. 1. ПСО субъекта

Субъект идентифицирует себя со своими мыслеобразованиями – чувствами, которые составляют его сущность, душевный склад. Чувства как осмысленные паттерны личного опыта (не вполне осознанного) определяют его идентификацию и являются факторами выбора и мотивации активности мыслепотоков и практической деятельности. Мысли и мыслепостроение имеют *рациональное, эмоциональное и волевое значение* в аспекте поиска решений, удовлетворения потребностей.

Субъект в ПСО пытается согласовать ход мыслей и направить их в желаемое (чувство смысла) и необходимое (чувство ответственности) русло размышления, переживания, целенаправленных действий и поступков, проявляя свою волю. Мысли несут в себе значения и потому вызывают переживания о чем-то, что волнует, что является значимым для индивида. Разум (интеллектуально-когнитивная сфера) автоматически принимается решать возникающие в фокусе сознания (области направленности внимания) задачи, ориентируясь на ценностно-мотивационные образования,

семантические концепты, отражающие эмоционально фиксированные оценочные впечатления относительно полученных конструкторов опыта. Остановить поток мыслей представляется сложным (мозг похож на автомат без кнопки «выкл.») (Бендлер, 2000). Мысли текут в потоке автономного семантически ориентированного функционирования психического аппарата и, в сущности, составляют специфику процессов и содержание самой системы ПСО. Внимание направляется автоматически содержанием значений, актуальностью мыслей, и субъект, в свою очередь, призван контролировать и направлять свое внимание в определенное русло событий, воспоминаний и перспектив, организовывая свои мыслепроцессы и практическую активность жизнедеятельности.

Заключение

Наши мысли связываются и структурируются семантически (отражают значение и смысл вещей и идей) в программы действий и, вследствие этого, определяют структуру и свойства ПСО в контексте самоорганизации жизнедеятельности личности (отражают запрограммированные актуальные потребности и цели, альтернативные способы решения существующих задач). Сознательная самоорганизация мыслепостроения программ действий и направленности личности определяет ее субъектность в ПСО и жизнедеятельности.

Исследование показало, что основной проблемой в жизнедеятельности человека являются негативные эмоции, создающие стресс и дискомфорт. Так как эмоции являются бессознательным механизмом ПСР, ими сложно управлять. Управление эмоциями и организация чувств, отражающих систему ценностей и определяющих систему отношений субъекта к миру и жизни в нем, является *основной задачей ПСО и ПСР*. Эмоции, волнение или стресс (тревогу или азарт) вызывает семантика мыслей, имеющих соответствующую валентность значения (позитивную–негативную) и смысл (актуальность потребности). Управление своими и эмоциями, создающими волнение переживания мыслей, осуществляется посредством направленности *внимания* в пространстве организации целевого мыслепотока с помощью внутренней речи и образов. Техники психической саморегуляции (АТ, медитация) позволяют субъекту тренировать и формировать способности эффективности ПСР-активности, что определяет аспекты разработки программ оптимального развития ПСО субъекта.

Перспектива исследования механизмов и свойств психической самоорганизации личности в процессе сознательного самоуправления мыслепотоками требует изучения нейрофизиологических процессов в их взаимосвязи. Однако, ориентируясь на специфику наблюдения собственно психических процессов и свойств, необходима стандартизация процедуры интроспекции с целью использования в экспериментальной практике данного метода исследования как наиболее соответствующего специфике изучения ПСО.

Литература

- Абульханова, К. А. (2021). Ретроспектива и перспектива принципа субъекта в исследованиях мышления школой С. Л. Рубинштейна. *Вопросы философии*, 9, 75–81. doi: 10.21146/0042-8744-2021-9-75-81
- Бендлер, Р. (2000). *Используйте свой мозг для изменения: нейролингвистическое программирование* (Л. Р. Миникес, Г. Ю. Сгонник, пер. с англ.). Воронеж: Модэк.
- Брушлинский, А. В. (2003). *Психология субъекта* (В. В. Знаков, отв. ред.). М.: ИП РАН; СПб.: Алетейя.
- Дьяков, С. И. (2021). Мотивационно-ценностные конструкты самоорганизации личности в семантическом пространстве образования. *Science for Education Today*, 11(1), 75–91. doi: 10.15293/2658-6762.2101.05
- Жане, П. (2009). *Психический автоматизм. Экспериментальное исследование низших форм психической деятельности человека*. СПб.: Наука.
- Иванников, В. А. (1991). *Психологические механизмы волевой регуляции*. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та.
- Клочко, В. Е. (2005). *Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ)*. Томск: Том. гос. ун-т.
- Костромина, С. Н., Бордовская, Н. В., Искра, Н. Н., Чувгунова, О. А., Гнедых, Д. С., Курмакаева, Д. М. (2015). Нейронаука, психология и образование: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований. *Психологический журнал*, 36(4), 61–70.
- Кули, Ч. (2007). *Социальная самость*. М.: Директ-Медиа.
- Леонтьев, Д. А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, 62, 18–37. doi: 10.17223/17267080/62/3.
- Перикова, Е. И., Бызова, В. М. (2021). Система психической саморегуляции учебной деятельности: метакогнитивный подход. *Сибирский психологический журнал*, 79, 15–29. doi: 10.17223/17267080/79/2
- Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (ред.) (1990). *Психология: словарь*. М.: Политиздат.
- Сергиенко, Е. А. (2015). Модель психического как новая исследовательская парадигма когнитивной психологии. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*, 157(4), 265–279.
- Сеченов, И. М. (1953). *Избранные произведения*. М.: Полит. лит.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 15.10.2021 г.; повторно 06.01.2022 г.;
принята 10.02.2022 г.

Дьяков Сергей Иванович – доцент кафедры психологии, Севастопольский государственный университет, кандидат психологических наук.

E-mail: astropsiyoga@gmail.com

Костромина Светлана Николаевна – заведующая кафедрой психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: lanank68@gmail.com

For citation: Dyakov, S. I., Kostromina, S. N. (2022). The Information and Semantic System of Psychology of Self-Regulation in Conscious Self-Governance of a Person. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 67–84. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/4

The Information and Semantic System of Psychology of Self-Regulation in Conscious Self-Governance of a Person

S.I. Dyakov¹, S.N. Kostromina²

¹ Sevastopol State University, 33, Universitetskaya Ave., Sevastopol, 299053, Russian Federation

² St. Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract

Introduction. The subfield “paradigm” of modern psychology includes the task of studying the mechanisms of conscious Psychology of Self-Regulation (PSR) in any self-governance and self-realization of the individual in urgent tasks of life. Here a person does not fully control their mental process. They go into auto-pilot and are autonomous mechanisms of mental self-governance. PSR is considered as an information semantic system in which the intellect performs the main function of processing information, self-awareness and conscious control over what is happening in the spatio-temporal continuum of experience and perspectives to life. **Research objective:** to reveal the role of the intellect (as a cognitive-information system) in the control of arbitrary activity of consciousness in order to build a semantic system of experiences and a structure of meaningful formation in PSR, which allows a person to be self-conscious of life. PSR is understood as a synergistic system of mental activity in the unity of consciousness and unconscious automatisms and attitudes, in the dynamics of the socio-cultural interaction of an individual. During the research of PSR of the individual a semantic approach was used to study conscious self-governance of a person. **Materials and methods.** Sample of students (N=2000, ages 15-50, males 520, females 1480). The study was conducted in a natural setting during training sessions in psychological disciplines in the regions of Ukraine and Crimea (over 17 years). A quasi-experiment was used during introspection of a students work group setting. In a series of introspection experiments, participants completed tasks: stop thoughts, control and organize images, emotions, inner speech, and attention. The semantic properties of the functioning mechanisms of the information-synergetic system of the PSR of the individual, as well as the mechanism of controlling attention with the help of thinking in the organization with stream of thoughts in the mind, were studied. **Results.** The semantic specificity was revealed in autonomous thought formation of PSR by the inability to stop the stream of thoughts. The need for specificity of governance in PSR by the process of thinking with the help of directed or faceted inner speech with a goal or figurative representations (conscious self-organization of the thought-building process) was seen. The specificity of the automation of the thought-building of consciousness in the aspect of the subjectivity of the semantics of experience became apparent. Further studied was the ability to independently organize a stream of thoughts in autogenic training and meditation, as well as manage the existing automated anxiety complex, transform its content and meaning. **Conclusion.** As a result of the autonomy of PSR, the subject acts as an “observer” regarding the ongoing processes and phenomena in their mental space, being identified as their thinking and consciousness. The PSR of a person, as a system, functions largely in an autonomous mode of the flow of information-semantic associative-logical programs. An essential task of PSR in life is the management of negative emotions that cause stress and require coping or restructuring by adaptation programs. When emotions fill the content of thinking with meaning. One can manage their thoughts and emotional disturbances, and therefore, mental experience can be carried out by directing attention in that space by organizing the target stream of thought with the help of inner speech and images. All in all directing attention in the right direction of mental activity and turning off other channels of activity.

Keywords: information and semantic system; psychological self-regulation; stream of thoughts; thought formation; subject; subjectness (agency) of the personality

References

- Abulkhanova, K. A. (2021). Retrospektiva i perspektiva printsipa sub"ekta v issledovaniyakh myshleniya shkoly S.L. Rubinshteyna [Retrospective and perspective of the principle of the subject in the research of thinking by The S.L. Rubinstein School]. *Voprosy filosofii*, 9, 75–81. doi: 10.21146/0042-8744-2021-9-75-81
- Ali, I. (2019). Personality traits, individual innovativeness and satisfaction with life. *Journal of Innovation & Knowledge*, 4(1), 38–46. doi: 10.1016/J.JIK.2017.11.002
- Badcock, P. B., Friston, K. J., & Ramstead, M. J.D. (2019). The hierarchically mechanistic mind: A free-energy formulation of the human psyche. *Physics of Life Reviews*, 31, 104–121. doi: 10.1016/j.plrev.2018.10.002
- Bendler, R. (2000). *Ispol'zuyte svoj mozg dlya izmeneniya: neyrolingvisticheskoe programmirovaniye* [Use Your Brain to Change: Neuro-Linguistic Programming] (L. R. Minikesa, G. Yu. Sgonnik, Trans.). Voronezh: Modek.
- Berkovich-Ohana, A. (2017). A case study of a meditation-induced altered state: increased overall gamma synchronization. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 16(1), 91–106. doi: 10.1007/S11097-015-9435-X
- Bernstein, A., Hadash Y., & Fresco, D. M. (2019). Metacognitive processes model of decentering: Emerging methods and insights. *Current Opinion in Psychology*, 28, 245–251. doi: 10.1016/j.copsyc.2019.01.019
- Bitbol, M., & Petitmengin, C. (2013). A defense of introspection from within. *Constructivist Foundations*, 8(3), 269–279.
- Brier, S. (2021). Cybersemiotic Systemic and Semiotical Based Transdisciplinarity. In C. Viddales, S. Brier (Eds.), *Introduction to Cybersemiotics: A Transdisciplinary Perspective. Biosemiotics*, 21. Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-030-52746-4_2
- Brushlinskiy, A. V. (2003). *Psikhologiya sub"ekta* [Psychology of the Subject]. Moscow: RAS; St. Petersburg: Aleteyya.
- Cooley, Ch. (2007). *Sotsial'naya samost'* [Social Self] (Trans.). Moscow: Direkt-Media.
- Desbordes, G., & Negi, L. T. (2013). A new era for mind studies: training investigators in both scientific and contemplative methods of inquiry. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, 741. doi: 10.3389/fnhum.2013.00741
- Dyakov, S. I. (2021). Motivational and value constructs of personal self-organization in the semantic space of education. *Science for Education Today*, 11(1), 75–91. doi: 10.15293/2658-6762.2101.05
- Grossman, P. (2018). On the porosity of subject and object in 'mindfulness' scientific study: Challenges to 'scientific' construction, operationalization and measurement of mindfulness. *Current Opinion in Psychology*, 28, 102–107. doi: 10.1016/j.copsyc.2018.11.008
- Ivannikov, V. A. (1991). *Psikhologicheskie mekhanizmy volevoy regulyatsii* [Psychological mechanisms of volitional regulation]. Moscow: Moscow State University
- Janet, P. (2009). *Psikhicheskiy avtomatizm. Eksperimental'noe issledovanie nizshikh form psikhicheskoy deyatel'nosti cheloveka* [Mental automatism. Experimental study of the lower forms of human mental activity] (Trans.). St. Petersburg: Nauka.
- Kim, J. H. (2019). Problems of Categorization in Micro-Phenomenological Analysis. *Constructivist Foundations*, 14(2), 153–156.
- Kitsantas, A., Baylor, A. L., & Hiller, S. E. (2019). Intelligent technologies to optimize performance: Augmenting cognitive capacity and supporting self-regulation of critical thinking skills in decision-making. *Cognitive Systems Research*, 58, 387–397. doi: 10.1016/j.cogsys.2019.09.003
- Klochko, V. E. (2005). *Samooorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyy analiz)* [Self-organization in psychological systems: problems of the formation of the mental space of a person (introduction to transpective analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Kostromina, S. N., Bordovskaya, N. V., Iskra, N. N., Chuvgunova, O. A., Gnedykh, D. S., & Kurmakaeva, D. M. (2015). *Neyronauka, psikhologiya i obrazovanie: problemy i perspektivy*

- mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Neuroscience, psychology and education: problems and prospects of interdisciplinary research]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 36(4), 61–70.
- Lajoie, S. P., Zheng, J., Li, S., Jarrell, A., & Gube, M. (2019). Examining the interplay of affect and self-regulation in the context of clinical reasoning. *Learning and Instruction*, 72, pp. 101–219
- Leontiev, D. A. (2016). Autoregulation, Resources, and Personality Potential. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 62, 18–37. doi: 10.17223/17267080/62/3
- Lundh, L. G. (2018). Psychological science within a three-dimensional ontology. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 52(1), 52–66. doi: 10.1007/s12671-019-01274-9
- Matsuka, T., Corter, J. E., & Markman, A. B. (2019). Allocation of attention in neural network models of categorization. In *Proceedings of the Twenty-Fourth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Routledge. doi: 10.4324/9781315782379-236
- McCormick, A., Meijen, C., Anstiss, P. A., & Jones, H. S. (2019). Self-regulation in endurance sports: theory, research, and practice. *International Review of Sport and Exercise Psychology*, 12(1), 235–264. doi: 10.1080/1750984X.2018.1469161
- Perikova, E. I., & Byzova, V. M. (2021). Mental Self-Regulatory System of Educational Activities: Metacognitive Approach. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 79, 15–29. doi: 10.17223/17267080/79/2
- Petitmengin, C., van Beek, M., Bitbol, M., Nissou, J-M., & Roepstorff, A. (2019). Studying the experience of meditation through micro-phenomenology. *Current Opinion in Psychology*, 28, 54–59. doi: 10.1016/j.copsyc.2018.10.009
- Petrovskiy, A. V., & Yaroshevskiy, M. G. (Eds.). (1990) *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. Moscow: Politizdat.
- Piaget, J. (1937). *La construction du red chez l'enfant* [The construction of reality in the child]. New York: M. Cook.
- Sergienko, E. A. (2015). Model' psikhicheskogo kak novaya issledovatel'skaya paradigma kognitivnoy psikhologii [The mental model as a new research paradigm of cognitive psychology]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 157(4), 265–279.
- Sechenov, I. M. (1953). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Izd. politicheskaya literatura.
- Sperry, R. (1982). Somme effects of disconnecting the cerebral hemispheres. Nobel Lecture, 8 December. *Bioscience Reports*, 2.
- Tercero, B. A., Perez, M. M., Mohsin, N., Moore, R. C., Depp, C. A., Ackerman, R. A., Pinkham, A. E., & Harvey Ph. D. (2021). Using a Meta-Cognitive Wisconsin Card Sorting Test to Measure Introspective Accuracy and Biases in Schizophrenia and Bipolar Disorder. *Journal of Psychiatric Research*, 140, 436–442. doi: 10.1016/j.jpsychires.2021.06.016
- Tian, Y., Fang, Y., & Li, J. (2018). The effect of metacognitive knowledge on mathematics performance in self-regulated learning framework – multiple mediation of self-efficacy and motivation. *Frontiers in Psychology*, 9(1), 1–11. doi: 10.3389/fpsyg.2018.02518.
- Xiao, Y., & Yang, M. (2019). Formative assessment and self-regulated learning: How formative assessment supports students' self-regulation in English language learning. *System*, 81, 39–49.
- Žáček, M., & Telnarová, Z. (2019). Language networks and semantic networks. In *AIP Conference Proceedings "Central european symposium on thermophysics"*, 2116(1), 277–285. doi: 10.1063/1.5114042

Received 15.10.2021; Revised 06.01.2021;

Accepted 10.02.2022

Sergey I. Dyakov – Associate Professor of the Department of Psychology, Sevastopol State University. Cand. Sc. (Psychol), Associate professor.

E-mail: astropsiyoga@gmail.com

Svetlana N. Kostromina – Head of the Department of Personality Psychology of St. Petersburg State University, D. Sc. (Psychol), Professor.

E-mail: s.kostromina@spbu.ru

УДК 159.9

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРЕВОГА РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА У ИНДОНЕЗИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

Дана Рикса Буана^{1, 2}, О. В. Лукьянов¹

¹ Томский государственный университет, Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

² Университет Мерчу Буана, Индонезия, 11650, Джакарта, Кембанган, Южная Меруя

Резюме

Актуальность и объект исследования. В современном мире меняется система управления большими социальными процессами. Опасной социальной тенденцией так называемого «информационного общества» является манипулирование идентичностью, в том числе религиозной. Актуальны вопросы: Что отличает аутентичную религиозную идентичность от экстремистской? Какие качества религиозности необходимы и достаточны для понимания религиозности? В статье представлены результаты исследования религиозной идентичности индонезийских мусульман. **Предмет, методы и материалы исследования.** Собраны данные от 484 индонезийских мусульман с целью подтвердить, что экзистенциальная тревога играет роль медиаторной переменной в отрицательной корреляции между аутентичной религиозной идентичностью и религиозным экстремизмом. Опрос проводился с помощью Google forms. Был проведен медиационный регрессионный анализ. Для сбора данных использованы три методики: шкала аутентичной религиозной идентичности, шкала экзистенциальной тревожности и шкала религиозного экстремизма. При тестировании надежности и валидности этих шкал использовались программы SPSS (Statistical Package for the Social Sciences) и JASP (Jeffrey's Amazing Statistics Program). **Результаты.** Исследование показало, что аутентичная религиозная идентичность имеет отрицательную связь с экзистенциальной тревогой, а экзистенциальная тревожность положительно связана с религиозным экстремизмом. Можно предполагать, что аутентичная религиозная идентичность позволяет преодолевать экзистенциальную тревогу, формируя социальную тенденцию снижения риска развития религиозного экстремизма. Если экзистенциальная тревога не включена в исследовательскую модель, то корреляция между аутентичной религиозной идентичностью и религиозным экстремизмом имеет положительное значение. Это означает, что без учета экзистенциальной тревоги невозможно отличить аутентичную религиозность от экстремистской. Исследование также показало, что аутентичная религиозность не может полностью снять риск развития экстремистских убеждений. Необходимо учитывать фактор фаворитизма. Также в эмпирических исследованиях следует различать феномены духовности и религиозности.

Ключевые слова: внутригрупповой фаворитизм; ритуал; истина; духовность; свобода; повседневность; аутентичность

Введение

Общечеловеческим способом переживания экзистенциальной тревоги, несмотря на развитие науки и образования, по-прежнему остается формирование религиозной идентичности – отождествление человеком своего присутствия в мире с догматикой и языком проверенных вечностью источников. Но в современном обществе стремление к религиозной идентичности связано с риском формирования определенного рода противоположности аутентичной религиозности – религиозного экстремизма. Одним из существенных психологических отличий аутентичной религиозности от религиозного экстремизма является то, что экстремизм не способствует принятию и проживанию экзистенциальной тревоги, а, напротив, ее обостряет. Данное исследование посвящено эмпирическому уточнению этой гипотезы на примере мусульман Индонезии.

Противоречие между тенденцией возрастания риска религиозного экстремизма и стремлением к религиозной идентичности в наше время приобретает характер глобальной проблемы, катализируемой новыми (сетевыми) технологиями и индустриями СМИ. Религия, переживаемая в аутентичной форме, позволяет преодолеть экзистенциальную тревогу – неизбежное напряжение, вызванное столкновением индивида с экзистенциальными данностями и драмой бытия. В неаутентичных формах переживания религия является формой личностного и социального расстройства и, как любые личностные расстройства, не решает проблему (проблему экзистенциальной тревоги), а камуфлирует ее или извращает.

Эта дилемма хорошо представлена на литературно-художественном, философском, богословском, теоретическом уровнях, но в эмпирических исследованиях роль экзистенциальной тревоги часто не учитывается.

Цель исследования. В данном исследовании посредством опроса были собраны данные от 484 индонезийских мусульман с целью подтвердить гипотезу о том, что экзистенциальная тревога играет роль медиаторной переменной в отрицательной корреляции между аутентичной религиозной идентичностью и религиозным экстремизмом. Анализ полученных данных показал, что если экзистенциальная тревога не включена в исследовательскую модель, то на уровне эмпирических свидетельств (нарративов (высказываний), ожиданий и отношений) аутентичная религиозная идентичность ничем не отличается от религиозной идентичности вообще, в том числе не идентифицируется и религиозный экстремизм. Важным фактором, объясняющим различия аутентичной религиозности и религиозного экстремизма, является в том числе внутригрупповой фаворитизм. Результаты подтвердили, что риск формирования религиозного экстремизма у мусульман сохраняется в процессе понимания индивидом сущностей религиозных учений, ритуалов, стремления понять истину, испытать духовные и трансцендентные переживания. То есть мотивация к аутентичной религиозности не освобождает от риска формирования религиозного экстремизма.

По данным исследовательского центра Pew Research Center¹ (2015), Индонезия является самой густонаселенной страной мусульманского большинства в мире (численность населения достигает 253 млн человек, почти 90% – мусульмане). При этом Индонезия не является страной, основанной на исламском праве, как Малайзия, Саудовская Аравия, Пакистан или другие страны мусульманского большинства, особенно на Ближнем Востоке. Индонезия имеет свою государственную философию, где первый моральный принцип – принцип веры (не только для ислама, но и для индуизма, католицизма, христианства, буддизма и других традиционных религий).

Большая часть общества в Индонезии в своей повседневной жизни придерживается ценностей ислама (*sharia*), при этом уважаются другие конфессии и отмечается терпимое отношение к людям иных религиозных убеждений. Можно сказать, что мусульмане в Индонезии поддерживают разнообразие религиозных канонов. Кроме того, мусульманская община в Индонезии имеет уникальную идентичность и отличается от мусульманских общин в других странах с мусульманским большинством, на что указывает термин *Islam Nusantara* (архипелаг). *Islam Nusantara* – это взаимовлияние ценностей теологического ислама и местных традиций, культуры и обычаев. Примерами специфических особенностей мусульманской идентичности Нусантары являются паломничество к гробницам святых и молитва в знак уважения к ним, ритуалы прощания с умершими (например, когда кто-то умирает, семья, родственники и друзья собираются вместе в доме умершего и молятся за него), проповедь исламских учений с музыкой, традиция возвращения в родной город во время Ид-аль-фитр и т.д. (Astuti, 2018). Мусульманская идентичность в Индонезии является концепцией и религиозной, и культурной.

Идентичность – это способ понимания индивидом самого себя в поддержании стабильности в изменяющемся мире, способность находить смысл через приверженность, ценность и цель и способность распознавать собственный потенциал, основанный на прошлом, настоящем и будущем (Лукьянов, 2007), в то время как религиозные концепции – это поведение и убеждения, связанные с организованными религиозными институтами (Good, 2011). Религиозную идентичность можно определить как систему организации, понимания, переживания, табуирования психологических, политических, духовных, бытовых аспектов жизни посредством идентификации с религиозным культом (Jackson, Hogg, 2010).

Религиозная идентичность предлагает своим последователям священное мировоззрение, вечное членство в группе и абсолютную истину. Она может помочь людям быть уверенными в неопределенном мире, уменьшить неопределенность и растерянность, повысить самооценку и обеспечить сильную социальную поддержку (Ysseldyk, Matheson, Anisman, 2010; Hogg, Adelman, Blagg, 2010).

¹ Pew Research Center (Religion & Public Life) (2015). *10 Countries with the Largest Muslim Populations, 2010 and 2050*. URL: https://www.pewforum.org/2015/04/02/muslims/pf_15-04-02_projectionstables74/ (accessed: 23.09.2020).

Неопределенность в современном мире сильно влияет на индивидуальное восприятие жизни. Человек может испытывать не устранимые посредством объективных действий стресс и тревогу, чувствовать себя беспомощным и не контролирующим свой мир (Hogg et al., 2010). Чувство неопределенности в себе и мире можно рассматривать как признак или форму переживания экзистенциальной тревоги. Сама категория экзистенциальной тревоги определяется как тревога, возникающая тогда, когда кто-то ставит вопрос о смысле, выборе и свободе в своей жизни, но не может справиться с этим (Леонтьев, 2003; Лукьянов, 2008; Peterson, 2015; Weems, Russell, Neill, Berman, Scott, 2016). И неопределенность, и экзистенциальная тревога в реальном мире неизбежны и необходимы. Тем не менее люди стремятся уменьшить интенсивность их переживания, и лучший способ этого – отождествление себя с группой, особенно с группой, представляющей целостность высокого уровня, более высокий порядок организации (Hogg et al., 2010). Человек, отождествляющий себя с религиозной группой, может обрести чувство стабильности, потому что религия предлагает вечную принадлежность, абсолютную истину, вечные ориентиры и перспективы, уменьшает экзистенциальную тревогу (Kinnvall, 2004).

Однако религиозная идентичность может переживаться с тенденцией к радикализации и экстремизму вследствие религиозного рвения и стремления преодоления личной неопределенности (McGregor, 2004). Под экстремизмом принято понимать стремление, психологическое усилие индивида, направленные на достижение социальной цели особого типа способами, ядром которых является насилие (Davydov, Khlomov, 2017). Заметим, что так называемые «экстремисты» вовсе не являются обманутыми, «закодированными» жертвами злоумышленников-демагогов. Экстремисты – инициативники, т.е. люди, которые по своей инициативе встают на этот путь, что делает проблему изучения религиозной идентичности психологически не простой и многомерной.

Для ясного понимания экстремизма необходимо прояснить и другие подобные понятия, поскольку во многих научных публикациях термины «экстремизм», «радикализм», «фундаментализм» и «терроризм» используются как синонимы. Радикализм связан с терроризмом (стремлением насаждать свою религию), в то время как фундаментализм в большей степени связан с патриотизмом – это то, как человек чувствует свою принадлежность к религии и считает, что его вера является самой правильной, и он готов ее защищать (Buana, Lukyanov, 2020). Экстремизм является более точным понятием для объяснения насильственного религиозного поведения и в том и в другом отношении.

Индонезийская мусульманская община выступает за терпимость и умеренность, но отмечается риск растущего экстремизма¹, что сопровождается

¹ International NGO Forum on Indonesian Development (INFID) (2018). *Pencegahan Ekstremisme di Indonesia: Solusi Tidak Boleh Abai dengan Prinsip HAM dan Demokrasi* [Prevention of Extremism in Indonesia: A Solution Should Not Be Ignored by the Principles of Human Rights and Democracy]. URL: <http://www.infid.org/publication/read/pencegahan-ekstremisme-di-indonesia-solusi-tidak-boleh-abai-dengan-prinsip-ham-dan-demokrasi> (accessed: 24.09.2020).

редукцией религиозных осознаний и пониманий. D. Ratnasari (2010) утверждает, что экстремисты особым образом интерпретируют символы, делая акцент на самих религиозных символах в большей степени, чем на их сущности.

Насильственное поведение не вытекает автоматически из сущностной функции религии, ее роли проводника в жизни, помощника в трудностях, внутреннего спокойствия и морального контроля (Asir, 2014). Исследования, проведенные Н.С. Naryanto (2017) в индонезийских мусульманских общинах, доказывают, что религия может помочь найти правильное направление жизни, обеспечить мир, избежать плохого поведения и повысить терпимость.

Почему возникает это противоречие? Исследователи считают, что религиозная идентичность, связанная с неопределенностью и экстремизмом, все еще видится только в общих чертах и должна исследоваться более глубоко, поэтому мы предлагаем категорию аутентичной религиозной идентичности для объяснения возникающей аномалии.

Как противоположность аутентичной религиозности можно рассматривать подражательную религиозность, когда религия утратила свою духовную основу. Для субъектов, имитирующих религиозную практику, религия – это только традиция, ритуальные действия, без понимания сути, истины и так называемая «слепая» вера в истину религиозных авторитетов. Последствия подражательной религии делают людей не склонными критически мыслить, стимулируют предрассудки, ненависть и насилие (Langness, 2015). Аутентичная же религиозная идентичность – это отождествление себя с определенной религией, чтобы иметь возможность понять суть и религиозных учений, и жизни, суть истины ритуала и ситуации, своего присутствия в мире, понять универсальную истину и испытать трансцендентальные или духовные чувства (Montemaggi, 2017).

Мы предположили, что в данное время существуют:

- значительная отрицательная корреляция между аутентичной религиозной идентичностью индонезийских мусульман и религиозным экстремизмом;
- значительная отрицательная связь между аутентичной религиозной идентичностью индонезийских мусульман и экзистенциальной тревожностью;
- значительная положительная связь между экзистенциальной тревожностью и религиозным экстремизмом.

Это и послужило основой для гипотез при сборе эмпирических данных и их анализе.

Материалы и методы исследования

Выборка. Респондентами стали 484 добровольца из числа индонезийских мусульман. К ним обращались с просьбой принять участие в исследовании и разрешить использовать полученные данные. Информация собиралась с помощью Google forms.

Выборка по полу, возрасту и образованию получилась несбалансированной. Структура выборки представлена в табл. 1–4.

Таблица 1

Структура выборки респондентов по полу

Пол	Количество респондентов	Доля в общем объеме, %
Женский	320	66,12
Мужской	164	33,88
Итого	484	100,00

Таблица 2

Структура выборки по возрастам

Возраст	Количество респондентов	Доля в общем объеме, %
18–40 лет	414	85,54
41–60 лет	67	13,84
Старше 61 года	3	0,62
Итого	484	100,00

Таблица 3

Структура выборки по образованию

Образование	Количество респондентов	Доля в общем объеме, %
Средняя школа	102	21,07
Ассоциированная степень	33	6,82
Бакалавриат	259	53,51
Магистерская степень	84	17,36
Докторская степень	6	1,24
Итого	484	100,00

Таблица 4

Структура выборки по источнику исламской идентичности

Форма вовлеченности в ислам	Количество	Доля в общем объеме, %
Новообращенный	3	0,62
По происхождению	481	99,38
Итого	484	100,00

Для определения роли экзистенциальной тревожности во взаимосвязи между аутентичной религиозной идентичностью (переменная X) и религиозным экстремизмом (переменная Y) был проведен медиационный регрессионный анализ. Промежуточной переменной (M) являлась экзистенциальная тревога. Для обработки результатов использовалась программа JASP (Jeffrey's Amazing Statistics Program).

Методы. Для получения эмпирических данных были использованы три методики: шкала аутентичной религиозной идентичности, шкала экзистенциальной тревожности и шкала религиозного экстремизма. Опросники предлагались на индонезийском языке. При тестировании надежности и валидности этих шкал использовались программы SPSS (Statistical Package for the Social Sciences) и JASP (Jeffrey's Amazing Statistics Program).

Аутентичная религиозная (мусульманская) идентичность

Для измерения аутентичной религиозной (мусульманской) идентичности была использована шкала мусульманской групповой идентификации M. Verkuyten (2007) – Muslim Group Identification of Verkuyten. В пунктах шкалы были предложены варианты ответов: «полностью согласен (6)», «согласен (5)», «скорее согласен (4)», «скорее не согласен (3)», «не согласен (2)» и «полностью не согласен (1)».

Шкала состоит из восьми вопросов и имеет хорошую надежность ($\alpha = 0,861$). Валидность шкалы проверялась конфирматорным факторным анализом (confirmatory factor analysis; CFA). Результаты CFA переменной аутентичной религиозной (мусульманской) идентичности: RMSEA 0,072; GFI 0,966; MFI 0,950; CFI 0,965; RFI 0,932; и χ^2 : 69,678. Это означает, что шкала подходит для измерения.

Чтобы определить качество вопросов, оценивались факторные нагрузки (factor loadings) каждого вопроса (таблице 5).

Таблица 5

Факторные нагрузки утверждений переменной аутентичной религиозной (мусульманской) идентичности

Утверждения ¹	Факторные нагрузки
Будучи мусульманином, я понял универсальную истину	0,676**
Будучи мусульманином, я понял значение благочестия	0,675**
Благодаря своей мусульманской идентичности я понимаю духовные явления (Божественность)	0,615**
Благодаря своей мусульманской идентичности я понимаю путь к Богу или истине	0,741**
Я могу понимать цель жизни благодаря своей мусульманской идентичности	0,720**
Будучи мусульманином, я могу понимать значение духовности	0,633**
Я мусульманин, поэтому я изучаю исламские учения более глубоко	0,665**
Я мусульманин, поэтому должен понимать смысл поклонения	0,647**
<i>Примечание.</i> ** – $p < 0,01$	

Все утверждения показали хорошее качество – факторные нагрузки более 0,5.

Экзистенциальная тревога

Для измерения экзистенциальной тревоги была использована шкала общей экзистенциальной тревожности опросника экзистенциальных проблем (General Existential Anxiety scale of the Existential Concerns Questionnaire; ECQ) (van Bruggen et al., 2017). Утверждения шкалы предлагалось оценить в форме: «полностью согласен (6)», «согласен (5)», «скорее согласен (4)», «скорее не согласен (3)», «не согласен (2)» и «полностью не согласен (1)».

¹ Формулировки представлены в переводе на русский язык. Респондентам предлагался вариант на индонезийском языке

Шкала состоит из 13 утверждений. Надежность шкалы высокая ($\alpha = 0,934$). Метод проверки валидности – конфирматорный факторный анализ. Результаты CFA переменной экзистенциальной тревожности: RMSEA 0,042; GFI 0,992; MFI 0,944; CFI 0,994; RFI 0,985; и χ^2 : 121,136. Это означает, что инструмент подходит для измерения переменной в данном исследовании.

Факторные нагрузки всех утверждений представлены табл. 6.

Таблица 6

Факторные нагрузки утверждений опросника экзистенциальной тревожности

Утверждения	Факторные нагрузки
Вопрос о том, имеет ли жизнь смысл, вызывает у меня тревогу	0,702**
Меня пугает, когда я понимаю, как много вариантов предлагает жизнь	0,775**
Я беспокоюсь о том, чтобы не быть дома в этом мире, как будто я не принадлежу ему	0,645**
Жизнь кажется мне угрожающей, как будто в любой момент со мной может случиться что-то ужасное	0,773**
Я беспокоюсь о смысле жизни	0,832**
Я волнуюсь, потому что теряю связь с самим собой	0,749**
Я борюсь с чувством, что в конце концов я сам по себе в жизни	0,773**
Я беспокоюсь о том, что не живу той жизнью, которую я мог бы прожить	0,771**
Осознание того, что другие люди никогда не узнают меня на самом глубоком уровне, пугает меня	0,753**
Меня пугает, что вещи, которые я когда-то считал важными, кажутся бессмысленными, когда я оглядываюсь назад	0,711**
Я боюсь, что не получу от жизни того, что в ней есть	0,613**
У меня есть тревожное чувство, что между мной и другими людьми существует пропасть	0,589**
Я боюсь, что никогда не узнаю себя на самом глубоком уровне	0,716**
Примечание. ** – $p < 0,01$	

Все утверждения имеют факторную нагрузку более 0,5.

Религиозный экстремизм

Для сбора данных о религиозном экстремизме использовалась шкала насилия и экстремизма религиозной власти из опросника убеждений насильственного экстремизма (Violent Extremism Beliefs Scale; VEBS) (Peracha, 2017). Утверждения предлагалось оценить в форме: «полностью согласен (6)», «согласен (5)», «скорее согласен (4)», «скорее не согласен (3)», «не согласен (2)» и «полностью не согласен (1)».

Шкала состоит из девяти утверждений и обладает достаточно высокой надежностью ($\alpha = 0,731$). Метод, используемый для проверки валидности, – конфирматорный факторный анализ. Результат конфирматорного факторного анализа переменной экзистенциальной тревожности: RMSEA 0,055; GFI 0,976; MFI 0,960; CFI 0,953; RFI 0,900; и χ^2 : 66,680. Это означает, что шкала подходит для измерения переменной в данном исследовании. Факторные нагрузки отдельных утверждений представлены в табл. 7.

Таблица 7

Факторные нагрузки утверждений переменного религиозного экстремизма

Утверждения	Факторные нагрузки
Применение силы к людям для понимания вашей точки зрения в религии – это нормально	0,306**
Это правильно – иметь контроль над жизнью других людей во имя религии	0,364**
Нужно идти на все, чтобы обратить других людей в свою веру	0,400**
Нет ничего плохого в том, чтобы в какой-то мере приобрести власть для развития религии	0,408**
Я чувствую себя неуютно в тесном контакте с людьми, которые отличаются от моих убеждений	0,446**
Я провожу время в молитве, а не в заботе о правах других	0,511**
Медресе (<i>Madrasah</i>) лучше по сравнению с общеобразовательными школами	0,620**
Важна только жизнь после смерти	0,616**
Все, что говорят религиозные ученые, должно быть обязательным для следования	0,588**
<i>Примечание.</i> ** – $p < 0,01$	

Некоторые утверждения имеют факторную нагрузку от ниже 0,5, но считается, что если нагрузка выше 0,3, то оценку утверждений можно использовать.

Результаты исследования

Аутентичная религиозная (мусульманская) идентичность

Среднее значение оценок аутентичной мусульманской идентичности составляет 28 ($SD = 6,67$), минимальное ($X_{\min}$) – 8, максимальное ($X_{\max}$) – 48. Почти все респонденты – 474 (97,9%) – относятся к группе с высокой степенью аутентичной мусульманской идентичности, только 10 (2,1%) характеризуются средней степенью. Респондентов с низкой степенью аутентичной религиозной идентичности нет.

Экзистенциальная тревога

Среднее значение экзистенциальной тревоги составляет 45,5 ($SD = 10,83$), минимальное ($X_{\min}$) – 13, максимальное ($X_{\max}$) – 78. Большинство респондентов характеризуются низкой и умеренной степенью экзистенциальной тревоги: 218 человек (45%) – низкой, 202 (41,7%) – умеренной. 64 респондента (13,2%) имеют высокую степень экзистенциальной тревоги.

Религиозный экстремизм

Среднее значение по религиозному экстремизму равно 31,5 ($SD = 7,5$), минимальное ($X_{\min}$) – 9, максимальное ($X_{\max}$) – 54. При этом 374 респондента (77,3%) показывают низкие значения, 110 человек (22,7%) – умеренные. Никто из опрошенных не проявил высокой степени религиозного экстремизма.

По результатам регрессионного анализа можно утверждать, что экзистенциальная тревога выступает в качестве медиатора во взаимосвязи

аутентичной религиозной идентичности и религиозного экстремизма, при этом прямая связь между двумя переменными составила 0,081 (табл. 8).

Таблица 8

Результаты регрессионного анализа

Эффект	Стандартизированные коэффициенты (β)	Стандартная ошибка (SE)	p-value
Прямой эффект (ARI $\rightarrow$ RE)	0,081	0,012	< 0,01
Косвенный эффект (ARI $\rightarrow$ EA $\rightarrow$ RE)	-0,023	0,005	< 0,01
Общий эффект (ARI $\rightarrow$ RE)	0,057	0,011	< 0,01

Примечание. ARI – аутентичная религиозная (мусульманская) идентичность, EA – экзистенциальная тревога, RE – религиозный экстремизм

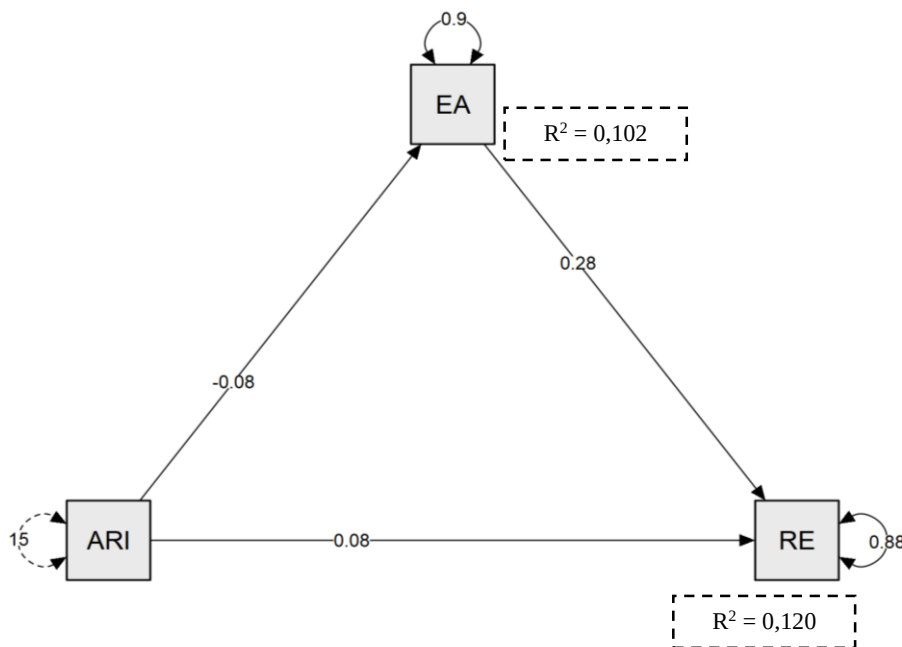

Рис. 1. Модель медиации

На рис. 1 показано, что аутентичная религиозная идентичность имеет отрицательную связь с экзистенциальной тревогой, а экзистенциальная тревожность положительно связана с религиозным экстремизмом.

Результаты:

1. Существует значимая отрицательная связь между аутентичной мусульманской идентичностью и религиозным экстремизмом, если она опосредована экзистенциальной тревогой.

2. Существует значимая положительная корреляция между аутентичной религиозной идентичностью индонезийских мусульман и религиозным экстремизмом.

3. Существует значимая отрицательная связь между аутентичной религиозной идентичностью индонезийских мусульман и экзистенциальной тревожностью.

4. Существует значимая положительная связь между экзистенциальной тревожностью и религиозным экстремизмом.

Обсуждение результатов исследования

На основании представленных выше результатов можно предположить, что в эмпирических исследованиях аутентичная религиозная идентичность может быть отделена от религиозного экстремизма при условии включения в исследовательскую модель экзистенциальной тревожности. В социально-практическом смысле можно предположить, что аутентичная религиозная идентичность помогает преодолеть экзистенциальную тревогу и способствует уменьшению риска развития религиозного экстремизма. Этот результат согласуется с теорией, объясняющей, что религиозная идентичность помогает преодолевать экзистенциальную тревогу, поскольку религия предлагает вечное членство в группе, указывает на абсолютную истину и удовлетворяет потребность в принадлежности.

Кроме того, результаты исследования показывают, что низкая экзистенциальная тревожность может профилировать развитие религиозного экстремизма, тогда как высокая экзистенциальная тревожность, напротив, может повышать риск его развития. Если человек переживает высокий уровень экзистенциальной тревоги, пытается избежать негативных чувств посредством насилия, то высока вероятность того, что это приведет его к нездоровому и деструктивному поведению, в том числе вероятны и экстремистские убеждения (McGregor, 2004; Temple, Gall, 2018). Согласно эмпирическим данным, индонезийские мусульмане имеют высокую аутентичную религиозную идентичность и достаточно низкий уровень экзистенциальной тревоги, так что риск развития религиозного экстремизма невысок. Реальное положение мусульманской общины в Индонезии также подтверждает это предположение.

И все же следует понимать, что и на фоне аутентичной религиозной идентичности может возникнуть риск формирования религиозного экстремизма. Во-первых, по каким-то причинам экзистенциальная тревожность может возрасти. Во-вторых, помимо экзистенциальной тревоги на связь между аутентичной религиозной идентичностью и религиозным экстремизмом могут влиять и другие психологические факторы.

Сама религиозная идентичность может отчасти прояснить это обстоятельство. Религиозная идентичность – это «групповой ярлык», отличающий человека от индивидов других религий. Отсюда возникает явление внутригруппового фаворитизма – склонность оправдывать свою группу

(Delamater, Myers, Collett, 2018). Другими словами, человек с большей вероятностью будет думать, что другая религия или группа ошибочны или неполноценны, даже если этот человек углубляется в духовный опыт и продолжает пытаться понять универсальную истину через свою религию.

Религиозность связана с тем, как формируется и выражается опыт трансцендентного существа через сообщество или социальную организацию. В то же время духовность больше связана с отношением человека к более широким, трансцендентным реальностям, таким как Бог или Вселенная. Поэтому духовность отличается от религии тем, что религия подразумевает доктрины и институты и является более объективной и внешней, тогда как духовность подразумевает личный опыт и индивидуальные практики, является более субъективной и внутренней. Кроме того, духовность рассматривается и как врожденная способность человека (Piedmont, Ciarrochi, Dy-Liacco, Williams, 2009). B.J. Zinnbauer и соавт. (1997) утверждали в своих исследованиях, что есть люди, которые чувствуют себя спиритуалистами, но не считают себя религиозными. Можно сказать, что религиозность не может быть отделена от институтов, в то время как духовность может (Zinnbauer et al., 1997). При этом и духовность, и религиозность связывают поиск божественности (Pargament, 1997). Тем не менее религиозность не может быть отделена от самой религиозной идентичности, поэтому риск развития экстремистских убеждений неизбежен. Этот феномен согласуется с концепцией, согласно которой религиозный человек всегда будет защищать свою идентичность (Buana, Lukyanov, 2020). Таким образом, даже если человек стремится и начал понимать суть религиозных учений, суть ритуала, пытается понять универсальную истину и испытывать трансцендентальные или духовные чувства, это не значит, что индивид будет свободен от религиозного экстремизма.

Выводы

Настоящее исследование показало, что аутентичная религиозная идентичность помогает преодолеть экзистенциальную тревогу, снижая риск развития религиозного экстремизма. Однако если экзистенциальная тревога не включена в исследовательскую модель, то в опыте корреляция между аутентичной религиозной идентичностью и религиозным экстремизмом имеет положительное значение. Это означает, что некоторый психологический аспект может повлиять на соотношение аутентичности и экстремизма.

Другой аспект – фаворитизм, склонность оправдывать свою группу. Фаворитизм может объяснить, почему аутентичная религиозность не может полностью снять риск развития экстремистских убеждений.

Чтобы избежать недоразумений в эмпирических исследованиях, следует различать феномены духовности и религиозности. Религиозность связана с тем, как опыт трансцендентного существа формируется и выражается через сообщество или социальную организацию. Духовность больше свя-

зана с отношением человека к более масштабным, трансцендентным реальностям, таким как Бог или Вселенная.

Вполне вероятно, что другие модели изучения аутентичной религиозной идентичности позволят выявить и другие факторы риска развития религиозного экстремизма.

Литература

Леонтьев, Д. А. (2003). Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться. *Консультативная психология и психотерапия*, 11(2), 107–119.

Лукьянов, О. В. (2008). *Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений*. Томск: Изд-во Том. ун-та.

Лукьянов, О. В. (2007). Идентичность – элемент транстемпорального мира и фронт экзистенциального опыта. *Сибирский психологический журнал*, 26, 31–35.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 10.08.2021 г.; принята 06.10.2021 г.

Дана Рикса Буана – аспирант кафедры психологии личности, Томский государственный университет; преподаватель (ассистент профессора) кафедры личности и социальной психологии, факультет психологии, Университет Мерчу Буана.

E-mail: dana.riksa@mercubuana.ac.id

Лукьянов Олег Валерьевич – заведующий кафедрой психологии личности, Томский государственный университет, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

For citation: Buana, D. R., Lukyanov, O. V. (2022). Existential Anxiety of Religious Identity and Religious Extremism in Indonesian Muslims. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 85–99. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/5

Existential Anxiety of Religious Identity and Religious Extremism in Indonesian Muslims

D.R. Buana^{1, 2}, O.V. Lukyanov¹

¹ Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

² Mercu Buana University, South Meruya Street, Kembangan, Jakarta, 11650, Indonesia

Abstract

Relevance and object of research. In this modern world, the system of managing large social processes is a foot. A dangerous social trend of the so-called “information society” is identity manipulation, including religious identity. Relevant questions: What distinguishes an authentic religious identity from an extremist one? What qualities of devoutness are necessary and sufficient for understanding devoutness? The article presents the results of a study on religious identity of Indonesian Muslims.

Subject, methods and materials of research. Data was collected from 484 Indonesian Muslims to confirm that existential anxiety plays the role of a mediator variable in the negative correlation between authentic religious identity and religious extremism. The survey was conducted using a google form. Mediation regression analysis was implemented. Three methods were used to collect data: the Authentic Religious Identity Scale, the Existential Anxiety Scale, and the Religious Extremism Scale. When testing the reliability and validity of these

scales, the SPSS (Statistical Package for the Social Sciences) and JASP (Jeffrey's Amazing Statistics Program) programs were used.

Results. The study found that authentic religious identity is negatively associated with existential anxiety, and existential anxiety was definitely associated with religious extremism. An assumption is that an authentic religious identity makes it possible to overcome existential anxiety, forming a social tendency to reduce the risk of developing religious extremism. If existential anxiety is not included in the research model, then there is a correlation between authentic religious identity and religious extremism. This means that without taking into account existential anxiety it is not possible to distinguish authentic devoutness from an extreme one.

The study shows that authentic devoutness cannot completely eliminate the risk of developing an extremist view. To make this distinction the factor of favoritism was necessary, hence the necessity of empirical studies to include the phenomena between spirituality and devoutness.

Keywords: ingroup favoritism; ritual; truth; spirituality; freedom; everyday life; authenticity

References

- Asir, A. (2014). Agama dan Fungsinya dalam Kehidupan Umat Manusia [Religion and Its Functions in Human Life]. *Al-Ulum Jurnal Pemikiran Dan Penelitian Ke Islamian*, 1(1), 50–58. doi: 10.31102/alulum.1.1.2014.50-58
- Astuti, H. J. P. (2018). Islam Nusantara: Sebuah Argumentasi Beragama Dalam Bingkai Kultural [Islam Nusantara: A Religious Argument in a Cultural Frame]. *Inject (Interdisciplinary Journal of Communication)*, 2(1), 27–52. doi: 10.18326/inject.v2i1.27-52
- Buana, D. R., & Lukyanov, O. V. (2020). Understanding Violent Religious Behavior in Indonesia: From the Concept to the Prevention. *Jurnal Cita Hukum-Indonesian Law Journal*, 8(1), 1–16. doi: 10.15408/jch.v8i1.15003
- Davydov, D., & Khlokov, K. (2017). *Questionnaire for the Diagnosis of Violent Extremism Attitudes*. Retrieved from: <https://ssrn.com/abstract=3069902> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3069902>
- Delamater, J. D., Myers, D. J., & Collett, J. L. (2018). *Social Psychology*. 8th ed. New York: Routledge.
- Good, M. (2011). *Exploring the Development and Psychosocial correlates of Spirituality / Religiosity Across Adolescence*. Brock University.
- Haryanto, H. C. (2017). Apa Manfaat Dari Agama? (Studi Pada Masyarakat Beragama Islam Di Jakarta) [What Are The Benefits Of Religion? (Studies in Muslim Communities in Jakarta)]. *Insight: Jurnal Ilmiah Psikologi*, 18(1), 19–31. doi: 10.26486/psikologi.v18i1.346
- Hogg, M. A., Adelman, J. R., & Blagg, R. D. (2010). Religion in the face of uncertainty: An uncertainty-identity theory account of religiousness. *Personality and Social Psychology Review*, 14(1), 72–83. doi: 10.1177/1088868309349692
- Jackson, R., & Hogg, M. (2010). *Religious Identity*. Encyclopedia of Identity. SAGE Publications, Inc. doi: 10.4135/9781412979306
- Kinnvall, C. (2004). Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security. *Political Psychology*, 25(5), 741–767.
- Langness, D. (2015, September 24). *How to Overcome Religious Prejudice, Tradition and Blind Imitation*. Bahai Teachings. <https://bahaiteachings.org/how-to-overcome-religious-prejudice-tradition-and-blind-imitation/>
- Leontev, D. A. (2003). Ekzistentsial'naya trevoga i kak s ney ne borot'sya [Existential anxiety and how to deal with it]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 11(2), 107–119.
- Lukyanov, O. V. (2008). *Problema stanovleniya identichnosti v epokhu sotsial'nykh izmeneniy* [The problem of identity formation in the era of social change]. Tomsk: Tomsk State University.

- Lukyanov, O. V. (2007). Identichnost' – element transtemporal'nogo mira i front ekzistentsial'nogo opyta [Identity is an element of the transtemporal world and the front of existential experience]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 26, 31–35.
- McGregor, I. (2004). Zeal, Identity, and Meaning: Going to Extremes to Be One Self. In J. Greenberg, S. L. Koole & T. Pyszczynski (Eds.), *Handbook of Experimental Existential Psychology* (pp. 182–199). Washington, DC: Guilford Press.
- Montemaggi, F. E. S. (2017). The authenticity of Christian Evangelicals: between individuality and obedience. *Journal of Contemporary Religion*, 32(2), 253–268. doi: 10.1080/13537903.2017.1298906
- Pargament, K. I. (1997). *The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice*. New York: Wiley.
- Peracha, F. N. (2017). Development and Validation of Indigenous Violent Extremism Beliefs Scale (VEBS). *Journal of Psychology and Behavioral Science*, 5(1), 53–62. doi: 10.15640/jpbs.v5n1a7
- Peterson, T. J. (2015, September 24) *Existential Anxiety, Stress, and Meaning-Making in Your Life*. Healthy Place. <https://www.healthyplace.com/blogs/anxiety-schmanxiety/2015/04/existential-anxiety-stress-and-meaning-making-in-your-life>
- Piedmont, R. L., Ciarrochi, J. W., Dy-Liacco, G. S., & Williams, J. E. G. (2009). The empirical and conceptual value of the spiritual transcendence and religious involvement scales for personality research. *Psychology of Religion and Spirituality*, 1(3), 162–179. doi: 10.1037/a0015883
- Ratnasari, D. (2010). Fundamentalisme Islam [Islamic Fundamentalism]. *Komunika: Jurnal Dakwah Dan Komunikasi*, 4(1), 40–57. doi: 10.24090/komunika.v4i1.137
- Temple, M., & Gall, T. L. (2018). Working Through Existential Anxiety Toward Authenticity: A Spiritual Journey of Meaning Making. *Journal of Humanistic Psychology*, 58(2), 168–193. doi: 10.1177/0022167816629968
- van Bruggen, V., ten Klooster, P., Westerhof, G., Vos, J., de Kleine, E., Bohlmeijer, E., & Glas, G. (2017). The Existential Concerns Questionnaire (ECQ)–Development and Initial Validation of a New Existential Anxiety Scale in a Nonclinical and Clinical Sample. *Journal of Clin. Psychol.*, 73, 1692–1703. doi: 10.1002/jclp.22474
- Verkuyten, M. (2007). Religious Group Identification and Inter-Religious Relations: A study Among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes and Intergroup Relations*, 10(3), 341–357. doi: 10.1177/1368430207078695
- Weems, C. F., Russell, J. D., Neill, E. L., Berman, S. L., & Scott, B. G. (2016). Existential Anxiety Among Adolescents Exposed to Disaster: Linkages Among Level of Exposure, PTSD, and Depression Symptoms. *Journal of Traumatic Stress*, 29(5), 466–473. doi: 10.1002/jts.22128
- Ysseldyk, R., Matheson, K., & Anisman, H. (2010). Religiosity as Identity: Toward an Understanding of Religion from a Social Identity Perspective. *Personality and Social Psychology Review*, 14(1), 60–71. doi: 10.1177/1088868309349693
- Zinnbauer, B. J., Pargament, K.I., Cole, B., Rye, M.S., Butter, E. M., Belavich, T. G., Hipp, K.M., ... & Kadar, J. L. (1997). Religion and Spirituality: Unfuzzifying the Fuzzy. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 36(4), 549–564. doi: 10.2307/1387689

Received 10.08.2021; Accepted 06.10.2021

Dana Riksa Buana – Postgraduate student, Department of Personality Psychology, Tomsk State University; Lecturer (Assistant Professor), Faculty of Psychology, Department of Personality and Social Psychology, Mercu Buana University.

E-mail: dana.riksa@mercubuana.ac.id

Oleg V. Lukyanov – Head of the Department of Personality Psychology, Tomsk State University. D. Sc. (Psychol.). Professor.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.015.3

СИСТЕМА ОЦЕНИВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ¹

Н.Б. Авалуева¹, А.С. Алексеева¹, Э.Ф. Алиева¹

¹ Федеральный институт развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 9, стр. 1

Резюме

Рассматривается содержательно-смысловое понимание категории «субъективное благополучие российских школьников», определяются методологические основания разработки системы оценивания субъективного благополучия российских школьников. Субъективное благополучие семей российских школьников рассматривается через уровень положительных / негативных эмоций и реализацию потенциала личности, т.е. как удовлетворенность семейной и образовательной сферами жизни. Цель работы – описание методологии разработки системы оценивания субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования, созданной на основе теоретического анализа существующих содержательно-смысловых трактовок категории «субъективное благополучие» и методик выявления уровня субъективного благополучия. Задача разработки системы оценивания субъективного благополучия российских школьников решается посредством выделения и обоснования социально-психологических факторов семейной и школьной среды. К значимым социально-психологическим факторам семейной среды, влияющим на благополучие детей, можно отнести отношения в семье, духовное единство, материальное обеспечение. Значимыми социально-психологическими факторами школьной среды являются отношения с одноклассниками, учебные достижения, образовательная среда.

Для разработки системы оценивания субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях общего образования были использованы методы системного анализа, индукции и дедукции, математического анализа, факторного анализа и др. Методика определения субъективного благополучия российских школьников включает критериальную основу и инструментарий оценки. С учетом выявленных социально-психологических факторов семейной и школьной среды субъективное благополучие

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы 11.16. «Исследование методологических подходов к разработке программ социализации детей и подростков в современном информационном обществе» в соответствии с государственным заданием РАНХиГС на 2021 г. по научному направлению «Экономика образования. Средне- и долгосрочные приоритеты реформы образования»

рассматривается в плоскости удовлетворенности / неудовлетворенности (положительных / негативных эмоций) и реализации потенциала личности ребенка. Критерии для выявления субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования представлены в системе оценивания в виде двух блоков: критерии для выявления уровня семейного благополучия и критерии для выявления уровня образовательного благополучия. Методологическое структурирование критериев в контексте параметр–показатель–индикатор позволило разработать математические формулы, с помощью которых можно получить численные выражения как уровня собственно субъективного благополучия, так и уровней семейного и образовательного благополучия.

Ключевые слова: субъективное благополучие; семейное благополучие; образовательное благополучие; система оценивания; критериальная основа

Введение

Определение социально-психологических факторов семейной и школьной среды явилось основанием для рассмотрения субъективного благополучия как интегральной совокупности семейного и образовательного благополучия. Анализ существующих в науке теоретических (Гордеева, Сычев, Лункина, 2019; Демнев, 2016; Захарова, Любимова, 2019; Карапетян, 2017; Кожанова, Болгарова, Панкратьева, 2019; Крамаренко, 2016; Кулик, Акимова, 2016; Лактионова, Матюшина, 2018; Леонтьев, 2020; Логинова, 2017; Пахоль, 2017; Рикель, Туниянц, Батырова, 2017; Смолева, 2015; Orben, Dienlin, Przybylski, 2019; Pepper, Harvey, 2018; Swist, Collin, 2017; Twigg, Duncan, Weich, 2020; Weinstein, 2018) и эмпирических исследований (Антонова, Ерицян, Цветкова, 2018; Арчакова, Гарифулина, 2020; Водяха, 2017; Канонир, 2019; Манукян, Муртазина, Гришина, 2020; Осин, Леонтьев, 2020; Сычев, Гордеева, Лункина, Осин, Сиднева, 2018; Viñas, González, Malo, Garcia, Casas, 2014; Tiliouine, Rees, Mokaddem, 2019; Przybylski, Orben, 2020; Shek, Liang, 2018), связанных с категориальным пониманием субъективного благополучия и его диагностикой, показывает отсутствие готового инструмента для решения задач нашего исследования.

На основании теоретического анализа научных исследований сущностно-смыслового понимания феномена «субъективное благополучие» мы сформулировали три обобщенные точки зрения, позволяющие рассматривать субъективное благополучие (Любомирски, 2014; Селигман, 2013; Широканова, 2020; Bickham, Kavanaugh, Rich, 2015; Bradburn, 1969; Diener, Diener, 1995; Huebner, 1994; Ryff, 1995; Steptoe, Deaton, Stone, 2015; Tian, Tian, Huebner, 2016) как:

1) соответствие определенной системе ценностей, принятой в обществе, т.е. наличие в человеке социально-желательных качеств (Лето, Варшал, Петренко, Слободская, 2019; Головей, Данилова, 2019; Ослон, Семья, Прокопьева, Колесникова, 2020);

2) удовлетворенность жизнью (Люсова, 2017; Плотникова, Быстрова, Лисина, 2018);

3) счастье в контексте преобладания позитивных эмоций над негативными (Любомирски, 2014; Селигман, 2013).

Цель настоящего исследования – разработка системы оценивания субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях общего образования на основе выделения и обоснования социально-психологических факторов семейной и школьной среды.

Для реализации поставленной цели важным представляется решение следующих задач:

- исследование содержательно-смыслового содержания категории «субъективное благополучие» и определение оснований для оценки субъективного благополучия российских школьников;
- конструирование критериальной основы определения субъективного благополучия российских школьников разных ступеней общего образования;
- разработка надежного и валидного инструментария оценки субъективного благополучия российских школьников разных ступеней общего образования.

В рамках разработки системы оценивания субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях общего образования акцент сделан на следующих позициях:

1. Субъективное благополучие мы понимаем как интегральную совокупность семейного благополучия и образовательного благополучия, разделяя точку зрения E.S. Huebner (1994), который предложил под субъективным благополучием детей понимать удовлетворенность различными сферами жизни – семьей, школой, друзьями, окружающей средой. Данное положение явилось определяющим в разработке *критериальной основы* системы оценивания.

2. Рассматривая феномен семейного благополучия, мы придерживаемся позиции гедонистов, считая, что семейное благополучие российских школьников – это уровень проявления положительных эмоций и реализация внутреннего потенциала личности ребенка в семье (Bradburn, 1969; Diener, Diener, 1995). При этом само благополучие трактуется через категории удовлетворенности / неудовлетворенности. Современные исследования демонстрируют выделение внешних и внутренних факторов семейного благополучия (Реан, Ставцев, 2021; Солдатова, 2018; Солдатова, Войскунский, 2018; Солодников 2018; Чернобровкина, Федорова 2017; Schutz, Bedin, Sarriera, 2019). К внешним (отдаленным) факторам исследователи относят образование и профессиональный статус родителей, материальное положение семьи, к внутренним (ближайшим) факторам – сплоченность семьи, социальную поддержку, семейное насилие, уровень родительского стресса, позитивное воспитание, вовлеченность, телесные наказания, недостаточный присмотр, непоследовательное дисциплинирование, совместные занятия в общественных местах, внутрисемейные занятия, пассивное участие.

3. Исследуя вопрос благополучия детей в школе, мы опираемся на модель Tian, Wang и Huebner (2014), согласно которой субъективное благополучие включает в себя позитивный и негативный аффекты по отношению к школе и рассматривается как удовлетворенность школьными условиями:

оснащенностью школы и принятыми в ней правилами поведения, успеваемостью, отношениями с учителями и одноклассниками. В данном контексте под образовательным благополучием мы понимаем уровень проявления положительных эмоций и реализацию внутреннего потенциала личности ребенка в образовательной организации.

Методы

Для раскрытия сущностно-смыслового понимания категории «субъективное благополучие российских школьников» использовались методы системного анализа, позволившие обобщить, систематизировать существующие в науке и практике представления о феномене «субъективное благополучие» и сформулировать понимание обозначенной категории в контексте задач исследования.

Одним из основных подходов к разработке системы оценивания субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях общего образования явился критериальный подход, на базе которого были разработаны критериальная основа оценки и инструментарий онлайн-опроса.

Для разработки критериальной основы были использованы следующие методы:

- метод анализа и синтеза, позволивший выделить основные факторы семейной и школьной среды, влияющие на субъективное благополучие детей и подростков;
- метод индукции, с помощью которого были классифицированы выявленные факторы и определены критерии семейного и школьного благополучия российских школьников;
- метод дедукции как способ конструирования критериев по основаниям параметр–показатель–индикатор;
- методы математического моделирования, позволившие разработать математические формулы для определения уровня субъективного благополучия российских школьников.

Создание надежного и валидного инструментария оценки субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях общего образования потребовало использования следующих методов:

- метод социологического опроса, который позволил разработать опросные листы для оценки удовлетворенности качеством семейной и образовательной сфер жизни и выявления факторов, влияющих на успешность обучающихся в жизненном пространстве;
- метод группировки, с помощью которого в процессе информационно-аналитической деятельности представляется возможным свести результаты определения уровня субъективного благополучия в отдельные блоки в соответствии с задачами, что делает полученную информацию структурированной и систематизированной.

Для интерпретации данных, полученных в результате исследования, использовались следующие методы:

– интерпретационно-описательные методы, которые при разработке системы оценивания субъективного благополучия позволили описать факторы и уровни субъективного благополучия школьников;

– метод обобщений и экстраполяции (интерполяции) результатов, в соответствии с которым экстраполируются количественные (качественные) характеристики субъективного благополучия, данные об удовлетворенности школьником семейной и образовательной сферами жизни, характеристики соотношения отдельных подсистем, блоков, элементов в системе показателей сложных систем и др.

Результаты исследования

В ходе исследования осуществлены систематизация, выделение и обоснование значимых социально-психологических факторов семейной среды (отношения в семье, духовное единство, материальное обеспечение) и факторов образовательной среды (отношения с одноклассниками, учебные достижения, образовательная среда), влияющих на благополучие детей и подростков. Это позволило разработать критериальную основу определения субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования и инструментарий онлайн-опроса для трех категорий российских школьников: учащихся 4-го класса, 7–9-х классов, 10–11-х классов.

С целью разработки *критериальной основы* определения субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования были сконструированы два блока критериев: критерии семейного благополучия и критерии школьного благополучия. Разработанная критериальная основа определения субъективного благополучия позволит определить удовлетворенность российских школьников семейной и образовательной сферами жизни.

Принимая во внимание, что критерий выявления субъективного благополучия российских школьников – это основание, позволяющее определить удовлетворенность ребенка семейной и образовательной сферами жизни, выделим базовые параметры, показатели и индикаторы, что даст возможность сформулировать необходимые критерии. Проявление критериев обеих групп позволит зафиксировать субъективное благополучие российских школьников.

Для определения субъективного благополучия российских школьников посредством социологического опроса школьников разных ступеней образования в качестве параметров оценки выделим основания, характеризующие удовлетворенность ребенка семейной и образовательной сферами жизни. Под показателями будем понимать основания, позволяющие судить о проявлении параметра. Индикаторами обозначим доступные наблюдению и измерению характеристики изучаемого явления (табл. 1).

Отметим, что разработанные критерии отвечают требованиям валидности, однозначности, независимости, гибкости, полноты, простоты использования, количественной достаточности.

Таблица 1

Критериальная основа определения субъективного благополучия

№	Факторы	Критерии	Параметры	Показатели	Индикаторы
<i>Блок 1 «Семейное благополучие»</i>					
1	Отношения в семье	Удовлетворенность ребенка отношениями с родителями	Функциональный компонент	Функционально-ролевая согласованность	Согласованность установок
			Ролевой компонент	Социально-ролевая адекватность	Согласованность действий Готовность к выполнению ролей
			Психологический компонент	Эмоциональный фон	Эмоциональная комфортность
2	Духовное единство	Моральная удовлетворенность ребенка	Ценностный компонент	Психологический климат в семье	Совместимость ценностей Стремление к совместному времяпрепровождению
			Деятельностный компонент	Совместная деятельность	Наличие совместных дел Наличие семейных традиций
			Коммуникационный компонент	Тип коммуникации	Наличие доверительных отношений Комфортный диалог
3	Материальное обеспечение	Удовлетворенность ребенка материальным обеспечением	Финансовый компонент	Достаток	Удовлетворение потребностей
<i>Блок 2 «Образовательное благополучие»</i>					
1	Отношения с одноклассниками	Удовлетворенность ребенка отношениями с одноклассниками, учителями	Коммуникационный компонент	Тип коммуникации	Наличие доверительных отношений с одноклассниками Комфортный диалог с одноклассниками Наличие доверительных отношений с учителями Диалог с учителями
			Психологический компонент	Эмоциональный фон	Уважение среди одноклассников

Окончание табл. 1

№	Факторы	Критерии	Параметры	Показатели	Индикаторы
					Эмоциональная комфортность в общении с одноклассниками
					Эмоциональная комфортность в общении с учителями
2	Учебные достижения	Удовлетворенность ребенка результатами обучения	Развивающий компонент	Образовательные результаты	Стабильность образовательных результатов
					Стремление к повышению уровня знаний
3	Образовательная среда	Удовлетворенность ребенка образовательными условиями	Средовой компонент	Образовательное пространство	Наличие условий для личностного развития
					Наличие электронной образовательной среды
					Комфортность условий

Для получения численного выражения субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования еще раз обозначим критерии, проявление которых позволит оценить субъективное благополучие.

Блок 1 «Семейное благополучие»:

- удовлетворенность ребенка отношениями с родителями;
- моральная удовлетворенность ребенка;
- удовлетворенность ребенка материальным обеспечением.

Блок 2 «Образовательное благополучие»:

- удовлетворенность ребенка отношениями с одноклассниками, учителями;
- удовлетворенность ребенка результатами обучения;
- удовлетворенность ребенка образовательными условиями.

Для построения шкалы субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования предлагаются следующие основные обозначения:

– $У_{СБ}$ – коэффициент субъективного благополучия российских школьников. В числовом выражении $У_{СБ}$ лежит в диапазоне от 0 до 1.

– $У_{СМБ}$ – коэффициент семейного благополучия. В числовом выражении $У_{СМБ}$ лежит в диапазоне от 0 до 1.

– $У_{ОБ}$ – коэффициент образовательного благополучия. В числовом выражении $У_{ОБ}$ лежит в диапазоне от 0 до 1.

– $K_{СМБР}$ – коэффициент, выражающий удовлетворенность ребенка отношениями с родителями.

– $K_{СМБМ}$ – коэффициент, выражающий моральную удовлетворенность ребенка.

– $K_{СМБО}$ – коэффициент, выражающий удовлетворенность ребенка материальным обеспечением.

– $K_{ОБОУ}$ – коэффициент, выражающий удовлетворенность ребенка отношениями с одноклассниками, учителями.

– $K_{ОБР}$ – коэффициент, выражающий удовлетворенность ребенка результатами обучения.

– $K_{ОБУ}$ – коэффициент, выражающий удовлетворенность ребенка образовательными условиями.

Алгоритм расчета субъективного благополучия российских школьников может быть следующим. Для расчета коэффициента семейного благополучия ($У_{СМБ}$) необходимо зафиксировать проявление критериев первого блока: удовлетворенности ребенка отношениями с родителями, моральной удовлетворенности ребенка, удовлетворенности ребенка материальным обеспечением. Проявление критериев первого блока будет определено путем фиксации индикаторов. В этой связи каждый критерий первого блока может быть представлен следующим образом.

Критерии блока 1 «Семейное благополучие»

Коэффициент, выражающий удовлетворенность ребенка отношениями с родителями:

$$K_{СМБР} = (И_{СМБФ} + П_{СМБС} + И_{СМБСЭ})/3,$$

где $И_{СМБФ}$ – фиксируемый индикатор «согласованность установок»; $П_{СМБС} = (И_{СМБС1} + И_{СМБС2})/2$ – среднее значение фиксируемых индикаторов «согласованность действий» ($И_{СМБС1}$) и «готовность к выполнению ролей» ($И_{СМБС2}$); $И_{СМБСЭ}$ – фиксируемый индикатор «эмоциональная комфортность».

Коэффициент, выражающий моральную удовлетворенность ребенка:

$$K_{СМБМ} = (П_{СМБЦ} + П_{СМБД} + П_{СМБК})/3,$$

где $П_{СМБЦ} = (И_{СМБЦ1} + И_{СМБЦ2})/2$ – среднее значение фиксируемых индикаторов «совместимость ценностей» ($И_{СМБЦ1}$) и «стремление к совместному времяпрепровождению» ($И_{СМБЦ2}$); $П_{СМБД} = (И_{СМБД1} + И_{СМБД2})/2$ – среднее значение фиксируемых индикаторов «наличие совместных дел» ($И_{СМБД1}$) и «наличие семейных традиций» ($И_{СМБД2}$); $П_{СМБК} = (И_{СМБК1} + И_{СМБК2})/2$ – среднее значение фиксируемых индикаторов «наличие доверительных отношений» ($И_{СМБК1}$) и «комфортный диалог» ($И_{СМБК2}$).

Коэффициент, выражающий удовлетворенность ребенка материальным обеспечением:

$$K_{СМБО} = И_{СМБО},$$

где $И_{СМБО}$ – фиксируемый индикатор «удовлетворение потребностей».

Представленные позиции позволят рассчитать коэффициент семейного благополучия ребенка как среднее значение критериальных коэффициентов:

$$У_{СМБ} = (K_{СМБР} + K_{СМБМ} + K_{СМБО})/3.$$

Для расчета коэффициента семейного благополучия класса, параллели, учеников всей школы формула расчета будет следующей:

$$У_{СМБИ} = (У_{СМБ1} + У_{СМБ2} + У_{СМБ3} + \dots + У_{СМБN})/N,$$

где $У_{СМБИ}$ – коэффициент семейного благополучия класса, параллели, учеников всей школы, N – количество школьников, принявших участие в исследовании выявления уровня субъективного благополучия российских школьников.

Для расчета коэффициента образовательного благополучия ($У_{СМБ}$) необходимо зафиксировать проявление критериев второго блока: удовлетворенности ребенка отношениями с одноклассниками, учителями, удовлетворенности ребенка результатами обучения, удовлетворенности ребенка условиями обучения. Проявление критериев второго блока будет определено путем фиксации индикаторов. Каждый критерий второго блока может быть представлен следующим образом.

Критерии блока 1 «Образовательное благополучие»

Коэффициент, выражающий удовлетворенность ребенка отношениями с одноклассниками, учителями:

$$К_{ОБОУ} = (П_{ОБК} + П_{ОБП})/2,$$

где $П_{ОБК} = (П_{ОБКО} + П_{ОБКУ})/2$ – среднее значение всех фиксируемых индикаторов, характеризующих коммуникативное взаимодействие ребенка с одноклассниками и учителями; $П_{ОБКО} = (И_{ОБКО1} + И_{ОБКО2})/2$ – среднее значение фиксируемых индикаторов «наличие доверительных отношений с одноклассниками» ($И_{ОБКО1}$) и «диалог с одноклассниками» ($И_{ОБКО2}$); $П_{ОБКУ} = (И_{ОБКУ1} + И_{ОБКУ2})/2$ – среднее значение фиксируемых индикаторов «наличие доверительных отношений с учителями» ($И_{ОБКУ1}$) и «диалог с учителями» ($И_{ОБКУ2}$). $П_{ОБП} = (И_{ОБП1} + И_{ОБП2} + И_{ОБП3})/3$ – среднее значение фиксируемых индикаторов «уважение среди одноклассников» ($И_{ОБП1}$), «эмоциональная комфортность в общении с одноклассниками» ($И_{ОБП2}$) и «эмоциональная комфортность в общении с учителями» ($И_{ОБП3}$).

Коэффициент, выражающий удовлетворенность ребенка результатами обучения:

$$К_{ОБР} = (И_{ОБР1} + И_{ОБР2})/2,$$

где $И_{ОБР1}$ – фиксируемый индикатор «стабильность образовательных результатов», $И_{ОБР2}$ – фиксируемый индикатор «стремление к повышению уровня знаний».

Коэффициент, выражающий удовлетворенность ребенка образовательными условиями:

$$К_{ОБУ} = (И_{ОБУ1} + И_{ОБУ2} + И_{ОБУ3})/3,$$

где $И_{ОБУ1}$ – фиксируемый индикатор «наличие условий для личностного развития»; $И_{ОБУ2}$ – фиксируемый индикатор «наличие электронной образовательной среды»; $И_{ОБУ3}$ – фиксируемый индикатор «комфортность условий».

Обозначенные позиции позволят рассчитать коэффициент образовательного благополучия ребенка как среднее значение критериальных коэффициентов:

$$У_{ОБ} = (К_{ОБОУ} + К_{ОБР} + К_{ОБУ})/3.$$

Аналогично расчетам коэффициента семейного благополучия можно рассчитать коэффициент образовательного благополучия класса, параллели, учеников всей школы:

$$Y_{\text{ОБИ}} = (Y_{\text{ОБ1}} + Y_{\text{ОБ2}} + Y_{\text{ОБ3}} + \dots + Y_{\text{ОБN}})/N,$$

где $Y_{\text{ОБИ}}$ – коэффициент образовательного благополучия класса, параллели, учеников всей школы, N – количество школьников, принявших участие в исследовании выявления уровня субъективного благополучия российских школьников.

Представленная логика расчетов позволяет определить коэффициент субъективного благополучия российских школьников:

$$Y_{\text{СБ}} = (Y_{\text{СМБИ}} + Y_{\text{ОБИ}})/2.$$

Интерпретация результатов, полученных в ходе использования разработанной критериальной основы выявления субъективного благополучия российских школьников, позволит сформировать шкалу субъективного благополучия, шкалу семейного благополучия и шкалу образовательного благополучия. При этом следует учитывать следующее:

- если $Y_{\text{СБ}}$ лежит в интервале от 0,75 до 1, уровень субъективного благополучия российских школьников высокий;
- если $Y_{\text{СБ}}$ лежит в интервале от 0,50 до 0,75, уровень субъективного благополучия российских школьников средний;
- если $Y_{\text{СБ}}$ лежит в интервале от 0 до 0,50, уровень субъективного благополучия российских школьников низкий.

Аналогичным образом трактуются результаты, отражающие уровень семейного благополучия и уровень образовательного благополучия.

Рассматривая вариант наглядного представления результатов определения уровней субъективного, семейного и образовательного благополучия, видится целесообразным отображение результатов в графическом виде: график, лепестковая диаграмма, гистограмма и т.д. Таким образом, разработанная критериальная основа позволяет сконструировать несколько шкал: шкалу Субъективного Благополучия Российских Школьников (шкала СУБРОШ), шкалу семейного благополучия, шкалу образовательного благополучия.

Разработанные на основе выделения социально-психологических факторов семейной и школьной жизни методологические основания и критериальная основа определения уровня субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования явились базисом подготовки *инструментария онлайн-опроса*.

Инструментарий проведения онлайн-опроса по выявлению уровня субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования включает диагностическую, расчетную и интерпретационную части.

Структурирование непосредственных диагностических инструментов связано с определением субъективного благополучия трех целевых групп: российские школьники ступени среднего общего образования, российские школьники ступени основного общего образования, российские школьники ступени начального общего образования.

Каждый опросный лист по выявлению уровня субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования будет содержать три блока:

Блок 1. Общие данные об участнике опроса (населенный пункт, номер школы, класс, возраст, пол).

Блок 2. Удовлетворенность семейной сферой жизни.

Блок 3. Удовлетворенность образовательной сферой.

Вопросы блоков 2 и 3 направлены на выявление разработанных критериев субъективного благополучия российских школьников посредством фиксации определенных индикаторов.

Блок 2 «Семейное благополучие»:

– удовлетворенность ребенка отношениями с родителями (согласованность установок, согласованность действий, готовность к выполнению ролей, эмоциональная комфортность);

– моральная удовлетворенность ребенка (совместимость ценностей, стремление к совместному времяпрепровождению, наличие совместных дел, наличие семейных традиций, наличие доверительных отношений, комфортный диалог);

– удовлетворенность ребенка материальным обеспечением (удовлетворение потребностей).

Блок 3 «Образовательное благополучие»:

– удовлетворенность ребенка отношениями с одноклассниками, учителями (наличие доверительных отношений с одноклассниками, комфортный диалог с одноклассниками, наличие доверительных отношений с учителями, диалог с учителями, уважение среди одноклассников, эмоциональная комфортность в общении с одноклассниками, эмоциональная комфортность в общении с учителями);

– удовлетворенность ребенка результатами обучения (стабильность образовательных результатов, стремление к повышению уровня знаний);

– удовлетворенность ребенка образовательными условиями (наличие условий для личностного развития, наличие электронной образовательной среды, комфортность условий).

Для выявления уровня субъективного благополучия российских школьников в рамках инструментария был разработан ключ, отражающий соответствие номеров вопросов в опросных листах фиксируемым индикаторам (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение фиксируемых индикаторов с вопросами опросного листа

№	Фиксируемые индикаторы	Номера вопросов
<i>Блок 2 «Семейное благополучие»</i>		
1	Согласованность установок	1, 2
2	Согласованность действий	3
3	Готовность к выполнению ролей	4, 5
4	Эмоциональная комфортность	6

Окончание табл. 2

№	Фиксируемые индикаторы	Номера вопросов
5	Совместимость ценностей	7, 8
6	Стремление к совместному времяпрепровождению	9, 10
7	Наличие совместных дел	11
8	Наличие семейных традиций	12
9	Наличие доверительных отношений	13
10	Комфортный диалог	14
11	Удовлетворение потребностей	15
<i>Блок 3 «Образовательное благополучие»</i>		
1	Наличие доверительных отношений с одноклассниками	1
2	Комфортный диалог с одноклассниками	2
3	Наличие доверительных отношений с учителями	3, 4
4	Диалог с учителями,	5
5	Уважение среди одноклассников	6
6	Эмоциональная комфортность в общении с одноклассниками	7, 8
7	Эмоциональная комфортность в общении с учителями	9
8	Стабильность образовательных результатов	10
9	Стремление к повышению уровня знаний	11
10	Наличие условий для личностного развития	12, 13
11	Наличие электронной образовательной среды	14
12	Комфортность условий	15

Данная таблица будет способствовать обработке данных, полученных в ходе опроса российских школьников разных ступеней образования: учащихся 10–11-х классов, 7–9-х классов, 4-го класса.

Форма обработки данных будет содержать сводную информацию, полученную по результатам опроса и систематизированную в логике расчетной части методики (табл. 3).

Таблица 3

Форма сбора данных						
Блок 1. Общие сведения об участнике	Блок 2. Семейное благополучие			Блок 3. Образовательное благополучие		
№ вопроса	Фиксируемый индикатор	Номера положительных ответов	Номера отрицательных ответов	Фиксируемый индикатор	Номера положительных ответов	Номера отрицательных ответов

Алгоритм сбора данных

Для получения необходимой информации опросные листы будут переведены в формат онлайн-опросного листа, содержащего варианты ответов на качественные вопросы. При переходе участника к опросу необходимо нажать на ссылку и ответить на вопросы в открывшейся форме.

Порядок обработки полученных данных

Результаты будут аккумулироваться на закрытом интернет-ресурсе и могут быть трансформированы в файлы таких программ, как MS Excel, Microsoft Word, OpenOffice, RTF, HTML.

Для обеспечения достоверности сбора данных будет осуществлена проверка опросных листов на качество заполнения. Такая проверка включает три аспекта:

- учитывается полнота заполнения (ответ может отсутствовать из-за нежелания респондента отвечать, непонимания им вопроса, небрежности в заполнении формы). При невозможности устранить ошибку отдельные вопросы или весь опросный лист изымается из обработки. В случае большого изъятия, ставящего под сомнение репрезентативность выборки, возможно возникновение необходимости дополнительного сбора исходных данных;

- надежность – определяется отклонение от репрезентативной выборки, устраняются противоречивые ответы и т.д.;

- технологичность – удобство обработки (из опросных листов исключаются все позиции, которые можно трактовать неоднозначно). При загрузке опросных листов в Google form устанавливается запрет на повторное заполнение формы одним и тем же пользователем.

Обсуждение результатов

Научные споры об отождествлении категорий «счастье» и «субъективное благополучие» идут достаточно давно. Изучение исследований, связанных с раскрытием смысловой сущности указанных категорий, показывает, что результаты существующих теоретических концепций и эмпирических исследований этих феноменов позволяют выстроить целую «линейку» тождественных категорий. Субъективное благополучие отождествляется не только с такими категориями, как «счастье», «удовлетворенность жизнью», но и с такими, как «качество жизни», «психологическое благополучие». Однако соотнесение и установление смысловых связей этих понятий представляется затруднительным, так как элементы, входящие в их структуру, зачастую пересекаются, что вызывает путаницу в определении конструктов этих понятий, поскольку в описании компонентов структуры используются смежные понятия (Рикель и др., 2017). Существующие на сегодняшний день методики оценки субъективного благополучия детей и подростков позволяют определить его только в контексте обозначенных категорий. Поэтому рассмотрение субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования как интегральной совокупности семейного и образовательного благополучия представляется актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Такой взгляд на смысловое содержание феномена «субъективное благополучие» явился основанием для разработки системы его оценивания, включающей критериальную основу и инструментарий онлайн-опроса.

Представленная в данной работе система оценивания субъективного благополучия позволяет установить причинно-следственные и корреляционные зависимости факторов семейного и образовательного благополучия российских школьников и собственно субъективного благополучия с по-

мощью шкалы СУБРОШ, шкалы семейного благополучия и шкалы образовательного благополучия.

Количественное выражение субъективного благополучия определяется с помощью математических формул, основой разработки которых явилось методологическое структурирование критериев в контексте параметр–показатель–индикатор.

По нашему мнению, количественное выражение субъективного благополучия, зафиксированное шкалой СУБРОШ, визуально отражает не только уровень субъективного, семейного и образовательного благополучия в целом, но и проявление каждого из критериев, которые представлены в системе оценивания в виде двух блоков: критерии для выявления уровня семейного благополучия и критерии для выявления уровня образовательного благополучия. Отметим, что разработанные критерии отвечают требованиям валидности, однозначности, независимости, гибкости, полноты, простоты использования, количественной достаточности.

Шкала СУБРОШ предоставляет возможность выявлять проблемные области как семейных, так и образовательных отношений посредством сравнения количественных выражений субъективного благополучия. Шкала СУБРОШ может быть построена как для отдельного ребенка, так и для класса, параллели классов, всей образовательной организации в целом, в определенные периоды времени, что является важным для исследования субъективного благополучия в динамике. Поэтому шкала СУБРОШ может рассматриваться как диагностический инструмент, способствующий позитивному изменению как семейной, так и образовательной сферы жизнедеятельности современного школьника.

Анализ результатов, полученных при использовании разработанной системы оценивания субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования, может являться основой разработки траекторий совершенствования семейной и образовательной сфер жизни, повышения уровня субъективного благополучия.

Заключение

В настоящее время в соответствии с современными запросами общества необходимо создавать благоприятные условия для проявления и стимулирования личностного потенциала школьника как участника образовательного взаимодействия. Разработанная система оценивания субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования может рассматриваться как один из возможных способов развития личностного потенциала школьников и позволяет специалистам системы общего образования получить объективные сведения об уровне субъективного благополучия школьников, оценить удовлетворенность российских школьников семейной и образовательной сферами жизни. Система оценивания субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования также предоставляет возможность выявления про-

блемных полей в обозначенных сферах жизни школьников, оперативной корректировки педагогической деятельности, создания системы индивидуального психолого-педагогического сопровождения школьников. Предложенная система оценивания субъективного благополучия российских школьников на разных ступенях образования представляется перспективной, нуждается в апробации и возможной корректировке по результатам прикладного исследования.

Литература

- Антонова, Н. А., Ерицян, К. Ю., Цветкова, Л. А. (2018). Субъективное благополучие подростков и молодежи: концептуализация и измерение. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, 187, 69–78
- Арчакова, Т. О., Гарифулина, Э. Ш. (2020). Измерение субъективного благополучия детей в России: от локальных социальных практик до федеральной стратегии. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 276–295. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.11
- Водяха, С. А. (2017). Психометрические показатели опросника психологического благополучия. *Педагогическое образование в России*, 4, 32–36
- Головей, Л. А., Данилова, М. В. (2019). Структура субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью в подростковом возрасте. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Аксиология образования. Психология развития*, 8(1), 38–45. doi: 10.18500/2304-9790-2019-8-1-38-45
- Гордеева, Т. О., Сычев, О. А., Лункина, М. В. (2019). Школьное благополучие младших школьников: мотивационные и образовательные предикторы. *Психологическая наука и образование*, 24(3), 32–42. doi: 10.17759/pse.2019240303
- Деменев, А. Г. (2016). Субъективистские и объективистские теории в современных исследованиях счастья. *Вестник Волгоградского государственного университета. Философия*, 4(7), 7–15. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.1>
- Захарова, Ю. П., Любимова, А. И. (2019). Благополучие и неблагополучие семьи и ребенка в нарративах специалистов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Санкт-Петербурга. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6, 280–294.
- Канонир, Т. Н. (2019). Субъективное благополучие в школе и отношения с одноклассниками у учащихся начальной школы с разным уровнем учебных достижений. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 16(2), 170–182. doi: 10.17323/1813-8918-2019-2-378-390
- Карапетян, Л. В. (2017). Исследование благополучия в отечественной психологии. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*, 2(40), 132–137.
- Кожанова, Н. С., Болгарова М. А., Панкратьева О. С. (2019). Проблема обеспечения психологически комфортной и безопасной образовательной среды в инклюзивном образовании. *Перспективы науки и образования*, 4(40), 307–321. doi: 10.32744/pse.2019.4.24
- Крамаренко, Н. С. (2016). Социокультурная среда цифровой эпохи: от психологических рисков к возможностям развития личности. *Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал*, 4, 1–10.
- Кулик, А. А., Акимова, А. А. (2016). Субъективное благополучие молодежи (на примере студентов первых и выпускных курсов). *Ученые записки Забайкальского государственного университета*, 11(2), 170–177.
- Лактионова, Е. Б., Матюшина, М. Г. (2018). Теоретический анализ подходов к исследованию проблемы позитивного функционирования личности: счастье, психологическое

- благополучие, субъективное благополучие. *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология*, 26, 77–88. doi: 10.26516/2304-1226.2018.26.77
- Леонтьев, Д. А. (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, 14–37. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.02.
- Лето, И. В., Варшал, А. В., Петренко, Е. Н., Слободская, Е. Р. (2019). Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста: значение семейных факторов. *Психологический журнал*, 40(6), 18–30. doi: 10.31857/S020595920007311-8
- Логинова, С. В. (2017). Обзор исследований психологического благополучия детей. *Мир науки, культуры, образования*, 3(64), 283–286.
- Любомирски, С. (2014). *Психология счастья. Новый подход*. СПб.: Питер.
- Люсова, О. В. (2017). Субъективное благополучие в контексте жизнедеятельности российской семьи. *Logos et Praxis*, 16(4), 97–104. doi: 10.15688/lp.jvolsu.2017.4.10
- Манукян, В. Р., Муртазина, И. Р., Гришина, Н. В. (2020). Опросник для диагностики потенциала самоизменений личности. *Консультативная психология и психотерапия*, 28(4), 35–58. doi: 10.17759/cpp.2020280403
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2018). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Ослон, В. Н., Семья, Г. В., Прокопьева Л. М., Колесникова У. В. (2020). Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Психологическая наука и образование*, 25(6), 41–50. doi: 10.17759/pse.2020250604
- Пахоль, Б. Е. (2017). Субъективное и психологическое благополучие: современные и классические подходы, модели и факторы. *Украинский психологический журнал*, 1, 80–104.
- Плотникова, Е. Е., Быстрова, Н. В., Лисина, Е. И. (2018). Педагогическая культура родителей как компонент воспитательного потенциала семьи. *Проблемы современного педагогического образования*, 58(2), 188–191.
- Реан, А. А., Ставцев, А. А. (2021). Протективные и провокативные семейные факторы агрессивного поведения детей и подростков. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 11(2), 137–149. doi: 10.21638/spbu16.2021.2
- Рикель, А. М., Туниянц, А. А., Батырова, Н. (2017). Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах. *Вестник московского университета. Сер. 14. Психология*, 2, 64–82. doi: 10.11621/vsp.2017.02.64
- Селигман, М. (2013). *Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия* (Е. Межевич, С. Филина, пер. с англ.). М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Смолева Е.О. (2015). Методологические и методические аспекты оценки субъективного благополучия. *Психология, социология и педагогика*, 9(48), 93–100.
- Солдатова, Г. У. (2018). Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. *Социальная психология и общество*, 9(3), 71–80. doi: 10.17759/sps.2018090308
- Солдатова, Г. У. Войсункий А. Е. (2018). Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(3), 22–43. doi: 10.17759/cpp.2019270303
- Солодников, В. В. (2018). Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 269–332. doi: 10.11621/vsp.2017.02.64
- Сычев, О. А., Гордеева Т. О., Лункина, М. В., Осин, Е. Н., Сиднева, А. Н. (2018). Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников. *Психологическая наука и образование*, 23(6), 5–15. doi: 10.17759/pse.2018230601

- Чернобровкина, С. В., Федорова, Т. В. (2017). Тип детско-родительских отношений как фактор характеристик коммуникативной сферы и социометрического статуса у дошкольников. *Вестник Омского университета. Сер. Психология*, 2, 22–32.
- Широканова, А. А. (2020). Тренды субъективного благополучия в России: 1998–2018. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 13(1), 4–24. doi: 10.21638/spbu12.2020.101

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 10.09.2021 г.; принята 08.11.2021 г.

Авалуева Наталия Борисовна – ведущий научный сотрудник, Федеральный институт развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат педагогических наук.
E-mail: avalueva-nb@ranepa.ru

Алексеева Анна Станиславовна – заместитель директора научно-исследовательского центра, Федеральный институт развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат биологических наук.
E-mail: alekseeva-as@ranepa.ru

Алиева Эвелина Факировна – исполняющий обязанности директора, Федеральный институт развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат педагогических наук.
E-mail: alieva-ef@ranepa.ru

For citation: Avalueva, N. B., Alekseeva, A. S., Alieva, E. F. (2022). Assessment System for Subjective Well-being of Russian Schoolchildren: a Theoretical and Methodological Rationale. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 100–121. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/6

Assessment System for Subjective Well-being of Russian Schoolchildren: a Theoretical and Methodological Rationale¹

N.B. Avalueva¹, A.S. Alekseeva¹, E.F. Alieva¹

¹ Federal Institute for Educational Development RANEPa, Chernyakhovskogo 9/1, Moscow, 125319, Russian Federation

Abstract

The article considers the meaningful understanding of the category "subjective well-being of Russian schoolchildren" and determines the methodological rationale for developing an assessment system for it. The subjective well-being of Russian students' families is studied through the level of positive/negative emotions and the realization of personal potential, i.e. as satisfaction with such areas of life as family and education. The aim is to describe the methodology for developing an assessment system for subjective well-being of Russian

¹ The research was carried out within the framework of research work 11.16. "Study of methodological approaches to the development of socialization programs for children and adolescents in the modern information society", in accordance with the state task of RANEPa for 2021 on the scientific direction "Economics of Education. Medium- and Long-Term Priorities of Education Reform".

schoolchildren at different stages of education, based on the theoretical analysis of existing meaningful interpretations of the "subjective well-being" category and methods for identifying its level. The task of developing the assessment system for subjective well-being is being solved by identifying and justifying social and psychological factors of family and school environment. Significant factors that affect the children's well-being can include family relationships, spiritual unity, material security, relations with classmates, learning achievements, educational environment.

To develop the assessment system we used methods of system analysis, methods of induction and deduction, methods of mathematical analysis, the method of factor analysis and others. The methodology for determining the subjective well-being of Russian schoolchildren includes a criterial framework and assessment tools. Taking into account the identified social and psychological factors of family and school environment, the subjective well-being is studied in criteria of satisfaction/dissatisfaction (positive/negative emotions) and realization of a child's personality potential. The assessment system presents the criteria for identifying the subjective well-being of Russian schoolchildren at different levels of education as two blocks: family and educational well-being. The methodological structuring of the criteria allowed us to develop mathematical formulas which can be used to obtain numerical expressions of both the level of subjective well-being itself and the levels of family and educational well-being.

Keywords: subjective well-being; family well-being; educational well-being; assessment system; criterion framework

References

- Antonova, N. A., Eritsyanyan, K. Yu., & Tsvetkova, L. A. (2018). Subjective well-being of adolescents and youth: conceptualization and measurement. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 187, 69–78
- Archakova, T. O., & Garifulina, E. Sh. (2020). Measuring Children's Subjective Well-Being in Russia: Local Practices and Federal Strategies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 276–295. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.11
- Bickham, D. S., Kavanaugh, J. R., & Rich, M. (2016). Media effects as health research: how pediatricians have changed the study of media and child development. *Journal of Children and Media*, 10(2), 191–199. doi: 10.1080/17482798.2015.1127842
- Bradburn, N. (1969). *The Structure of Psychological Well-Being*. Chicago: Aldine Publishing Company.
- Chernobrovkina, S. V., & Fedorova, T. V. (2017). Tip detsko-roditel'skikh otnosheniy kak faktor kharakteristik kommunikativnoy sfery i sotsiometricheskogo statusa u doskol'nikov [The type of parent-child relationship as a factor in the characteristics of the communicative sphere and sociometric status in preschool children]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Psikhologiya*, 2, 22–32.
- Demenev, A. G. (2016). Sub'ektivistskie i ob'ektivistskie teorii v sovremennykh issledovaniyakh schast'ya [Subjectivist and Objectivist Theories in Modern Happiness Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, 4(7), 7–15. doi: 10.15688/jvolsu7.2016.4.1
- Diener, E., & Diener, M. (1995). Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*, 68(4), 653–663. doi: 10.1037/0022-3514.68.4.653
- Golovey, L. A., & Danilova, M. V. (2019). The Structure of Subjective Well-Being and Satisfaction with Life in Adolescence. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya*.

- Ser. *Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 8(1), 38–45. doi: 10.18500/2304-9790-2019-8-1-38-45
- Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., & Lunkina, M. V. (2019). School Well-Being of Elementary School Children: Motivational and Educational Predictors. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 24(3), 32–42. doi: 10.17759/pse.2019240303
- Huebner, E. S. (1994). Preliminary development and validation of a multidimensional life satisfaction scale for children. *Psychological Assessment*, 6, 149–158. doi: 10.1037/1040-3590.6.2.149
- Kanonire, T. N. (2019). Subjective Well-Being of Primary School Students with Different Achievement Levels. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 170–182. doi: 10.17323/1813-8918-2019-2-378-390
- Karapetyan, L. V. (2017). Issledovanie blagopoluchiya v otechestvennoy psikhologii [The study of well-being in domestic psychology]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, 2(40), 132–137.
- Kozhanova, N. S., Bolgarova M. A., & Pankratieva, O. S. (2019). Problema obespecheniya psikhologicheskoi komfortnoy i bezopasnoy obrazovatel'noy sredy v inkluzivnom obrazovanii [The problem of providing a psychologically comfortable and safe educational environment in inclusive education]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 4(40), 307–321. doi: 10.32744/pse.2019.4.24
- Kramarenko, N. S. (2016). Sotsiokul'turnaya sreda tsifrovoy epokhi: ot psikhologicheskikh riskov k vozmozhnostyam razvitiya lichnosti [Sociocultural environment of the digital age: from psychological risks to opportunities for personal development]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 4, 1–10.
- Kulik, A. A., & Akimova, A. A. (2016). Sub'ektivnoe blagopoluchie molodezhi (na primere studentov pervykh i vypusknykh kursov) [Subjective well-being of young people (on the example of first and final year students)]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 11(2), 170–177.
- Laktionova, E. B., & Matyushina, M. G. (2018). Teoreticheskiy analiz podkhodov k issledovaniyu problemy pozitivnogo funktsionirovaniya lichnosti: schast'e, psikhologicheskoe blagopoluchie, sub'ektivnoe blagopoluchie [Theoretical analysis of approaches to the study of the problem of positive functioning of the individual: happiness, psychological well-being, subjective well-being]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya*, 26, 77–88. doi: 10.26516/2304-1226.2018.26.77
- Leontiev, D. A. (2020). Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremenny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 14–37. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.02
- Leto, I. V., Varshal, A. V., Petrenko, E. N., & Slobodskaya, E. R. (2019). Sub'ektivnoe blagopoluchie detey mladshogo shkol'nogo vozrasta: znachenie semeynykh faktorov [Subjective well-being of children of primary school age: the importance of family factors]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 40(6), 18–30. doi: 10.31857/S020595920007311-8
- Loginova, S. V. (2017). Obzor issledovaniy psikhologicheskogo blagopoluchiya detey [Review of research on the psychological well-being of children]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 3(64), 283–286.
- Lyubomirski, S. (2014). *Psikhologiya schast'ya. Novyy podkhod* [Psychology of Happiness. New Approach]. St. Petersburg: Piter.
- Lyusova, O. V. (2017). Subjective Well-Being in the Context of Russian Family Life. *Logos et Praxis*, 16(4), 97–104. doi: 10.15688/lp.jvolsu.2017.4.10

- Manukyan, V. R., Murtazina, I. R., & Grishina, N. V. (2020). Questionnaire for Assessing the Self-Change Potential of a Person. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 28(4), 35–58. doi: 10.17759/cpp.2020280403
- Orben, A., Dienlin, T., & Przybylski, A. K. (2019). Social media's enduring effect on adolescent life satisfaction. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116(21), 10226–10228. doi: 10.1073/pnas.1902058116
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2018). Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyy analiz [Brief Russian scales for diagnosing subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Oslon, V. N., Semya, G. V., Prokopieva, L. M., & Kolesnikova, U. V. (2020). Operatsional'naya model' i instrumentariy dlya izucheniya sub"ektivnogo blagopoluchiya detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley [Operational model and tools for studying the subjective well-being of orphans and children left without parental care]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 25(6), 41–50. doi: 10.17759/pse.2020250604
- Pakhol, B. E. (2017). Sub"ektivnoe i psikhologicheskoe blagopoluchie: sovremennyye i klassicheskie podkhody, modeli i factory [Subjective and psychological well-being: modern and classical approaches, models and factors]. *Ukrainskiy psikhologicheskii zhurnal*, 1, 80–104.
- Pepper, E. & Harvey, R. (2018). Digital addiction: Increased Loneliness, Anxiety and Depression. *Neuroregulation*, 5(1). doi: <https://doi.org/10.15540/nr.5.1.3>
- Plotnikova, E. E., Bystrova, N. V., & Lisina, E. I. (2018). Pedagogicheskaya kul'tura roditel'ey kak komponent vospitatel'nogo potentsiala sem'i [Pedagogical culture of parents as a component of the educational potential of the family]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 58(2), 188–191.
- Przybylski, A. K., Orben, A., & Weinstein, N. W. (2020). How much is too much? Examining the relationship between digital screen engagement and psychosocial functioning in a confirmatory cohort study. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 59(9), 1080–1088 doi: 10.1016/j.jaac.2019.06.017
- Rean, A. A., & Stavtsev, A. A. (2021). Protective and provocative family factors of aggressive behavior in children and adolescents. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 11(2), 137–149. doi: 10.21638/spbu16.2021.2
- Rikel, A. M., Tuniyants, A. A., & Batyrova, N. (2017). Ponyatie sub"ektivnogo blagopoluchiya v gedonisticheskom i evdemonisticheskom podkhodakh [The concept of subjective well-being in the hedonistic and eudemonistic approaches]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 2, 64–82. doi: 10.11621/vsp.2017.02.64
- Ryff, C. D. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69, 719–727. doi: 10.1037//0022-3514.69.4.719
- Schutz, F. F., Bedin, L. M., & Sarriera, J. C. (2019). Subjective Well-Being of Brazilian Children from Different Family Settings. *Applied Research in Quality of Life*, 14(3). 737–750. <https://doi.org/10.1007/s11482-018-9609-0>
- Seligman, M. (2013). *Put' k protsvetaniyu. Novoe ponimanie schast'ya i blagopoluchiya* [Path to prosperity. A new understanding of happiness and well-being] (E. Mezhevich, S. Filina, Transl.). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Shek, D. T. L., & Liang, L.-Y. (2018). Psychosocial Factors Influencing Individual Well-Being in Chinese Adolescents in Hong Kong: A Six-Year Longitudinal Study. *Applied Research in Quality of Life*, 13(3), 561–584. doi: 10.1007/s11482-017-9545-4

- Shirokanova, A. A. (2020). Trends of subjective well-being in Russia: 1998–2018. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, 13(1), 4–24. doi: 10.21638/spbu12.2020.101
- Smoleva, E.O. (2015). Metodologicheskie i metodicheskie aspekty otsenki sub'ektivnogo blagopoluchiya [Methodological and methodological aspects of assessing subjective well-being]. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika*, 9(48), 93–100.
- Soldatova, G. U. (2018). Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 9(3), 71–80. doi: 10.17759/sps.2018090308
- Soldatova, G. U., & Voyskunskiy A. E. (2019). Epidemic of Loneliness in a Digital Society: Hikikomori as a Cultural and Psychological Phenomenon. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 27(3), 22–43. doi: 10.17759/cpp.2019270303
- Solodnikov, V. V. (2018). Russian sociological and psychological research of the family: meta-analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6, 269–332. doi: 10.11621/vsp.2017.02.64
- Stephoe, A., Deaton, A., & Stone, A. A. (2015). Subjective wellbeing, health, and ageing. *The Lancet*, 385(9968), 640–648. doi: 10.1016/S0140-6736(13)61489-0
- Swist, T., & Collin, P. (2017). Platforms, data and children's rights: Introducing a 'networked capability approach'. *New Media & Society*, 19(5), 671–685. doi: 10.1177/1461444816686319
- Sychev, O. A., Gordeeva T. O., Lunkina, M. V., Osin, E. N., & Sidneva, A. N. (2018). Mno-gomernaya shkala udovletvorennosti zhizn'yu shkol'nikov [Multidimensional scale of schoolchildren's life satisfaction]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 23(6), 5–15. doi: 10.17759/pse.2018230601
- Tian, L., Tian, Q., & Huebner, E. S. (2016). School-related social support and adolescents' schoolrelated subjective well-being: The mediating role of basic psychological needs satisfaction at school. *Social Indicators Research*, 128, 105–129. doi: 10.1016/j.adolescence.2015.09.003
- Tian, L., Wang, D., & Huebner, E. S. (2014). Development and validation of The Brief Adolescents' Subjective Well-Being in School Scale. *Social Indicators Research*, 120(2), 615–6342. doi: 10.1007/s11205-014-0603-0
- Tiliouine, H., Rees, G., Mokaddem, S. (2019). Changes in Self-Reported Well-Being: A Follow-Up Study of Children Aged 12–14 in Algeria. *Child Development*, 90(2), 359–374. doi: 10.1111/cdev.13132
- Twigg, L., Duncan, C., & Weich, S. (2020). Is social media use associated with children's well-being? Results from the UK Household Longitudinal Study. *Journal of Adolescence*, 80, 73–83. doi: 10.1016/j.adolescence.2020.02.002
- Viñas F., González M., Malo S., Garcia Y., Casas F. (2014) Temperament and Personal Well-being in a Sample of 12 to 16-Year-Old Adolescents. *Applied Research Quality Life*, 9(2), 355–366. doi: 10.1007/s11482-013-9242-x
- Vodyakha, S. A. (2017). Psikhometricheskie pokazateli oprosnika psikhologicheskogo blagopoluchiya [Psychometric indicators of the psychological well-being questionnaire]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 4, 32–36.
- Weinstein, E. (2018). The social media see-saw: Positive and negative influences on adolescents' affective well-being. *New Media & Society*, 20(10), 3597–3623. doi: 10.1177/1461444818755634
- Zakharova, Yu. P., & Lyubimova, A. I. (2019). Family and Children Well-Being and Ill-Being in the Narratives of Experts on Prevention of Child Abandonment and Juvenile Delinquency. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye*

peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 6, 280–294.
doi: 10.14515/monitoring.2019.6.14

Received 10.09.2021; Accepted 08.11.2021

Natalia B. Avalueva – Principal Scientist, Federal Institute for Educational Development RANEPa, PhD in Pedagogy.

E-mail: avalueva-nb@ranepa.ru

Anna S. Alekseeva – Deputy Head of the Center, Federal Institute for Educational Development RANEPa, PhD in biology.

E-mail: alekseeva-as@ranepa.ru

Evelina F. Alieva – Associate Director, Federal Institute for Educational Development RANEPa, PhD in Pedagogy.

E-mail: alieva-ef@ranepa.ru

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.7-059.1:159.9.07-055

РАННИЕ ДЕЗАДАПТИВНЫЕ СХЕМЫ КАК МОДЕРАТОРЫ СТРЕССА И ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИИ¹

И.С. Карауш¹, И.Е. Куприянова²

¹ ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, Россия, 119034, Москва, Кропоткинский пер., 23

² НИИ психического здоровья Томского НИМЦ, Россия, 634014, Томск, ул. Алеутская, 4

Резюме

Представлен обзор исследований, вектор которых направлен на изучение последствий травматического опыта детства и неудовлетворения в детстве основных психологических потребностей. В качестве «модераторов» в ассоциации стресса и психопатологии рассматривается возникновение ранних дезадаптивных схем. Ранняя дезадаптивная схема – это устойчивый паттерн, состоящий из воспоминаний, эмоций, знаний и представлений о себе и отношениях с другими людьми.

Основными отличительными особенностями ранних дезадаптивных схем являются: дисфункциональные переживания, возникающие в результате взаимодействия ребенка в процессе общения с членами семьи; восприятие схем как фактических знаний о себе и окружающей действительности; активация внешними факторами.

Приведены результаты исследования взаимосвязи между ранними дезадаптивными схемами и различными категориями психических расстройств. Описана взаимосвязь различных схем с формированием разных видов страхов. Показано, что частота депрессивных и тревожных расстройств выше у людей с неэффективными эмоциональными схемами. Это связано с тем, что наличие неадаптивной схемы заставляет человека неправильно понимать свои эмоции или интерпретировать их негативно. Также выявлены особенности дезадаптивных схем у пациентов с обсессивно-компульсивными расстройствами и расстройствами шизофренического спектра.

Учитывая, что в течение жизни дезадаптивные схемы усложняются, затрагивают все большее число сфер функционирования, представляется целесообразным выявлять эти схемы в молодом возрасте, на этапе, когда они не имеют четкой структуры, не являются жесткими и не вызывают стойкой дезадаптации во всех сферах функционирования.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы; травматический детский опыт; детско-родительские отношения; психическое здоровье; потребности

¹ Исследование проведено в соответствии с темой государственного задания «Биопсихосоциальные механизмы патогенеза и клинического полиморфизма, адаптационный потенциал и предикторы эффективности терапии у больных с психическими и поведенческими расстройствами в регионе Сибири», рег. номер 122020200054-8.

Изучение психологических и социальных факторов, приводящих к возникновению проблем психического здоровья, не теряет своей актуальности на фоне их многообразия в условиях экономических и социокультурных особенностей и информационной насыщенности современной жизни, изменений, происходящих в межличностном (в особенности семейном) функционировании. Воздействие социально-психологических факторов в настоящее время увеличилось в соответствии с современными системными представлениями о возможности их влияния (наряду с целым комплексом биологических факторов) на преобразование генома, связанное с патогенезом психических расстройств (Еричев, 2019; Hornung, Heim, 2014; Tsuji, Miyagawa, Takeda, 2014; Vialou, Feng, Robison, Nestler, 2013). Данный подход, рассматривающий наследственность как модифицируемый фактор, объясняет различия в динамике клинической картины психического расстройства, гендерных особенностях его течения и индивидуальной уязвимости индивидуума (Григорьян, Гуляева, 2015; Еричев, 2019; Landecker, Panofsky, 2013; Shonkoff, Boyce, McEwen, 2009). Эпигенетические механизмы действуют как «интерфейс» между внешней средой и генетическим кодом (Read, Bentall, Fosse, 2009), влияя на регуляцию экспрессии генов, что иногда приводит к вероятности возникновения психопатологических расстройств и расстройств поведения (Barker, Gumley, Schwannauer, Lawrie, 2015; Bredy, Sun, Kobor, 2010).

Публикуемые данные, касающиеся заявленной проблемы, представлены в большей степени в трудах зарубежных исследователей, в российских исследованиях имеется некоторый теоретико-эмпирический дефицит. К значимым социально-психологическим эпигенетическим факторам (маркерам) относят травматический опыт периода детства (Розанов, 2015; Maas, Laceulle, Bekker, 2019; McLaughlin, Lambert, 2017) и влияние социального окружения (внешних стрессоров) как источника хронических стрессорных воздействий (Еричев, 2019; Stankiewicz, Swiergiel, Lisowski, 2013), например социальное неравенство, различия в социоэкономическом статусе, расовые различия и различия в отношении состояния здоровья (Kuzawa, Sweet, 2009; McGuinness et al., 2012; Wells, 2010). Подверженность травматическим событиям в детстве по типу доза–реакция связана с уязвимостью к различным психопатологическим состояниям – депрессии, тревоге, анти-социальному и суицидальному поведению, употреблению психоактивных веществ во взрослом возрасте (Reula, García, Fernández, 2017).

Исследование ДНК подростков 11–15 лет (Дарем, Северная Каролина, США) выявило связь эпигенетических изменений с низким социоэкономическим статусом семьи подростков и корреляцию с повышением активности миндалевидного тела, определяющего функционирование в условиях стрессовой реакции. Показан двусторонний характер выявленной связи – между описанными изменениями мозговой активности и депрессивными расстройствами в семейном анамнезе, с одной стороны, и возрастанием вероятности возникновения депрессии у самих подростков – с другой (Swartz, Hariri, Williamson, 2017).

Цель представляемого обзора – систематизация научных данных, касающихся изучения ранних дезадаптивных схем как психологического конструкта, определяющего связь последствий травматического опыта детства и неудовлетворения базовых психологических потребностей и формирования нарушений психического здоровья.

Особенности детско-родительского взаимодействия, обусловленные патологическими типами воспитания, низким доходом и уровнем образования родителей, даже своеобразием их лексики, могут способствовать повышению активации стрессовых систем (Lupien, King, Meaney, McEwen, 2001) и изменять созревание отдельных областей мозга, таких как префронтальная кора (Farah et al., 2006; Hackman, Farah, 2009). Исследования на животных, изучающие связанные со стрессом изменения в мозговых структурах, показывают, что такие изменения могут сохраняться и во взрослой жизни, влияя на эмоциональное функционирование, способность принимать решения и определяя склонность к злоупотреблению психоактивными веществами, агрессии, ожирению и связанным со стрессом расстройствам (Isgor, Kabbaj, Akil, Watson, 2004; Kaufman et al., 2007).

Проблемы детско-родительских отношений рассматриваются начиная с периода беременности женщины. Исследование психологического компонента гестационной доминанты беременных женщин с несбалансированным типом семейной системы выявляет неоптимальные его варианты в сравнении с женщинами, характеризующимися сбалансированностью семейной системы. Отмечается негативное влияние данных факторов на течение гестационного периода, процесс родоразрешения и формирование неблагоприятных форм привязанности матери и младенца (Бибикова, Добряков, 2012).

Психологический стресс, вызванный ранними травматическими переживаниями, связанными с родителями, по-видимому, является фактором передачи детской травмы из поколения в поколение, независимо от пола (Гуткевич, Шатунова, 2019; Guterman, Lee, Taylor, Rathouz, 2009; Milner et al., 2010). Подчеркивается, что, хотя ранние невзгоды могут привести к большей уязвимости в более позднем возрасте, имеются данные о наличии позитивного влияния сигналов окружающей среды в раннем возрасте на то, как экспрессируются гены следующего поколения. Большая часть исследований вариаций в экспрессии генов основана на экспериментах на животных, однако эти данные могут дать важные подсказки о том, как различия в раннем воздействии неблагоприятных факторов могут изменить результаты здоровья взрослых людей (McGowan et al., 2009; Whitelaw, Whitelaw, 2006).

Травматический опыт детства (в аспекте депривации потребностей в физической и психологической безопасности) относят к числу факторов, способствующих эпигенетическому преобразованию. Триггерами в подобном преобразовании могут являться стрессовые события, которые, накапливаясь, формируют определенную предрасположенность – «психический или генетический диатез» (Wildenauer, Schwab, Maier, 1999), передающий-

ся по наследственной линии. Неблагоприятные жизненные травматические события, происходящие в раннем возрасте – периоде нейронной пластичности, способствуют формированию «сверхчувствительности» нейроэндокринной системы реагирования на стресс, являющейся долгосрочным фактором риска развития психопатологии после воздействия дополнительного стресса (Penza, Heim, Nemeroff, 2003). В ряде исследований показаны вероятные механизмы, связывающие неблагоприятные переживания детства с возникновением ряда психических расстройств (включая психотические): повышение чувствительности мезолимбической дофаминовой системы, изменения в иммунной системе и связанных со стрессом структурах мозга – гиппокампе и миндалевидном теле (van Winkel, van Nierop, Myin-Germeys, van Os, 2013). Отмечено, что жестокое обращение с ребенком может вызывать гиперреактивность гипоталамо-гипофизарно-адреналовой системы, уменьшение объема гиппокампа, повышать выработку дофамина и снижать синтез окситоцина. Все эти изменения влияют на уязвимость ребенка к повторяющимся / систематическим стрессорам и в конечном итоге повышают вероятность развития психоза (Barker et al., 2015).

Ранний опыт общения ребенка со значимыми взрослыми и его чувства в связи с этим опытом образуют особое сочетание убеждений, эмоций, воспоминаний, переживаний и ожиданий, которое определяет характер его привязанностей и межличностного взаимодействия в будущем (Боулби, 2004). В неблагоприятных семейных условиях с социальной и эмоциональной депривацией легко возникают отказ от удовлетворения базовых психологических потребностей ребенка и вероятность появления нарушений психологического здоровья (Буторин, Бенько, 2017; Куприянова, Дашиева, Карауш, 2019). Удовлетворенная базовая потребность ребенка формирует устойчивость к возникновению страхов или по крайней мере препятствует их закреплению. В этом контексте понятие «когнитивная уязвимость» означает персональный когнитивный стиль толкования прошлых и / или предвосхищения будущих событий, возникающий на фоне дисгармоничных воспитательных подходов, который повышает вероятность формирования эмоциональных расстройств (Pellerone, Iacolino, Manino, Formica, Zabbara, 2017). Так, при неудовлетворении потребности ребенка в надежной привязанности формируется депрессивный когнитивный стиль, благодаря которому ребенок, а впоследствии и взрослый, трактует происходящее с ним с позиции поражения, неудачи, потери. Помимо всего, случающиеся в жизни таких людей негативные события способствуют развитию аффективной патологии (Catanzaro, Wei, 2010).

В когнитивной психотерапии схема определяется как совокупность «устойчивых, обобщенных структур опыта, которые позволяют предвосхищать порядок развития событий, их содержание и внутреннюю связь, а также предвидеть изменения вида объектов и окружения при собственных действиях и локомоциях» (Величковский, 2006). В соответствии с формулировкой «психическое здоровье – способность проявлять и удовлетворять свои базовые психологические потребности», положениями Л.С. Выгот-

ского, Д. Боулби и А. Бека, Дж. Янг ввел понятие «ранние дезадаптивные схемы», которые развиваются в детстве в процессе межличностных взаимодействий и формируют шаблон / стандарт, определяющий интерпретацию дальнейшего жизненного опыта (Young, Weinberg, Beck, 2001). Как причины формирования ранних дезадаптивных схем Дж. Янг рассматривал особенности темперамента и взаимоотношения с родителями в контексте удовлетворения / неудовлетворения потребностей ребенка, дисфункциональное воспитание (Young, Klosko, Weishaar, 2003).

Ранняя схема является достаточно устойчивой структурой, включающей совокупность эмоций, воспоминаний, особенностей восприятия себя, окружающих и происходящие события (Young et al., 2001). Схемы образуются при неудовлетворении базовых эмоциональных потребностей ребенка, развиваются в течение всей жизни и, как правило, имеют тенденцию укрепляться. Дезадаптивные схемы остаются невостребованными до тех пор, пока они не будут активированы посредством внешнего воздействия / события, бессознательно воспринимающегося как идентичное детским травматическим событиям. Активизирующаяся под влиянием обстоятельств схема определяет особенности обработки поступающей извне информации и ее оценку с учетом комплекса сформированных дезадаптивных убеждений, что сопровождается символизацией субъективных переживаний. Описано 18 ранних дезадаптивных схем, подразделенных на пять групп в зависимости от потребностей, которые были неудовлетворенными / излишне удовлетворенными в детстве: потребности в надежной привязанности; в автономии, компетентности и чувстве идентичности; в реалистичных границах и чувстве контроля; потребности свободно выражать свои чувства, переживания и нужды и потребности в спонтанности и игре; – а также четыре группы режимов функционирования этих схем. Фрустрация данных базовых для индивида потребностей провоцирует формирование той или иной схемы.

Основными отличительными особенностями ранних дезадаптивных схем (РДС) являются: дисфункциональные переживания, возникающие в результате взаимодействия ребенка в процессе общения с членами семьи; восприятие схем как фактических знаний о себе и окружающей действительности; активизация внешними факторами (стрессовые индивидуально значимые события); трудность / невозможность самостоятельного контроля или исправления (Young et al., 2003).

В соответствии с определением Дж. Янга, ранние дезадаптивные схемы влияют на когнитивные способности и восприятие индивида, помогая исправлять несоответствия между личными основными убеждениями и реальными переживаниями (Young et al., 2001). Ранняя схема – убеждения и искажения на глубоком уровне самопознания, где содержатся сильные эмоции и ранние воспоминания, поэтому ранние дезадаптивные когнитивные схемы являются источником формирования негативного представления о себе, когнитивных искажений и психопатологических состояний (депрессии, тревоги и т.п.); «неподходящий маршрут, происходящий из повторя-

ющихся, неблагоприятных межличностных отношений с другими людьми, который имел смысл в младенчестве и подростковом возрасте» (ibid.). Дезадаптивные схемы предполагают наличие определенных убеждений и мыслей, определяющих особенности эмоционального реагирования, поведенческие стратегии индивида и возникновение социальной тревоги (Смышляева, Галимзянова, 2016; Calvete, Orue, Gámez-Guadix, 2012). Так, пациенты с социальным тревожным расстройством имеют ложные видения себя и социального окружения, трансформирующие стандартные / обыденные ситуации в воспринимаемые как социальные угрозы (Boden et al., 2012).

Сформированность ранних дезадаптивных схем в детском возрасте предрасполагает к гиперактивации их в ответ на возникновение тревоги в последующем и развитию тревожных расстройств во взрослом возрасте (Delattre et al., 2004).

У психически здоровых лиц ранние дезадаптивные схемы и дисфункциональные режимы не выражены или выражены незначительно, для них, как правило, характерны так называемые режимы «здорового взрослого» и «счастливого ребенка» (Галимзянова, Касьяник, Романова, 2016). В старших возрастных группах отмечено снижение выраженности большинства РДС (14 из 18), большинства дезадаптивных детских и родительских режимов, что, вероятно, объясняется, с одной стороны, формированием адаптивных способов и стилей реагирования в стрессовых ситуациях, приобретением опыта решения проблем и конфликтов, а с другой – уменьшением с возрастом количества людей, обращающихся за психологической помощью. Для определения наличия и степени выраженности ранних дезадаптивных схем Дж. Янгом разработан специальный опросник – Young Schema Questionnaire (YSQ), в настоящее время широко использующийся за рубежом (Hoffart, Hoffart, 2016; Pellerone et al., 2017; Tezel, Kışlak, Boysan, 2015) и адаптированный в РФ П.М. Касьяник и Е.В. Романовой (Касьяник и Романова, 2013). При этом высказывается мнение, что данный опросник, созданный в большей степени для практического использования и являющийся, по сути, единственным полным инструментом диагностики РДС, не обладает всеми необходимыми психометрическими свойствами для использования в научной психологии (Кабанова, Капустина, Кадыров, 2018). Также известны шкалы и опросники, с помощью которых могут быть определены психологические характеристики, связанные с возникновением или функционированием ранних дезадаптивных схем. Примерами таких методик являются опросник отраженного родительского отношения А.Я. Варга, В.В. Столина, методика диагностики копинг-стратегий Э. Хейма, диагностика межличностных отношений Т. Лири, методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера. В ряде исследований они также являются инструментом для диагностики ряда РДС. Сообщается о попытках разработки новых методик диагностики РДС, например проективного варианта, в основе которого лежит предъявление понятий, являющихся специально разработанными стимулами и соответствующих причи-

нам возникновения каждой из 18 описанных Дж. Янгом РДС и проявлениям этих схем во взрослом возрасте (Капустина, Эльзессер, Кабанова, Кадыров, 2019). Стоит отметить, что все обсуждаемые методики рассчитаны на использование во взрослом возрасте и, исходя из их аннотаций, не предназначены для применения у подростков.

Анализ ретроспективных отчетов взрослых психически здоровых лиц выявил взаимосвязь между выраженностью отдельных ранних дезадаптивных схем и особенностями детско-родительских отношений в подростковом возрасте (Галимзянова, Касьяник, Романова, 2017). Например, восприятие эмоциональной отстраненности матери (ее эмоциональная холодность, ощущение недостатка любви, тепла, заботы и поддержки) связывают с формированием ранних дезадаптивных схем из группы нарушенных отношений привязанности.

Сплошное обследование студентов 18–25 лет ($n = 942$) с помощью The Rusinek Attitude Questionnaire (французская версия опросника Дж. Янга) показало, что самыми частыми и выраженными схемами были «страх потери контроля» – 49%, «самопожертвование» – 41%, «недостаточность самоконтроля» – 34%, «недоверие» – 28% (Jaouahir, Azzaoui, Ahami, Faïd, 2016). Активация подобных схем рассматривается как проявление психологического дистресса и риска формирования психической патологии.

Также было показано, что РДС, формирующиеся в процессе жизни, могут существенным образом влиять на содержание, характер и количество возникающих у человека в разные периоды жизни страхов (Смышляева, Галимзянова, 2016). Чаще всего страхи переживают лица со сформированными схемами «уязвимость» или «негативизм»; предполагается, что воспитательные стратегии родителей, определяемые как базис для возникновения таких схем, включали повышенную тревожность и переоценку значимости гипотетически возникающих опасностей (Young et al., 2003), что способствовало формированию и «укоренению» страхов. РДС, возникающие вследствие неудовлетворенных потребностей нарушенной автономии, соотносятся с высокой вероятностью формирования широкого спектра социально оценочных страхов – критического отношения, быть ненужным, оказаться жертвой насилия, не справиться с переживаниями в случае болезни или смерти близких и т.п. РДС «привилегированность», связанная с неудовлетворением потребности в стабильных границах, соотносится с возникновением различных мистических верований и фортунфобий (Смышляева, Галимзянова, 2016). Семейное окружение людей, испытывающих подобные страхи, вероятно, характеризовали непостоянство и изменчивость (схема «покинутость / нестабильность»), эпизоды насилия или жестокости («недоверие / жестокое обращение»), равнодушие («эмоциональная депривированность»), игнорирование («дефективность / стыдливость», «социальная изолированность»).

Показано, что у пациентов психиатрического стационара с депрессивными расстройствами в соответствии с опросником Дж. Янга чаще сформированы схемы «эмоциональная депривированность», «подавление эмо-

ций» и «жесткие стандарты» (Стоянова, Смирнова, 2018). В основе схемы «эмоциональная депривированность» лежит убеждение о невозможности выстраивания близких, теплых эмоциональных связей с другими при неудовлетворении базисных потребностей в принятии, защите, безопасности. Схема «подавление эмоций» предполагает наличие страха потери контроля над собой, своими переживаниями, чувствами, эмоциями, их подавление; она формируется на фоне родительского запрета или ограничения на выражение ребенком эмоций и переживаний. Схема «жесткие стандарты» возникает в условиях родительских требований высоких результатов, достижений, соответствия их строгим стандартам и предполагает завышенные требования к себе, установки долженствования, ориентацию на максимальный результат.

Активированная дезадаптивная схема заставляет человека неправильно понимать свои эмоции и / или интерпретировать их негативно, и именно поэтому частота депрессивных и тревожных расстройств выше у людей с неэффективными эмоциональными схемами (Tirch, Leahy, Silberstein, Melwani, 2012).

А.Н. Еричевым (2019) исследованы взаимосвязи между неблагоприятным детским опытом и ранними дезадаптивными схемами у больных, страдающих расстройствами шизофренического спектра. Автором описаны предикторы (ситуации негативного детского опыта) для формирования ранних дезадаптивных схем; к примеру, событие «физическое насилие» взаимосвязано с высокими показателями таких РДС, как «недоверие», «неразвитая идентичность», «поиск одобрения», «покорность» и «пунитивность» (убеждение человека в том, что его за ошибки следует жестоко наказывать, склонность к проявлениям гнева, нетерпимости, стремление обвинять окружающих, не отвечающих личным ожиданиям пациента); событие «эмоциональное отвержение» взаимосвязано с высокими показателями таких РДС, как «эмоциональная депривация», «недоверие / ожидание жестокого обращения», «социальная изоляция», «дефективность», «подавление эмоций», «пессимизм» (Еричев, 2019). Также было показано, что имеются статистически значимые различия по показателям 14 из 18 дисфункциональных схем при сравнении пациентов с расстройствами шизофренического спектра и группы здоровых лиц (с большими показателями у пациентов, страдающих расстройствами шизофренического спектра). Высказывается предположение, что полученные данные могут объясняться не только проблемами в удовлетворении базовых эмоциональных потребностей у пациентов с эндогенными расстройствами, но и определенной «дезинтегрированностью» их психической сферы вследствие формирования психического расстройства.

По данным К.Н. Kwak и S.J. Lee (2015), у пациентов с обсессивно-компульсивными расстройствами были заметно активированы схемы «дефектности / стыда» и «социальной изоляции / отчуждения» (как проявления неудовлетворения потребности в надежной привязанности); при этом схемы «уязвимость к ущербу или болезни» (как проявления неудовлетво-

рения потребности в автономии) и «самопожертвование» (как проявления неудовлетворения потребности свободно выражать свои чувства) были характерны для пациентов с паническими расстройствами (Kwak, Lee, 2015). По мнению авторов, теория схем и схема-терапия могут быть дополнительным терапевтическим подходом для выявления и лечения хронических психологических проблем у таких пациентов.

Эмоциональные нарушения как факторы, способствующие развитию хронической боли, являются малоизученными. Исследование влияния психологических факторов на субъективное переживание боли в выборке из 271 пациента с хронической болью в специализированных клиниках с помощью Торонтской шкалы алекситимии TAS-20, финской версии опросника Young Schema short form-extended, шкалы депрессии Бека-II, позволило сделать следующие выводы. Для пациентов с алекситимией были характерны более высокие баллы по опроснику Дж. Янга (т.е. большая выраженность ранних дезадаптивных схем), шкале депрессии и большая интенсивность боли в сравнении с неалекситимными пациентами (Saariaho, Saariaho, Mattila, Karukivi, Joukamaa, 2015). И алекситимия, и депрессия значимо коррелировали с большинством ранних дезадаптивных схем. У наиболее тяжелых пациентов с хронической болью наблюдалось увеличение всех РДС в сфере неудовлетворения потребностей в надежной привязанности, т.е. схем разъединения и отвержения – «брошенность / покинутость», «недоверие / злоупотребление», «эмоциональная депривация», «дефективность / стыд» и «социальная изоляция / отчуждение» (Saariaho, Saariaho, Karila, Joukamaa, 2011). Результаты исследования показали, что пациенты с хронической болью страдали от плохого раннего эмоционального обращения.

Современная социально-когнитивная теория агрессии и существующие эмпирические исследования подчеркивают связь между определенными ранними дезадаптивными схемами и агрессией у правонарушителей (Pellerone, Craparo, Tomabuoni, 2016). Агрессивных правонарушителей отличают РДС, характеризующиеся нарастающими состояниями гнева, ярости и импульсивности. Режимы функционирования схем «разъяренный ребенок», «импульсивный ребенок» и «агрессивный задира» были значимо связаны с агрессивным поведением у взрослых мужчин, совершивших противоправные действия (Dunne, Gilbert, Lee, Daffern, 2018).

Исследования, касающиеся выявления ранних дезадаптивных схем у подростков, немногочисленны. Обследование испанских подростков ($n = 1\,052$, средний возраст $13,43 \pm 1,29$) на предмет выявления ранних дезадаптивных схем, тревожных автоматических мыслей и симптомов социальной тревоги выявило наличие двунаправленных продольных связей между РДС и автоматическими мыслями (например, схемы разъединения / отвержения и автоматические мысли негативной Я-концепции) (Calvete, Orue, Hankin, 2013). По мнению авторов, наличие автоматических мыслей способствовало «увечиванию» ранних дисфункциональных схем.

В выборке из 2 172 китайских учащихся (средний возраст $14,55 \pm 1,29$) исследованы взаимосвязи между негативными жизненными событиями,

ранними дезадаптивными схемами, импульсивностью и склонностью к перееданию (Zhu et al., 2016). Результаты показали, что подростки с большими показателями негативных событий детства, более выраженными дезадаптивными схемами и высоким уровнем импульсивности чаще демонстрировали поведение, связанное с перееданием. Кроме того, ранние дезадаптивные схемы опосредовали связь между жизненным стрессом и перееданием, в то время как импульсивность смягчала эту связь.

Исследование роли ранних дезадаптивных схем матерей в прогнозировании ранних дезадаптивных схем детей 8–15 лет ($n = 300$) в городе Амоль (Иран) выявило существенную взаимосвязь между некоторыми психологическими характеристиками и аспектами поведения матери, такими как отчуждение, недоверие, жестокое обращение, маргинализация, и неразвитой самостью ребенка, а также испытываемыми чувствами одиночества и неуспеха (Moghadam, Quchan, Shomia, 2018).

Сообщается, что в структуре суицидального риска подростков ($n = 100$, средний возраст $14 \pm 2,1$), соответствующих как минимум одному из трех критериев гомосексуальности (гомосексуальное влечение, идентичность, половые контакты с лицами того же пола) наряду с преобладающими чертами личности – интроверсией, эмоциональной неустойчивостью, экспрессивностью, сниженным самоконтролем, в качестве ведущих схем в соответствии с опросником Дж. Янга определены: «покинутость / нестабильность», «пунитивность», «негативизм / пессимизм» (Ерзин, Семёнова, Антохин, 2017). Наибольшее влияние на суицидальный риск у таких подростков оказывали схемы «дефективность / стыдливость» и «самопожертвование».

Таким образом, ранние дезадаптивные схемы отрицательно влияют на психическое здоровье и благополучие личности, формирование полноценных межличностных взаимоотношений, способы эмоционального реагирования, что в целом и определяет необходимость удовлетворения (хотя бы частичного) базовых потребностей детства и разрыва иррациональных убеждений и стереотипов имеющихся схем; это и является основной целью схематерапии (Еричев, 2019; Кабанова, Капустина, Кадыров, Люкшина, 2018; Hoffart, Hoffart, 2016). Схема-терапия относится к интегративным техникам психотерапии, объединяя элементы когнитивно-поведенческой терапии, психоанализа, гештальт-терапии, теории привязанности Дж. Боулби (2004), теории объектных отношений (Кабанова, Капустина, Кадыров, Люкшина, 2018; Касьяник, Галимзянова, Романова, 2016; van Vreeswijk, Broersen, Nadort, 2012). Особенностью схема-терапии, отличающей ее от других подходов в рамках когнитивно-поведенческой терапии, является направленность психотерапии на изменение когнитивных стилей, признание наличия неудовлетворенных потребностей и работу с ними (Холмогорова, 2014).

Наличие ранних дезадаптивных схем зачастую не признается личностью, при этом схема-терапевтическая работа может помочь их осмыслению и пониманию причин возникновения (Абрамов, Абрамов, 2017). Поскольку дезадаптивная схема основана на бессознательно запомненном чувственном опыте травматических событий, она, вероятно, не может быть стерта

полностью, однако в процессе терапии подвергается осознанию, а бессознательные реакции на стимулы, которые приводят ее в действие – контролю. Целью терапевта является помощь клиенту в понимании основных эмоциональных потребностей и поиске адаптивных путей их удовлетворения через изменение своих когнитивных и эмоциональных конструктов (Эльзессер, Люкшина, Боленкова, 2018; Bach, Lockwood, Young, 2018). Деадаптивные схемы, как и другие компоненты эмоциональной памяти, функционируют на основе выработанного стереотипа обработки поступающей извне информации и / или повторяющихся переживаний из прошлого индивида. Эмоциональные составляющие деадаптивной схемы – самообвинение, неконтролируемость, непринятие, недооценка важности кого-то или чего-то, переоценка и восприятие «катастрофы» (Shamloo, Moghtader, 2019) – могут стать объектом психотерапевтических интервенций.

Показана эффективность использования работы с деадаптивными схемами у пациентов с пограничным расстройством личности (Холмогорова, 2014), посттравматическим стрессовым расстройством, при панических, аффективных расстройствах и расстройствах, связанных с химическими формами аддикций (Кадыров, МIRONENKO, 2017; Hoffart, Hoffart, 2016), у пациентов с аффективной патологией. При курации пациентов с хронической депрессией терапевт направляет процесс в следующих направлениях: преодоление защитного стереотипа избегания боли и тяжелых чувств, чаще всего характерного для пациента; определение собственных чувств и эмоций, подходов к оцениванию собственной личности, зачастую трудно дифференцируемых (к примеру, «плохой» и «печальный» могут восприниматься идентично); обучение пациента умению выражать свои потребности и помощь в частичном удовлетворении этих потребностей в процессе терапии (Стойнова и Смирнова, 2018).

Когнитивная теория определяет возникновение деадаптивных схем как модераторов в ассоциации стресса и психопатологии. Деадаптивные схемы содержательно объясняют связь между релевантными родительскими переживаниями / воздействиями, препятствующими удовлетворению потребностей в детстве, и эмоциональными состояниями ощущения себя «уязвимым ребенком» во взрослом возрасте. Ранние деадаптивные схемы, являясь самоповреждающими когнитивными паттернами, формируют у человека способность отображать только релевантную информацию, ограничивать его поведение и в целом формировать жизненный сценарий, снижающий уровень социальной адаптации, способствующий развитию психической патологии и / или ее прогрессированию. Актуальные когнитивные стили, чувства, поведенческие стереотипы определяются не столько случившимися событиями прошлого, сколько их отражением в памяти, в том числе и скрытым (Галимзянова и др., 2017). Этот образ нередко является искаженным и далеким от реальной картины, что может быть «мишенью» психотерапевтических интервенций.

Учитывая, что в течение жизни деадаптивные схемы усложняются, влияют на все большее количество сфер функционирования (Абрамов, Абра-

мов, 2017), представляется целесообразным выявлять эти схемы в подростковом и юношеском возрасте, на этапе, пока они не имеют четкой структуры, не являются ригидными, «отработанными» на множестве стрессовых ситуаций и межличностных взаимодействий и не вызывают стойкой дезадаптации во всех сферах функционирования. Данный возрастной период позволяет включать родителей в процесс коррекции детско-родительских отношений и надеяться на благоприятный прогноз их оптимизации. Однако до сих пор в исследованиях подростковой популяции аспект изучения роли дезадаптивных схем как связующего звена между травматическим опытом детства, проблемными детско-родительскими отношениями и формирующейся психопатологией был изучен недостаточно, и, главное, в меньшей степени в сравнении со взрослыми разработана психотерапевтическая и психокоррекционная тактика работы с активированными дезадаптивными схемами. На наш взгляд, данный аспект имеет большую значимость в изучении формирования аффективной симптоматики и превенции девиантных форм поведения, включая суицидальное.

Как одна из возможностей повышения эффективности психодиагностики и определения «мишеней» психотерапии / психологического консультирования также могут рассматриваться совершенствование и / или разработка новых валидных диагностических инструментов (Кабанова, Капустина, Кадыров, 2018; Капустина и др., 2019). Расширение диагностического репертуара практического психолога может происходить за счет создания либо адаптированных версий опросника (например, для подросткового контингента), либо экспресс-вариантов, представляющих собой более короткий и требующий меньшего времени вариант при сохранности валидности и достоверности.

Литература

- Абрамов, В. А., Абрамов, А. В. (2017). Субъективное пространство дисфункциональных личностных паттернов (дезадаптивных схем) и режимов функционирования у лиц с психическими расстройствами (Сообщение 2. Деадаптивные схемы). *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 2(38), 73–83.
- Бибикова, Е. А., Добряков, И. В. (2012). Особенности психологического компонента гестационной доминанты у женщин с различными типами сбалансированности семейной системы. *Медицинская психология, психиатрия, психотерапия*, 4(45), 56–60.
- Боулби, Д. (2004). *Создание и разрушение эмоциональных связей*. М.: Акад. проект.
- Буторин, Г. Г., Бенько, Л. А. (2017). Депривация как причина нарушений психического развития в детском возрасте. *Сибирский психологический журнал*, 63, 136–149. doi: 10.17223/17267080/63/10
- Величковский, Б. М. (2006). *Когнитивная наука: основы психологии познания*. Т. 2. М.: Academia.
- Галимзянова, М. В., Касьяник, П. М., Романова, Е. В. (2016). Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней взрослости. *Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика*, 3, 109–125.
- Галимзянова, М. В., Касьяник, П. М., Романова, Е. В. (2017). Восприятие родительского отношения у взрослых в связи с ранними дезадаптивными схемами. *Вестник СПбГУ. Психология и педагогика*, 7(4), 382–394. doi: 10.21638/11701/spbu16.2017.406

- Григорьян, Г. А., Гуляева, Н. В. (2015). Стресс-реактивность и стресс-устойчивость в патогенезе депрессивных расстройств: роль эпигенетических механизмов. *Журнал высшей нервной деятельности*, 65(1), 1–14. doi: 10.7868/S0044467715010037
- Гуткевич, Е. В., Шатунова, А. И. (2019). Межпоколенная передача психической травмы, психогенеалогия и психическое здоровье в семье (феноменологическое исследование). *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 3(104), 21–32. doi: 10.26617/1810-3111-2019-3(104)-21-32
- Еричев, А. Н. (2019). *Когнитивно-поведенческая психотерапия в системе биопсихосоциальной терапии расстройств шизофренического спектра* (докторская диссертация). Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева Министерства здравоохранения Российской Федерации, СПб.
- Ерзин, А. И., Семёнова, Т. С., Антохин, Е. Ю. (2017). Черты личности и ранние дезадаптивные схемы как предикторы суицидального риска у подростков-гомосексуалов. *Суицидология*, 8(4(29)), 81–90.
- Кабанова, П. В., Капустина, Т. В., Кадыров, Р. В. (2018). Проблема психодиагностики ранних дезадаптивных схем в современной психологии. *Человеческий капитал*, 11(119), 33–30. doi: 10.25629/НС.2018.11.04
- Кабанова, П. В., Капустина, Т. В., Кадыров Р. В., Люкшина, Д. С. (2018). Схема-терапия в контексте психологического консультирования. *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*, 2(21), 33–36.
- Кадыров, Р. В., Мироненко, Т. А. (2017). Обзор зарубежных исследований ранних дезадаптивных схем в клинической практике. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*, 3, 60–65.
- Капустина Т. В., Эльзессер А. С., Кабанова П. В., Кадыров Р. В. (2019). Разработка проективной методики для диагностики ранних дезадаптивных схем. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Познание*, 11, 29–32.
- Касьяник, П. М., Романова, Е. В. (2013). *Диагностика ранних дезадаптивных схем*. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та.
- Касьяник, П. М., Галимзянова, М. В., Романова, Е. В. (2016). Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов их функционирования у взрослых, обращавшихся и не обращавшихся за психологической помощью. *Прикладная юридическая психология*, 2, 75–83.
- Куприянова, И. Е., Дашиева, Б. А., Карауш, И. С. (2019). Психическое здоровье детей-инвалидов: превентивный аспект. *Бюллетень сибирской медицины*, 18(4), 72–84. doi: 10.20538/1682-0363-2019-4-72-84
- Розанов, В. А. (2015). Стресс-индуцированные эпигенетические феномены – еще один вероятный биологический фактор суицида. *Суицидология*, 6(3(20)), 3–19.
- Смышляева, Е. Д., Галимзянова, М. В. (2016). Ранние дезадаптивные схемы и страхи у взрослых. *Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ*, 4, 191–198.
- Стоянова И. Я., Смирнова Н. С. (2018). Предикторы психологической безопасности у пациентов депрессивного спектра. *Медицинская психология в России*, 10(1), 6. doi: 10.24411/2219-8245-2018-11061
- Холмогорова, А. Б. (2014). Схема-терапия Дж. Янга – один из наиболее эффективных методов помощи пациентам с пограничным расстройством личности. *Консультативная психология и психотерапия*, 2, 78–87.
- Эльзессер, А. С., Люкшина, Д. С., Боленкова, Е. Ф. (2018). Концепция ранних дезадаптивных схем в структуре когнитивной психологии. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 7(5А), 144–149.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 07.05.2020 г.; принята 11.10.2021 г.

Карауш Ирина Сергеевна – ведущий научный сотрудник отделения социальной психиатрии детей и подростков, ФГБУ «НИМЦ психиатрии и наркологии В.П. Сербского» Минздрава России, доктор медицинских наук.

E-mail: anir7@yandex.ru

Куприянова Ирина Евгеньевна – ведущий научный сотрудник отделения пограничных состояний, НИИ психического здоровья Томского национального исследовательского медицинского центра, доктор медицинских наук, профессор.

E-mail: irinakupr@rambler.ru

For citation: Karaush, I. S., Kupriyanova, I. E. (2022). Early Maladaptive Schemas as Stress and Emerging Mental Pathology “Moderators”. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 122–140. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/7

Early Maladaptive Schemas as Stress and Emerging Mental Pathology “Moderators”¹

I.S. Karaush¹, I.E. Kupriyanova²

¹ V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, 23, Kropotkinskiy Lane, Moscow, 119034, Russian Federation

² Mental health research institute, National Research Medical Centre, 4, Aleutskaya Str., Tomsk, 634004, Russian Federation

Abstract

The article presents an overview of researches aimed at studying the consequences of the traumatic childhood experience and not satisfied basic psychological needs. The emerging maladaptive schemas are considered the “moderators” in the association with stress and psychopathology. The emerging maladaptive schema is a stable pattern consisting of memories, emotions, knowledge and perceptions regarding oneself and relationships with other people.

The main distinguishing features of emerging maladaptive schemas are: first, dysfunctional experiences that arise as a result of a child's interaction in the communication process with family members; second, perception of schemas as factual knowledge about themselves and surrounding reality; third, activation by external factors.

The research data on the relationship between emerging maladaptive schemas and various categories of mental disorders are presented. The relationship of different schemas with various types of fears is described. It has been shown that the frequency of depressive and anxiety disorders is higher in people with ineffective emotional schemas. This is due to the fact that a maladaptive schema causes a person to misunderstand his emotions or interpret them negatively. The features of maladaptive schemas in patients with obsessive-compulsive disorders and schizophrenic spectrum disorders were revealed too.

The emerging maladaptive schemas negatively affect mental health and well-being of an individual, his interpersonal relationships, and the ways of emotional response, which determines the need for therapy.

Special attention is given to the researches of maladaptive schemas in adolescence with the prospect of their correction and mental status stabilization. In general, there are few studies concerning the identification of emerging maladaptive schemas in adolescents, and they show

¹ The study was carried out in accordance with the topic of the state task «Biopsychosocial mechanisms of pathogenesis and clinical polymorphism, adaptive potential and predictors of therapy effectiveness in patients with mental and behavioral disorders in the Siberian region», registration number 122020200054-8.

only the relationship of emerging maladaptive schemas with individual psychological characteristics.

Considering that during life the maladaptive schemas become more complex and affect an increasing number of functioning areas, it seems appropriate to identify these schemas at young age, when they do not have a clear structure, are not rigid and do not cause persistent maladjustment in all spheres of functioning.

However, until now, in studies of the adolescent population the aspects of studying the role of maladaptive schemas as a link between the traumatic childhood experience, problem parent-child relationships and emerging psychopathology had not been sufficiently studied. In comparison with adults, psychotherapeutic and psycho-corrective tactics of working with activated maladaptive schemes in adolescents have been developed to a lesser extent.

Keywords: early maladaptive schemas; traumatic childhood experience; child-parent relationships; mental health, needs

References

- Abramov, V. A., & Abramov, A. V. (2017). Subjective space of dysfunctional personality patterns (disadaptive regimens) and modes of functioning in individuals with mental disorders (Communication 2. Disadaptive schemes). *Zhurnal psikiatrii i meditsinskoj psikhologii – Journal of Psychiatry and Medical Psychology*, 2(38), 73–83.
- Bach, B., Lockwood, G., & Young, J. E. (2018). A new look at the schema therapy model: organization and role of early maladaptive schemas. *Cogn. Behav. Ther.*, 47(4), 328–349. doi: 10.1080/16506073.2017.1410566
- Barker, V., Gumley, A., Schwannauer, M., & Lawrie, S. M. (2015). An integrated biopsychosocial model of childhood maltreatment and psychosis. *British Journal of Psychiatry*, 206(3), 177–180. doi: 10.1192/bjp.bp.113.143578
- Bibikova, E. A., & Dobryakov, I. V. (2012). Osobennosti psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoy dominanty u zhenshchin s razlichnymi tipami sbalansirovannosti semeynoy sistemy [The psychological component of gestational dominance in women with different types of family system balance]. *Meditsinskaya psikhologiya, psikiatriya, psikhoterapiya*, 4(45), 56–60.
- Boden, M. T., John, O. P., Goldin, P. R., Werner, K., Heimberg, R. G., Gross, J. J. (2012). The role of maladaptive beliefs in cognitive-behavioral therapy: Evidence from social anxiety disorder. *Behaviour Research and Therapy*, 50(5), 287–291. doi: 10.1016/j.brat.2012.02.007
- Bowlby, J. (2004). *Sozdanie i razrushenie emotsional'nykh svyazey* [The Making and Breaking of Affectional Bonds] (V. V. Starovoytov, Trans.). Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Bredy, T. W., Sun, Y. E., & Kobor, M. S. (2010). How the epigenome contributes to the development of psychiatric disorders. *Developmental Psychobiology*, 52(4), 331–342.
- Butorin, G. G., & Benko, L. A. (2017). Deprivation as a cause of impaired mental development in children. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 63, 136–149. doi: 10.17223/17267080/63/10
- Calvete, E., Orue, I., & Gámez-Guadix, M. (2012). Child-to-parent violence: Emotional and behavioral predictors. *Journal of Interpersonal Violence*, 28, 754–771. doi: 10.1177/0886260512455869
- Calvete, E., Orue, I., & Hankin, B. L. (2013). Early maladaptive schemas and social anxiety in adolescents: the mediating role of anxious automatic thoughts. *Journal of Anxiety Disorders*, 27(3), 278–288. doi: 10.1016/j.janxdis.2013.02.011
- Catanzaro, A., & Wei, M. (2010). Adult attachment, dependence, self-criticism, and depressive symptoms: a test of a meditational model. *J Pers*, 78(4), 1135–1162. doi: 10.1111/j.1467-6494.2010.00645.x.

- Delattre, V., Servant, D., Rusinek, S., Lorette, C., Parquet, P. J., Goudemand, M., & Hautekeete, M. (2004). The early maladaptive schemas: a study in adult patients with anxiety disorders. *Encephale*, 30(3), 255–258. doi: 10.1016/s0013-7006(04)95437-1
- Dunne, A. L., Gilbert, F., Lee, S., & Daffern, M. (2018). The role of aggression-related early maladaptive schemas and schema modes in aggression in a prisoner sample. *Aggress Behav*, 44(3), 246–256. doi: 10.1002/ab.21747
- Elzesser, A. S., Lyukshina, D. S., & Bolenkova, E. F. (2018). Kontseptsiya rannikh dezadaptivnykh skhem v strukture kognitivnoy psikhologii [The concept of early maladaptive schemes in the structure of cognitive psychology]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 7(5A), 144–149.
- Erichiev, A. N. (2019). *Kognitivno-povedencheskaya psikhoterapiya v sisteme biopsikhosotsial'noy terapii rasstroystv shizofrenicheskogo spektra* [Cognitive-behavioral psychotherapy in the system of biopsychosocial therapy of schizophrenia spectrum disorders] (doctoral dissertation). Federal State Budgetary Institution “V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology” of the Ministry of Health of the Russian Federation, St. Petersburg.
- Erzin, A. I., Semenova, T. S., & Antokhin, E. Yu. (2017). Personality traits and early maladaptive schemas as predictors of suicidal risk in adolescent homosexuals. *Suitsidologiya – Suicidology*, 8(4), 81–90.
- Farah, M. J., Shera, D. M., Savage, J. H., Betancourt, L., Giannetta, J. M., Brodsky, N. L., ... Hurt, H. (2006). Childhood poverty: specific associations with neurocognitive development. *Brain Res*, 1110(1), 166–174. doi: 10.1016/j.brainres.2006.06.072
- Galimzyanova, M. V., Kasyanik, P. M., & Romanova, E. V. (2016). Early maladaptive schemas and schema modes of men and women in different stages of adulthood. *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psikhologiya. Pedagogika – Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 3, 109–125. doi: 10.21638/11701/spbu16.2016.310
- Galimzyanova, M. V., Kasyanik, P. M., & Romanova, E. V. (2017). Perception of parental attitudes of adults in relation to early maladaptive schemas. *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psikhologiya. Pedagogika – Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 7(4), 382–394. doi: 10.21638/11701/spbu16.2017.406
- Grigoryan, G.A., & Gulyaeva, N.V. (2015). Stress-reaktivnost' i stress-ustoychivost' v patogeneze depressivnykh rasstroystv: rol' epigeneticheskikh mekhanizmov [Stress reactivity and stress resistance in the pathogenesis of depressive disorders: the role of epigenetic mechanisms]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti*, 65(1), 1–14. doi: 10.7868/S0044467715010037
- Guterman, N. B., Lee, S. J., Taylor, C. A., & Rathouz, P. J. (2009). Parental perceptions of neighborhood processes, stress, personal control, and risk for physical child abuse and neglect. *Child Abuse Negl*, 33, 897–906. doi: 10.1016/j.chiabu.2009.09.008
- Gutkevich, E. V., & Shatunova, A. I. (2019). Mezhpokolennaya peredacha psikhicheskoy travmy, psikhogenealogiya i psikhicheskoe zdorov'e v sem'e (fenomenologicheskoe issledovanie) [Intergenerational transmission of psychic trauma, psychogenealogy and mental health in the family (phenomenological research)]. *Sibirskiy vestnik psikhiiatrii i narkologii*, 3(104), 21–32. doi: 10.26617/1810-3111-2019-3(104)-21-32
- Hackman, D. A., & Farah, M. J. (2009). Socioeconomic status and the developing brain. *Trends Cogn Sci*, 13(2), 65–73.
- Hoffart, L. S., & Hoffart, A. (2016). Perceived parental bonding, early maladaptive schemas and outcome in schema therapy of cluster C personality problems. *Clin Psychol Psychother*, 23(2), 107–117. doi: 10.1002/cpp.1938
- Hornung, O. P., & Heim, C. M. (2014). Geneenvironment interactions and intermediate phenotypes: early trauma anddepression. *Front. Endocrinol*, 5, 14.
- Isgor, C., Kabbaj, M., Akil, H., & Watson, S. J. (2004). Delayed effects of chronic variable stress during peripubertaljuvenile period on hippocampal morphology and on cognitive and stress axis functions in rats. *Hippocampus*, 14(5), 636–648.

- Jaouahir, I., Azzaoui, F.-Z., Ahami, A., & Faïd, M. (2016). Early maladaptive schemes among young Moroccan students. *International Journal of Neuropsychopharmacol*, 19(1), 11. doi: 10.1093/ijnp/pyw043.031
- Kabanova, P. V., Kapustina, T. V., & Kadyrov, R. V. (2018). The problem of psychodiagnostics of early desadaptive schemes in modern psychology. *Chelovecheskiy kapital – Human Capital*, 11(119), 33–30. doi: 10.25629/HC.2018.11.04
- Kabanova, P. V., Kapustina, T. V., Kadyrov R. V., & Lyukshina, D. S. (2018). Skhematerapiya v kontekste psikhologicheskogo konsul'tirovaniya [Scheme therapy in the context of psychological counseling]. *Rossiyskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy*, 2(21), 33–36.
- Kadyrov, R. V., & Mironenko, T. A. (2017). Obzor zarubezhnykh issledovaniy rannikh deza-daptivnykh skhem v klinicheskoy praktike [Review of foreign studies of early maladaptive schemes in clinical practice]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta – Science Vector of Togliatti State University*, 3, 60–65.
- Kapustina, T. V., Elzesser, A. S., Kabanova, P. V., & Kadyrov, R. V. (2019). Razrabotka proek-tivnoy metodiki dlya diagnostiki rannikh dezadaptivnykh skhem [Development of a projective technique for diagnosing early maladaptive schemes]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*, 11, 29–32.
- Kasyanik, P. M., & Romanova, E. V. (2013). *Diagnostika rannikh dezadaptivnykh skhem* [Diagnosis of early maladaptive schemes]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Kasyanik, P. M., Galimzyanova, M. V., & Romanova, E. V. (2016). Vyrazhennost' rannikh dezadaptivnykh skhem i rezhimov ikh funktsionirovaniya u vzroslykh, obrashchavshikhsya i ne obrashchavshikhsya za psikhologicheskoy pomoshch'yu [The severity of early maladaptive schemes and modes of their functioning in adults who applied and did not apply for psychological help]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 2, 75–83.
- Kaufman, D., Banerji, M. A., Shorman, I., Smith, E. L., Coplan, J. D., Rosenblum, L. A., & Kral, J. G. (2007). Earlylife stress and the development of obesity and insulin resistance in juvenile bonnet macaques. *Diabetes*, 56(5), 1382–1386
- Kholmogorova, A. B. (2014). J. Yang's scheme therapy — one of the most effective methods of care for patients with borderline personality disorder. *Konsul'ta-tivnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 22(2), 78–87.
- Kupriyanaova, I. E., Dashieva, B. A., & Karaush, I. S. (2019). Mental health of disabled children: a preventive aspect. *Byulleten' sibirskoy meditsiny – Bulletin of Siberian Medicine*, 18(4), 72–84. doi: 10.20538/1682-0363-2019-4-72-84
- Kuzawa, C., & Sweet, E. (2009). Epigenetics and the embodiment of race: Developmental origins of US racial disparities in cardiovascular health. *American Journal of Human Biology*, 21(1), 2–15.
- Kwak, K. H., & Lee, S. J. (2015). A comparative study of early maladaptive schemas in obsessive-compulsive disorder and panic disorder. *Psychiatry Res*, 230(3), 757–762. doi: 10.1016/j.psychres.2015.11.015
- Landecker, H., & Panofsky, A. (2013). From social structure to gene regulation, and back: A critical introduction to environmental epigenetics for sociology. *Annual Review of Sociology*, 39, 333–357.
- Lupien, S. J., King, S., Meaney M. J., & McEwen, B. S. (2001). Can poverty get under your skin? Basal cortisol levels and cognitive function in children from low and high socioeconomic status. *Dev Psychopathol*, 13(3), 653–676. doi: 10.1017/s0954579401003133
- Maas, J., Laceulle, O., & Bekker, M. (2019). The role of autonomy-connectedness in the relation between childhood stressful life events, current posttraumatic symptoms, and internalizing psychopathology in adulthood. *Psychol Trauma*, 11(3), 345–352. doi: 10.1037/tra0000412
- McGowan, P. O., Sasaki, A., D'Alessio, A. C., Dymov, S., Labonté, B., Szyf, M., ... Meaney, M. J. (2009). Epigenetic regulation of the glucocorticoid receptor in human brain associates with childhood abuse. *NatNeurosci*, 12(3), 342–348. doi: 10.1038/nn.2270

- McGuinness, D., McGlynn, L. M., Johnson, P. C. D., MacIntyre, A., Batty, G. D., Burns, H., ... Shiels, P. G. (2012). Socio-economic status is associated with epigenetic differences in the pSoBid cohort. *International Journal of Epidemiology*, 41(1), 151–160. <https://doi.org/10.1093/ije/dyr215>
- McLaughlin, K. A., & Lambert, H. K. (2017). Child trauma exposure and psychopathology: mechanisms of risk and resilience. *Current Opinion in Psychology*, 14, 29–34. doi: 10.1016/j.copsyc.2016.10.004
- Milner, J. S., Thomsen, C. J., Crouch, J. L., Rabenhorst, M. M., Martens, P. M., Dyslin, C. W., ... Merrill, L. L. (2010). Do trauma symptoms mediate the relationship between childhood physical abuse and adult child abuse risk? *Child Abuse Negl*, 34, 332–344. doi: 10.1016/j.chiabu.2009.09.017
- Moghadam, F. R., Quchan, A. D. M., & Shomia, S. K. (2018). The role of mother's early maladaptive schema in predicting early maladaptive schemas and loneliness of children aged 8 to 15 years in Amol City, Iran. *Journal of Clinical & Diagnostic Research*, 12(9), 1–3.
- Pellerone, M., Craparo, G., & Tomabuoni, Y. (2016). Relationship between Parenting and Cognitive Schemas in a Group of Male Adult Offenders. *Front Psychol*, 7, 302. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00302
- Pellerone, M., Iacolino, C., Mannino, G., Formica, I., & Zabbara, S. M. (2017). The influence of parenting on maladaptive cognitive schema: a cross-sectional research on a group of adults. *Psychol Res Behav Manag*, 10, 47–58. doi: 10.2147/PRBM.S117371
- Pellerone, M., Tolini, G., & Polopoli, C. (2016). Parenting, identity development, internalizing symptoms and alcohol use. A cross-sectional study in a group of Italian adolescents. *Neuropsychiatr Dis Treat*, 1(12), 769–1778. doi: 10.2147/NDT.S106791
- Penza, K. M., Heim, C., & Nemeroff, C. B. (2003). Neurobiological effects of childhood abuse: implications for the pathophysiology of depression and anxiety. *Archives of Women's Mental Health*, 6, 15–22. doi: 10.1007/s00737-002-0159-x
- Read, J., Bentall, R. P., & Fosse, R. (2009). Time to abandon the bio-bio-bio model of psychosis: exploring the epigenetic and psychological mechanisms by which adverse life events lead to psychotic symptoms. *Epidemiol Psichiatr Soc*, 18, 299–310.
- Reula, L. M., García, H. S., & Fernández, A. P. (2017). Relationship between early maladaptive schemas and traumatic childhood experiences with suicidal behavior in adults. *European Psychiatry*, 41(1), 217–217. doi: 10.1016/j.eurpsy.2017.01.2199
- Rozanov, V. A. (2015). Stress-indutsirovannyye epigeneticheskie fenomeny – eshche odin veroyatnyy biologicheskiy faktor suitsida [Stress-induced epigenetic phenomena are another likely biological factor in suicide]. *Suitsidologiya*, 6, 3(20), 3–19.
- Saariaho, A. S., Saariaho, T. H., Mattila, A. K., Karukivi, M., & Joukamaa, M. I. (2015). Alexithymia and early maladaptive schemas in chronic pain patients. *Scandinavian Journal of Psychology*, 56(4), 428–437. doi: 10.1111/sjop.12226
- Saariaho, T. H., Saariaho, A. S., Karila, I. A., & Joukamaa, M. I. (2011). Early maladaptive schemas in Finnish adult chronic pain patients and a control sample. *Scandinavian Journal of Psychology*, 52(2), 146–153. doi: 10.1111/j.1467-9450.2010.00849.x
- Shamloo, M., & Moghtader, L. (2019). The correlation of perceived social support and emotional schemes with students' social anxiety. *J Holist Nurs Midwifery*, 29(2), 106–112. doi: 10.32598/JHNM.29.2.106
- Shonkoff, J. P., Boyce, W. T., & McEwen, B. S. (2009). Neuroscience, molecular biology, and the childhood roots of health disparities: building a new framework for health promotion and disease prevention. *JAMA*, 301(21), 2252–2259. doi: 10.1001/jama.2009.754
- Smyshlyaeva, E. D., & Galimzyanova, M. V. (2016). Rannie dezadaptivnye skhemy i strakhi u vzroslykh [Early maladaptive schemas and fears in adults]. *Nauchnye issledovaniya vypusnikov fakul'teta psikhologii. SPBGU*, 4, 191–198.
- Stankiewicz, A. M., Swiergiel, A. H., & Lisowski, P. (2013). Epigenetics of stress adaptations in the brain. *Brain Res Bull*, 98, 76–92. doi: 10.1016/j.brainresbull.2013.07.003

- Stoyanova, I. Ya., & Smirnova, N. S. (2018). Predictors of psychological security in patients of depressive spectrum. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, 10(1), p. 6. doi: 10.24411/2219-8245-2018-11061
- Swartz, J. R., Hariri, A. R., & Williamson, D. E. (2017). An epigenetic mechanism links socioeconomic status to changes in depression-related brain function in high-risk adolescents. *Mol Psychiatry*, 22(2), 209–214. doi: 10.1038/mp.2016.82
- Tezel, F. K., Kışlak, Ş. T., & Boysan, M. (2015). Relationships between childhood traumatic experiences, early maladaptive schemas and interpersonal styles. *Noro Psikiyatr Ars*, 52(3), 226–232. doi: 10.5152/npa.2015.7118
- Tirch, D. D., Leahy, R. L., Silberstein, L. R., & Melwani, P. S. (2012). Emotional Schema, psychological flexibility, and anxiety: The role of flexible response patterns to anxious arousal. *International Journal of Cognitive Therapy*, 5(4), 380–391. doi: 10.1521/ijct.2012.5.4.380
- Tsuji, M., Miyagawa, K., & Takeda, H. (2014). Current Perspective Epigenetic Regulation of Resistance to Emotional Stress: Possible Involvement of 5-HT1A Receptor-mediated histone acetylation. *J. Pharmacol. Sci*, 125(4), 347–354.
- van Vreeswijk, M., Broersen, J., & Nadort, M. (2012). *The Wiley-Blackwell handbook of schema therapy: theory, research and practice*. Wiley Blackwell. doi: 10.1002/9781119962830
- van Winkel, R., van Nierop, M., Myin-Germeys, I., & van Os, J. (2013). Childhood trauma as a cause of psychosis: linking genes, psychology, and biology. *Can J Psychiatry*, 58(1), 44–51. doi: 10.1177/070674371305800109
- Velichkovskiy, B. M. (2006). *Kognitivnaya nauka: osnovy psikhologii poznaniya* [Cognitive Science: Fundamentals of the Psychology of Cognition]: Vol. 2. Moscow: Academia.
- Vialou, V., Feng, J., Robison, A. J., & Nestler, E. J. (2013). Epigenetic mechanisms of depression and antidepressants action. *Annu. Rev. Pharmacol. Toxicol*, 53, 59–87.
- Wells, J. (2010). Maternal capital and the metabolic ghetto: An evolutionary perspective on the transgenerational basis of health inequalities. *American Journal of Human Biology*, 22(1), 1–17.
- Whitelaw, N. C., & Whitelaw, E. (2006). How lifetimes shape epigenotype within and across generations. *Hum Mol Genet*, 15(2), 2, 131–137. doi: 10.1093/hmg/ddl200
- Wildenauer, D. B., Schwab, S. G., & Maier, W. (1999). Do schizophrenia and affective disorder share susceptibility genes? *Schizophrenia Research*, 39(2), 107–111.
- Young, J., Weinberg, A., & Beck, A. (2001). Cognitive therapy for depression. In: D. Barlow. (Ed.), *Clinical Handbook of Psychological Disorders* (3rd ed., pp. 264–308). New York: Guilford.
- Young, J. E., Klosko, J. S., & Weishaar, M. (2003). *Schema Therapy: A Practitioner's Guide*. New York: Guilford Press. 436 p.
- Zhu, H., Luo, X., Cai, T., He, J., Lu, Y., & Wu, S. (2016). Life event stress and binge eating among adolescents: the roles of early maladaptive schemas and impulsivity stress health. *Stress Health*, 32(4), 395–401. doi: 10.1002/smi.2634

Received 07.05.2020; Accepted 11.10.2021

Irina S. Karaush – Leading Researcher of Social Psychiatry of Children and Adolescents Department of V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, D. Sc. (Medical).

E-mail: anir7@yandex.ru

Irina E. Kupriyanova – Leading Researcher Border States Department, Mental Health Research Institute, National Research Medical Centre, D. Sc. (Medical), Professor.

E-mail: irinakupr@rambler.ru

УДК 159.9.072.592

ОЦЕНКА ПСИХОМЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МЕТОДИКИ «УРОВЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ РОДСТВЕННИКОВ (РОДИТЕЛЬСКО- ДЕТСКИЙ ВАРИАНТ)»

А.М. Шишкова^{1, 2}, В.В. Бочаров^{1, 2}, Ю.С. Черная¹

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева, Россия, 192019, Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3

² Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Россия, 194100, Санкт-Петербург, ул. Литовская, 2

Резюме

Процесс воспитания ребенка может быть сопряжен со значительным числом хронических стрессоров, приводящих к истощению психических ресурсов родителя. Родители ребенка с ОВЗ, помимо обычных стрессоров, связанных с процессом воспитания, часто несут дополнительную стрессовую нагрузку, обусловленную необходимостью реализации специализированных мероприятий, направленных на поддержание здоровья и обеспечение нормальной социализации ребенка. Это значительно повышает риск формирования у них феноменов выгорания. В настоящий момент ощущается острый дефицит специализированных методов оценки выгорания у данного контингента. **Цель** настоящего исследования – оценка психометрических характеристик методики «Уровень эмоционального выгорания родственников (родительско-детский вариант)» (УЭВР / РДВ), разработанной с учетом контекста семейных отношений. **Материалы и методы.** В исследовании приняли участие 138 родителей (средний возраст 36,5 лет) хронически больных детей. Оценка конвергентной и дивергентной валидности УЭВР / РДВ осуществлялась при помощи методики диагностики отношения к болезни ребенка (ДОБР), опросника симптоматических жалоб (SCL-90-R), Шкалы семейного окружения (ШСО) и Шкалы базисных убеждений в адаптации М.А. Падуна и А.В. Котельниковой. **Результаты.** Проведенное исследование подтвердило конструктивную валидность методики. Представленные результаты демонстрируют хорошие психометрические характеристики методики УЭВР / РДВ по всем исследованным параметрам: ре-тестовой надежности и надежности выборок содержания, внутренней конструктивной, конвергентной и дивергентной перекрестной валидности. Выявлена необходимость дополнительного изучения феномена высокой личностной значимости борьбы с болезнью ребенка для его родителей. Шкалы, отражающие данный феномен, обнаружили связь со шкалами, диагностирующими проявления дистресса у родителей в ситуации хронической болезни ребенка. По результатам первичной психометрической проверки можно сказать, что методика УЭВР / РДВ может применяться для исследования эмоционального выгорания у родителей хронически больных детей как в специализированных консультативных центрах, так и в соматических стационарах, в которых проходят лечение дети с ОВЗ.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; родительское выгорание; дети с ограниченными возможностями здоровья; личностные ресурсы; вовлеченность; диагностика выгорания; валидность; надежность

Введение

В последнее время исследователи все чаще обращаются к проблеме родительского выгорания, отмечая, что процесс воспитания ребенка может быть сопряжен со значительным числом хронических стрессоров, приводящих к истощению психических ресурсов родителя (Базалева, 2010; Ефимова, 2013; Mikolajczak, Gross, Stinglhamber, Lindahl Norberg, Roskam, 2020; Mikolajczak, Roskam, 2018). Описаны феномены негативного влияния родительского выгорания на процесс воспитания, проявляющиеся, в частности, в пренебрежительном отношении и даже насилии по отношению к ребенку (Hubert, Aujoulat, 2018; Mikolajczak, Brianda, Avalosse, Roskam, 2018), а также связанные с нарушением психофизического и социального функционирования родителей, например супружеские конфликты, нарушения сна, аддикция, наличие суицидальных мыслей (Mikolajczak et al., 2018).

Особо следует отметить ситуацию воспитания ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В настоящее время, несмотря на отсутствие единого определения, термин ОВЗ широко применяется отечественными практикующими специалистами и исследователями для обозначения статуса детей с отклонениями в развитии, связанными с врожденными или приобретенными дефектами, наличие которых определяет необходимость создания специальных условий для их обучения и воспитания (Козырева, 2017).

Термин ОВЗ позволяет объединить значительный диапазон расстройств и заболеваний, при этом отражая сущностный компонент проблемы, а именно наличие у ребенка хронического заболевания, препятствующего его нормальной социальной адаптации. Вследствие этого родители ребенка с ОВЗ, помимо обычных стрессоров, связанных с процессом воспитания, часто несут дополнительную стрессовую нагрузку, обусловленную необходимостью реализации специализированных мероприятий, направленных на поддержание здоровья и обеспечение нормальной социализации ребенка. Родители таких детей, кроме того, испытывают весь спектр переживаний, возникающих у близких в ситуации тяжелой хронической болезни родственника. Эта нагрузка часто может превышать ресурсные возможности родителей как на материальном (нехватка времени и финансов из-за необходимости лечения и ухода за ребенком), так и на нематериальном уровне (переживание хронической тревоги, «крах надежд»), что значительно повышает риск формирования у них феноменов выгорания.

При анализе психологических исследований семей с хронически больным ребенком мы рассматривали не только те работы, где авторами использовался термин ОВЗ, но и исследования, в которых наличие заболевания у ребенка позволяло отнести его к категории детей с ОВЗ, даже если этот термин не применялся.

Отечественные исследования, посвященные изучению семей, имеющих ребенка с ОВЗ, преимущественно отражают вопросы психологического сопровождения таких детей и их родителей в учебном процессе, а также фокусируются на изучении влияния семьи на психологическое состояние

ребенка с ОВЗ (Адеева, 2016; Баулина, 2015; Фоминых, 2014). Работы, прицельно направленные на изучение психологических особенностей родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, встречаются значительно реже. В них авторы описывают способы преодоления трудностей, возникающих в процессе борьбы с хронической болезнью ребенка, а также позитивные или негативные изменения личности, развивающиеся у родителей хронически больных детей (Хазова, Ряжева, 2012; Сергиенко, Холмогорова, 2019).

Зарубежные исследователи в последние десятилетия часто фокусируют внимание на изучении эмоционального выгорания родителей, воспитывающих детей с различными соматическими и психическими заболеваниями. В работах представлены данные об особенностях выгорания, его социально-демографических и клинических предикторах у родителей детей с различными соматическими (онкологические заболевания, сахарный диабет), неврологическими (церебральный паралич) и психическими (аутизм) расстройствами (Gérain, Zech, 2018; Lebert-Charron, Dorard, Boujut, Wendland, 2018; Kütük, Tufan, Kılıçaslan, 2021; Lindström, Åman, Norberg, 2010; Roskam, Brianda, Mikolajczak, 2018).

В отечественной науке анализ выгорания у родителей хронически больных детей только начинает развиваться как отдельная область исследований. В настоящее время работы, посвященные выгоранию этой группы родителей, немногочисленны. Феномены выгорания описаны, в частности, у родителей детей с сердечно-сосудистой патологией, расстройствами аутистического спектра и шизофренией (Грабельникова, Дорошева, 2018; Кмить, Попов, Бочаров и Яковлева, 2018; Костюченко, Романчук, 2015).

Оценку родительского выгорания отечественные и зарубежные исследователи, как правило, осуществляют при помощи адаптированных вариантов методик, предназначенных для измерения выгорания в сфере профессиональных отношений (Базалева, 2010; Ефимова, 2013; Pelsma, 1989; Roskam, Raes, Mikolajczak, 2017). Такая ситуация связана с тем, что конструкт эмоционального выгорания длительное время считался принципиально применимым лишь в сфере трудовых отношений, где он и был описан впервые (Петраш и др., 2008; Schaufeli, Leiter, Maslach, 2009).

В качестве наиболее часто используемого прототипа при создании психодиагностических инструментов оценки родительского выгорания выступает методика MBI (Maslach Burnout Inventory), разработанная С. Maslach. Например, в исследовании I. Roskam, M.E. Raes и M. Mikolajczak (2017) «родительское выгорание» (parental burnout) измеряется посредством «Методики родительского выгорания» (Parental Burnout Inventory – PBI), являющейся адаптированным для сферы родительско-детских отношений вариантом методики MBI. Попытки использовать MBI для измерения феноменов выгорания в сфере родительско-детских отношений предпринимались и другими исследователями (Pelsma, 1989). Отечественные исследователи (как и зарубежные коллеги), занимающиеся разработкой проблемы выгорания в ходе воспитательного процесса, тоже используют адаптированные

версии методики MBI, например опросник «Родительское выгорание» И.Н. Ефимовой (2013).

Основой для создания инструментария оценки родительского выгорания в отечественных работах также выступает методика «Диагностика эмоционального выгорания личности» В.В. Бойко (Базалева, 2010). За рубежом для изучения эмоционального выгорания родителей кроме MBI используется опросник Shirom-Melamed Burnout Questionnaire. Следует подчеркнуть, что обе эти методики разработаны для исследования выгорания в сфере профессиональных отношений.

На наш взгляд, механический перенос диагностических инструментов, разработанных в области трудовых отношений, в сферу исследования родительно-детских отношений не всегда оправдан, особенно в том случае, когда адаптация заключается лишь в замене формулировок «мой реципиент» на «мой ребенок» (Duygun, Sezgin, 2003). Такая адаптация представляется явно недостаточной, поскольку детско-родительские отношения существенным образом отличаются от взаимодействия в рамках профессиональных отношений. Специфика проявлений выгорания в семье определяется также влиянием общественной стигматизации лиц, отказывающихся от опеки или не в полной мере выполняющих нормативно предписываемые функции по уходу за больным ребенком.

В доступной литературе мы обнаружили лишь две работы, посвященные созданию специализированных инструментов для оценки выгорания у родителей, воспитывающих детей с ОВЗ. Это зарубежный опросник Parental Burnout Assessment (Roskam, Brianda, Mikolajczak, 2018) и отечественный опросник для оценки структуры и выраженности эмоционального выгорания у матерей подростков, больных шизофренией (Кмить и др., 2018). Однако существенными ограничениями разработанных методик является их узко симптоматическая направленность. Результаты такой оценки объективируют лишь проявления деструктивных процессов, связанных с выгоранием. При этом неисследованным остается соотношение этих проявлений с ресурсными возможностями личности. Принципиальная ориентация на отображение лишь симптомов выгорания без учета личностной активности, препятствующей процессу выгорания, может приводить к недооценке реального состояния родителей в плане истощения их ресурсов.

В настоящее время остро ощущается потребность в разработке инструментария, позволяющего объективировать переживания родителей в ситуации хронической болезни ребенка, оценить уровень и характер эмоционального выгорания, а также ресурсные возможности психики родителей, воспитывающих детей с ОВЗ.

В качестве такого психодиагностического инструмента можно рассматривать методику «Уровень эмоционального выгорания родственников (УЭВР)», разработанную А.М. Шишковой и В.В. Бочаровым для оценки выгорания и ресурсной составляющей личностного функционирования родственников, опекающих хронически больного (Шишкова, Бочаров, Стрижицкая, Вукс, 2021). В основе данной методики лежат: представление о концепции эмо-

ционального выгорания как о конструкте, применимом для описания психологии родственников, опекающих хронически больных (Бочаров, Шишкова, Черная, Сивак, Ипатова, 2017; G rain, Zech, 2019); теоретические представления С. Maslach (1998) о трехмерности конструкта «выгорания» (Schaufeli et al., 2009); понимание процесса «выгорания» как нарушения вовлеченности в деятельность, где «вовлеченность» и «выгорание» выступают в качестве противоположных полюсов единого континуума (Demerouti, Bakker, Vardakou, Kantas, 2003); теория самоэффективности А. Bandura (1997).

Методика УЭВР состоит из двух блоков: «выгорание» и «вовлеченность». Блок «выгорание» включает шкалы «Истощение» (Exhaustion), «Цинизм» (Depersonalization), «Редукция личностных достижений» (Inefficacy) и «Деструктивная разрядка напряжения» (Destruction). Блок «вовлеченность» состоит из шкал «Энергия» (Vigor), «Наполненность смыслом» (Dedication), «Самоэффективность в лечении родственника» (Selfefficacy) и интегративной шкалы «Ресурс» (Resource). Шкалы блока «вовлеченность» отражают феномены, противоположные выгоранию, и диагностируют ресурсные составляющие личностной активности родственника в процессе опеки хронически больного. Утверждения опросника описывают опыт и переживания родственников, вовлеченных в заботу о хронически больном члене семьи.

Авторами было разработано две версии методики. Первая версия методики УЭВР предназначена для оценки феноменов «вовлеченности / выгорания» у родственников, опекающих взрослых больных (достигших совершеннолетия). Данная версия успешно прошла апробацию в исследовании родственников, опекающих больных с аддитивными расстройствами (Шишкова и др., 2021). Вторая версия методики создавалась для оценки феноменов «вовлеченности / выгорания» у родителей, воспитывающих хронически больных детей.

Цель исследования – оценка психометрических характеристик методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» (родительско-детский вариант).

Материалы и методы исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 138 родителей (106 матерей и 32 отца) в возрасте от 23 до 58 лет (средний возраст составил 36,5 лет; SD = 7,01), дети которых находились на лечении в Санкт-Петербургском государственном педиатрическом медицинском университете и психоневрологическом отделении Санкт-Петербургской детской городской больницы св. Ольги.

В зависимости от диагноза ребенка родители были разделены на три группы. В первую группу вошли родители детей с нейрофиброматозом – 60 человек (средний возраст 39,03 лет; SD = 7,5). Средний возраст детей, родители которых приняли участие в исследовании, составил 12,05 лет

(SD = 4,47), продолжительность заболевания в среднем 7,02 лет (SD = 4,64). Во вторую группу вошли 34 родителя детей с ревматоидным артритом, средний возраст родителей – 34,76 года (SD = 4,93), средний возраст детей – 11,29 лет (SD = 4,26), продолжительность заболевания – 4,74 года (SD = 3,86). В третью группу вошли 44 родителя, воспитывающие детей с диагнозом эпилепсия, средний возраст родителей – 34,64 года (SD = 6,73), средний возраст детей – 4,73 года (SD = 4,6), продолжительность заболевания – 3,14 года (SD = 3,21). Постановка диагноза больным осуществлялась врачами по МКБ-10.

Общими особенностями вышеупомянутых заболеваний является их хронический характер, раннее возникновение, значительное влияние на физическое и интеллектуальное развитие, наличие ограничений физической активности, возможная инвалидизация ребенка. В то же время данные расстройства предъявляют различные требования к условиям ухода за страдающими ими детьми. Детям с нейрофиброматозом, родители которых приняли участие в исследовании, требовалось хирургическое лечение, иногда включающее множественные операции. Это обуславливало остроту и экстремальность переживаний, значительно ограничивая социальную активность родителей из-за частых госпитализаций и необходимости осуществления ухода за ребенком. Течение ревматоидного артрита часто было связано с постепенным ухудшением состояния ребенка, при этом ему требовалось только медикаментозное лечение; госпитализации, как правило, носили плановый характер. Для детей, страдающих эпилепсией, требовался подбор медикаментов, поддерживающих их в относительно стабильном состоянии. Непосредственным поводом госпитализации в данной группе являлись подбор и коррекция медикаментозной терапии. Кроме осуществления контроля приема лекарств родителям детей из этой группы необходимо было уметь правильно действовать в случае эпилептического приступа, несущего угрозу жизни ребенка.

Таким образом, принявшие участие в исследовании родители испытывали широкий диапазон стрессоров, обусловленных хроническим заболеванием ребенка, что позволило репрезентативно отразить картину переживаний родителей детей с ОВЗ в целом.

Методики

Всем родителям предлагалось заполнить методику УЭВР / РДВ.

УЭВР / РДВ включает 56 утверждений, на которые респонденты должны дать утвердительный («да») или отрицательный («нет») ответ.

Ниже приведены краткая интерпретация шкал и примеры утверждений.

1. Шкала «Энергия» (Vigor) отражает наличие у родителя жизненных сил для осуществления ухода за больным ребенком: «...Просыпаясь утром, я почти всегда ощущаю готовность выполнять свои обязанности по уходу за ребенком...»

2. Шкала «Наполненность смыслом» (Dedication) показывает, настолько опека больного ребенка представляется лично значимой для осу-

щества ее родителя, насколько для него высока осмысленность собственных действий по уходу за больным: «...Я считаю, что забота о болящем ребенке делает мою жизнь более осмысленной...»

3. Шкала «Ресурс» – интегративный показатель (сумма шкал «Энергия» и «Наполненность смыслом»), отражающий общую выраженность ресурсной составляющей личностного функционирования родителей детей с ОВЗ.

4. Шкала «Самоеффективность в лечении ребенка» (Selfefficacy) показывает, насколько активную позицию в лечении больного ребенка занимает родитель, насколько он уверен в правильности своих действий: «...Я знаю, что именно мне необходимо делать, чтобы вместе со специалистами бороться с болезнью моего ребенка...»

5. Шкала «Редукция личностных достижений» (Inefficacy) описывает переживания родителя, связанные с ощущением собственной неэффективности, неспособности предпринять адекватные действия (в частности, во взаимодействии со специалистами) в процессе лечения больного ребенка, обесцениванием собственных усилий, направленных на борьбу с болезнью: «...Вряд ли я могу как-либо повлиять на лечение моего ребенка...»

6. Шкала «Истощение» (Exhaustion) отражает ощущение отсутствия жизненных сил для продолжения борьбы с болезнью ребенка, чувство усталости, невозможности далее продолжать выполнение обязанностей по уходу за больным: «...Забота о болящем ребенке требует от меня таких усилий, что иногда я чувствую себя на грани срыва...»

7. Шкала «Деперсонализация» (Depersonalization) отражает переживания родственника, связанные с разочарованием в больном и методах лечения, обесцениванием личностных качеств ребенка, стремлением избегать межличностного взаимодействия с ним: «...Я замечаю, что стал(а) чаще говорить о своем ребенке в негативном ключе...»

8. Шкала «Деструктивная разрядка напряжения» (Destruction) отражает тенденцию к соматизации психоэмоционального напряжения, а также его деструктивной разрядке в форме аддиктивного поведения у родителя в процессе взаимодействия с больным ребенком: «...Иногда, чтобы заглушить переживания, связанные с болезнью моего ребенка, я курю или употребляю алкоголь (наркотики), увеличиваю дозы прописанных мне психотропных препаратов...»

Оценка конвергентной и дивергентной валидности УЭВР / РДВ осуществлялась при помощи методики диагностики отношения к болезни ребенка – ДОБР, разработанной В.Е. Каганом и И.П. Журавлевой (Исаев, Каган, 1991), опросника симптоматических жалоб Symptom Checklist-90-Revised (SCL-90-R) в адаптации Н.В. Тарабриной (Тарабрина, 2001), шкалы семейного окружения ШСО в адаптации С.Ю. Куприянова (Шапарь, 2006) и шкалы базисных убеждений в адаптации М.А. Падуна и А.В. Котельниковой ШБУ (Падун, 2008). Кроме того, на каждого родителя заполнялась специально разработанная анкета, отражающая социодемографические характеристики респондентов и клинические параметры заболеваний их детей.

Статистическая обработка данных проводилась при помощи статистического пакета SPSS v. 21. Для всех утверждений, использованных в разработке методики, рассчитывался индекс трудности. В рамках оценки распределения утверждения, надежности и внутренней структуры методики проводились расчет показателей описательной статистики, анализ надежности и согласованности пунктов опросника, их временной устойчивости. Для каждой шкалы рассчитывался коэффициент пригодности α -Кронбаха. Мера связи между показателями определялась при помощи коэффициента корреляций Спирмена.

Результаты исследования

В данном разделе представлены результаты оценки психометрических характеристик методики УЭВР / РДВ по следующим параметрам: анализ трудности и степени согласованности утверждений (айтем анализ), оценка временной устойчивости и согласованности выборок содержания (коэффициент альфа Кронбаха, ре-тестирование), внутренняя конструктивная валидность (интार्корреляции шкал методики), конвергентная и дивергентная оценка перекрестной валидности (интеркорреляции шкал методики), общая конструктивная валидность. Общая конструктивная валидность оценивается по степени соответствия полученных данных по всем видам валидности теоретическому конструкту, являющемуся методологической основой методики УЭВР / РДВ.

Айтем анализ (item analysis) показал, что уровень трудности утверждений методики УЭВР / РДВ колебался от 9,4 до 90,6%. По результатам проведенного анализа было исключено одно утверждение, не укладывающееся в заданный нами диапазон трудности (не менее 10%), а именно: «Ухаживая за моим ребенком, я всегда упорно иду к цели, даже если не все получается». Данное утверждение относилось к шкале «Энергия».

Таким образом, после проведения процедуры проверки трудности утверждений методики перечень составил 55 пунктов.

Коэффициент альфа Кронбаха для согласованности выборок содержания утверждений теста, его надежности. Результаты проверки надежности шкал опросника, проведенной на основании коэффициента надежности альфа Кронбаха представлены в табл. 1.

Результаты, представленные в табл. 1, говорят о том, что, за исключением шкалы «Энергия», значения показателей находятся в диапазоне от 0,73 до 0,88. Эти данные отражают высокую согласованность содержания, т.е. достаточную надежность относительно выборок содержания опросника УЭВР / РДВ. Более низкое значение α -Кронбаха по шкале «Энергия», вероятно, связано с малым количеством утверждений, входящих в эту шкалу (всего три утверждения). В этой связи при анализе индивидуальных результатов тестирования следует учитывать не только оценку по шкале «Энергия», позволяющую получить дифференцированный показатель, отражающий наличие у родителя жизненных сил для осуществления ухода

за больным ребенком, но и оценку интергративной шкалы «Ресурс», представляющей сумму шкал «Энергия» и «Наполненность смыслом» и показывающей общую выраженность ресурсной составляющей личностного функционирования родителей детей с ОВЗ.

Таблица 1

**Надежность шкал опросника УЭВР / РДВ по параметру согласованности
выборки содержания**

Шкалы УЭВР / РДВ	α -Кронбаха
Энергия (Vig)	0,64
Наполненность смыслом (Ded)	0,76
Самозффективность в лечении родственника (Selfeff)	0,73
Ресурс (Res)	0,80
Истощение (Exh)	0,77
Деперсонализация (Dep)	0,74
Редукция достижений (Red)	0,78
Деструктивная разрядка напряжения (Des)	0,73
Блок «Вовлеченность» (Eng)	0,80
Блок «Выгорание» (Bur)	0,88

Ре-тестирование. Для оценки временной устойчивости к случайным воздействиям использовалась процедура ре-тестирования, повторное исследование проводилось через 3 месяца после первого замера.

В табл. 2 представлены данные надежности шкал методики УЭВР / РДВ по ре-тесту.

Таблица 2

Коэффициенты надежности по ре-тесту шкал методики УЭВР / РДВ

Шкалы УЭВР / РДВ	Коэффициент надежности (R)
Энергия (Vig)	0,622**
Наполненность смыслом (Ded)	0,616**
Самозффективность в лечении родственника (Selfeff)	0,923**
Ресурс (Res)	0,525**
Истощение (Exh)	0,818**
Деперсонализация (Dep)	0,868**
Редукция достижений (Red)	0,816**
Деструктивная разрядка напряжения (Des)	0,776**
<i>Примечание.</i> ** – $p < 0,01$	

Полученные по ре-тесту данные свидетельствуют о достаточной устойчивости шкал опросника к случайным временным изменениям, т.е. говорят о хорошей надежности шкал методики УЭВР / РДВ. Относительно невысокую устойчивость продемонстрировали шкалы «Энергия», «Наполненность смыслом» и «Ресурс», что может отражать чувствительность ресурсной составляющей личностного функционирования родственника к изменениям ситуации лечения, в частности изменению формы оказываемой помощи (стационарная / амбулаторная).

Исследование внутренней конструктной валидности проводилось при помощи анализа соотношения показателей шкал между собой и соответствия этих соотношений заданному теоретическому конструкту (интракорреляционные связи). Интракорреляционные связи показателей шкал методики УЭВР / РДВ представлены в табл. 3.

Таблица 3

Интракорреляционные взаимосвязи показателей шкал методики УЭВР / РДВ

Шкалы УЭВР / РДВ	Показатели УЭВР / РДВ							
	Vig	Dedicad	Res	Selfeff	Exh	Dep	Des	Red
Энергия	–	0,467**	0,765**	0,266**	–0,280**	–	–	–
Наполненность смыслом	0,467**	–	0,915**	0,342**		0,169*	0,191*	–
Ресурс	0,765**	0,915**	–	0,363**	–	–	–	–
Самоэффективность в лечении родственника	0,266**	0,342**	0,363**		–0,169*		–0,201*	–0,487**
Истощение	–0,280**	–	–	–0,169*	–	0,757**	0,635**	0,437**
Деперсонализация	–	0,169*	–	–	0,757**	–	0,516**	0,428**
Деструктивная разрядка напряжения	–	0,191*	–	–0,201*	0,635**	0,516**	–	0,384**
Редукция личностных достижений	–	–	–	–0,487**	0,437**	0,428**	0,384**	–
Примечания. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$. Показатели УЭВР / РДВ: Vig – Энергия; Ded – Наполненность смыслом; Res – Ресурс; Selfeff – Самоэффективность в лечении родственника; Exh – Истощение; Dep – Деперсонализация; Red – Редукция достижений; Des – Деструктивная разрядка напряжения								

Анализ взаимосвязей показателей, отражающих проявления «выгорания / вовлеченности», позволил выявить предсказуемые связи, подтверждающие разработанный теоретический конструкт. Данный конструкт предполагает рассмотрение «выгорания» как нарушения вовлеченности в деятельность. Под деятельностью в данном случае понимаются усилия родителя, направленные на поддержание благополучия и борьбу с болезнью ребенка. Исходя из такого представления, наличие отрицательных корреляционных связей шкалы «Самоэффективность в лечении ребенка – Selfeff» со шкалами «Редукция личностных достижений – Ineff» ($p < 0,01$), «Деструктивная разрядка напряжения – Des» и «Истощение – Exh» ($p < 0,05$), а также шкалы «Энергия – Vig» со шкалой «Истощение – Exh» ($p < 0,01$) было прогнозируемо. Менее ожидаемыми оказались взаимосвязи показателя «Наполненность смыслом». Помимо положительных корреляционных связей со шкалами полюса «вовлеченность», представляющего ресурсную составляющую личностного функционирования родителей в ситуации хронической болезни ребенка, данная шкала положительно коррелирует со шкалами «Деперсонализация – Dep» и «Деструктивная разрядка напряже-

ния – Des» ($p < 0,05$), отражающими симптомы эмоционального выгорания родителей.

Полученные данные демонстрируют сложную природу феномена «наполненность смыслом», объединяющего разнонаправленные тенденции, с одной стороны, придающие силы в борьбе с болезнью ребенка, с другой – связанные с дегуманизацией отношения к нему и потребностью родителей «отыгрывать» напряжение, возникающее в сложившейся жизненной ситуации, при помощи употребления психоактивных веществ или психосоматизации.

Исследование перекрестной валидности. Оценка перекрестной валидности проводилась на основании анализа интеркорреляций шкал методики УЭВР / РДВ и шкал других психологических методик, использованных в исследовании. Были изучены конвергентная и дивергентная валидность. Конвергентная валидность оценивалась по наличию значимых корреляций показателей шкал методики УЭВР / РДВ и показателей методик, отражающих теоретически связанные психологические конструкты. Прогностически ожидаемое отсутствие взаимосвязей шкал методики с исследуемыми показателями подтверждало дивергентную валидность.

Корреляционные связи показателей шкал методики УЭВР / РДВ и методики SCL-90-R представлены в табл. 4.

Таблица 4

Корреляционные связи УЭВР / РДВ и SCL-90-R

Показатели SCL-90-R	Показатели УЭВР / РДВ							
	Vigor	Ded	Res	Self	Exh	Dep	Des	Red
Соматизация	–	–	–	–0,213*	0,264**	0,281**	0,492**	0,168*
Обсессивность– компульсивность	–	0,262**	–	–	0,344**	0,417**	0,524**	0,267**
Межличностная сензитивность	–	0,258**	–	–0,182*	0,460**	0,431**	0,571**	0,353**
Депрессия	–0,297**	–	–	–0,252**	0,555**	0,488**	0,565**	0,349**
Тревожность	–	0,225**	–	–	0,481**	0,499**	0,586**	0,275**
Враждебность	–	–	–	–	0,255**	0,225**	0,409**	–
Фобическая тревожность	–	0,203*	–	–	0,263**	0,236**	0,354**	–
Паранойяльные тенденции	–	0,258**	0,213*	–	0,300**	0,423**	0,487**	0,238**
Психотизм	–	0,197*	–	–	0,248**	0,347**	0,498**	0,236**
Общий индекс тяжести симптомов	–	0,204*	–	–0,221**	0,445**	0,479**	0,649**	0,326**
Общее число утвердительных ответов	–0,252**	–	–	–	–	0,197*	0,187*	–
Индекс наличного симптоматического дистресса	–	0,220**	–	–0,169*	0,493**	0,476**	0,636**	0,323**

Примечания. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$. Показатели УЭВР / РДВ: Vig – Энергия; Ded – Наполненность смыслом; Res – Ресурс; Selfeff – Самоэффективность в лечении родственника; Exh – Истощение; Dep – Деперсонализация; Red – Редукция достижений; Des – Деструктивная разрядка напряжения

Выявленные положительные корреляционные взаимосвязи между субъективно отмечаемыми симптомами психического неблагополучия (шкалы SCL-90-R) и различными проявлениями выгорания (методика УЭВР / РДВ) являются ожидаемыми и подтверждают разработанный теоретический конструкт. Полученные данные говорят о том, что блок выгорания методики УЭВР / РДВ отражает деструктивный компонент переживаний, связанных с эмоциональным выгоранием родителей. Шкалы «Энергия» (Vig) и «Самоеффективность в лечении ребенка» (Self) ожидаемо отрицательно коррелируют с психопатологической симптоматикой. Полученные данные согласуются с концепцией двухполюсного конструкта «вовлеченность / выгорание» и подтверждают возможность этих шкал оценивать ресурсную составляющую личностного функционирования родителей в процессе опеки хронически больных детей. Взаимосвязи шкалы «Наполненность смыслом», как и при оценке ее внутренней конструктивной валидности, показывают неоднозначный характер работы данной шкалы, проявляющейся в диагностике разных, возможно разнонаправленных, тенденций, присутствующих в смысловой оценке родственниками ситуации болезни ребенка.

Корреляционные связи показателей шкал методики УЭВР / РДВ и ШСО представлены в табл. 5.

Таблица 5

Корреляционные связи УЭВР / РДВ и ШСО

Шкалы ШСО	Показатели УЭВР / РДВ							
	Vig	Ded	Res	Self	Exh	Dep	Des	Red
Сплоченность	–	–	–	–	–0,200*	–	–	–
Экспрессивность	–	–0,239**	–0,185*	–	–0,183*	–	–	–
Конфликт	–	–	–	–	0,240**	–	0,276**	0,201*
Независимость	–	–	–	–	–	–	–	–
Ориентация на достижения	0,239**	0,272**	0,273**	–	–	–	–	–
Интеллектуально-культурная ориентация	–	–	–	–	–	–0,211*	–	–0,212*
Ориентация на активный отдых	–	–0,207*	–	–	–0,231**	–0,277**	–0,240**	–0,185*
Морально-нравственные аспекты	–	–	–	0,194*	–0,184*	–	–0,186*	
Организация	0,315**	0,291**	0,345**	–	–0,186*	–	–	–
Контроль	0,270**		0,182*	–	–	–	–	–

Примечания. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$. Показатели УЭВР / РДВ: Vig – Энергия; Ded – Наполненность смыслом; Res – Ресурс; Selfeff – Самоеффективность в лечении родственника; Exh – Истощение; Dep – Деперсонализация; Red – Редукция достижений; Des – Деструктивная разрядка напряжения

Как видно из табл. 5, показатели, отражающие восприятие семейной ситуации (методика ШСО), имеют множественные корреляции с показателями как симптоматических, так и ресурсных шкал УЭВР / РДВ. Шкалы,

входящие в блок «вовлеченность», в основном имеют положительные связи со шкалами ШСО. Наибольшее количество корреляций выявляется со шкалами «Организация» и «Ориентация на достижения», они связаны со всеми показателями ресурсного полюса ($p < 0,01$). Также выявляются положительные взаимосвязи шкалы «Контроль» со шкалами «Энергия – Vig» ($p < 0,01$) и «Ресурс – Res» ($p < 0,05$), а также шкалы «Морально-нравственные аспекты» со шкалой «Самозффективность в лечении ребенка – Self» ($p < 0,05$).

Полученные данные говорят о том, что шкалы, отражающие личностные ресурсы родителей в ситуации борьбы с хронической болезнью ребенка, оказываются ожидаемо связаны с показателями, оценивающими уровень управления семейной системой, а именно структурирования активности семьи, финансового планирования, четкости семейных правил и обязанностей, а также со значимостью для семьи социальных достижений ее членов, степенью семейного уважения к морально-нравственным ценностям. Прогнозируемость этой связи базируется на представлении о том, что описанные характеристики семейного функционирования можно рассматривать в качестве потенциально благоприятных, препятствующих эмоциональному выгоранию родителей в ситуации хронической болезни ребенка.

Симптоматический полюс УЭВР / РДВ имеет преимущественно отрицательные корреляции со шкалами ШСО, диагностирующими адаптивные аспекты семейного функционирования; положительные взаимосвязи выявляются лишь со шкалой «Конфликт». Наибольшее количество отрицательных связей шкал ШСО отмечается со шкалой «Истощение – Exh», что также является очевидно ожидаемым. Выраженное ощущение усталости, отсутствия жизненных сил для продолжения борьбы с болезнью ребенка связано с субъективным ощущением снижения сплоченности семьи, возможности открыто выражать свои чувства и структурировать семейную активность, нарастанием конфликтности семейных отношений, сокращением совместного досуга членов семьи.

Таким образом, выявленные взаимосвязи являются предсказуемыми и подтверждают конвергентную валидность методики УЭВР / РДВ, за исключением связей шкалы «Наполненность смыслом» (Dedic), которая вновь обнаружила неожиданные корреляционные связи, а именно отрицательные связи с показателями «Экспрессивность» ($p < 0,01$) и «Ориентация на активный отдых» ($p < 0,05$). Эта же тенденция проявилась и в интеркорреляциях интегративной шкалы «Ресурс – Res», включающей данную шкалу наряду со шкалой «Энергия».

Корреляционные связи показателей шкал методики УЭВР / РДВ и методики ДОБР представлены в табл. 6.

Как видно из табл. 6, симптоматический полюс методики УЭВР / РДВ имеет множественные положительные связи со шкалами методики ДОБР, т.е. выраженность тревожных реакций родителя на болезнь ребенка, склонность преувеличивать тяжесть болезни и ограничивать его активность, а также напряженное отношение к болезни ожидаемо связаны с наличием

признаков эмоционального выгорания у родителей с детей ОВЗ. В то же время активная позиция в лечении ребенка (сотрудничество с врачами) и ощущение правильности своих действий (шкала «Самоеффективность в лечении ребенка») прогнозируемо связаны со снижением общего напряжения в отношении к болезни. Эти данные в своей совокупности подтверждают теоретический конструкт, положенный в основу методики УЭВР / РДВ.

Таблица 6

Корреляционные связи УЭВР / РДВ и ДОБР

Шкалы ДОБР	Показатели УЭВР / РДВ							
	Vig	Ded	Res	Self	Exh	Dep	Des	Red
Интернальность	–	0,207*	–	–	–	–	–	–
Тревога	–	0,242**	–	–	0,379**	0,376**	0,475**	0,169*
Нозогнозия	–		–	–	0,377**	0,352**	0,261**	
Контроль активности	–	0,303**	0,268**	–	0,327**	0,282**	0,332**	0,256**
Общее напряжение	–	0,317**	0,202*	–0,187*	0,443**	0,428**	0,451**	0,259**
<i>Примечания.</i> * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$. Показатели УЭВР / РДВ: Vig – Энергия; Ded – Наполненность смыслом; Res – Ресурс; Selfeff – Самоеффективность в лечении родственника; Exh – Истощение; Dep – Деперсонализация; Red – Редукция достижений; Des – Деструктивная разрядка напряжения								

Важно отметить наличие положительных связей шкалы «Наполненность смыслом» (Dedic), отражающих взаимосвязь высокой личностной значимости опеки ребенка с тревожным, напряженным отношением к его болезни, а также то, как эти связи проявляются в корреляциях интегративной шкалы «Ресурс – Res».

Корреляционные связи показателей шкал методики УЭВР / РДВ и ШБУ приведены в табл. 7.

Таблица 7

Корреляционные связи УЭВР / РДВ и ШБУ

Шкалы ШБУ	Показатели УЭВР / РДВ							
	Vig	Ded	Res	Self	Exh	Dep	Des	Red
Доброжелательность окружающего мира	–0,187*	–0,252**	–0,283**	–	–	–0,192*	–0,173*	
Справедливость	0,305**	–	0,214*	–	–	–0,274**	–	–
Образ Я	–	–0,233**	–	–	–0,275**	–0,388**	–0,301**	–0,189*
Удача	–	–	–	0,197*	–0,202*	–0,296**	–0,291**	–0,262**
Убеждение в контроле	0,255**	–	–	–	–0,260**	–0,299**	–0,183*	
<i>Примечания.</i> * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$. Показатели УЭВР / РДВ: Vig – Энергия; Ded – Наполненность смыслом; Res – Ресурс; Selfeff – Самоеффективность в лечении родственника; Exh – Истощение; Dep – Деперсонализация; Red – Редукция достижений; Des – Деструктивная разрядка напряжения								

Как видно из табл. 7, показатели блока «выгорание» методики УЭВР / РДВ имеют разнообразные отрицательные корреляции со шкалами ШБУ.

Это отражает наличие взаимосвязи между выраженностью процесса выгорания у родителей хронически больных детей и степенью трансформации их базовых убеждений в отношении как самих себя, так и окружающего мира. Проявления эмоционального выгорания у родителей детей с ОВЗ связаны с чувством беспомощности и потери контроля над собственной жизнью, ощущением враждебности окружающего мира и его несправедливости. Вместе с тем шкалы «Энергия» (Vig), «Ресурс» (Res) и «Самоеффективность в лечении родственника» (Self) имеют ряд положительных корреляционных связей со шкалами ШБУ, а именно с показателями «Справедливость», «Убеждение в контроле» и «Удача». Такая связь представляется ожидаемой, поскольку отражает взаимосвязанность базисных убеждений о справедливости и контролируемости окружающего мира с ощущением самоеффективности в лечении ребенка и наличии ресурсов для борьбы с его болезнью. В то же время наличие отрицательных корреляционных связей ресурсного блока методики УЭВР / РДВ со шкалой «Доброжелательность окружающего мира» гораздо менее предсказуема, но психологически понятна, если принять во внимание, что мобилизация родителей для борьбы с болезнью ребенка часто может иметь компенсаторную природу, во многом связанную с отсутствием веры в доброжелательность окружающих. Клинико-психологические данные свидетельствуют о наличии у родителей опыта травматических переживаний в процессе лечения ребенка, мобилизующего защитные механизмы в ситуации стигматизации, с которой часто сталкиваются семьи, имеющие ребенка с ОВЗ. Показатель шкалы «Наполненность смыслом» также демонстрирует отрицательную взаимосвязь с показателем «Образ Я» ($p < 0,01$). Эта связь понятна в контексте данных о негативной трансформации представлений о собственной личности у родителей, для которых борьба с болезнью ребенка становится центральной смыслообразующей деятельностью.

Данные, полученные при оценке конструктивной и перекрестной валидности методики УЭВР / РДВ, показали согласованность разработанного инструмента и теоретического конструкта. При этом обнаружена необходимость уточнения теоретического конструкта, лежащего в основе методики, поскольку был выявлен ряд неожиданных интра- и интеркорреляционных связей шкал методики. В частности, кроме взаимосвязей с конструктивными аспектами личностного и семейного функционирования родителей шкалы блока «вовлеченность» обнаружили связь с проявлениями психоэмоционального напряжения и дистресса.

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о существовании оптимального уровня «наполненности смыслом» – личностной значимости борьбы с болезнью ребенка, которая выступает в качестве ресурсной составляющей и препятствует эмоциональному выгоранию родителей детей с ограниченными возможностями здоровья. В то же время недостаточная осмысленность действий, направленных на борьбу с болезнью, или чрезмерная личностная значимость, преломляющая всю систему личностных отношений родителя через призму болезни ребенка, рассмат-

риваются как потенциально деструктивные, приводящие к выраженному дистрессу или даже выгоранию.

Поскольку шкала «Наполненность смыслом» включает относительно малое количество вопросов и ранжирование на высокие, низкие и средние результаты по данной шкале было затруднено, для проверки выдвинутой гипотезы исследуемые родители были разделены на две группы по показателям интегративной шкалы «Ресурс», объединяющей шкалы «Наполненность смыслом» и «Энергия». В первую группу (93 человека) вошли родители, имеющие низкие или высокие оценки (соответствующие 35 и 65 процентилям), во вторую группу (45 человек) были отнесены родители, имеющие средние оценки по шкале «Ресурс». В выделенных группах был проведен анализ корреляционных взаимосвязей показателя «Ресурс» (УЭВР / РДВ) со шкалами SCL-90-R, ШСО, ДОБР и ШБУ.

В группе родителей, имеющих высокие и низкие оценки по шкале «Ресурс», данная шкала имеет положительные корреляционные связи со следующими показателями: «Навязчивость», «Фобия», «Паранояльность» ($p < 0,01$) SCL-90-R; «Ориентация на достижения», «Организация» ($p < 0,01$), «Контроль» ($p < 0,05$) ШСО; «Контроль активности» ($p < 0,01$) ДОБР; «Справедливость» ($p < 0,01$) и «Убеждение в контроле» ($p < 0,05$) ШБУ, – а также отрицательно коррелирует с показателем «Доброжелательность окружающего мира» ($p < 0,01$) ШБУ. В группе родителей, имеющих средние оценки по шкале «Ресурс», отмеченные связи отсутствуют, но вместе с тем выявляется отрицательная корреляционная связь данного показателя со шкалой «Фобия» ($p < 0,05$) SCL-90-R и положительная взаимосвязь со шкалой «Морально-нравственные аспекты» ($p < 0,05$) ШСО.

Полученные данные показывают, что в зависимости от степени выраженности ресурсной составляющей, включающей наличие жизненных сил для осуществления ухода за больным ребенком и личностную значимость борьбы с болезнью, у родителей детей с ОВЗ выявляется различная структура связей этой ресурсной составляющей с проявлениями дистресса, а также характером личностного и семейного функционирования. Выявленные связи во многом позволяют объяснить особенности корреляционных связей шкалы «Ресурс», представленные выше.

Обсуждение результатов

Целью настоящего исследования являлась оценка психометрических характеристик методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» (родительско-детский вариант). Результаты исследования психометрических характеристик шкал на контингенте родителей детей с ОВЗ показали согласованность разработанного инструмента и лежащего в его основе теоретического конструкта, рассматривающего «вовлеченность» и «выгорание» как два полярных значения единого континуума. Полученные данные согласуются с исследованиями, посвященными изучению соотношения феноменов вовлеченности и выгорания в сфере трудовой деятель-

ности (Maslach, 1998; Gonzalez-Roma, Schaufeli, Liore, 2006). В области изучения родительско-детских отношений в настоящее время феномены выгорания, как правило, исследуются без их соотнесения с ресурсной составляющей личностной активности родителей в процессе воспитания и опеки детей. В этой связи результаты настоящей работы существенно расширяют возможность теоретического осмысления и углубляют понимание психологии родителей хронически больных детей.

С практической точки зрения настоящее исследование анонсирует новый психодиагностический инструмент, который может быть использован широким кругом специалистов, работающих с семьями, воспитывающими детей с ОВЗ. Методика «Уровень эмоционального выгорания родственников» (родительско-детский вариант) может применяться как в специализированных консультативных центрах, так и в соматических стационарах, где дети с ОВЗ проходят лечение. Своевременная диагностика выгорания и его соотнесение с ресурсной составляющей личностного функционирования, в частности ощущением самоэффективности в лечении ребенка, поможет своевременно выявить трудности, существующие у родителей в процессе опеки больного ребенка, и оказать индивидуализированную помощь, направленную на профилактику и / или снижение выраженности выгорания. Это, в свою очередь, важно для поддержания психосоциального функционирования как самих родителей, так и их детей.

Проведенное исследование выявило необходимость дополнительного изучения феномена высокой личностной значимости борьбы с болезнью ребенка для его родителей. Шкалы, отражающие данный феномен, обнаружили связь со шкалами, диагностирующими проявления психоэмоционального напряжения и дистресса у родителей в ситуации хронической болезни ребенка. В связи с этим было выдвинуто предположение о существовании оптимального уровня «наполненности смыслом» – личностной значимости борьбы с болезнью ребенка для его родителей. Полученные данные подтвердили, что в зависимости от выраженности личностная вовлеченность родителей в борьбу с болезнью ребенка может выступать как важный психологический ресурс, препятствующий выгоранию, или представлять собой условия формирования и развития симптомов выгорания. В частности, средние значения показателей шкалы «Наполненность смыслом», отражающие оптимальную выраженность личностной вовлеченности, диагностируют ресурсное состояние вовлеченности, препятствующее эмоциональному выгоранию родителей в процессе борьбы с болезнью ребенка. В то же время высокие или низкие результаты по шкале «Наполненность смыслом», говорящие о недостаточной или чрезмерной вовлеченности, характеризуют состояние, способствующие развитию эмоционального выгорания родителей. Данный вопрос требует дальнейших исследований, поскольку, по нашему мнению, имеет самое существенное отношение к вопросу специфики выгорания в сфере «родительско-детских отношений», по сравнению с профессиональным выгоранием, и тесно связан с проблемой детско-родительских симбиозов.

Ограничения исследования. В качестве ограничений настоящей работы следует отметить относительно небольшой объем выборки исследования, что определяет необходимость дальнейшего изучения психометрических характеристик разработанного психодиагностического инструмента в различных группах родителей. В частности, определение временной устойчивости целесообразно проводить в разные интервалы времени. Изучение особенностей выгорания родителей детей, находящихся в стационаре или проходящих амбулаторное лечение, может выступать в качестве самостоятельной темы будущих исследований, как и определение потенциальных протекторов и предикторов выгорания родителей детей с ограниченными возможностями здоровья. Дополнительного изучения также требует феномен сверхвовлеченности, высокой личностной значимости борьбы с болезнью ребенка у родителей детей с ОВЗ. Необходимо исследование механизмов формирования такой вовлеченности для разработки эффективных методов коррекции сверхвовлеченного отношения, не блокирующих при этом базовой потребности родителей в опеке собственного ребенка.

Заключение

Современные исследования, посвященные изучению психологии родителей, воспитывающих хронически больного ребенка, говорят о необходимости разработки новой методологии, включающей концепт эмоционального выгорания как существенный элемент для понимания процессов, разворачивающихся в детско-родительских отношениях. Прямой перенос данного концепта из области профессионального в сферу семейного взаимодействия является ошибочным и требует коррекции в связи со специфичностью контекста, в котором развиваются отношения. Описанный в настоящей работе концепт эмоционального выгорания учитывает контекст семейных отношений и, кроме того, наряду с классическими проявлениями выгорания охватывает те аспекты личностной активности, которые потенциально препятствуют развитию этого процесса.

Проведенное исследования показало соответствие шкал методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» (родительско-детский вариант) разработанному теоретическому конструкту, т.е. подтвердило конструктивную валидность методики. Представленные результаты демонстрируют хорошие психометрические характеристики методики УЭВР / РДВ по всем исследованным параметрам: ре-тестовой надежности и надежности выборок содержания, внутренней конструктивной, конвергентной и дивергентной перекрестной валидности. По результатам первичной психометрической проверки можно сказать, что данная версия опросника может применяться для исследования эмоционального выгорания у родителей детей с ОВЗ, а также оценки ресурсной составляющей личностного функционирования родителей в процессе борьбы с болезнью и поддержания благополучия хронически больного ребенка.

Литература

- Адеева, Т. Н. (2016). Проблема психологической готовности родителей различных категорий детей к инклюзивному образованию. *Сибирский педагогический журнал*, 4, 112–118.
- Базалева, Л. А. (2010). Возможности исследования эмоционального «выгорания» у матерей в психологии личности. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Педагогика и психология*, 1, 174–182.
- Баулина, М. Е. (2015). Сравнительный анализ очного и заочного интернет-консультирования родителей детей с ограниченными возможностями здоровья. *Консультативная психология и психотерапия*, 23(3), 67–78. doi: 10.17759/cpp.2015230305
- Бочаров, В. В., Шишкова, А. М., Черная, Ю. С., Сивак, А. А., Ипатова, К. А. (2017). Перспективы исследования эмоционального выгорания родственников пациентов, страдающих алкоголизмом или опиоидной зависимостью (сообщение 1). *Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева*, 4, 27–34.
- Грабельникова, У. К., Дорошева, Е. А. (2018). Синдром эмоционального выгорания, особенности совладающего поведения и регуляции эмоций у матерей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра. *Reflexio*, 11(1), 5–18.
- Ефимова, И. Н. (2013). Личностные характеристики и особенности эмоциональных и поведенческих проявлений родителей в связи со степенью их эмоционального выгорания. *Российский научный журнал*, 4(35), 206–215.
- Исаева, Д. Н., Каган, В. Е. (ред.) (1991). *Психодиагностические методы в педиатрии и детской психоневрологии: методическое пособие*. СПб.: [б. и.].
- Кмить, К. В., Попов, Ю. В., Бочаров, В. В., Яковлева, О. В. (2018). Опросник для оценки структуры и выраженности эмоционального выгорания у матерей подростков, больных шизофренией. *Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева*, 4, 46–52.
- Козырева, О. А. (2017). Анализ дефиниции «Лицо с ограниченными возможностями здоровья». *The Newman in Foreign Policy*, 37(81), 148–151.
- Костюченко, Е. В., Романчук, Л. Н. (2015). Связь тревожности и эмоционального выгорания матерей, воспитывающих детей с сердечно-сосудистой патологией. *Семья и личность: проблемы взаимодействия*, 4, 42–47.
- Падун, М. А., Котельникова, А. В. (2008). Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман. *Психологический журнал*, 29(4), 98–106.
- Петраш, М. Д., Лепехин, Н. Н., Кузнецова, О. А., Склема, В. Н., Дук, И. А., Игуманов, С. А., ... Филина, С. В. (2008). *Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий* (В. В. Лукьянова и др., ред.). Курск: Курск. гос. ун-т.
- Сергиенко, А. И., Холмогорова, А. Б. (2019). Посттравматический рост и копинг-стратегии родителей детей с ограниченными возможностями здоровья. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(2), 8–26. doi: 10.17759/cpp.2019270202
- Тарабрина, Н. В. (2001). *Практикум по психологии посттравматического стресса*. СПб.: Питер.
- Фоминых, Е. С. (2014). Семья как фактор виктимизации детей с ограниченными возможностями здоровья. *Клиническая и специальная психология*, 3(3). <https://psyjournals.ru/psyclin/2014/n3/Fominih.shtml>
- Хазова, С. А., Ряжева, М. В. (2012). Динамика совладающего поведения родителей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья. *Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика*, 3, 203–209.
- Шапарь, В. Б. (2006). *Практическая психология: психодиагностика отношений между родителями и детьми*. Ростов н/Д: Феникс.

Шишкова, А. М., Бочаров, В. В., Стрижицкая, О. Ю., Вукс, А. Я. (2021). Психометрические характеристики методики «Уровень эмоционального выгорания родственников». *Консультативная психология и психотерапия*, 29(2), 100–118. doi: 10.17759/cpp.2021290205

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 08.12.2021 г.; принята 21.02.2022 г.

Шишкова Александра Михайловна – старший научный сотрудник лаборатории клинической психологии и психодиагностики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева; доцент, кафедра клинической психологии, факультет клинической психологии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, кандидат психологических наук.

E-mail: shishaspb@mail

Бочаров Виктор Викторович – заведующий лабораторией клинической психологии и психодиагностики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева; заведующий кафедрой клинической психологии, факультет клинической психологии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, кандидат психологических наук.

E-mail: bochvikvik@gmail.com

Черная Юлия Сергеевна – младший научный сотрудник лаборатории клинической психологии и психодиагностики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева.

E-mail: psiheja13@mail.ru

For citation: Shishkov, A. A., Bocharov, V. V., Chernaya, Y. S. (2022). Evaluation of Psychometric Properties of “Level of Parental Emotional Burnout” *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 141–163. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/8

Evaluation of Psychometric Properties of “Level of Parental Emotional Burnout”

A.M. Shishkova^{1,2}, V.V. Bocharov^{1,2}, Y.S. Chernaya¹

¹ V.M. Bekhterev National Medical Research Centre for Psychiatry and Neurology, 3, Bekhterev St., St. Petersburg, 192019, Russian Federation

² St. Petersburg State Pediatric Medical University, 2, Litovskaya St., St. Petersburg, 194100, Russian Federation

Abstract

Introduction. The process of raising a child can be associated with a significant number of chronic stressors that lead to the depletion of parents' mental resources. Parents of a child with disabilities, in addition to the usual stressors associated with the upbringing process, often bear an additional stress load due to the need to implement specialized measures aimed at maintaining the child's health and ensuring normal socialization. This dramatically increases the risk of parental burnout. At the moment, there is an acute shortage of specialized methods for assessing burnout for this contingent. **Aims and objectives.** The purpose of this study was to assess the psychometric characteristics of this technique “Level of Parental Emotional Burnout” (LPEB/PV), designed with reference to the family relationship context. **Materials and Methods.** The study involved 138 parents (mean age 36.5; SD = 7.01) of chronically ill

children. The assessment of convergent and divergent validity of LPEB/PV was carried out using the methodology for diagnosing attitudes towards a child's illness, a questionnaire of symptomatic complaints (SCL-90-R), a family environment scale (FSS), and the Scale of basic beliefs in adaptation by M.A. Padun and A.V. Kotelnikova. **Results.** The conducted research showed that the scales of the LPEB/PV methodology corresponded to the developed theoretical construct, that is, it confirmed the construct validity of the methodology. The presented results demonstrate good psychometric characteristics of the LPEB/PV methodology in all studied parameters: re-test reliability and reliability of content samples, internal construct, convergent and divergent cross-validity. It is apparent for the necessity of additional study of the phenomenon from the highly personal engagement of the fight against the child's illness by parents. The scales reflecting this phenomenon found a correlation between the scales diagnosing manifestations of distress in parents with the situation of a child's chronic illness. **Conclusion.** Based on the results of the primary psychometric test, it can be said that the LPEB/PV method can be used to study emotional burnout in parents of chronically ill children, both in specialized counseling centers and in healthcare facilities where children with disabilities are treated.

Keywords: burnout; parental burnout; children with disabilities; personal resources; engagement; burnout assessment; validity; reliability

References

- Adeeva, T. N. (2016). Problema psikhologicheskoy gotovnosti roditel'ey razlichnykh kategoriy detey k inklyuzivnomu obrazovaniyu [The problem of psychological readiness of parents of various categories of children to inclusive education]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, 4, 112–118.
- Bazaleva, L. A. (2010). Vozmozhnosti issledovaniya emotsional'nogo «vygoraniya» u ma-terey v psikhologii lichnosti [Opportunities to study emotional “burnout” in mothers in personality psychology]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika i psikhologiya*, 1, 174–182.
- Bandura, A. (1997). *Self-efficacy: The exercise of control*. New York: Freeman.
- Baulina, M. E. (2015). Comparative analysis of internal consultations and internet counseling parents of children with disabilities. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 23(3), 67–78. doi: 10.17759/cpp.2015230305
- Bocharov, V. V., Shishkova, A. M., Chernaya, Yu. S., Sivak, A. A., & Ipatova, K. A. (2017). Perspektivy issledovaniya emotsional'nogo vygoraniya rodstvennikov patsientov, stradayushchikh alkogolizmom ili opioidnoy zavisimost'yu (soobshchenie 1) [Perspectives on the study of emotional burnout in relatives of patients suffering from alcoholism or opioid dependence (Article 1)]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoy psikhologii im. V. M. Bekhtereva*, 4, 27–34.
- Demerouti, E., Bakker, A. B., Vardakou, I., & Kantas, A. (2003). The convergent validity of two burnout instruments: a multitrait-multimethod analysis. *European Journal of Psychological Assessment*, 18, 296–307.
- Duygun, T., & Sezgin, N. (2003). Zihinsel Engelli, Sağlıklı Çocuk Annelerinde Stres Belirtileri Stresle Başa Çıkma Tarzları ve Algılanan Sosyal Desteğin Tükenmişlik Düzeyine Olan. *Türk. Psikoloji. Dergisi*, 18(52), 37–52.
- Efimova, I. N. (2013). Lichnostnye kharakteristiki i osobennosti emotsional'nykh i povedencheskikh proyavleniy roditel'ey v svyazi so stepen'yu ikh emotsional'nogo vygoraniya [Personal characteristics and features of emotional and behavioral manifestations of parents in connection with the degree of their emotional burnout]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal*, 4(35), 206–215.
- Fominykh, E. S. (2014). The Family as a Factor in Victimization of Children with Disabilities. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical Psychology and Special Education*, 3(3). Retrieved from <https://psyjournals.ru/psyclin/2014/n3/Fominih.shtml>

- Gérain, P., & Zech, E. (2018). Does informal caregiving lead to parental burnout? Comparing parents having (or not) children with mental and physical issues. *Frontiers of Psychology*, 9(884). doi: 10.3389/fpsyg.2018.00884
- Gérain, P., & Zech, E. (2019). Informal Caregiver Burnout? Development of a Theoretical Framework to Understand the Impact of Caregiving. *Frontiers of Psychology*, 10(1748). doi: 10.3389/fpsyg.2019.01748
- Gonzalez-Roma, V., Schaufeli, W., & Lioret, S. (2006). Burnout and work engagement: Independent factors or opposite poles? *Journal of Vocational Behavior*, 68, 165–174. doi: 10.1016/j.jvb.2005.01.003
- Grabelnikova, U. K., & Dorosheva, E. A. (2018). Emotional burnout, specific of coping strategies and emotional regulation in the mothers of children with autism spectrum disorders. *Reflexio*, 11(1), 5–18. doi: 10.25205/2658-4506-2018-11-1-5-18
- Hubert, S., & Aujoulat, I. (2018). Parental Burnout: When Exhausted Mothers Open Up. *Front Psychol*, 9(1021). doi: 10.3389/fpsyg.2018.01021
- Isaeva, D. N., & Kagan, V. E. (Eds.). (1991). *Psikhodiagnosticheskie metody v pediatrii i detskoy psikhonevrologii* [Psychodiagnostic methods in pediatrics and child psychoneurology]. St. Petersburg: [s.n.].
- Khazova, S. A., & Ryazheva, M. V. (2012). Dinamika sovladayushchego povedeniya roditeley, vospityvayushchikh rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Dynamics of coping behavior of parents raising a child with disabilities]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, 3, 203–209.
- Kmit, K. V., Popov, Yu. V., Bocharov, V. V., & Yakovleva, O. V. (2018). Oprosnik dlya otsenki struktury i vyrazhennosti emotsional'nogo vygoraniya u materey podrostkov, bol'nykh shizofreniy [Questionnaire for assessing the structure and severity of emotional burnout in mothers of adolescents with schizophrenia]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V.M. Bekhtereva*, 4, 46–52.
- Kozyreva, O. A. (2017). Analiz definitsii «Litso s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya» [The analysis of the definition “person with disabilities”]. *The Newman in Foreign Policy*, 37(81), 148–151.
- Kostyuchenko, E. V., & Romanchuk, L. N. (2015). Svyaz' trevozhnosti i emotsional'nogo vygoraniya materey, vospityvayushchikh detey s serdechno-sosudistoy patologiyey [Relationship between anxiety and emotional burnout in mothers raising children with cardiovascular disease]. *Sem'ya i lichnost': problemy vzaimodeystviya*, 4, 42–47.
- Kütük, M.Ö., Tufan, A.E., Kılıçaslan, F., Güler, G., Çelik, F., Altıntaş, E. ... & Kütük, Ö. (2021). High Depression Symptoms and Burnout Levels Among Parents of Children with Autism Spectrum Disorders: A Multi-Center, Cross-Sectional, Case–Control Study. *J Autism Dev Disord*, 51, 4086–4099. doi: 10.1007/s10803-021-04874-4
- Lebert-Charron, A., Dorard, G., Boujut, E., & Wendland, J. (2018). Maternal Burnout Syndrome: Contextual and Psychological Associated Factors. *Frontiers of Psychology*, 9(885). doi: 10.3389/fpsyg.2018.00885
- Lindström, C., Åman, J., & Norberg, A.L. (2010). Increased prevalence of burnout symptoms in parents of chronically ill children. *Acta Paediatrica*, 99(3), 427–432. doi: 10.1111/j.1651-2227.2009.01586.x
- Maslach, C. (1998). A multidimensional theory of burnout. In C. L. Cooper. (Ed.), *Theories of Organizational Stress* (pp. 68–85). Oxford: Oxford University Press.
- Mikolajczak, M., Brianda, M. E., Avalosse, H., & Roskam, I. (2018). Consequences of parental burnout: Its specific effect on child neglect and violence. *Child Abuse and Neglect*, 80, 134–145. doi: 10.1016/j.chiabu.2018.03.025
- Mikolajczak, M., Gross, J., Stinglhamber, F., Lindahl Norberg, A., & Roskam, I. (2020). Is parental burnout distinct from job burnout and depressive symptomatology? *Clinical Psychological Science*, 8(4), 673–689. doi: 10.1177/2167702619858430

- Mikolajczak, M., & Roskam, I. (2018). A theoretical and clinical framework for parental burnout: the balance between risks and resources (BR2). *Frontiers of Psychology*, 9(886). doi: 10.3389/fpsyg.2018.00886
- Padun, M. A., & Kotelnikova, A. V. (2008). Modifikatsiya metodiki issledovaniya bazisnykh ubezhdeniy lichnosti R. Yanoff-Bul'man [Modification of the R. Yanoff-Bulman methodology for studying the basic beliefs of a person]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 29(4), 98–106.
- Pelsma, D. M. (1989). Parent burnout: validation of the Maslach burnout inventory with a sample of mothers. *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*, 22, 81–87.
- Petrash, M. D., Lepekhin, N. N., Kuznetsova, O. A., Sklema, V. N., Duk, I. A., Igumantov, S. A., ... & Filina, S. V. (2008). *Sovremennye problemy issledovaniya sindroma vygoraniya u spetsialistov kommunikativnykh professiy* [Modern problems of the study of burnout syndrome among specialists in communicative professions]. Kursk: Kursk State University.
- Roskam, I., Brianda, M.-E., & Mikolajczak, M. (2018). A step forward in the conceptualization and measurement of parental burnout: The Parental Burnout Assessment (PBA). *Frontiers in Psychology*, 9. doi:10.3389/fpsyg.2018.00758
- Roskam, I., Raes, M. E., & Mikolajczak, M. (2017). Exhausted Parents: Development and Preliminary Validation of the Parental Burnout Inventory. *Frontiers of Psychology*, 8(163). doi: 10.3389/fpsyg.2017.00163
- Schaufeli, W.B., Leiter, M. P., & Maslach, C. (2009). Burnout: 35 years of research and practice. *Career Development International*, 14(3), 204–220. doi: 10.1108/13620430910966406
- Sergienko, A. I., & Kholmogorova, A. B. (2019). Post-Traumatic Growth and Coping-Strategies of Parents of Children with Disabilities. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 27(2), 8–26. doi: 10.17759/cpp.2019270202
- Shapar, V. B. (2006). *Prakticheskaya psikhologiya: psikhodiagnostika otnosheniy mezhdu roditel'nyami i det'mi* [Practical psychology: psychodiagnostics of relations between parents and children]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Shishkova, A. M., Bocharov, V. V., Strizhitskaya, O. Yu., & Vuks, A. Ya. (2021). Psychometric Properties of the “Level Of Relatives’ Emotional Burnout” Questionnaire. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 29(2), 100–118. doi: 10.17759/cpp.2021290205
- Tarabrina, N. V. (2001). *Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa* [Workshop on the psychology of post-traumatic stress]. St. Petersburg: Piter.

Received 08.12.2021; Accepted 21.02.2022

Alexandra M. Shishkova – Senior Researcher, Laboratory of Clinical Psychology and Psychodiagnostics, V.M. Bekhterev National Medical Research Center of Psychiatry and Neurology; Associate Professor, Department of Clinical Psychology, Faculty of Clinical Psychology, Petersburg State Pediatric Medical University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: shishaspb@mail.ru

Victor V. Bocharov – Head of the Laboratory of Clinical Psychology and Psychodiagnostics, V.M. Bekhterev National research medical center for psychiatry and neurology; Head of the Department of Clinical Psychology, St. Petersburg State Pediatric Medical University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: bochvikvik@gmail.com

Yuliya S. Chernaya – Junior Research, Laboratory of Clinical Psychology and Psychodiagnostics, V.M. Bekhterev National Medical Research Center of Psychiatry and Neurology.

E-mail: psiheja13@mail.ru

УДК 159.922

ПРИМЕНЕНИЕ ШКАЛЫ АУТИЗМА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ РИСКА НАРУШЕНИЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ 3–4 ЛЕТ¹

А.Д. Наследов¹, С.А. Мирошников², О.В. Защирина¹,
Л.О. Ткачева¹, Н.Н. Компанец³

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

² ООО «Лонгитюд», Россия, 195257, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 83/4

³ Институт специальной педагогики и психологии им. Николая Ярмаченко НАПН Украины, Украина, 04060, Киев, ул. М. Берлинского, 9.

Резюме

Продолжена разработка диагностического инструментария для быстрого выявления (скрининга) риска развития аутизма (РАС) у детей 3–4 лет. В 2020 г. нами было проведено исследование на выборке 324 детей в возрасте от 3 до 4 полных лет, из них 116 детей с РАС. В результате была разработана и стандартизирована Шкала Аутизма, состоящая из 40 пунктов (симптомов аутизма) и предсказывающая принадлежность ребенка к группе РАС с точностью 86,73–89,9%. Пункты шкалы образуют 4 фактора (субшкалы), по которым дети с РАС отличаются от детей без РАС. Цели данного исследования – проверка факторной валидности и эффективности разработанной Шкалы Аутизма на более широкой выборке, изучение ошибок диагностики риска РАС и возможности совершенствования разработанной методики, разработка полноценной диагностической методики, пригодной для практического применения. Проблематика, разрабатываемая в данной статье, охватывает такие аспекты РАС, как синхронность проявления симптоматики РАС, однородность / неоднородность выборки по этим симптомам, различия между РАС, ЗПР и нормой и определение шкал, позволяющих выявлять эти различия.

Выборка настоящего исследования: 178 детей с РАС, 124 ребенка с ЗПР и 203 нормально развивающихся ребенка без клинического диагноза. Как и в предыдущем исследовании, был проведен онлайн-опрос 32 специалистов (психологов, дефектологов), работающих с этими детьми, с применением специально разработанной анкеты. Данные собирались по детям с предварительно установленным диагнозом.

В результате исследования на расширенной выборке подтверждены факторная валидность, надежность и эффективность разработанной Шкалы Аутизма, включающей четыре субшкалы: «Эмоциональные нарушения», «Сенсорные нарушения», «Нарушения коммуникации» «Расторможенность». Точность шкалы составила 88,91% (чувствительность 92,1%, специфичность 87,2%). Разработаны инструкция, стимульный материал и тестовые нормы для практического применения шкалы.

С помощью двухэтапного кластерного анализа выделено четыре группы (кластера) детей с РАС, существенно различающихся профилями симптомов. Одна из этих групп

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00312А.

(26% выборки РАС) по профилю симптомов наиболее близка к группе ЗПР, и на нее приходится 90% ошибок предсказания риска РАС. Для остальных кластеров точность предсказания риска РАС составляет 98,6%. Основным источником ошибок предсказания риска РАС является то, что у детей с ЗПР в 28,5% случаев выявляются симптомы РАС. Уточнение типологии симптоматики РАС является перспективой наших дальнейших исследований.

Ключевые слова: маркеры психического развития; симптомы аутизма; симптомы ЗПР; ошибки предсказания; разработка шкалы; дети 3–4 лет

Введение

В 2013 г. Американской психиатрической ассоциацией¹ термин «аутизм» был заменен в диагностическом руководстве DSM-5 на расстройства аутистического спектра (РАС). РАС теперь является общим термином, охватывающим следующие виды расстройств: аутистическое расстройство; общее расстройство развития (легкая атипичная симптоматика или подпороговая симптоматика); синдром Аспергера.

Расстройство аутистического спектра (РАС) в его классическом определении – это расстройство нервно-психического развития, характеризующееся триадой симптомов, включающей нарушение социального взаимодействия, трудности в приобретении социальных навыков, связанных с качественным нарушением коммуникации, а также ограниченные и повторяющиеся способы поведения, интересов и деятельности (Kim et al., 2014). При этом в последние годы акцент был смещен на две основные области: социальную коммуникацию и ограниченное поведение. Кроме того, развитие детей с РАС часто отягощается сенсорной дезинтеграцией и ограничениями в обработке информации (Maenner et al., 2020), когнитивными нарушениями (Rutter, 1983), психосоматическими симптомами (Okamoto, 2017), повышенным уровнем тревожности (Vasa, Mazurek, 2015) и поведенческими расстройствами, такими как отказ от пищи, самоповреждение и агрессия (Coury, 2010). Вариабельность клинических и поведенческих симптомов зависит от возраста ребенка, когнитивных способностей и вербальных функций (Human, Levy, Myers, 2010). В последние годы наблюдается значительный рост числа детей с РАС: примерно у одного из 54 детей было выявлено расстройство аутистического спектра, по данным сети мониторинга аутизма и нарушений развития (ADDM) CDC (Reichow, Hume, Barton, Boyd, 2018). Для детей с РАС характерна регрессия языковых или социальных навыков, которая чаще всего происходит в возрасте от 18 до 24 месяцев и затрагивает примерно четверть детей с РАС (Barbarese, 2016).

Расстройства аутистического спектра можно диагностировать в любом возрасте. Однако специфические признаки психического нарушения обычно появляются в первые два года жизни (Хаустов, Красносельская, Хау-

¹ American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5th ed. Arlington, VA: American Psychiatric Association, 2013.

стова, 2014). Диагностика расстройств аутистического спектра осложняется тем, что не разработаны клинически апробированные тесты для выявления аутизма. В этой связи диагноз РАС ставится на основании наблюдения за тем, как ребенок разговаривает и действует по сравнению со сверстниками (Лебединская, Лебединский, 2011). Диагностика у маленьких детей часто проходит в два этапа.

Во время первого этапа скрининга педиатр задает родителям вопросы о поведении ребенка и сочетает их ответы с информацией о наличии или отсутствии членов семьи с РАС, информацией о весе ребенка при рождении и своими наблюдениями за ребенком. Дети, у которых обнаруживаются проблемы с развитием во время этого этапа скрининга, будут направлены на второй этап оценки. Вторая оценка проводится группой врачей и психологов, имеющих опыт диагностики РАС (Никольская, 2017).

По данным Y.S. Kim и соавт., симптомы РАС включают нарушения в области социального взаимодействия, общения и наличие стереотипного поведения (Kim et al. 2014). Такие симптомы нередко сопровождаются нарушениями в обработке информации от органов чувств (Ben-Sasson et al., 2009), снижением интеллекта (Havdahl et al., 2016), несформированностью навыков самостоятельного приема пищи, одевания и др. (Emmanuelle et al., 2009), задержками речевого развития (Özçalışkan, Adamson, Dimitrova, 2016), агрессией и самоагрессией (Dominick, Davis, Lainhart Tager-Flusberg Folstein, 2007).

Расстройства аутистического спектра могут негативным образом повлиять на потенциал ребенка и его будущее участие в жизни общества. РАС часто негативно влияют на образовательные и социальные достижения ребенка, а также дальнейшую возможность найти работу. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, в мире один ребенок из 160 детей страдает расстройством аутистического спектра (Макушкин, Макаров, Пашковский, 2019). Эта оценка является приблизительной, и эпидемиологические данные значительно варьируют от исследования к исследованию. В настоящее время РАС не поддается окончательному излечению. Однако такие мероприятия, как поведенческая терапия и программы обучения для родителей, могут ослабить трудности в общении и поведении клиента с РАС, оказав положительное воздействие на благополучие и качество его жизни (Горбачевская и др., 2016).

В связи с этим особую актуальность приобретает ранняя диагностика, однако своевременная постановка диагноза осложняется рядом обстоятельств. Симптомы РАС сходны с другими формами нарушения психического развития, такими как задержка психического развития, ранняя детская шизофрения, умственная отсталость и др. Биологические предикторы этих нарушений отсутствуют, при этом для каждого из них требуется своя форма вмешательства (Никольская, Баенская, Либлинг, 2007). Дополнительной трудностью является отсутствие диагностических инструментов, апробированных на российской выборке, а адаптация зарубежных методик сопоставима по стоимости с разработкой нового инструмента.

В соответствии с МКБ-10¹ диагноз «детский аутизм» ставится с трех лет, а для постановки диагноза «атипичный аутизм» возможно и более позднее появление симптомов. Оценка трехлетних детей показывает большую прогностическую валидность, чем двухлетних (Linting, Meulman, Groenen, Van Der Kooij, 2007), и обычно в этом возрасте дети начинают получать диагноз, хотя некоторые характеристики, такие как беглость речи, могут сдвинуть эту временную шкалу вперед (Dominick et al., 2007). Еще одна причина выбора данной возрастной группы заключается в том, что дети в России обычно начинают в этом возрасте посещать дошкольные учреждения, и если у них есть какие-либо симптомы РАС, то это становится более заметным по сравнению с типично развивающимися сверстниками для родителей и специалистов образования. Таким образом, необходимы дальнейшие исследования структуры нарушений при РАС, а также создание надежных и валидных инструментов скрининговой диагностики.

В 2020 г. нами было проведено исследование, направленное на разработку шкалы для оценки риска формирования аутизма (РАС) у российских детей 3–4 лет. В ходе данного исследования была использована специально разработанная анкета аутизма, состоящая из 85 заданий, с несколькими вариантами ответов на каждое задание. Сбор данных осуществлялся 17 специалистами, занимающимися психолого-педагогическим сопровождением детей в различных дошкольных образовательных учреждениях и консультативных центрах. Принадлежность ребенка к группе условной нормы (Норма), задержки психического развития (ЗПР) или РАС была определена специалистами до начала обследования. Всего было обследовано 324 ребенка в возрасте от 3 до 4 полных лет, из них 116 детей с РАС, 131 ребенок группы Норма и 77 детей с ЗПР. В результате был разработан компактный набор из 4 шкал (всего 40 пунктов), обладающих достаточной надежностью (α -Кронбаха $> 0,80$). Этими шкалами являлись, в порядке убывания вклада в разделение групп РАС – не-РАС:

1) «Эмоциональные нарушения» (11 пунктов) – ограничения ребенка в способностях выражать и распознавать эмоции;

2) «Сенсорные нарушения» (10 пунктов) – особенности поведения, связанные с сенсорной дезинтеграцией;

3) «Нарушения коммуникации» (9 пунктов) – нарушения общения и социальных навыков ребенка;

4) «Гиперактивность / Расторможенность» (10 пунктов) – чрезмерные движения, двигательная расторможенность и беспокойное поведение.

С применением дискриминантного анализа разработана модель предсказания в виде дискриминантной функции (DS), на положительном полюсе которой – группа РАС, на отрицательном – группа не-РАС, аргументами функции являлись значения 4 шкал. На основе значений этой функции разработана и стандартизирована Шкала Аутизма, предсказывающая при-

¹ МКБ-10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра. <http://mkb-10.com/> (дата обращения: 20.05.2021).

надлежность ребенка к группе РАС с точностью 86,73–89,9%. Чувствительность шкалы (точность выделения группы РАС) составила 88,80–86,21%, специфичность (точность выделения группы не-РАС) – 85,58–89,90%. Процедуры исследования, разработки шкалы и обоснования ее валидности и надежности подробно изложены в статье: (Nasledov, Miroshnikov, Tkacheva, Miroshnik, Semeta, 2021). Задания (пункты) этой шкалы представлены в Приложении 1 (https://info505.testpsy.net/pril_1.doc).

Цели данного исследования – проверка эффективности разработанной Шкалы Аутизма на более широкой выборке, изучение ошибок диагностики риска РАС и возможности совершенствования разработанной методики. Проблематика, разрабатываемая в данной статье, охватывает такие аспекты РАС, как синхронность проявления симптоматики РАС, однородность / неоднородность выборки по этим симптомам, различия между РАС, ЗПР и нормой и определение шкал, позволяющих выявлять эти различия.

Материалы и методы исследования

Материалы. Как и в предыдущем исследовании, применялась специально разработанная Анкета маркеров аутизма, реализованная как онлайн-опрос. Она включала набор из 85 заданий, распределенных по 14 доменам: Интересы ребенка, Эмоции, Речь, Социальное взаимодействие, Коммуникация, Игра, Самообслуживание и независимость, Поведение, Познавательные функции, Физическое развитие, Сенсорные процессы, Здоровье. Содержание заданий (ситуации, сферы деятельности, возможные признаки дифференциации РАС и нормы) было собрано путем опроса специалистов медико-психолого-педагогических комиссий о тех признаках РАС, на которые они опирались в процессе консультирования родителей и непосредственного наблюдения поведения ребенка (Nasledov et al., 2021).

С целью изучения возможности совершенствования методики к 40 пунктам, вошедшим в разработанную в предыдущем исследовании Шкалу Аутизма, был добавлен 271 пункт из предыдущей анкеты аутизма; эти пункты обладали достаточной дискриминативностью в различении групп РАС, ЗПР и Норма. Таким образом, для каждого ребенка регистрировались значения по 311 пунктам-переменным (0 – нет, 1 – да), где пункт – один из вариантов ответа на задание.

Анкета маркеров аутизма была оформлена в формате онлайн-опроса на сайте онлайн-системы тестирования lnd-spb.ru. После завершения сбора данных методика переведена в демо-режим для возможности демонстрации новым участникам и совместной работы над новой версией методики для следующего этапа исследования (текущая версия работает без сохранения введенных данных по адресу: <https://lnd-spb.ru/go/m505-demo-mask>).

Процедура. Сбор данных проводился 32 специалистами (психологами, дефектологами) консультационных центров, специализированных и массовых дошкольных учреждений Санкт-Петербурга, Омска и Астрахани, работающих с детьми этих городов и различных населенных пунктов соответ-

ствующих областей (в режиме консультирования). Они получали приглашения к опросу по электронной почте от организаторов данного исследования со ссылкой на сайт опроса и указанием на то, какие группы детей должны быть обследованы (ЗПР, РАС, Норма).

Отнесение в группы РАС, Норма и ЗПР определялось указанными специалистами, непосредственно работающими с детьми, на основе их заключения по результатам работы с ребенком либо на основе ранее полученного заключения других специалистов (например, предъявляемого при поступлении ребенка в ДООУ). Таким образом, данные собирались по детям, уже отнесенным специалистами к группам РАС, Норма или ЗПР до начала исследования.

Все данные для ответов на вопросы методики (особенности поведения и др.) специалисты получали в процессе штатной работы с ребенком и консультирования родителей в режиме регулярных встреч. После накопления необходимой информации специалисты, уже вне времени консультации, вводили данные на ребенка в онлайн-форму методики. Данные собирались анонимно, без указания полных реальных имен детей и родителей. В базе данных регистрировались только условный код ребенка, ответы на вопросы, принадлежность к группе (РАС, Норма, ЗПР), дата рождения и пол ребенка. Сбор данных проводился в период с 20 апреля по 20 июля 2021 г. За это время были собраны данные от 505 детей в возрасте от 3 до 4 полных лет.

Выборка. Всего на данном этапе были обследованы 297 мальчиков и 191 девочка (в 17 случаях пол ребенка не был указан). Распределение выборки по возрасту и диагнозу представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение выборки по возрасту и диагнозу

Распределение выборки			Возраст, полных лет		Всего
			3	4	
Диагноз	РАС	Количество	64	114	178
		%	36,0%	64,0%	100,0%
	Норма	Количество	69	134	203
		%	34,0%	66,0%	100,0%
	ЗПР	Количество	52	72	124
		%	41,9%	58,1%	100,0%
Всего		Количество	185	320	505
		%	36.6%	63.4%	100,0%

Анализ данных проводился в следующих целях:

а) проверка факторной валидности 4-шкальной структуры на объединенной выборке 2020–2021 гг.;

б) проверка надежности и точности (чувствительности, специфичности) Шкалы Аутизма;

в) анализ ошибок классификации в отношении групп Норма, РАС и ЗПР;

г) проверка однородности / неоднородности выборки РАС, сравнительный анализ выделяемых групп РАС.

Для факторного анализа применялся программный пакет R версии 3.6.2 (R Core Team. 2019. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria). Для остального анализа данных применялся пакет IBM SPSS Statistics 26 (IBM Corp. Released 2019. IBM SPSS Statistics for Windows, Version 26.0. Armonk, NY: IBM Corp.).

Результаты исследования

Эксплораторный факторный анализ проводился на объединенной выборке 2020–2021 гг. ($N = 821$, так как в семи случаях имелись пропуски в данных) на матрице тетракорических корреляций с использованием метода невзвешенных наименьших квадратов. Применялся метод аналитического вращения CF-rotation, который дал наибольшую точность распределения пунктов по факторам при анализе дихотомических переменных. В результате была выявлена структура из 4 факторов (40 пунктов), на 97,5% совпадающая со структурой, полученной в предыдущем исследовании (Nasledov et al., 2021): каждый из 39 пунктов «принадлежал» соответствующему фактору с нагрузкой более 0,4, в то время как нагрузки по остальным факторам были менее 0,4. Лишь один пункт (M1702), входящий в фактор «Коммуникация» (S1), имел по этому фактору нагрузку 0,292. Такое отклонение от ранее полученной структуры является незначительным, и состав соответствующих шкал был сохранен неизменным.

Проверка надежности Шкалы Аутизма и субшкал на новой выборке ($N = 505$) проводилась с вычислением α -Кронбаха: Суммарная шкала (SS) $\alpha = 0,941$; «Коммуникация» (S1) $\alpha = 0,853$; «Эмоции» (S2) $\alpha = 0,871$; «Сенсорика» (S3) $\alpha = 0,879$; «Расторможенность» (S4) $\alpha = 0,831$. Подтверждена высокая надежность общей шкалы и субшкал на новой выборке.

Далее в соответствии с Приложением 1 (https://info505.testpsy.net/pril_1.doc) были вычислены значения 4 субшкал и дискриминантные оценки DS для Шкалы Аутизма по приведенной формуле. В качестве порога принятия решения (РАС – не-РАС) было принято значение $DS = 0,25$ (шкальное значение 6): до этого значения включительно ребенку предсказывалось «не-РАС», выше этого значения – «РАС». Соотношение действительных диагнозов и предсказаний при помощи Шкалы Аутизма по годам обследования представлено в табл. 2.

Точность предсказания для данных 2020 г. составила 88,85% (чувствительность 86,2%, специфичность 90,0%), а для данных 2021 г. – 88,91% (чувствительность 92,1%, специфичность 87,2%). Таким образом, показатели точности шкалы и тестовые нормы на выборке 2020 г. подтверждают для выборки 2021 г. В связи с этим данные разных годов сбора для дальнейшего анализа были объединены. Для объединенной выборки показатели точности для шкальных значений 5 и 6 приведены в табл. 3.

С учетом полученных результатов на объединенной выборке были разработаны стимульный материал, инструкция и тестовые нормы для Шкалы Аутизма (https://info505.testpsy.net/pril_1.doc).

Таблица 2

**Соотношение действительной и предсказанной принадлежности
к группам по годам обследования**

Год сбора				Предсказанная		Всего
				РАС	Не-РАС	
2020	Группы	РАС	Кол-во	100	16	116
			%	86,2%	13,8%	100,0%
		Не-РАС	Кол-во	20	187	207
			%	9,7%	90,0%	100,0%
2021	Группы	РАС	Кол-во	164	14	178
			%	92,1%	7,9%	100,0%
		Не-РАС	Кол-во	42	285	327
			%	12,8%	87,2%	100,0%
Всего	Группа	РАС	Кол-во	264	30	294
			%	89,8%	10,2%	100,0%
		Не-РАС	Кол-во	62	472	534
			%	11,6%	88,4%	100,0%
Всего			Кол-во	326	502	828
			%	39,4%	60,6%	100,0%

Таблица 3

Показатели эффективности тестовых норм для объединенной выборки (N = 828)

Показатели	Шкала = 5 (DS = 0)		Шкала = 6 (DS = 0,25)	
	Значение	95% ДИ	Значение	95% ДИ
Чувствительность	93,2%	89,69–95,80%	89,80%	85,75–93,01%
Специфичность	84,3%	80,90–87,25%	88,39%	85,36–90,98%
Точность	87,44%	84,99–89,62%	88,89%	86,55–90,95%

Для дальнейшего анализа ошибок предсказания была выбрана граница DS = 0,25 (шкальное значение 6): выше этой границы предсказывалась группа «РАС», не выше – группа «не-РАС». Затем сопоставлялись реальная и предсказанная принадлежность к этим группам (табл. 4.).

Таблица 4

Сопоставление действительной и предсказанной принадлежности к группам

Группы			Предсказанная		Всего
			РАС	Не-РАС	
Действительная группа	РАС	Кол-во	264	30	294
		%	89,8%	10,2%	100,0%
	Норма	Кол-во	5	329	334
		%	1,5%	98,5%	100,0%
	ЗПР	Кол-во	57	143	200
		%	28,5%	71,5%	100,0%
Всего		Кол-во	326	502	828
		%	39,4%	60,6%	100,0%

Наименьшее количество ошибок предсказания отмечено для группы Норма (1,5%). Больше ошибок предсказания для группы РАС (10,2%), и

наименее точно предсказание группы ЗПР (28,5% ошибок). Таким образом, основным источником ошибок предсказания является близость симптомов РАС и ЗПР: часть детей из группы ЗПР демонстрирует симптомы, типичные для РАС, а часть детей из группы РАС по симптоматике близка к ЗПР.

Следующим шагом анализа было выделение таких групп (кластеров) РАС, чтобы внутри каждого кластера дети по субшкалам s1–s4 различались минимально, а сами кластеры различались максимально. Основанием для постановки такой задачи являются слабые корреляции между данными субшкалами (табл. 5). Это значит, что симптомы РАС от случая к случаю проявляются асинхронно: высокие значения по одним шкалам зачастую сочетаются с низкими значениями по другим.

Таблица 5

Корреляции между субшкалами в группе РАС (N = 294)

Субшкалы		s1	s2	s3	s4
Коммуникация (s1)	r	1	,123*	,271**	,227**
	p		,034	,000	,000
Эмоции (s2)	r	,123*	1	,304**	,091
	p	,034		,000	,118
Сенсорика (s3)	r	,271**	,304**	1	,141*
	p	,000	,000		,024
Расторможенность (s4)	r	,227**	,091	,141*	1
	p	,000	,118	,016	

Примечания. * – корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя); ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя)

Для выделения кластеров применялся двухэтапный кластерный анализ. Критерием для определения числа кластеров являлось минимальное значение Байесовского информационного критерия (BIC), которое было достигнуто при четырех кластерах. Описательные статистики для кластеров РАС, групп Норма и ЗПР приведены в табл. 6.

Таблица 6

Описательные статистики для кластеров группы РАС, групп Норма и ЗПР

Группы		s1*	s2*	s3*	s4*	SS**
РАС1 (N = 67)	Среднее	7,24	6,84	8,18	5,06	27,31
	Стд. откл.	1,32	1,61	1,48	3,14	4,58
РАС2 (N = 91)	Среднее	3,24	8,79	5,67	2,32	20,02
	Стд. откл.	1,61	1,08	2,66	2,36	3,65
РАС3 (N = 59)	Среднее	6,12	5,73	2,10	3,10	17,05
	Стд. откл.	1,22	1,13	1,58	2,76	3,84
РАС4 (N = 77)	Среднее	1,62	4,66	3,31	3,01	12,61
	Стд. откл.	1,18	1,69	2,12	2,10	4,42
ЗПР (N = 200)	Среднее	1,34	4,16	1,48	2,22	9,20
	Стд. откл.	1,79	2,63	1,45	2,28	5,38
Норма (N = 334)	Среднее	,80	,86	,65	,61	2,91
	Стд. откл.	,76	1,36	1,10	1,17	2,74
Всего (N = 828)	Среднее	2,17	3,71	2,36	1,95	10,19
	Стд. откл.	2,44	3,23	2,82	2,42	8,71

Примечание. * – субшкалы (группы симптомов РАС); ** – сумма симптомов

Средние значения симптомов РАС для сравниваемых групп приведены на рис. 1.

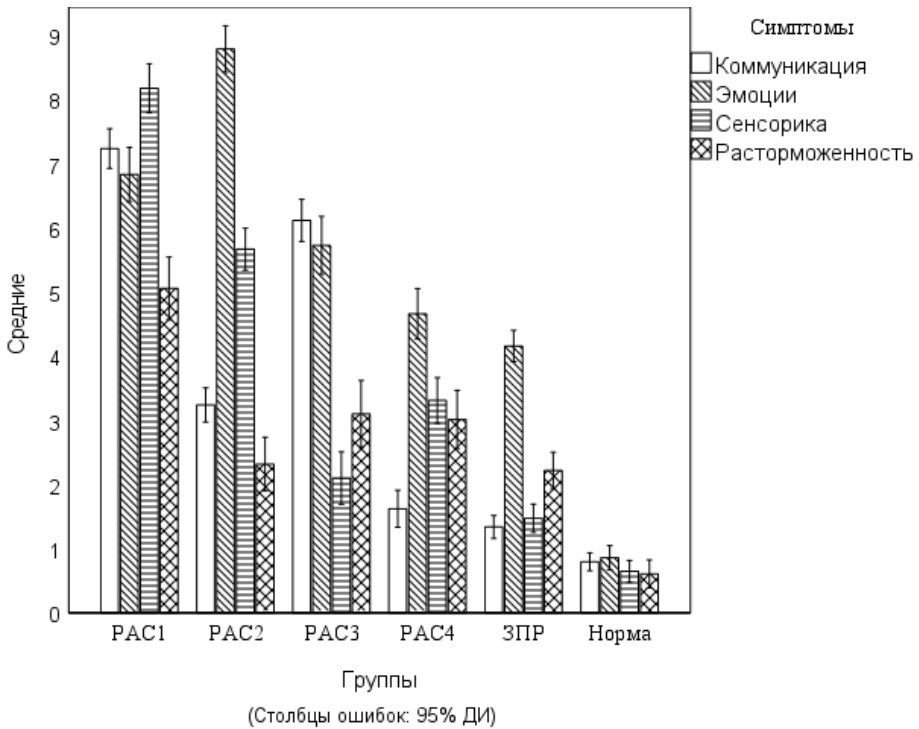

Рис. 1. Средние значения симптомов РАС для сравниваемых групп

Средние значения всех симптомов (SS) монотонно убывают от кластера PAC1 к кластеру PAC4 и далее к ЗПР и Норме. Кластер PAC1 – с наиболее ярко выраженной симптоматикой РАС наряду с самой высокой гиперактивностью. Кластер PAC2 характеризуется самыми значительными нарушениями в эмоциональной и сенсорной сферах, при этом нарушения коммуникации и гиперактивность находятся на относительно низком уровне. Для кластера PAC3 характерны нарушения коммуникации и эмоций. Кластер PAC4 характеризуется наиболее низкой выраженностью симптомов РАС, что делает его сходным с группой ЗПР. Распределение предсказаний в зависимости от сравниваемых групп представлено в табл. 7.

Точность предсказания групп PAC1–PAC3 и Норма приближается к 100%. Практически все ошибки предсказания относятся к группам ЗПР и PAC4 (84 из 92 ошибок, или 91%). Таким образом, разработанная Шкала Аутизма наименее чувствительна к группе ЗПР и представителям группы РАС с наиболее низкими значениями по шкале. Не было обнаружено статистически достоверных различий в распределении ошибок предсказания между мальчиками и девочками, а также между 3- и 4-летними детьми.

Таблица 7

Распределение предсказаний в зависимости от кластеров РАС

Группы		Предсказания		Всего
		РАС	Не-РАС	
РАС1	Кол-во	67	0	67
	%	100,0%	0,0%	100,0%
РАС2	Кол-во	90	1	91
	%	98,9%	1,1%	100,0%
РАС3	Кол-во	57	2	59
	%	96,6%	3,4%	100,0%
РАС4	Кол-во	50	27	77
	%	64,9%	35,1%	100,0%
ЗПР	Кол-во	57	143	200
	%	28,5%	71,5%	100,0%
Норма	Кол-во	5	329	334
	%	1,5%	98,5%	100,0%
Всего	Кол-во	326	502	828
	%	39,4%	60,6%	100,0%

Основным результатом анализа ошибок предсказания является то, что происходит смешение группы ЗПР и части группы РАС по симптомам аутизма. Можно предположить, что это связано прежде всего с тем, что детям с ЗПР свойственны некоторые симптомы аутизма, которые влияют на диагноз. Для проверки этого предположения мы исключили группу ЗПР и проверили точность предсказания только для групп Норма и РАС, установив порог различения групп $DS = -0,25$ (Шкала = 4). Результат представлен в табл. 8.

Таблица 8

Распределение предсказаний для групп Норма и РАС

Группы		Предсказания		Всего
		РАС	Не-РАС	
РАС	Кол-во	281	13	294
	%	95,6%	4,4%	100,0%
Норма	Кол-во	19	315	334
	%	5,7%	94,3%	100,0%
Всего	Кол-во	300	328	628
	%	47,8%	52,2%	100,0%

В этом случае точность разделения групп составила 94,9%. Таким образом, существенное снижение точности предсказания действительно вызвано тем, что детям с диагнозом ЗПР свойственны симптомы аутизма.

Обсуждение результатов

Данное исследование является продолжением нашего долгосрочного исследования, основанного на психометрическом подходе к разработке

скрининговых инструментов для раннего выявления проблем развития у российских дошкольников. В ходе исследования была подтверждена 4-факторная структура Шкалы Аутизма, что позволяет выделить 4 субшкалы: «Эмоциональные нарушения», «Сенсорные нарушения», «Нарушения коммуникации», «Расторможенность». Были подтверждены достаточно высокая надежность разработанной шкалы и субшкал аутизма и высокая диагностическая точность (не ниже 87%).

Следует подчеркнуть, что разработанная шкала аутизма является диагностическим инструментом для оценки риска развития РАС, но не для постановки диагноза РАС. Это инструмент скрининга, основной целью которого является своевременное выявление симптомов аутизма у детей в возрасте от 3 до 4 лет и, следовательно, выявление детей из группы риска РАС, которые нуждаются в целенаправленном внимании специалистов и более детальном обследовании. Этот возрастной срез был выбран в связи с тем, что подавляющее большинство детей в России начинают посещать дошкольные учреждения и становятся объектом внимания специалистов только в возрасте трех лет, в отличие от большинства западных стран, где мониторинг психического развития детей носит систематический характер и начинается рано. При разработке Шкалы Аутизма мы четко следовали рекомендациям о соответствии принятым психометрическим стандартам с точки зрения специфичности, чувствительности и точности (Glascoe, Cairney, 2018), которые составили в нашем случае 87% и выше. Мы провели наше исследование на большом объеме выборки (N = 828) и изначально использовали широкий спектр тестовых заданий, обеспечивая строго идентичный процесс сбора данных для каждого участника, чтобы избежать распространенных ошибок при разработке шкал скрининга. Однако слабым местом нашего исследования является то, что качественный анализ записей специалистов, которые собирали данные, показал, что зачастую разницу между детьми с РАС и ЗПР было выявить трудно, и это, по-видимому, снижало точность диагностики.

Обсуждая результаты, прежде всего следует отметить, что все 4 шкалы, включенные в сформированную Шкалу Аутизма, вносят значительный вклад в прогноз принадлежности ребенка к группам РАС / не-РАС. Включенные в Шкалу Аутизма 40 пунктов представляют все 12 первоначально сформированных доменов (от 1 до 9 пунктов из каждого из 12 доменов) и должны рассматриваться как наиболее яркие симптомы РАС. Было обнаружено, что наибольший относительный вклад в прогноз РАС вносит S2 («Эмоции»): способность ребенка устанавливать эмоциональный контакт, выражать свои собственные эмоции и декодировать эмоции других в контексте социального взаимодействия. Примерно тот же вклад вносит S3 («Сенсорика»): чувствительность ребенка к определенной сенсорной модальности и особенности поведения, связанные с сенсорной дезинтеграцией. Несколько меньший вклад вносит S1 («Коммуникация»): вербальная и невербальная коммуникация и социальные навыки ребенка. Еще меньший, но значимый вклад вносит S4 («Расторможенность»):

чрезмерные движения, двигательная расторможенность, беспокойное поведение.

Следует отметить, что полученная факторная структура РАС соответствует обновленной DSM-5. «Эмоции» и «Коммуникация» соответствуют нарушению социальной коммуникации, а «Сенсорика» соответствует ограниченному, повторяющемуся поведению, – основным симптомам РАС, описанным в DSM-5. Фактор «Сенсорика» связан с повторяющимся стереотипным поведением, поскольку хорошо известно, что общие нейробиологические механизмы могут лежать в основе гиперреактивных сенсорных симптомов и повторяющегося поведения у детей с РАС (Boyd et al., 2010). Полученный фактор «Расторможенность» не входит в основные симптомы РАС. Интересно, что аналогичные результаты были получены ранее при изучении факторной структуры РАС: была получена 5-факторная структура, в которой такие факторы, как ограниченное, повторяющееся поведение и интересы, а также факторы, связанные с дефицитом социального взаимодействия и общения, сочетались с фактором потряхивания руками и кивания головой, хотя данные были получены на выборке в возрасте от 3 до 23 лет (Marche, Noens, Boets, Kuppens, Steyaert, 2015).

Чем выше значение для каждой из 4 шкал, тем выше вероятность принадлежности к группе РАС. Значения Шкалы Аутизма не менее 5 свидетельствуют о высоком риске РАС, им соответствуют значения суммы пунктов от 9 до 11. То есть наличие почти четверти из 40 симптомов РАС (пунктов по шкале) еще не позволяет нам уверенно констатировать наличие РАС у ребенка.

Важно отметить, что Шкала Аутизма, а также ее четыре субшкалы в целом являются не столько векторами самого аутизма, сколько направлениями, в которых дети с аутизмом отличаются от детей без аутизма. Это следствие того факта, что шкалы были разработаны на смешанной выборке детей с РАС и без него таким образом, чтобы они наиболее точно различали эти части выборки.

Интересно, что одной из двух наиболее важных шкал в прогнозировании принадлежности к группе РАС была S2 «Эмоции» – ограничения в способностях ребенка выражать и распознавать эмоции и устанавливать эмоциональный контакт, что связано с ограничениями в социальном общении. Большинство исследований в этой области подчеркивает нарушение социального взаимодействия у детей-аутистов (Soto, Giserman Kiss, Carter, 2016; Lord, 1995; Joseph, Thurm, Farmer, Stacy Shumway, 2013). И хорошо известно, что для детей с РАС является сложной задачей распознавать выражения лиц других людей и адекватно реагировать на эмоциональные состояния в выражениях лиц других (Yuqing et al., 2019), а также выражать свои собственные эмоции и развивать эмпатию (Baron-Cohen, Golan, Ashwin, 2009). Таким образом, полученный результат заслуживает внимания как ранний симптом аутистического спектра.

Сходный по значимости вклад в предсказание принадлежности к группе РАС внес S3 («Сенсорика»), и этот результат был вполне ожидаемым, поскольку большинство повторяющихся форм поведения и узконаправленных интенсивных стереотипных интересов у детей с РАС можно объяснить сенсорной дезинтеграцией, которая является очень распространенной и широко представленной проблемой (Maenner et al., 2020; Giulia et al., 2015; Crane, Goddard, Pringet al., 2009). В то же время картина сенсорной дезинтеграции у каждого отдельного аутичного ребенка причудливо уникальна (Dominick et al., 2007).

Поскольку нарушение социального взаимодействия и трудности в развитии социальных навыков являются одним из основных симптомов аутизма, полученный результат по вкладу S1 «Коммуникация» не стал неожиданным. Широко известно, что дети с РАС испытывают значительные трудности в развитии всех социальных навыков, включая пассивное восприятие речи и иницилирующее произнесение речи (Özçalışkan et al., 2016), навыки подражания (Rutherford, Young, Hepburn, Rogers, 2007), игры с другими (Tsao, 2008) и т.д.

Шкала S4 («Расторможенность»), несмотря на ее наименьший вклад, тоже заслуживает внимания. Нечасто исследования аутизма фокусируются на гиперактивности / расторможенности, хотя ранее было обнаружено, что дети с РАС испытывают повышенный уровень гиперактивности / импульсивности (McClain, Hasty Mills, Murphy, 2017). Между тем расторможенность у детей с РАС может указывать на биохимический дисбаланс с преобладанием возбуждающих аминокислот в качестве нейробиохимической основы для стереотипного поведения, агрессии и аутоагрессии (Marotta et al., 2020). По-видимому, расторможенность можно рассматривать как дополнительный отягчающий симптом, ухудшающий прогноз и указывающий на необходимость фармакотерапии.

Выявленная структура шкал значительно отличается от шкал, полученных нами для детей того же возраста с ЗПР, где наиболее важный вклад внесли такие факторы, как логическое мышление, моторное развитие и общая осведомленность (Наследов, Мирошников, Ткачева, Защирина, 2019). Это еще раз подчеркивает особое положение, которое занимает проблема аутизма, а также огромную разницу между этим расстройством психического развития и другими проблемами развития и важность своевременной диагностики симптомов аутистического спектра.

Обнаруженные слабые корреляции между 4 шкалами в выборке РАС свидетельствуют об асинхронности проявления симптомов: высокие значения по одним группам симптомов могут сочетаться со слабой выраженностью других. Это также свидетельствует о неоднородности выборки детей с РАС. Выделено 4 типа детей с РАС, один из которых (РАС4, 26% от всех РАС) по симптоматике весьма сходен с ЗПР, что и являлось основным источником ошибок диагностики. Оказалось, что у детей с ЗПР часто наблюдаются некоторые симптомы РАС, что и является основным источ-

ником ошибок предсказания РАС (точность разделения выборок РАС и Норма составляет 94,9%). Представляется целесообразным применение разработанной Шкалы Аутизма для выделения детей с высоким риском РАС, а для остальных детей использовать разработанные нами шкалы для быстрого определения риска ЗПР (Наследов и др., 2019).

В отношении остальных трех типов детей с РАС (74% выборки РАС) точность дифференциации от детей без РАС составляет 98,6%. Кластер РАС1 (22,8%) – с наиболее ярко выраженной симптоматикой РАС наряду с самой высокой расторможенностью. Кластер РАС2 (31%) характеризуется самыми значительными нарушениями в эмоциональной и сенсорной сферах, при этом нарушения коммуникации и расторможенность находятся на относительно низком уровне. Для кластера РАС3 (20,1%) характерны прежде всего нарушения коммуникации и эмоций, связанных с общением.

Выводы

Наше исследование является первой попыткой разработать психометрически обоснованную скрининговую шкалу для быстрой оценки риска развития РАС у российских детей 3–4 лет. Основным результатом исследования является подтверждение высокой точности прогноза 20-балльной Шкалы Аутизма (более 85%). Эта шкала включает в себя 40 симптомов аутизма, представляющих четыре вектора его проявления: «Эмоциональные нарушения», «Сенсорные нарушения», «Нарушения коммуникации» и «Расторможенность», из которых первые три соответствуют основным симптомам аутизма по DSM-5.

Разработаны стимульный материал, тестовые нормы и инструкция для практического применения Шкалы Аутизма, позволяющие быстро идентифицировать группу риска РАС для дальнейшего уточнения диагноза и расчета образовательного маршрута.

Выделены четыре группы (кластера) детей с РАС, существенно различающихся профилями симптомов. При этом одна из данных групп по профилю симптомов наиболее близка к группе ЗПР и объясняет почти все ошибки предсказания риска РАС. Выявлено, что основным источником ошибок предсказания риска РАС является то, что у детей с ЗПР часто наблюдаются некоторые симптомы РАС. Для остальных кластеров (74% выборки РАС) точность предсказания риска РАС составляет 98,6%. Уточнение типологии симптоматики РАС является перспективой наших дальнейших исследований.

Литература

- Горбачевская, Н. Л. Переверзева Д. С., Воинова В. Ю., Сорокин А. Б., Коваль-Зайцев А. А., Салимова К. Р., ... Мамохина У. А. (2016). Факторы, влияющие на успешность преодоления расстройств. *Аутизм и нарушения развития*, 14(4), 39–50.

- Лебединская, К. С., Лебединский, В. В. (2011). *Нарушения психического развития в детском и подростковом возрасте: учебное пособие для вузов* (7-е изд., испр. и доп.). М.: Академический проект; Трикста.
- Макушкин, Е. В., Макаров, И. В., Пашковский, В. Э. (2019). Распространенность аутизма: подлинная и мнимая. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 119(2), 80–86. doi: 10.17116/jnevro201911902180
- Наследов, А. Д., Мирошников, С. А., Ткачева, Л. О., Защирина, О. В. (2019). *Психодиагностика риска задержки психического развития детей дошкольного возраста*. Москва: Мир науки. <https://izd-mn.com/PDF/43MNNPM19.pdf>
- Никольская, О. С., Баенская, Е. Р., Либлинг М. М. (2007). *Аутичный ребенок. Пути помощи*. Москва: Теревинф.
- Никольская, О. С. (2017). Психологическая классификация типов детского аутизма. *Вопросы психологии*, 5, 14–25.
- Хаустов, А. В., Красносельская, Е. Л., Хаустова, И. М. (2014). Дети с расстройствами аутистического спектра. Протокол педагогического обследования. *Практика управления ДОУ*, 1, 32–50.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 30.10.2021 г.; повторно 10.11.2021 г.;
принята 21.02.2022 г.

Наследов Андрей Дмитриевич –заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: a.nasledov@spbu.ru

Мирошников Сергей Александрович – заведующий лабораторией психолого-педагогической диагностики, ООО «Лонгитюд», кандидат психологических наук.

E-mail: sergeyamir@gmail.com

Защирина Оксана Владимировна – доцент кафедры педагогики и педагогической психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор психологических наук, доцент.

E-mail: zaoks@mail.ru

Ткачева Любовь Олеговна – старший преподаватель кафедры педагогики и педагогической психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук.

E-mail: l.tkachewa@spbu.ru

Компанец Наталия Николаевна – старший научный сотрудник, Институт специальной педагогики и психологии имени Н. Ярмаченко, НАПН Украины, кандидат психологических наук.

E-mail: det.psiholog@gmail.com

For citation: Nasledov, A. D., Miroshnikov, S. A., Zashchirinskaia, O. V., Tkacheva, L. O., Kompanets, N. N. (2022). Autism Scale Application for Identifying the Risk of Mental Development Disorders among Children Ages 3 And 4. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 83: 164–183. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/9

Autism Scale application for identifying the risk of mental development disorders among children ages 3 and 4¹

**A.D. Nasledov¹, S.A. Miroshnikov², O.V. Zashchirinskaia¹,
L.O. Tkacheva¹, N.N. Kompanets³**

¹ Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation

² LLC "Longitude", 83/4, Grajdansky Pr., St. Petersburg, 195257, Russian Federation

³ Mykola Yarmachenko Institute of Special Pedagogy and Psychology of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Ukraine, 9, Berlinsky St., Kyiv, 04060, Ukraine

Abstract

In this study, we continued the development of diagnostic tools for the rapid identification (screening) of the risk of developing autism (ASD) in children ages 3 and 4. In 2020, we conducted a study on a sample population of 324 children ages 3 and 4, including 116 children with ASD. As a result, an Autism Scale was developed and standardized, consisting of 40 points (symptoms of autism) predicting the child's tendency to ASD within an accuracy of 86.73 - 89.9%. The scale forms into 4 factors (subscales) giving degrees in which children with ASD differ from children without ASD. The objectives of this study were: to test the validity and effectiveness of the developed Autism Scale on a wider sample; study of errors in diagnosing the risk of ASD and the possibility of improving the developed methodology; development of a full-fledged diagnostic technique suitable for practical use. The issues studied in this article cover such aspects of ASD as: the synchronism of the manifestation of ASD symptoms; homogeneity/heterogeneity of the sample for these symptoms; differences between ASD, DD and Normal, and what points allow you to identify these differences.

The sample of this study included 178 children with ASD, 124 children with mental retardation, and 203 children with normal development, that is without a clinical diagnosis (Normal). Via an online survey, data was collected on the children with pre-diagnosed symptoms by using a specially designed questionnaire given to 32 specialists (psychologists, defectologists) who worked with these children.

The expanded sampling resulted in confirmation of validity, reliability and effectiveness of the developed autism scale, which includes 4 subscales: "Emotional disorders", "Sensory disorders", "Communication disorders" and "Disinhibition". The accuracy of the scale is 88.91% (sensitivity 92.1%, specificity 87.2%). Instructions, stimulus material and test norms for the practical application of the scale were created.

Using a 2-stage cluster analysis, 4 groups (clusters) of children with ASD were identified, with significantly different symptom profiles. At the same time, one of these groups (26% of the ASD sample) in terms of symptom profile is the closest to the DD group, and it accounts for 90% of the errors when predicting the risk of ASD. For the remaining clusters, the prediction accuracy of ASD risk is 98.6%. It was found that the main source of errors in predicting the risk of ASD is that in 28.5% of cases children with DD are attributed with ASD symptoms. Our further prospective research is clarification of the typology of ASD symptoms.

Keywords: ASD; screening; markers of mental development; construction of scales; 3 and 4 year old

¹ The study was supported by RFBR grant 20-013-00312A.

References

- Barbarese, W. J. (2016). The Meaning of "Regression" in Children with Autism Spectrum Disorder: Why Does It Matter? *Journal of developmental and behavioral pediatrics: JDBP*, 37(6), 506–507. doi:10.1097/DBP.0000000000000325
- Baron-Cohen, S., Golan, O., & Ashwin, E. (2009). Can emotion recognition be taught to children with autism spectrum conditions? *Philosophical Transactions of the Royal Society B-Biological sciences*, 364(1535), 3567–3574. doi: 10.1098/rstb.2009.0191
- Ben-Sasson A., Hen L., Fluss R., Cermak S. A., Engel-Yeger B., & Gal, E. (2009). A meta-analysis of sensory modulation symptoms in individuals with autism spectrum disorders. *J Autism Dev Disord*, 39(1), 1–11. doi: 10.1007/s10803-008-0593-3
- Boyd, B. A., Baranek, G. T., Sideris, J., Poe, M. D., Watson, L. R., Patten, E., & Miller, H. (2010). Sensory features and repetitive behaviors in children with autism and developmental delays. *Autism research: official journal of the International Society for Autism Research*, 3(2), 78–87. doi: 10.1002/aur.124
- Coury, D. (2010). Medical treatment of autism spectrum disorders. *Current opinion in neurology*, 23(2), 131–136. doi:10.1097/WCO.0b013e32833722fa
- Crane, L., Goddard, L., & Pring, L. (2009). Sensory Processing in Adults with Autism Spectrum Disorders. *Autism*, 13(3), 215–228. doi: 10.1177/1362361309103794
- Dominick, K. C., Davis, N., Lainhart, J., Tager-Flusberg, H., & Folstein, S. (2007). Atypical Behaviors in Children with Autism and Children with a History of Language Impairment *Research in Developmental Disabilities*, 28(2), 145–162. doi: 10.1016/j.ridd.2006.02.003
- Emmanuelle, J., Couture, M., McKinley, P., Rei, G., Fombonne, E., & Gisèle, E. (2009). Sensori-Motor and Daily Living Skills of Preschool Children with Autism Spectrum Disorders *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 39(2), 231–241. doi: 10.1007/s10803-008-0617-z
- Giulia, G., Postorino, V., Fatta, L., Sanges, V., De Peppo, L., Vassena, L., ... & Mazzone, L. (2015). Behavioral and Emotional Profile and Parental Stress in Preschool Children with Autism Spectrum Disorder. *Research in Developmental Disabilities*, 45–46, 411–421. doi: 10.1016/j.ridd.2015.08.006
- Glascow, F. P., & Cairney, J. (2018) Best Practices in Test Construction for Developmental-Behavioral Measures: Quality Standards for Reviewers and Researchers. In H. Needelman, B. Jackson. (Eds.), *Follow-Up for NICU Graduates*. Springer, Cham.
- Gorbachevskaya, N. L., Pereverzeva D. S., Voinova, V. Yu., Sorokin, A. B., Koval-Zaytsev, A. A., Salimova, K. R., ... & Mamokhina, U. A. (2016). Faktory, vliyayushchie na uspehnost' preodoleniya rasstroystv [Factors affecting the success of overcoming disorders]. *Autizm i narusheniya razvitiya – Autism and Developmental Disorders*, 14(4), 39–50.
- Havdahl, K. A., Hus Bal, V., Huerta, M., Pickles, A., Øyen, A. S., Stoltenberg, C., ... & Bishop, S. L. (2016). Multidimensional Influences on Autism Symptom Measures: Implications for Use in Etiological Research. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 55(12), 1054–1063.e3. doi: 10.1016/j.jaac.2016.09.490
- Hyman, S. L., Levy, S. E., & Myers, S. M. (2020). Identification, Evaluation, and Management of Children with Autism Spectrum Disorder. *Pediatrics*, 145(1), e20193447. doi: 10.1542/peds.2019-3447
- Joseph, L., Thurm, A., Farmer, C., & Stacy Shumway, S. (2013). Repetitive Behavior and Restricted Interests in Young Children with Autism: Comparisons with Controls and Stability Over 2 Years. *Autism Research*, 6(6), 584–595. doi: 10.1002/aur.1316
- Khaustov, A. V., Krasnoselskaya, E. L., & Khaustova, I. M. (2014). Deti s rasstroystvami autisticheskogo spektra. Protokol pedagogicheskogo obsledovaniya [Children with autism spectrum disorders. Pedagogical examination protocol]. *Praktika upravleniya DOU*, 1, 32–50.

- Kim, Y. S., Fombonne, E., Koh, Y. J., Kim, S. J., Cheon, K.A., & Leventhal, B. L. (2014). A comparison of DSM-IV pervasive developmental disorder and DSM-5 autism spectrum disorder prevalence in an epidemiologic sample. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 53(5), 500–508. doi: 10.1016/j.jaac.2013.12.02
- Lebedinskaya, K. S., & Lebedinskiy, V. V. (2011). *Narusheniya psikhicheskogo razvitiya v detskom i podrozkovom vozraste* [Disorders of mental development in childhood and adolescence] (7th ed.). Moscow: Akademicheskii proekt; Triksa.
- Linting, M., Meulman, J. J., Groenen, P. J. F., & Van Der Kooij, A. J. (2007). Nonlinear principal components analysis: Introduction and application. *Psychological Methods*, 12, 336–358. doi: 10.1037/1082-989x.12.3.336
- Lord, C. (1995). Follow-up of two-year-olds referred for possible autism. *Journal of child psychology and psychiatry, and allied disciplines*, 36(8), 1365–1382. doi:10.1111/j.1469-7610.1995.tb01669.x
- Maenner, M. J., Shaw, K. A., Baio, J., Washington, A., Patrick, M., DiRienzo, M. ... & Dietz, P. M. (2020). Prevalence of Autism Spectrum Disorder Among Children Aged 8 Years – Autism and Developmental Disabilities Monitoring Network, 11 Sites, United States, 2016. *MMWR Surveill Summ* 2020, 69 (SS-4), 1–12. doi: 10.15585/mmwr.ss6904a1
- Makushkin, E. V., Makarov, I. V., & Pashkovskiy, V. E. (2019). Rasprostranennost' autizma: podlinnaya i mnimaya [The prevalence of autism: real and imaginary]. *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova – S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 119(2), 80–86. doi: 10.17116/jnevro201911902180
- Marche, W. D., Noens, I., Boets, B., Kuppens, S., & Steyaert, J.G. (2015). The underlying symptom structure of autism spectrum disorders: A factor analytic approach using the developmental, dimensional and diagnostic interview. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 12, 40–51. doi: 10.1016/j.rasd.2014.11.002
- Marotta, R., Risoleo, M. C., Messina, G., Parisi, L., Carotenuto, M., Vetri, L., & Roccella, M. (2020). The Neurochemistry of Autism. *Brain sciences*, 10(3), 163. doi: 10.3390/brainsci10030163
- McClain, M. B., Hasty Mills, A. M., & Murphy, L. E. (2017). Inattention and hyperactivity / impulsivity among children with attention-deficit/hyperactivity-disorder, autism spectrum disorder, and intellectual disability. *Research in developmental disabilities*, 70, 175–184. doi: 10.1016/j.ridd.2017.09.009
- Nasledov, A., Miroshnikov, S., Tkacheva, L., Miroshnik, K., & Semeta, M. U. (2021). Application of Psychometric Approach for ASD Evaluation in Russian 3–4-Year-Olds. *Mathematics*, 9(14), 1608. doi: 10.3390/math9141608
- Nasledov, A. D., Miroshnikov, S. A., Tkacheva, L. O., & Zashchirinskaya, O. V. (2019). *Psikhodiagnostika riska zaderzhki psikhicheskogo razvitiya detey doshkol'nogo vozrasta* [Psychodiagnostics of the risk of mental retardation in preschool children]. Moscow: Mir nauki.
- Nikolskaya, O. S. (2017). Psikhologicheskaya klassifikatsiya tipov detskogo autizma [Psychological classification of types of childhood autism]. *Voprosy psikhologii*, 5, 14–25.
- Nikolskaya, O. S., Baenskaya, E. R., & Libling M. M. (2007). *Autichnyy rebenok. Puti pomoshchi* [Autistic Child. Ways to Help]. Moscow: Terevinf.
- Okamoto, Y., Yoshihara, M., Miyake, Y., & Nagasawa, I. (2017) Young Adults with Autism Spectrum Disorder: Intervention to Psychosomatic Symptoms of Childhood is the Key Preventing Maladjustment of the Youth. *Acta Psychopathol*, 3(57). doi: 10.4172/2469-6676.100129
- Özçalışkan, S., Adamson, L. B., & Dimitrova, N. (2016). Early deictic but not other gestures predict later vocabulary in both typical development and autism. *Autism*, 20(6), 754–763. doi: 10.1177/1362361315605921
- Reichow, B., Hume, K., Barton, E. E., & Boyd, B. A. (2018). Early intensive behavioral intervention (EIBI) for young children with autism spectrum disorders (ASD).

- The Cochrane database of systematic reviews*, 5(5), CD009260. doi: 10.1002/14651858.CD009260.pub3
- Rutherford, M. D., Young, G. S., Hepburn, S., & Rogers, S. J. (2007). A Longitudinal Study of Pretend Play in Autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 37(6), 1024–1039. doi: 10.1007/s10803-006-0240-9
- Rutter, M. (1983). Cognitive deficits in the pathogenesis of autism. *Journal of Child Psychology and Psychiatry, and Allied Disciplines*, 24(4), 513–531. doi: 10.1111/j.1469-7610.1983.tb00129.xA
- Soto, T., Giserman Kiss, I., & Carter, A. S. (2016). Symptom presentations and classifications of autism spectrum disorder in early childhood: Application to the diagnostic classification of mental health and developmental disorders (DC:0-5). *Infant Mental Health Journal*, 37(5), 486–497. doi: 10.1002/imhj.21589
- Tsao, L. L. (2008). Social, language, and play behaviors of children with autism. *Behavioral Development Bulletin*, 14(1), 40–51. doi: 10.1037/h0100506
- Vasa, R. A., & Mazurek, M.O. (2015). An update on anxiety in youth with autism spectrum disorders. *Current Opinion in Psychiatry*, 28(2), 83–90. doi: 10.1097/YCO.0000000000000133
- Yuying, H., Su, Q., Wang, L., He, W., Tan, C., Zhang, H., ... & Chen, Y. (2019). The Characteristics of Intelligence Profile and Eye Gaze in Facial Emotion Recognition in Mild and Moderate Preschoolers With Autism Spectrum Disorder. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 402. doi: 10.3389/fpsyt.2019.00402

Received 30.10.2021; Revised 10.11.2021;

Accepted 21.02.2022

Andrey D. Nasledov – Head of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology, Saint-Petersburg State University. PhD, Associate Professor.

E-mail: a.nasledov@spbu.ru

Sergey A. Miroshnikov – Head of the Laboratory of psychological and pedagogical diagnostics, LLC "Longitude". PhD.

E-mail: sergeyamir@gmail.com

Oksana V. Zashchirinskaia – Associate Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology, Saint-Petersburg State University. D.Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: zaoks@mail.ru

Lyubov' O. Tkacheva – Senior Lecturer of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology, Saint-Petersburg State University. PhD.

E-mail: l.tkachewa@spbu.ru

Natalia N. Kompanets – Senior Researcher of Institute of Special Pedagogy and Psychology Mykola Yarmachenko Institute of Special Pedagogy and Psychology of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, PhD.

E-mail: det.psiholog@gmail.com

УДК 159.99

КОГНИТИВНЫЕ ОШИБКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАЦИЕНТОВ С ИШЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕРДЦА ПЕРЕД КОРОНАРНЫМ ШУНТИРОВАНИЕМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА И ВОЗРАСТА

**А.А. Великанов¹, Ю.Л. Левашкевич²,
А.А. Столярова¹, Е.А. Демченко¹**

¹ ФГБУ «НМИЦ им. В.А. Алмазова» Минздрава России, Россия, 197341, Санкт-Петербург, ул. Акkuratова, д. 2

² Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Приморского района Санкт-Петербурга» (СПб ГБУ «ЦСРИИДИ Приморского района»), Россия, 197372, Санкт-Петербург, Богатырский пр., д. 27, корп. 2

Резюме

Исследуются когнитивные ошибки и психологические особенности пациентов с ишемической болезнью сердца (ИБС) перед коронарным шунтированием. Для эффективного преодоления состояний тревоги и депрессии, формирования адекватного отношения к болезни и установки на продолжительное продуктивное сотрудничество с врачом, повышения уровня мотивации следовать рекомендациям большое значение имеет выявление когнитивных ошибок, а также психологических особенностей кардиологических пациентов. Целью исследования стало изучение когнитивных ошибок и психологических особенностей больных ишемической болезнью сердца перед коронарным шунтированием (КШ) в зависимости от пола и возраста. В исследовании приняли участие 60 пациентов с ИБС, из них 32 мужчины и 28 женщин, средний возраст больных составил 63 ± 8 лет. Выделено 2 группы обследуемых по возрастному критерию: до 65 лет и старше 65 лет. Применялся метод интервью, а также проводилось психологическое тестирование по методикам SCL-90-R и BIG 5.

У пациентов выявлены различные типы когнитивных ошибок. У мужчин чаще встречались «произвольные умозаключения» (37,5%), у женщин – «генерализация» (35%). У пациентов старшей возрастной группы (> 65) чаще отмечалось преобладание «дихотомического мышления» (25,92%). По результатам методики SCL-90-R у женщин перед коронарным шунтированием наблюдаются более высокие показатели шкал соматизации, межличностной сенситивности и тревожности, у мужчин – враждебности. У пациентов группы старше 65 лет более высокий уровень проявлений соматизации и депрессии. По результатам методики BIG 5 у большинства пациентов отмечен уровень «ниже среднего» по показателям «самосознание», «готовность к сотрудничеству», «личностные ресурсы». По показателю экстраверсии у мужчин чаще встречался уровень «выше среднего», у женщин – «ниже среднего». При планировании психологических мероприятий перед проведением КШ и в период реабилитации следует учитывать выявленные психологические особенности пациентов и специфику встречающихся у них когнитивных ошибок.

Ключевые слова: ишемическая болезнь сердца; коронарное шунтирование; сердечно-сосудистые заболевания; когнитивные ошибки; когнитивно-поведенческая терапия; психологические особенности; генерализация; дихотомическое мышление; произвольные умозаключения

Введение

С учетом высокой распространенности тревожных и депрессивных состояний у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями, тенденции к сокращению сроков госпитализации в современном кардиологическом стационаре, а также признанной целесообразности включения в систему лечебно-реабилитационных мероприятий эффективных методов психологической коррекции эмоционального состояния возрастает актуальность краткосрочных психокоррекционных программ, в частности с использованием когнитивно-поведенческого подхода.

В ходе психокоррекционной работы с пациентами в рамках когнитивно-поведенческого направления может применяться широкий арсенал техник и методов, ориентированных на такие цели, как изменение процесса переработки информации, формирование навыков контроля и регулирования эмоциональных реакций, модификация дезадаптивных форм поведения.

Важность когнитивно-поведенческой психокоррекции в процессе работы с больными ишемической болезнью сердца (ИБС) подчеркивается во многих научных исследованиях. А.В. Солодухин, А.В. Серый, М.С. Яницкий, О.А. Трубникова (2017) указывают на эффективность когнитивно-поведенческих методов в формировании продуктивного копинг-поведения в рамках подготовки пациентов с ИБС к коронарному шунтированию (КШ). Отмечаются и возможности когнитивно-поведенческой психотерапии для коррекции внутренней картины болезни у пациентов с ИБС (Солодухин и др., 2017). А.В. Серый, М.С. Яницкий, А.В. Солодухин, О.А. Трубникова (2017) сообщают о целесообразности применения рационально-когнитивной терапии для работы с поведенческими нарушениями в процессе психологического сопровождения пациентов с ИБС до и после КШ. В целом при рассмотрении особенностей психологической помощи лицам с сердечно-сосудистыми заболеваниями приводятся сведения о значимости применения в системе лечебных мероприятий, проводимых с больными ИБС, когнитивно-поведенческих методик (Легостаева, 2018; Николаев, Лазарева, 2015). Также когнитивно-поведенческая терапия рассматривается как инструмент профилактической работы, учитывая возможность оказывать влияние на психологические факторы риска развития сердечно-сосудистых заболеваний и их прогрессирования (Лысенкова, Жилина, Румянцев, Куприянов, 2017).

Важную роль когнитивно-поведенческих методов в работе с пациентами кардиологической клиники отмечают и иностранные авторы. Так, когнитивно-поведенческая терапия рассматривается как эффективный инструмент коррекции часто встречающихся у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями депрессивных и тревожных состояний, а также как направле-

ние, положительно зарекомендовавшее себя для снижения уровня стресса и напряженности (Aghaei, Samkhaniyan, Mahdavi, Faraji, Roshandel, 2015; Magán et al., 2020; Reavell, Hopkinson, Clarkesmith, Lane, 2018).

В теории, лежащей в основе когнитивных методов клинико-психологического вмешательства, важная роль отводится такому феномену, как когнитивные ошибки (Бек, Раш, Шо, Эмери, 2003). Когнитивные ошибки – это ошибки восприятия и переработки информации в мышлении. Они не являются признаком психических нарушений, однако их наличие при оценке каких-либо ситуаций (например, в период ожидания кардиохирургического вмешательства) может привести к формированию психоэмоциональных расстройств, в частности тревожных и депрессивных состояний. Выявление данных когнитивных ошибок в процессе лечебно-реабилитационной работы имеет высокую практическую целесообразность, учитывая возможность их коррекции с помощью когнитивно-поведенческих методик с достижением видимых результатов в краткие сроки.

А. Бек и соавт. (2003) описывают следующие типы когнитивных ошибок:

1. Произвольные умозаключения: допуская этот вид ошибок, человек делает неприятные для себя выводы и умозаключения при отсутствии фактов, подтверждающих эти заключения, или вопреки наличию противоположных фактов.

2. Избирательное абстрагирование: человек строит свои умозаключения, основываясь на каком-то одном, вырванном из контекста фрагменте ситуации, игнорируя ее более существенные аспекты.

3. Генерализация: человек выводит общее правило или делает глобальные выводы на основании одного или нескольких изолированных случаев и затем оценивает все остальные ситуации, исходя из заранее сформированных выводов.

4. Переоценивание и недооценивание: ошибки, допускаемые при оценке значимости или важности события, приводящие к извращению фактов.

5. Персонализация: склонность соотносить внешние неприятные события с собственной персоной, даже если нет никаких оснований для такого соотнесения.

6. Абсолютизм, дихотомизм мышления: ошибки, при которых человек мыслит крайностями, делит события, людей, поступки и тому подобное на две противоположные категории, например «совершенный–ущербный», «хороший–плохой», «святой–греховный».

Когнитивные ошибки могут «принимать участие» в формировании тревожных и депрессивных состояний. Высокая распространенность и негативная роль именно этих состояний у пациентов с ИБС традиционно подчеркивается во многих исследованиях (Davidson, Alcántara, Miller, 2018; De Hert, Detraux, Vancampfort, 2018; Farquhar, Stonerock, Blumenthal, 2018).

Таким образом, исследование когнитивных ошибок у больных кардиологического профиля является важным, учитывая возможность их негативного влияния на психоэмоциональную сферу. Кроме того, согласно теоретическим основам когнитивного направления в психотерапии, нали-

чие когнитивных ошибок влияет и на сферу межличностного взаимодействия (искаженное восприятие информации, некорректная интерпретация поведения в процессе общения и т.д.). Соответственно, наличие «ошибочных» восприятия и мышления может негативно влиять на взаимодействие пациента с врачом и в целом на приверженность лечению (Левашкевич, Великанов, Юрлова, Исаева, Демченко, 2015). Однако в научной литературе представлены данные о неоднозначной роли иррациональных установок, являющихся компонентом когнитивной сферы пациентов, в формировании комплаентности. Так, определенные иррациональные установки пациента, например «долженствование в отношении себя» и «катастрофизация», могут даже помочь пациенту в поддержании приверженности лечению (Еремина, 2019).

Для эффективной психокоррекционной работы, имеющей такие задачи, как преодоление состояний тревоги и депрессии, формирование адекватного отношения к болезни и установки на продолжительное продуктивное сотрудничество с лечащим врачом, повышение уровня самоорганизации пациента, стимулирование мотивации выполнять рекомендации, важное значение имеет выявление когнитивных ошибок на фоне различных психологических особенностей (тип отношения к заболеванию, характеристики психоэмоциональной сферы, личностные особенности). Определение наиболее часто встречающихся когнитивных ошибок у больных ИБС поможет оптимизировать реализацию психокоррекционных техник, направленных на формирование у пациентов эффективной, реалистичной, неискаженной переработки информации, что позволит им наиболее продуктивно взаимодействовать с врачом в процессе лечения.

Цель исследования – изучение когнитивных ошибок и психологических особенностей больных ишемической болезнью сердца перед коронарным шунтированием в зависимости от пола и возраста в связи с задачами психокоррекции в стационаре.

Материалы и методы исследования

Всего обследованы 60 пациентов с ИБС: 32 мужчины (53%) и 28 женщин (47%). Исследование проводилось в кардиологических отделениях ФГБУ «НМИЦ им. В.А. Алмазова» Минздрава России. Средний возраст больных составил 63 ± 8 лет. Состоят в браке 42 пациента (70%). На момент обследования отмечено 44 работающих (73%). Среди пациентов высшее образование имеют 18 человек (30%), среднее специальное – 32 (53,3%), среднее – 10 обследуемых (16%). Вредные привычки: курение отмечено у 25 человек (42%). Наличие инфаркта миокарда (ИМ) в анамнезе у 46 пациентов (77%). Сопутствующая патология: гипертоническая болезнь (ГБ) выявлялась у всех обследованных; сахарный диабет (СД) – у 21 человека (35%). Было выделено две группы обследуемых по возрастному критерию: до 65 лет (33 человека; 55%) и старше 65 лет (27 человек, 45%), т.е. люди, относящиеся по данным ВОЗ к категории пожилого воз-

раста¹. Всем больным была назначена плановая операция – коронарное шунтирование (КШ). Обследование проводилось в период подготовки к операции в стационаре.

В ходе исследования использовался клинико-психологический и экспериментально-психологический метод, включивший Опросник выраженности психопатологической симптоматики SCL-90-R (Symptom Check List-90-Revised) и личностный опросник Большая пятерка (Big Five Personality Test).

В процессе применения клинико-психологического метода (наблюдение, беседа) выявлялись отношение к болезни и типичные когнитивные ошибки. В начале беседы пациентам были заданы вопросы о самочувствии и настроении. В рамках беседы осуществлялся сбор информации об истории заболевания, о том, как пациент лечился ранее, соблюдал ли рекомендации и т.д. Важной задачей было выявление того, как пациент реагирует на свое заболевание в настоящий момент, что он думает о своей болезни, о лечении, как воспринимает актуальную ситуацию (госпитализация, факт предстоящей операции на сердце), как относится к врачам и медицинскому персоналу. Кроме того, обсуждались такие сферы жизни обследуемых, как рабочая деятельность, отношения с семьей и окружающими людьми, наличие актуальных психотравмирующих событий и субъективное ощущение пациентом уровня его психологического благополучия. Пациентам предлагалось давать подробные, развернутые ответы на задаваемые вопросы. В процессе анализа ответов были выделены когнитивные ошибки и типы отношения к болезни.

Опросник выраженности психопатологической симптоматики SCL-90-R был разработан L.R. Derogatis (Derogatis, 1992), он содержит 90 различных симптомов и включает следующие шкалы:

- шкала соматизации – Somatization (SOM) – описывает дистресс, связанный с ощущением телесной дисфункции;
- шкала обсессивности–компульсивности – Obsessive-Compulsive (O-C) – оценивает наличие мыслей, импульсов или действий, которые переживаются пациентом как чуждые и непреодолимые;
- шкала межличностной сенситивности – Interpersonal sensitivity (INT) – включает симптомы, сопровождающиеся чувством собственной неадекватности и неполноценности, самоосуждением и дискомфортом в межличностном взаимодействии;
- шкала депрессии – Depression (DEP) – оценивает наличие симптомов клинической депрессии, включающих отсутствие интереса к жизни, недостаток мотивации, потерю жизненной энергии, чувство безнадежности, суицидальные мысли и т.д.;
- шкала тревожности – Anxiety (ANX) – описывает наличие таких признаков тревожности, как нервозность, напряжение, дрожь, приступы паники, ощущение насилия, опасения и страхи;

¹ Всемирная Организация Здравоохранения (2016). Всемирный доклад о старении и здоровье. https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf;jsessionid=86203C625F297620A2EF68C7D76F3702?sequence=10 (дата обращения: 17.08.2020).

– шкала враждебности – Hostility (HOS) – оценивает наличие у пациента мыслей, чувств или действий, связанных с негативным аффективным состоянием злости;

– шкала фобической тревожности – Phobic Anxiety (PHOB) – указывает на иррациональную реакцию страха пациента в отношении определенных мест, ситуаций, людей или объектов, ведущую к избегающему поведению;

– шкала паранойяльных тенденций – Paranoid Ideation (PAR) – оценивает кардинальные характеристики проективных мыслей, враждебности и подозрительности, страха потери независимости;

– шкала психотизма – Psychoticism (PSY) – рассматривает наличие избегающего и изолированного стиля жизни, признаков шизоидности, галлюцинаций.

В методике также представлены шкалы второго порядка: общий индекс тяжести симптомов (GSI), индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI), общее число утвердительных ответов (PST).

Опросник выраженности психопатологической симптоматики SCL-90-R позволяет оценить степень выраженности симптоматики у пациента и наличие симптоматического дистресса. Оценить симптомы, представленные в методике, предлагается с фразы «Насколько сильно Вас тревожили в течение недели и сегодня...?» Каждый симптом оценивается респондентом по 5-балльной шкале, где 0 соответствует ответу «совсем нет», 1 – «немного», 2 – «умеренно», 3 – «сильно» и 4 – «очень сильно» (Derogatis, 1992).

Личностный опросник «Большая пятерка» в адаптации Д.П. Яничева (2006) основан на теории пятифакторной модели личности и используется для оценки структуры личности пациентов. Данный опросник позволяет выявить индивидуально-психологические особенности с помощью пяти шкал:

1. Шкала «экстраверсия» – оценивает интенсивность межличностных контактов обследуемого, уровень его активности и оптимизма, а также эмоциональную откликаемость.

2. Шкала «самосознание» – оценивает степень дисциплинированности респондента, его организованности и целеустремленности, требовательности к себе, и настойчивости.

3. Шкала «сотрудничество» – рассматривает у респондента преобладание готовности к сотрудничеству, качество его межличностных контактов, а также преобладание в структуре личности доброжелательности и открытости или враждебности и циничности.

4. Шкала «эмоциональная стабильность» – оценивает эмоциональную неустойчивость и фрустрационную толерантность, степень возбудимости.

5. Шкала «личностные ресурсы» – выявляет широту интересов, наличие стремления к самосовершенствованию и поиску нового опыта, также указывает на оригинальность подходов к решению обычных жизненных задач и богатство воображения (Яничев, 2006).

Результаты исследования

У всех обследованных пациентов выявлены те или иные когнитивные ошибки. Частота встречаемости определенных когнитивных ошибок у мужчин и женщин представлена в табл. 1. У мужчин чаще, чем у женщин, встречались «произвольные умозаключения» (37,5% и 17,85% соответственно), а у женщин – чаще отмечалась «генерализация» (12,5% и 35% соответственно).

Таблица 1

Частота выявления и спектр когнитивных ошибок у пациентов мужского и женского пола

Виды когнитивных ошибок	Частота выявления			
	Мужчины (N = 32)		Женщины (N = 28)	
	Кол-во пациентов	%	Кол-во пациентов	%
Произвольные умозаключения	12	37,5%	5	17,85%
Избирательное абстрагирование	8	25%	9	32,14%
Генерализация	4	12,5%	10	35,71%
Персонализация	0	0%	2	7,14%
Недооценивание	2	6,25%	0	0%
Дихотомическое мышление	6	18,75%	2	7,14%

Таким образом, мужчины чаще высказывали утверждения, которые не являлись основанными на каких-либо четких, подтверждающих фактах (произвольные умозаключения). Например, у пациентов отмечались следующие высказывания: «Врачи преувеличивают сложность ситуации»; «Операция не является необходимой, но если уж говорят, что нужна операция, то, наверное, надо делать»; «Когда случится инфаркт – это не зависит от приёма таблеток»; «Бросать курить необязательно» и т.д. На просьбу психолога привести аргументы в пользу этих высказываний, как правило, четких доводов в ответах пациентов не прослеживалось. Типичными ответами были: «Это и так понятно»; «Я это знаю»; «Я так чувствую»; «Это очевидно» и т.д. Иногда в процессе беседы пациент «выходил» на противоречивый его собственному утверждению аргумент (например, пациент говорил о «преувеличенной опасности», но сам же сообщил о неблагоприятных результатах медицинских обследований). При указании психолога на такие противоречия нередко отмечались либо уклончивые ответы («Ну да, но, тем не менее, думаю, может, все и не так уж серьезно»), либо агрессивные реакции, вспышки раздражения.

У женщин чаще, чем у мужчин, были обнаружены ошибки по типу генерализации (когда по одному или нескольким единичным случаям делается общий вывод). Например, отмечались высказывания, отражающие негативное отношение к медицине в целом. В ответах на вопросы о причинах негативного отношения нередко содержались утверждения, согласно

которым с неприятными ситуациями при обращении к врачам «приходиться сталкиваться постоянно». Однако при расспросе о различных ситуациях, как правило, выяснялось, что это были конкретные, единичные случаи. Более того, в процессе беседы о тех или иных ситуациях взаимодействия пациентов с медицинскими работниками были получены ответы, свидетельствующие также о позитивном опыте и благоприятных впечатлениях. Тем не менее в формировании суждений пациенты чаще склонны руководствоваться негативным опытом.

Результаты исследования частоты встречаемости когнитивных ошибок в зависимости от возраста представлены в табл. 2. Согласно представленным данным, у пациентов старшей возрастной группы чаще встречалось «дихотомическое мышление» и реже – феномен «генерализации».

Таблица 2

Частота выявления и спектр когнитивных ошибок в зависимости от возраста

Виды когнитивных ошибок	Частота выявления			
	Пациенты до 65 лет (N = 33)		Пациенты старше 65 лет (N = 27)	
	Кол-во пациентов	%	Кол-во пациентов	%
Произвольные умозаключения	9	27,27%	8	29,62%
Избирательное абстрагирование	10	30,3%	7	25,92%
Генерализация	12	36,36%	2	7,4%
Персонализация	0	0%	2	7,4%
Недооценивание	1	3,03%	1	3,7%
Дихотомическое мышление	1	3,03%	7	25,92%

Таким образом, пациенты старшей возрастной группы чаще высказывали утверждения, в которых проявлялись категоричность, жесткость, четкое «разделение реальности на противоположности». В частности, в рассуждениях о ситуации болезни, госпитализации, о предстоящей операции у пациентов указанной группы отмечались следующие высказывания: «Сердце не вылечить»; «Либо все будет хорошо, либо все кончится»; «Если я не смогу выполнять привычные дела, значит ничего хорошего» и т.д. Также когнитивная ошибка по типу дихотомического мышления проявлялась и в отношении к врачам. Например, рассуждая о врачах, пациенты сообщали о том, что, по их мнению, «молодой доктор – значит некомпетентный, а пожилой – знающий», или «этот врач не профессор, поэтому он не знает всех тонкостей» и т.д.

При сравнении частоты встречаемости типов отношения к болезни установлено, что у мужчин чаще выявлялся эргопатический тип отношения к болезни (25% в группе мужчин и 10,71% в группе женщин; $p < 0,05$).

Следует отметить, что эргопатический тип отношения к болезни предполагает стремление работать, заниматься активной деятельностью, несмотря на болезнь. Фактически это «уход в работу». Пациенты, проявляющие указанный тип отношения к болезни, сообщали о желании продолжать работу или о стремлении не ограничивать себя в выполнении привычных дел и действий (включая и достаточно интенсивную физическую активность, например в работе на дачном участке).

У женщин чаще выявлен неврастенический тип отношения к болезни (25% в группе женщин, 9,37% в группе мужчин; $p < 0,05$). Также у женщин чаще отмечался сенситивный тип реагирования на болезнь (25% в группе женщин и 3,12% в группе мужчин; $p < 0,05$).

Указанные типы отношения к болезни характеризуются проявлениями эмоциональной чувствительности, ранимости, впечатлительности. В частности, неврастенический тип отношения к болезни проявляется в поведении по типу «раздражительной слабости»: выраженный психологический дискомфорт и трудности при попытках терпеть субъективно неприятные и болевые ощущения, колебания настроения, «всплески» раздражения, проявляющегося в процессе общения, однако характеризующегося критическим отношением к необдуманным высказываниям.

Сенситивный тип отношения к болезни предполагает наличие беспокойства по поводу того, какое впечатление могут произвести на окружающих сведения о болезни; чувствительность в межличностных контактах. Выраженность указанного типа проявлялась в следующих высказываниях: «Не хочу, чтобы коллеги были в курсе, что я перенесла инфаркт»; «Главное, чтобы люди не узнали, что у меня проблемы с сердцем»; «Мне сделают операцию, не хочу, чтобы окружающие считали меня инвалидом».

В старшей возрастной группе чаще выявлялся ипохондрический тип отношения к болезни, предполагающий повышенную сосредоточенность на субъективно неприятных, болезненных ощущениях (33,33% у лиц старше 65 лет и 6,06% в группе больных моложе 65 лет; $p < 0,05$). Также в старшей возрастной группе чаще был выявлен меланхолический тип отношения к болезни (25,92% и 6,06% соответственно, $p < 0,05$). У пациентов с меланхолическим отношением к болезни отмечались такие проявления, как сниженное настроение, пессимизм, негативная оценка перспективы, сомнения в эффективности кардиохирургического лечения, наличие депрессивных высказываний. Примеры высказываний: «Я уже такой старый, что мне ничего не поможет»; «Зачем что-то лечить, уж сколько мне осталось (жить), столько и осталось...»; «Моя болезнь уже так запущена, что меня уже никто не вылечит».

При изучении психоэмоциональных особенностей пациентов по методике SCL-90-R получены следующие результаты.

У обследованных женщин выявлены более высокие, чем у мужчин, показатели шкалы соматизации ($M = 1,78 \pm 0,72$; $M = 1,08 \pm 0,52$; $p < 0,05$), межличностной сенситивности ($M = 1,85 \pm 1,06$; $M = 1,12 \pm 1,04$; $p < 0,05$)

и тревожности ($M = 1,68 \pm 0,92$; $M = 0,86 \pm 0,28$; $p < 0,05$). У мужчин отмечен более высокий показатель шкалы враждебности ($M = 1,68 \pm 0,56$; $M = 1,12 \pm 0,56$; $p < 0,05$).

В старшей возрастной группе (> 65 лет) отмечены более высокие показатели шкал соматизации ($M = 1,82 \pm 0,74$; $M = 1,14 \pm 0,48$, $p < 0,05$) и депрессии ($M = 1,55 \pm 0,85$, $M = 0,67 \pm 0,4$; $p < 0,05$).

По результатам тестирования по опроснику Big Five Personality Test у большинства больных по всей выборке отмечено сниженное значение по следующим шкалам: «самосознание» (78,33% больных), «готовность к сотрудничеству» (75%) и «личностные ресурсы» (71,66%).

При сравнении результатов возрастных групп статистически достоверных различий не обнаружено.

При сравнении результатов мужчин и женщин установлено, что у мужчин чаще, чем у женщин, встречался уровень выше среднего по показателю экстраверсии ($M = 62,5\%$; $M = 28,57\%$; $p < 0,05$), а у женщин чаще отмечен уровень ниже среднего по данному показателю, что соответствует большей интроверсии ($M = 39,28\%$; $M = 15,62\%$; $p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Согласно теории когнитивной терапии, в процессе применения когнитивных психокоррекционных техник важно открыть «доступ в когнитивную организацию пациента»; применение когнитивных методов требует осторожности и точной оценки состояния пациента (Бек и др., 2003). В связи с этим изучение специфики когнитивных ошибок мышления и психологических особенностей больных ИБС перед коронарным шунтированием может иметь большое значение для определения плана психокоррекционной работы в рамках когнитивно-поведенческого направления.

Можно предположить, что наличие факта витальной угрозы, обусловленной серьезным заболеванием, а также сама ситуация ожидания предстоящего хирургического вмешательства являются факторами, актуализирующими эмоционально-негативные переживания. В научной литературе имеются сведения о проявлениях психоэмоциональных расстройств, главным образом тревожных и депрессивных, у пациентов с ИБС, которым планируется КШ. Значимость выявления тревожности у пациентов перед коронарным шунтированием показана в исследовании И.А. Белан и соавт. (Белан, Ложникова, Барбухатти, 2015). На дооперационном этапе у пациентов могут отмечаться симптомы депрессии и тревоги, которые необходимо выявлять для того, чтобы корректировать нарушения психологического статуса больных перед КШ (Сумин, Барбараш, 2014). Зарубежные исследования также подтверждают наличие тревожных и депрессивных проявлений у пациентов перед проведением кардиохирургического вмешательства (Prado-Olivares., Chover-Sierra, 2019; Correa-Rodríguez et al., 2020).

Вероятно, в условиях ожидания такого события, как кардиохирургическая операция, ухудшается способность реалистичного восприятия дей-

ствительности и рационального мышления, а на когнитивные процессы оказывает существенное влияние эмоциональный фактор. Соответственно, в данной ситуации у пациентов актуализируются когнитивные ошибки. Однако в структуре психоэмоциональных особенностей мужчин и женщин перед КШ по результатам выполненного исследования выявлены различия. Так, более высокая выраженность соматизации, межличностной сенситивности и тревожности у женщин отражает фиксацию на самочувствии, эмоциональную чувствительность в межличностных контактах, беспокойство. Такая же тенденция «слабого типа реагирования» проявляется и в реакциях на болезнь: у женщин чаще встречались неврастенический и сенситивный типы отношения к болезни. Проявление указанных психоэмоциональных особенностей может быть закономерным, учитывая то, что у женщин чаще проявлялась склонность к интроверсии. Тенденция «погружения в собственные переживания», недостаточное их выражение, вероятно, усиливают интенсивность указанных психоэмоциональных проявлений. Можно предположить, что для женщин наиболее значима роль негативного опыта: в данной группе чаще, чем у мужчин, встречалась когнитивная ошибка по типу генерализации.

У мужчин выявлена более высокая частота встречаемости когнитивных ошибок по типу произвольных умозаключений. Также в группе пациентов мужского пола чаще отмечались наличие эргопатического отношения к болезни и более высокая в сравнении с группой женщин выраженность показателя враждебности.

Можно сделать предположение о том, что выявленные особенности могут быть проявлением черт, являющихся характерными для личностного типа «А» (активность, энергичность, агрессивность, нетерпеливость, враждебность). Традиционно тип «А» рассматривается как свойственный лицам, «предрасположенным» к ИБС, однако следует упомянуть, что по данным некоторых источников связь ИБС и типа «А» не подтверждается (Sahoo, Padhy, Singla, Sarkar, 2018). В структуре черт указанного типа описаны и такие характеристики, как решительность, честолюбие, настрой на конкуренцию (Мартынов, Акатова, Николин, Урлаева, 2016). Возможно, указанные личностные особенности являются основой формирования большей уверенности в себе, убежденности в собственной правоте, склонности не подвергать сомнению свои мысли и утверждения. Соответственно, при наличии указанных характеристик вероятным является продуцирование произвольных умозаключений, которые делаются даже при отсутствии четких подкрепляющих фактов.

Следует указать, что, согласно результатам выполненного исследования, по данным анализа всей группы (N = 60) наиболее часто встречались личностные особенности, отражающие неорганизованность, ограниченность интересов, раздражительность и враждебность в межличностных контактах (сниженные значения шкал «самосознание», «готовность к сотрудничеству» и «личностные ресурсы»). При этом наиболее выраженные различия в группах мужчин и женщин проявляются на уровне психоэмо-

ционального реагирования, что, вероятно, связано со спецификой когнитивных ошибок у пациентов мужского и женского пола, а также, возможно, с особенностями «мужского» и «женского» типа поведения и психоэмоционального реагирования: более выраженная межличностная сенситивность, эмоциональная чувствительность у женщин и более низкая тревожность, но более высокая враждебность у мужчин.

В группе пациентов старше 65 лет более высокими являются показатели соматизации, депрессии; чаще выявляется меланхолическое и ипохондрическое отношение к болезни. При этом среди пациентов данной группы чаще встречалось «дихотомическое мышление» и реже – «генерализация». Вероятно, склонность к «категоричному мышлению» в сочетании с фиксацией на болезни может иметь выражение в пониженном эмоциональном фоне, меланхолических реакциях на болезнь.

Суть «дихотомического мышления» заключается в том, что оценка событий и ситуаций характеризуется наличием крайностей; какие-либо аспекты реальности просто разделяются на две противоположные категории. Можно заключить, что в указанных особенностях восприятия действительности проявляется тенденция «упрощения реальности». Анализ событий и ситуаций сводится к примитивному разделению на «позитивное» и «негативное». Таким образом, процесс переработки информации становится менее сложным. Известно, что продуктивность этого процесса связана с когнитивными функциями, обеспечивающими познание реальности. Это наиболее сложные функции головного мозга, отвечающие за процесс познания мира и взаимодействие с ним (Ерёмина, Петрова, Прокопенко, Исаева, Каскаева, 2014). В научной литературе имеются сведения о нарушениях когнитивных процессов у пожилых пациентов, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями. Так, например, отмечают, что у пациентов пожилого возраста, страдающих ИБС, широко распространены когнитивные расстройства, затрудняющие лечение, а также ухудшающие качество жизни и прогноз (Ушакова, Александров, Будникова, Линьков, 2016). О.С. Григорьева и соавт. указывают на то, что сердечно-сосудистые заболевания, в частности ишемическая болезнь сердца, приводят как к снижению отдельных когнитивных функций, так и к ухудшению когнитивного здоровья в целом (Григорьева, Еремина, Щелкова, 2019). Как сообщают авторы, проблема возникновения изменений когнитивных способностей у пожилых пациентов остается открытой и требует комплексного исследования. Когнитивные нарушения у пациентов с ИБС в пожилом возрасте отмечают и зарубежные исследователи (Burkauskas et al., 2018; Deckers et al., 2017).

Таким образом, можно предположить, что «когнитивное упрощение», заключающееся в примитивном разделении информации о реальности лишь на две категории, может быть связано с когнитивными расстройствами при ИБС. Соответственно, интересным и перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение когнитивных ошибок в связи со структурой и выраженностью нарушений когнитивной

сферы у больных ИБС. Результаты таких исследований могли бы показать особенности взаимосвязи когнитивных ошибок не только с психологическими, но и с медико-биологическими факторами.

В целом по результатам выполненного исследования установлено: когнитивные ошибки встречаются практически у всех больных, что подчеркивает значимость роли когнитивной терапии. Ошибки восприятия и мышления способствуют искажению реальности, формированию неправильных заключений и возникновению соответствующих психоэмоциональных реакций. Соответственно, в ходе реализации мероприятий психологического сопровождения при подготовке к КШ на этапе психологической диагностики необходимо выявлять имеющиеся у пациентов когнитивные ошибки и осуществлять психологическую коррекцию.

В связи с указанными целями следует подчеркнуть важнейшее значение клинико-психологического метода: наблюдения и беседы. В классической монографии А. Бек и соавт. по когнитивной терапии «Когнитивная терапия депрессии», отмечено, что опрос – это не только психодиагностическая процедура, но и основное терапевтическое средство: «...даже единственный вопрос, если он попадает в точку, помогает привлечь внимание пациента к определенной проблеме, позволяет оценить его реакцию на эту проблему, получить непосредственную информацию о проблеме, наметить пути ее решения и, наконец, вызвать у пациента сомнения в правильности некогда сделанных им выводов (Бек и др., 2003).

В процессе диагностической и психокоррекционной работы с больными ишемической болезнью сердца перед коронарным шунтированием важно учитывать, что в структуре «ошибочного мышления» пациентов мужского пола возможны произвольные умозаключения. При проведении психокоррекции целесообразно использование таких техник, как разъяснение термина «когниции», объяснение влияния когниций на эмоции и поведение, реатрибуция.

В ходе психокоррекционной работы с женщинами перед КШ важным аспектом являются анализ и обсуждение возможного негативного опыта (с учетом вероятного наличия когнитивной ошибки по типу генерализации). Целесообразным является применение классических когнитивных техник, включая информирование о влиянии когниций на эмоциональную и поведенческую сферу, выявление и коррекцию «автоматических мыслей». Учитывая вероятные проявления у женщин «сенситивного типа психоэмоционального реагирования» (эмоциональная чувствительность, впечатлительность, тревожность), следует особенно подчеркнуть роль эмоциональной поддержки.

В процессе работы с пациентами пожилого возраста важно учитывать вероятность наличия такой когнитивной ошибки, как «дихотомическое мышление». Следует принимать во внимание и возможные когнитивные нарушения, связанные с медико-биологическими факторами. При наличии отчетливых когнитивных нарушений важен комплексный подход (консультация невролога, психотерапевта, специалиста по гериатрии). При от-

сутствии грубых когнитивных нарушений можно применять техники когнитивной и поведенческой терапии.

Следует подчеркнуть, что в ходе работы психолога с больными ИБС крайне важно учитывать особенности соматического состояния пациентов, обсуждать с лечащим врачом возможные показания и противопоказания к применению каких-либо психокоррекционных методов, избегать применения техник конфронтации (или применять их с осторожностью). Важно принимать во внимание тот факт, что эмоциональные «всплески», являющиеся относительно безопасными для здорового человека, могут представлять реальную угрозу для пациента с тяжелой сердечно-сосудистой патологией.

Заключение

Роль психокоррекции «ошибочного мышления» больных ишемической болезнью сердца перед коронарным шунтированием представляется особенно значимой с учетом известного в когнитивной терапии факта влияния когнитивных ошибок на эмоциональное состояние и восприятие болезни. У всех обследованных больных перед операцией выявлялись когнитивные ошибки. В результате исследования психологических особенностей у женщин выявлены более выраженные проявления соматизации, межличностной сенситивности и тревожности, а у мужчин – враждебности. У женщин чаще выявлялись неврастенический и сенситивный типы отношения к болезни, у мужчин – эргопатический. В группе пациентов старше 65 лет более высоки показатели соматизации и депрессии, чаще выявлялись ипохондрический и меланхолический типы отношения к болезни. При этом из когнитивных ошибок у женщин чаще встречалась «генерализация», у мужчин «произвольные умозаключения», а в более старшей возрастной группе пациентов – «дихотомическое мышление».

В ходе психокоррекционной работы с пациентами в рамках подготовки к КШ необходимо обсуждать и анализировать возможные когнитивные ошибки. В частности, важен целенаправленный расспрос пациентов об индивидуальном опыте лечения, взаимодействия с врачами с целью определения возможных «негативных обобщений». Общие выводы («генерализация»), основанные на единичных неблагоприятных случаях, могут использоваться пациентами для интерпретации актуальной ситуации лечения, что приводит к искажению восприятия ими информации о болезни и врачебных рекомендациях.

Также следует обращать внимание на те высказывания пациентов, которые являются произвольными, не имеющими опоры в виде достоверной информации, получаемой от врача. При выявлении произвольных умозаключений целесообразно совместно с пациентом осуществлять осторожный последовательный поиск фактов, опровергающих его утверждения. При этом следует избегать прямого указания на противоречия. Конфрон-

тация может быть полезной, но, согласно полученным результатам, возможны негативные реакции со стороны пациента, требующие больше времени на проработку ошибочного мышления в процессе психокоррекции (это является затруднительным в условиях кратких сроков подготовки к КШ в кардиологическом стационаре).

При работе с пациентами старшей возрастной группы важная задача – выявление склонности к жестким, категоричным умозаключениям. При наличии такой когнитивной ошибки («дихотомическое мышление») можно применять когнитивные техники психокоррекции. Однако психокоррекционная работа с данной группой пациентов представляется более сложной с учетом возможных когнитивных нарушений. Целесообразным является информирование врачей о склонности пациентов «мыслить крайностями» и об особенностях беседы с ними. Так, при сообщении медицинской информации следует особенно акцентировать внимание пациента на значимости всех деталей предоставляемой информации, подчеркивая многоаспектность лечебно-реабилитационного процесса.

Полученные результаты позволяют усовершенствовать процесс психологического сопровождения пациентов с ишемической болезнью сердца перед коронарным шунтированием, а также помочь врачам повысить эффективность коммуникации и взаимодействия с пациентами.

Литература

- Бек, А., Раш, А., Шо, Б., Эмери, Г. (2003). *Когнитивная терапия депрессии*. СПб.: Питер.
- Белан, И. А., Ложникова, Л. Е., Барбухатти, К. О. (2015). Тревожность как фактор риска неблагоприятного течения ишемической болезни сердца после аортокоронарного шунтирования. *Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика*, 2(8). <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения: 27.08.2020).
- Григорьева, О. С., Еремина, Д. А., Щелкова, О. Ю. (2019). Клинические, психосоциальные и эмоционально-личностные характеристики пациентов пожилого возраста с различной динамикой когнитивного функционирования. *Петербургский психологический журнал*, 27, 17–35.
- Ерёмина, Д. А. (2019). Изучение когнитивного функционирования в кардиохирургической клинике: методология и перспективные направления исследований. *Клиническая и специальная психология*, 8(4), 1–22. URL: <https://doi.org/10.17759/crpe.2019080401> (дата обращения: 27.08.2020).
- Ерёмина, О. В., Петрова, М. М., Прокопенко, С. В., Исаева, Н. В., Каскаева, Д. С. (2014). Когнитивные нарушения у пациентов с ишемической болезнью сердца. *Бюллетень сибирской медицины*, 6, 48–56.
- Левашкевич, Ю. Л., Великанов, А. А., Юрлова, Т. Г., Исаева, Е. Р., Демченко, Е. А. (2015). Когнитивные ошибки как мишень психокоррекции у больных ишемической болезнью сердца до и после коронарного шунтирования. *Профилактическая и клиническая медицина*, 1(54), 110–114.
- Легостаева, Е. С. (2018). Когнитивные ошибки у лиц, страдающих тяжелыми соматическими заболеваниями. *Современные проблемы науки и образования*, 5. <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28156> (дата обращения: 27.08.2020).
- Лысенкова, Н. О., Жилина, А. Н., Румянцев, М. И., Куприянов, А. Е. (2017). Психологические особенности больных ишемической болезнью сердца. *Медицинская психо-*

- логия в России: электронный научный журнал, 9(5(46)). <http://mprj.ru> (дата обращения: 27.08.2020).
- Мартынов, А. И., Акатова, Е. В., Николин, О. П., Урлаева, И. В. (2016). Поведенческий тип А как фактор риска острого коронарного синдрома. *Терапия*, 1(5), 82–87.
- Николаев, Е. Л., Лазарева, Е. Ю. (2015). Психотерапия и психологическая помощь больным сердечно-сосудистыми заболеваниями. *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*, 11(1), 57–76.
- Серый, А. В., Яницкий, М. С., Солодухин, А. В., Трубникова, О. А. (2017). Методологические основания разработки комплексного подхода в психологической коррекции и психотерапии пациентов кардиологического профиля до и после коронарного шунтирования. *Сибирский психологический журнал*. 63, 89–101. doi: 10.17223/17267080/63/7
- Солодухин, А. В., Серый, А. В., Яницкий, М. С., Трубникова, О. А. (2017). Возможности методов когнитивно-поведенческой психотерапии в изменении внутренней картины болезни у пациентов с ишемической болезнью сердца. *Фундаментальная и клиническая медицина*, 2(1). 84–90.
- Сумин, А. Н., Барбараш, О. Л. (2014). Психологический дистресс у больных при коронарном шунтировании: распространенность и клиническое значение. *Сердце: журнал для практикующих врачей*, 13(6(80)), 360–366.
- Ушакова, С. Е., Александров, М. В., Будникова, Н. В., Линьков, В. В. (2016). К проблеме когнитивных расстройств у больных артериальной гипертензией пожилого и старческого возраста. *Лечебное дело*, 1, 8–18.
- Яничев Д.П. (2006). *Когнитивные аспекты самовосприятия личностных черт у пациентов с невротической и неврозоподобной симптоматикой* (кандидатская диссертация). Санкт-Петербургский государственный университет, СПб.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 14.04.2020 г.; повторно 05.05.2021 г.;
принята 08.10.2021 г.

Великанов Арсений Апетович – доцент кафедры гуманитарных наук, медицинский психолог, отделение психологии ФГБУ «НМИЦ им. В.А. Алмазова» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: arsen.velikanov@gmail.com

Левашкевич Юлия Леонидовна – заместитель директора, Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Приморского района Санкт-Петербурга».

E-mail: L-U-L@mail.ru

Столярова Анна Александровна – клинический психолог, волонтер, ФГБУ «НМИЦ им. В.А. Алмазова» Минздрава России.

E-mail: anna.stoljarova@gmail.com

Демченко Елена Алексеевна – главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории реабилитации, ФГБУ «НМИЦ им. В.А. Алмазова» Минздрава России, доктор медицинских наук.

E-mail: elenademchenko2006@rambler.ru

For citation: Velikanov, A. A., Levashkevich, Y. L., Stoljarova, A. A., Demchenko, E. A. (2022). Age and sex determined differences in cognitive distortions and psychological traits in patients with coronary heart disease before coronary artery bypass. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 184–203. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/10

Age and sex determined differences in cognitive distortions and psychological traits in patients with coronary heart disease before coronary artery bypass surgery

A.A. Velikanov¹, Y.L. Levashkevich², A.A. Stoljarova¹, E.A. Demchenko¹

¹*Almazov National Medical Research Centre of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2, Akkuratova Str., Saint Petersburg, 197341, Russian Federation*

²*St. Petersburg State Budgetary Institution "Center of social rehabilitation for people and children with disabilities in the Primorsky District of St. Petersburg", 27 build. 2, Bogatyrysky prospekt, Saint Petersburg, 197372, Russian Federation*

Abstract

In patients with cardiovascular diseases, including CHD, the prevalence of anxiety and depression is considerable. Cognitive behavioral therapy is believed to be an effective tool for treating anxiety and depression. In the theory underlying cognitive behavioral psychotherapy, cognitive distortions play an important role. Cognitive distortions are misperception and misprocessing of information. Cognitive distortions are not a sign of mental disorders, however, their presence when assessing any situations (for example, while waiting for cardiac surgery) can lead to a range of psychological problems, in particular, to the development of anxiety and depression. Thus, the study of cognitive distortions in patients with cardiovascular diseases is of great importance in the view of the possibility of their negative impact on the mental state. Besides, according to the theoretical foundations of cognitive behavioral therapy, the presence of cognitive distortions also affects the interpersonal interaction (distorted perception of information, incorrect interpretation of behavior in the process of communication, etc.). Accordingly, the presence of cognitive distortions can also negatively affect patient-doctor interaction and adherence to treatment.

The research aims to study the cognitive distortions and psychological characteristics of patients with CHD before CABG taking into consideration sex and age. The present study involved 60 patients with CHD, including 32 men (53%) and 28 women (47%). The average age of patients was 63 ± 8 years. Two groups of subjects were identified by age criterion: up to 65 years old and over 65 years old. To study cognitive distortions, the interview, and psychological testing (SCL-90-R and BIG 5 questionnaires) were carried out.

All patients had different types of cognitive distortions. Men were more likely to spontaneous conclusions (37.5%), women were more likely to have overgeneralization (35%). In patients of the older age group ($65 <$), the prevalence of dichotomous thinking was more frequent (25.92%). According to the results of the SCL-90-R questionnaire, women before CABG have higher indices of somatization, interpersonal sensitivity, and anxiety; men have higher indices of hostility. Patients over 65 years old have a higher level of somatization and depression.

According to the results of the BIG 5 test, the majority of patients demonstrated a "below average" level in terms of "conscientiousness", "agreeableness", "openness to experience". For men, in terms of extraversion, the "above average" level was more common, while for women it was "level below average". When planning psychological testing and psychotherapy before CABG and during the rehabilitation, the identified psychological characteristics of patients and the specificity of cognitive distortions should be taken into account.

Keywords: coronary heart disease; coronary artery bypass grafting; cardiovascular diseases; cognitive distortions; cognitive behavioral therapy; personality traits; overgeneralization; dichotomous thinking; spontaneous conclusions.

References

- Aghaei, M., Samkhaniyan, E., Mahdavi, A., Faraji, J., & Roshandel, Z. (2015). Effectiveness of behavioral-cognitive group therapy on depression, anxiety, and stress of patients with coronary heart disease. *Journal of medicine and life*, 8(4), 252–257.
- Beck, A., Rush, A., Shaw, B., & Emery, G. (2003). *Kognitivnaya terapiya depressii* [Cognitive Therapy of Depression] (Trans.). St. Petersburg: Piter.
- Belan, I. A., Lozhnikova, L. E., & Barbukhatti, K. O. (2015). Trevozhnost' kak faktor riska neblagopoluchnogo techeniya ishemicheskoy bolezni serdtsa posle aortokoronarnogo shuntirovaniya [Anxiety as a risk factor for an unfavorable course of coronary heart disease after coronary artery bypass grafting]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika*, 2(8). Retrieved August 27, 2020, from <http://medpsy.ru/climp>
- Burkauskas, J., Lang, P., Bunevičius, A., Neverauskas, J., Bučiūtė-Jankauskienė, M., & Mickuvienė, N. (2018). Cognitive function in patients with coronary artery disease: A literature review. *The Journal of International Medical Research*, 46(10), 4019–4031. doi: 10.1177/0300060517751452
- Correa-Rodríguez, M., Abu Ejheisheh, M., Suleiman-Martos, N., Membrive-Jiménez, M. J., Velando-Soriano, A., Schmidt-Rio Valle, J., & Gómez-Urquiza, J. L. (2020). Prevalence of Depression in Coronary Artery Bypass Surgery: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of Clinical Medicine*, 9(4):909. doi: 10.3390/jcm9040909
- Davidson, K. W., Alcántara, C., & Miller, G. E. (2018). Selected psychological comorbidities in coronary heart disease: Challenges and grand opportunities. *The American Psychologist*, 73(8), 1019–1030. doi: 10.1037/amp0000239
- De Hert, M., Detraux, J., & Vancampfort, D. (2018). The intriguing relationship between coronary heart disease and mental disorders. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 20(1), 31–40.
- Deckers, K., Schievink, S., Rodriquez, M., van Oostenbrugge, R. J., van Boxtel, M., Verhey, F., & Köhler, S. (2017). Coronary heart disease and risk for cognitive impairment or dementia: Systematic review and meta-analysis. *PloS one*, 12(9), e0184244. doi: 10.1371/journal.pone.0184244
- Derogatis, L.R. (1992). *SCL-90-R: Administration, Scoring of Procedures Manual-II for the Revised Version and Other Instruments of the Psychopathology Rating Scale Series*. Towson, MD: Clinical Psychometric Research Incorporated.
- Eremina, D. A. (2019). The Study of Cognitive Functioning in the Cardiac Surgery Clinic: Methodology and Promising Areas of Research. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical Psychology and Special Education*, 8(4), 1–22. doi: 10.17759/cpse.2019080401
- Eremina, O. V., Petrova, M. M., Prokopenko, S. V., Isaeva, N. V., & Kaskaeva, D. S. (2014). Kognitivnye narusheniya u patsientov s ishemicheskoy bolezn'yu serdtsa [Cognitive impairment in patients with ischemic heart disease]. *Byulleten' sibirskoy meditsiny*, 6, 48–56.
- Farquhar, J. M., Stonerock, G. L., & Blumenthal, J. A. (2018). Treatment of Anxiety in Patients With Coronary Heart Disease: A Systematic Review. *Psychosomatics*, 59(4), 318–332. doi: 10.1016/j.psych.2018.03.008
- Grigorieva, O. S., Eremina, D. A., & Shchelkova, O. Yu. (2019). Klinicheskie, psikhosotsial'nye i emotsional'no-lichnostnye kharakteristiki patsientov pozhilogo vozrasta s razlichnoy dinamiko kognitivnogo funktsionirovaniya [Clinical, psychosocial and emotional-personal characteristics of elderly patients with different dynamics of cognitive functioning]. *Peterburgskiy psikhologicheskii zhurnal*, 27, 17–35.
- Legostaeva, E. S. (2018). Kognitivnye oshibki u lits, stradayushchikh tyazhelymi somaticheskimi zabolevaniyami [Cognitive errors in persons suffering from severe somatic diseases]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 5. Retrieved August 27, 2020, from <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28156>

- Levashkevich, Yu. L., Velikanov, A. A., Yurlova, T. G., Isaeva, E. R., & Demchenko, E. A. (2015). Kognitivnye oshibki kak mishen' psikhokorreksii u bol'nykh ishemicheskoy bolezni'yu serdtsa do i posle koronarnogo shuntirovaniya. Profilakticheskaya i klinicheskaya meditsina [Cognitive errors as a target for psychocorrection in patients with coronary heart disease before and after coronary bypass surgery. Preventive and clinical medicine]. *Nauchno-prakticheskiy zhurnal. Severo-Zapadnyy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet im. I.I. Mechnikova*, 1(54), 110–114.
- Lysenkova, N. O., Zhilina, A. N., Rumyantsev, M. I., & Kupriyanov, A. E. (2017). Psikhologicheskie osobennosti bol'nykh ishemicheskoy bolezni'yu serdtsa [Psychological features of patients with ischemic heart disease]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, 9(5). Retrieved August 27, 2020, from <http://mprj.ru>
- Magán, I., Casado, L., Jurado-Barba, R., Barnum, H., Redondo, M., Hernandez, A., & Bueno, H. (2020). Efficacy of psychological interventions on psychological outcomes in coronary artery disease: Systematic review and meta-analysis. *Psychological Medicine*, 51(11), 1–15. doi: 10.1017/S0033291720000598
- Martynov, A. I., Akatova, E. V., Nikolin, O. P., & Urlaeva, I. V. (2016). Povedencheskiy tip A kak faktor riska ostrogo koronarnogo sindroma [Behavioral type A as a risk factor for acute coronary syndrome]. *Terapiya*, 1(5), 82–87.
- Nikolaev, E. L., & Lazareva, E. Yu. (2015). Psikhoterapiya i psikhologicheskaya pomoshch' bol'nym serdechno-sosudistymi zabolevaniyami [Psychotherapy and psychological assistance to patients with cardiovascular diseases]. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii*, 11(1), 57–76.
- Prado-Olivares, J., & Chover-Sierra, E. (2019). Preoperative Anxiety in Patients Undergoing Cardiac Surgery. *Diseases (Basel, Switzerland)*, 7(2): 46. doi: 10.3390/diseases7020046
- Reavell, J., Hopkinson, M., Clarkesmith, D., & Lane, D. A. (2018). Effectiveness of Cognitive Behavioral Therapy for Depression and Anxiety in Patients With Cardiovascular Disease: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Psychosomatic Medicine*, 80(8). 742–753. doi: 10.1097/PSY.0000000000000626
- Sahoo, S., Padhy, S. K., Singla, N., & Sarkar, S. (2018). Role of personality in cardiovascular diseases: An issue that needs to be focused too! *Indian Heart Journal*, 70, 471–477. doi: 10.1016/j.ihj.2018.11.003
- Seryy, A. V., Yanitskiy, M. S., Solodukhin, A. V., & Trubnikova, O. A. (2017). The methodological bases of the integrated approach development in psychological correction and psychotherapy of cardiological patients before and after coronary bypass surgery. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 63, 89–101. doi: 10.17223/17267080/63/7
- Solodukhin, A. V., Seryy, A. V., Yanitskiy, M. S., & Trubnikova, O. A. (2017). Vozmozhnosti metodov kognitivno-povedencheskoy psikhoterapii v izmenenii vnutrenney kartiny bolezni u patsientov s ishemicheskoy bolezni'yu serdtsa [Possibilities of methods of cognitive-behavioral psychotherapy in changing the internal picture of the disease in patients with coronary heart disease]. *Fundamental'naya i klinicheskaya meditsina – Fundamental and Clinical Medicine*, 2(1), 84–90.
- Sumin, A. N., & Barbarash, O. L. (2014). Psikhologicheskii distress u bol'nykh pri koronar-nom shuntirovanii: rasprostranennost' i klinicheskoe znachenie [Psychological distress in patients with coronary artery bypass grafting: prevalence and clinical significance]. *Serdts: zhurnal dlya praktikuyushchikh vrachey*, 13(6), 360–366.
- Ushakova, S. E., Aleksandrov, M. V., Budnikova, N. V., & Linkov, V. V. (2016). K probleme kognitivnykh rassstroystv u bol'nykh arterial'noy gipertoniei pozhilogo i starcheskogo voz-rasta [On the problem of cognitive disorders in elderly and senile patients with arterial hypertension]. *Lechebnoe delo*, 1, 8–18.
- Yanichev, D.P. (2006). *Kognitivnye aspekty samovospriyatiya lichnostnykh chert u patsientov s nevroticheskoy i nevrozopodobnoy simptomatikoy* [Cognitive aspects of self-perception

of personality traits in patients with neurotic and neurosis-like symptoms] (PhD Candidate dissertation). St. Petersburg State University, St. Petersburg.

Received 14.04.2020; Revised 05.05.2021;

Accepted 08.10.2021

Arseniy A. Velikanov – Clinical Psychologist, Psychotherapy Department, Associate Professor of Human Sciences Department, “Almazov National Medical Research Centre” of the Ministry of Health of the Russian Federation. Ph. D. (Psychol.)

E-mail: arsen.velikanov@gmail.com

Yulia L. Levashkevich – Deputy Director of St. Petersburg State Budgetary Institution “Center of social rehabilitation for people and children with disabilities in the Primorsky District of St. Petersburg”.

E-mail: L-U-L@mail.ru

Anna A. Stoljarova – clinical psychologist, volunteer, “Almazov National Medical Research Centre” of the Ministry of Health of the Russian Federation.

E-mail: anna.stoljarova@gmail.com

Elena A. Demchenko – Head of the Research Laboratory of Rehabilitation, “Almazov National Medical Research Centre” of the Ministry of Health of the Russian Federation. D. Sc. (Med.).

E-mail: elenademchenko2006@rambler.ru

УДК 616-056.11+340.6

ОСОБЕННОСТИ ДИЗРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ У ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Н.Е. Лысенко¹, М.Ю. Белякова¹

¹ ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, Россия, 119034, Москва, Кропоткинский пер., 23

Резюме

Цель исследования – определение взаимосвязей между параметрами саморегуляции и индивидуально-типологическими особенностями женщин, совершивших общественно опасные деяния (ООД). В Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского (Москва) обследовали 25 женщин, совершивших ООД, признанных вменяемыми, а также 27 женщин, признанных невменяемыми в отношении совершенных ими ООД. В группу сравнения вошли 26 женщин с нормосообразным поведением. Изучили индивидуально-типологические особенности, связанные с различными параметрами саморегуляции. Качественный и количественный анализ психологической структуры саморегуляции выявил, что в группах женщин, совершивших ООД, отмечаются корреляционные связи, отражающие нарушение регуляции поведения. **Результаты** показывают, что при присоединении фактора криминализации, т.е. совершения ООД, снижается как общее количество корреляций различных параметров саморегуляции с индивидуально-типологическими характеристиками, так и степень выраженности таких взаимосвязей и качественная характеристика этих сочетаний: все меньше становится взаимосвязей, которые отражают сохранность тех или иных звеньев саморегуляции. В группе женщин, которых рекомендовано считать вменяемыми, высокий уровень программирования поведения связан с социальной желательностью и низкой чувствительностью к опасным или негативным стимулам, а низкая способность к программированию поведения – с высоким психотизмом и импульсивностью. Оценка результатов своего поведения связана со стремлением к улучшению мнения других людей о себе, а параметр «гибкость» – с эгоцентризмом и низкой чувствительностью к опасным ситуациям. В группе женщин, совершивших ООД и признанных невменяемыми, отмечалось преобладание взаимосвязей параметров саморегуляции с переменными активации получения удовольствия и поощрения, а также дефицит взаимосвязей с формально-динамическими характеристиками психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сфер, которые объясняют непосредственность поведения и принятия решений, и разбалансированность темпераментальных основ деятельности. Параметры саморегуляции «моделирование» и «гибкость» обнаруживают связь со сниженной чувствительностью к опасности, приводящей к недостаточной сортировке позитивных и негативных стимулов среды, сигнализирующих о возможных негативных последствиях. Результаты подтверждают, что нарушение регуляции поведения сопровождается снижением количества структурных взаимосвязей между разноразрядными характеристиками, а также увеличением тех структурных взаимосвязей, которые отражают нарушения регуляции поведения.

Ключевые слова: саморегуляция; индивидуально-типологические особенности; дизрегуляция поведения; общественно опасные действия; женщины

Введение

Оценка нарушений саморегуляции поведения в юридически значимых ситуациях является основной задачей комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) (Кудрявцев, Лапшина, 2008; Ткаченко, Корзун, 2020). Правовые нормы предполагают существование только двух возможных вариантов регуляции поведения в юридически значимый период в зависимости от сохранности или нарушенности способности подэкспертного понимать значение своих действий и руководить ими – вменяемости и невменяемости. Однако психологическая наука не содержит таких критериев оценки саморегуляции, которые бы позволили разделить все возможные варианты саморегуляции в соответствии с установленной законом дихотомией. Поэтому необходимо выделить психологические критерии, которые позволяют дифференцировать глубину дизрегуляции поведения.

Влияние юриспруденции на методологию КСППЭ привело к тому, что нарушения саморегуляции связывались с недостаточной зрелостью морально-нравственных и ценностно-смысловых структур личности вследствие психического расстройства (Кудрявцев, 2007). Однако такое представление о саморегуляции противоречит взгляду, принятому в отечественной психологии, которая рассматривает саморегуляцию как иерархический, системно-организованный процесс психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами произвольной деятельности, реализующей достижение целей, в которой важную роль играют свойства темперамента (Конопкин, 2000).

В связи с этим в последние годы возросло количество эмпирических судебно-психологических исследований, направленных на выделение психобиологических механизмов общественно опасного поведения (Сафуанов и др., 2013; Самылкин, Ткаченко, 2020; Булыгина и др., 2019). Подчеркивается необходимость изучения операционально-технического уровня саморегуляции, включающего нейropsychологические (Булыгина, Жумагалиева, Макурина, Кабанова, 2021), индивидуально-типологические (Дубинский, Лысенко, Булыгина, 2019), психофизиологические характеристики (Каменсков, Введенский, 2014).

Подавляющее количество исследований психобиологических механизмов криминального поведения проводилось на мужской выборке. Аналогичные исследования на женской выборке единичны, хотя не менее важны: женская преступность приводит к крайне неблагоприятным социальным последствиям, включая алкоголизм и наркоманию, проблемы трудоустройства, трудности создания позитивных взаимоотношений, нарушения парентинга (родительства) (Алексеева, 2020).

Изучение причин женской преступности связано с рядом трудностей. Женская выборка характеризуется значительными отличиями от мужской по криминологическим, клинико-патологическим и психологическим показателям, что исключает перенос на группу женщин результатов исследо-

ваний, проведенных на мужской выборке (Кузнецов, Булыгина, 2012). Женская выборка правонарушителей малочисленна, в связи с чем возникают проблемы внутригрупповых сравнений (Gottschalk, Glaso, 2014; Wolff, Baglivio, Vaughn, DeLisi, Piquero, 2017). На точность выводов о психологических механизмах криминального поведения женщин оказывает влияние трудность отнесения некоторых правонарушителей к тому или иному полу в связи с актуальной тенденцией к гендерной нейтральности (Haynie, Stefensmeier, Bell, 2007; Schwartz, Conover-Williams, Clemons, 2014).

В настоящее время объяснение противоправного поведения женщин производится с позиций криминологического и клинико-биологического подходов. В криминологическом подходе преобладает точка зрения о социальном детерминизме женской преступности (Алексеева, 2020). Показано, что в связи с эмансипацией женщин с начала XX в. до сегодняшнего дня существенно выросло количество насильственных преступлений, совершенных женщинами (Алексеева, 2020, Smith, Gacono, Cunliffe, 2021). Увеличилась доля женщин, участвующих в «беловоротничковой» преступности (Gottschalk, Glaso, 2014; Rennison, Melde, 2013). Выявлено, что на формирование криминального поведения женщин оказывают влияние такие факторы, как ранее перенесенное насилие, антисоциальное семейное окружение, дефицит надзора, наличие асоциальных романтических партнеров и др. (Espelage, De La Rue, 2013).

В рамках клинико-биологического подхода накоплены данные о биологических предпосылках женской преступности (Lombroso, Ferrero, 1895; Crooks et al., 2019). Выявлено, что у женщин, страдающих шизофренией, преобладает продуктивно-психотический механизм совершения общественно опасных действий (Кузнецов, Булыгина, 2012; Качаева и др., 2021); у женщин с органическим психическим расстройством предикторами криминализации являются низкий когнитивный уровень, аутоагрессивные тенденции, дисфорическая агрессивность (Кузнецов, Булыгина, 2012); у женщин с органическим расстройством личности к противоправной активности приводило сочетание воздействия нескольких экзогенно-органических вредностей и длительного функционирующего цикла деформации социальных коммуникаций (Шишкина, Качаева, Трушелёв, 2019).

Оба подхода, криминологический и клинико-биологический, имеют ограничения в объяснении механизмов противоправного поведения женщин. Объектом исследования криминологии являются экономические, политические, культурные и иные социальные отношения в той мере, в какой они связаны с преступностью и детерминируют ее отдельные стороны. В клиническом подходе внимание уделяется психопатологическим механизмам противоправного поведения. Психологические особенности дисрегуляции поведения у женщин остаются малоизученными. Среди психологических особенностей женщин, совершивших преступления, выделяют импульсивность, отсутствие чувства вины, дисгармоничность личности, конфликт между стремлением к общению и подозрительностью, демонстративность, застреванность на переживаниях, легкость возникновения

фрустрации, раздражительность (Шиханцов, 2006; Лысенко, Булыгина, 2020). Однако все еще мало известно о тех психобиологических факторах индивидуальности, которые определяют нарушения саморегуляции, приводящие к совершению ООД.

Таким образом, изучение структурно-функциональных особенностей саморегуляции женщин с точки зрения обеспечивающих ее индивидуально-типологических характеристик необходимо для расширения и уточнения критериев оценки степени дисрегуляции поведения, связанной с совершением общественно опасных действий (ООД).

Цель исследования – выявление структуры индивидуально-психологических особенностей саморегуляции у женщин, совершивших ООД, в зависимости от факторов криминализации и психической патологии.

Были поставлены две задачи:

- 1) определить различия в параметрах саморегуляции в группах женщин, совершивших ООД, и женщин с нормосообразным поведением;
- 2) выделить структурные взаимосвязи между индивидуально-типологическими особенностями и различными параметрами саморегуляции, которые отражают особенности иерархической структуры индивидуальных характеристик в группе женщин, совершивших ООД.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 78 женщин, средний возраст которых составил $36,51 \pm 10,16$ лет. Из них 25 человек (32,10% выборки), средний возраст которых составил $38,12 \pm 13,91$ лет, обвинялись в совершении различных общественно опасных действий, и их было рекомендовано признать вменяемыми по результатам комплексной психолого-психиатрической экспертизы, проводимой в Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России (НМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России). Группа была представлена: психически здоровыми лицами (Z00–Z99) – 18 человек (72%); лицами, страдающими расстройствами, связанными с приемом психоактивных веществ (ПАВ) (F10–F19) – 7 человек (28%).

Вторую группу, 27 человек (34,61% выборки), средний возраст которых составил $36,62 \pm 8,77$ лет, составили женщины, признанные невменяемыми в отношении совершенных ими ООД и проходившими принудительное лечение в НМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России. Группа женщин была представлена лицами, страдающими психическим расстройством в форме шизофрении (F20–F29) – 21 человек (77,78%), органического расстройства личности (F07) – 5 человек (18,52%) и расстройства личности (F60) – 1 человек (3,70%).

Группа правонарушителей была однородной по социальным показателям развития: условиям жизни и воспитания, социальному окружению, образованию, профессиональной деятельности, семейному положению, истории привлечения к уголовной ответственности.

Группу сравнения составили 26 женщин с нормосообразным поведением, не страдающие психическими расстройствами, ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности (группа «норма») (33,33% выборки). Их средний возраст составил $34,85 \pm 6,83$ года. По возрасту группы женщин между собой достоверно не различались.

Диагностический комплекс включал следующий набор методик:

- опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССП). Методика подготовлена В.И. Моросановой, включает шкалы функциональных звеньев процесса саморегуляции «гибкость», «планирование», «моделирование», «программирование», «самостоятельность», «оценивание результатов» и «общий уровень саморегуляции», диагностирующий конструкт «саморегуляция»;

- опросник Г. Айзенка – шкалы экстраверсии, нейротизма, склонности к лжи, психотизма;

- опросник Кавера–Уайта (Carver, White), стандартизированный Г.Г. Князевым и Е.Р. Слободской. Методика диагностирует конструкт «активация», включающий шкалы: «чувствительность к опасности или негативным ситуациям» (BIS); «активация получения удовольствия» (BAS Fun); «активация достижения отдаленных целей» (BAS Drive); «активация ожидания поощрения» (BAS Reward);

- опросник самоконтроля (ОС). Опросник разработан Г. Грасмик, в адаптации В.Г. Булыгиной, содержит шкалы: «импульсивность», «предпочтение простых задач», «стремление к риску», «физическая активность», «эгоцентризм», «раздражительность», диагностирующий конструкт «самоконтроль»;

Также применяли опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) (В.М. Русалов), включающий шкалы психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной скорости, пластичности, эмоциональности и эргичности.

Валидность всех опросников была подтверждена ранее.

Статистическую обработку эмпирических данных включала χ^2 -критерий Краскела–Уоллиса для независимых выборок, корреляционный анализ Пирсона, структурно-функциональный анализ. Использовали статистический пакет SPSS 20.0.

Этический аспект. Работа выполнена с соблюдением стандартов на нераспространение персональных данных и этических требований, изложенных в приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 200н «Об утверждении правил надлежащей клинической практики».

Результаты исследования

Проведенное исследование выявило достоверное различие между группами женщин, совершивших ООД, которых было рекомендовано считать вменяемыми, женщин, совершивших ООД, признанных невменяемыми,

и женщин с нормосообразным поведением в параметрах саморегуляции: оценивание результатов ($\chi^2 = 16,46$, $p = 0,00$), гибкость ($\chi^2 = 9,13$, $p = 0,01$) и самостоятельность ($\chi^2 = 6,82$, $p = 0,03$) (рис. 1).

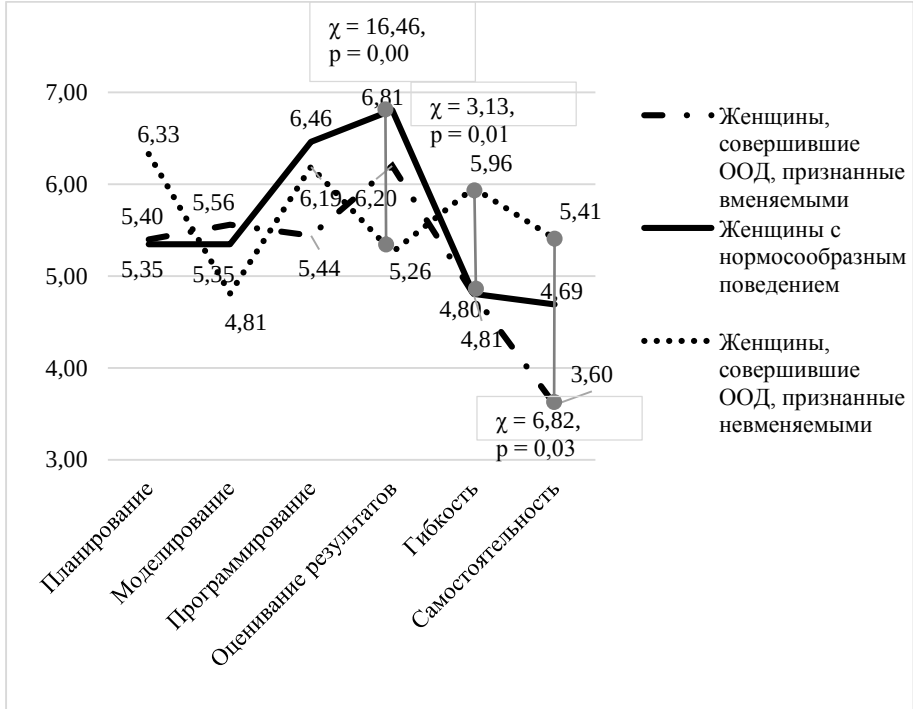

Рис. 1. Значения параметров опросника саморегуляции и достоверные различия в группах женщин с нормосообразным поведением, женщин, совершивших ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми, и женщин, совершивших ООД, признанных невменяемыми (Н-критерий Краскела–Уоллиса)

Результаты показали, что в группе женщин, совершивших ООД и признанных невменяемыми, отмечались низкие значения параметра «оценивание результатов» по сравнению с группой женщин с нормосообразным поведением и группой женщин, которых рекомендовано считать вменяемыми в отношении совершенных ими ООД. Это может свидетельствовать о несформированности внутренних критериев оценки своего поведения и низкой критичности к результатам своих действий. Наиболее высокие показатели параметра «гибкость» в этой группе могут определять недостаточную устойчивость намерений и зависимость поведения от изменчивых внешних влияний. Высокие значения по шкале «самостоятельность» в сочетании с вышеназванными переменными могут отражать недостаточную приверженность общепринятым нормам поведения.

В группе женщин, совершивших ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми, достоверное снижение показателей по шкалам «оценивание результатов» и «самостоятельность» отражает недостаток регуляторной

самостоятельности, зависимость от влияний извне в сочетании с низкой способностью к оцениванию своих результатов.

Корреляционный анализ

Для уточнения взаимосвязей между параметрами саморегуляции и индивидуально-типологическими особенностями был проведен корреляционный анализ. Выделены взаимосвязи между индивидуально-типологическими особенностями и различными параметрами сознательной саморегуляции, отражающие своеобразие регуляторных механизмов в зависимости от фактора совершения ООД.

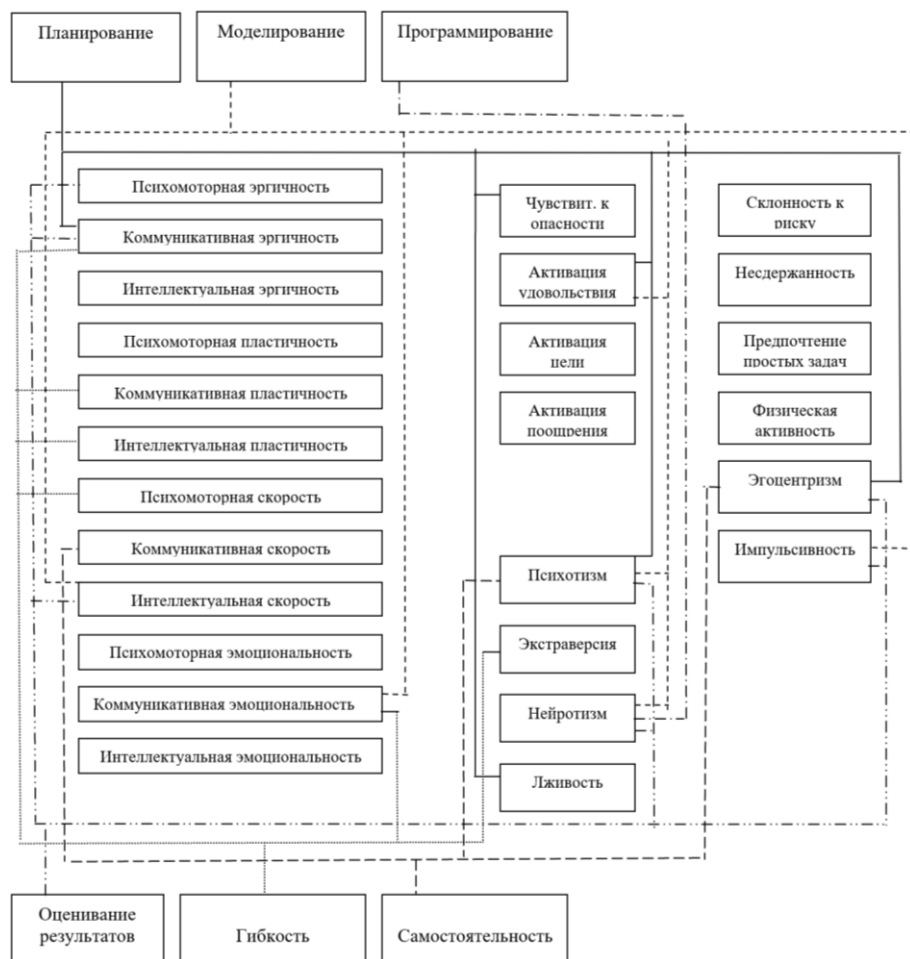

Рис. 2. Корреляционные плеяды в группе женщин с нормосообразным поведением. Линии, подходящие к блокам слева, указывают на прямые корреляционные взаимосвязи; линии, подходящие к блокам справа, указывают на отрицательные корреляционные взаимосвязи

В группе женщин с нормосообразным поведением параметр саморегуляции «планирование» положительно связан с коммуникативной эргичностью ($r = 0,52$ $p = 0,01$), социальной желательностью (шкала лжи) ($r = 0,40$ $p = 0,04$), а также с чувствительностью к опасности ($r = 0,47$ $p = 0,02$) и отрицательно с психотизмом ($r = -0,46$ $p = 0,02$), эгоцентризмом ($r = -0,40$ $p = 0,04$) и активацией получения удовольствия ($r = -0,56$ $p = 0,00$) (рис. 2).

Параметр саморегуляции «моделирование» положительно связан с интеллектуальной скоростью ($r = 0,47$ $p = 0,02$), а также обнаруживает отрицательную корреляцию с коммуникативной эмоциональностью ($r = -0,46$ $p = 0,02$), психотизмом ($r = -0,46$ $p = 0,02$), нейротизмом ($r = -0,40$ $p = 0,04$) и активацией получения удовольствия ($r = -0,54$ $p = 0,01$). Параметр саморегуляции «программирование» отрицательно связан с нейротизмом ($r = -0,42$ $p = 0,03$). Параметр «оценивание результатов» положительно связан с коммуникативной эргичностью ($r = 0,42$ $p = 0,03$), психомоторной эргичностью ($r = 0,47$ $p = 0,02$), интеллектуальной скоростью ($r = 0,47$ $p = 0,01$) и отрицательно с психотизмом ($r = -0,52$ $p = 0,01$), нейротизмом ($r = -0,40$ $p = 0,04$), эгоцентризмом ($r = -0,42$ $p = 0,03$), импульсивностью ($r = -0,48$ $p = 0,01$), несдержанностью ($r = -0,39$ $p = 0,05$). Параметр саморегуляции «гибкость» положительно связан с коммуникативной эргичностью ($r = 0,47$ $p = 0,02$), интеллектуальной пластичностью ($r = 0,54$ $p = 0,00$), коммуникативной пластичностью ($r = 0,55$ $p = 0,00$), психомоторной скоростью ($r = 0,52$ $p = 0,01$), экстраверсией ($r = 0,55$ $p = 0,00$), склонностью к риску ($r = 0,50$ $p = 0,01$), физической активностью ($r = 0,51$ $p = 0,01$), отрицательно с коммуникативной эмоциональностью ($r = -0,40$ $p = 0,04$). Параметр «самостоятельность» позитивно связан с коммуникативной скоростью ($r = 0,49$ $p = 0,01$), активацией получения удовольствия ($r = 0,39$ $p = 0,05$), психотизмом ($r = 0,40$ $p = 0,04$) и эгоцентризмом ($r = 0,43$ $p = 0,03$).

В группе женщин, совершивших ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми, параметр «планирование» не имел значимых взаимосвязей с индивидуально-типологическими характеристиками (рис. 3). Параметр «моделирование» имел прямую корреляционную связь с экстраверсией ($r = 0,42$ $p = 0,04$), обратную корреляционную связь с физической активностью ($r = -0,411$ $p = 0,04$) и импульсивностью ($r = -0,40$ $p = 0,05$). Параметр саморегуляции «программирование» прямо связан с лживостью ($r = 0,46$ $p = 0,02$) и имел обратную корреляционную связь с психотизмом ($r = -0,43$ $p = 0,03$), чувствительностью к опасности ($r = -0,52$ $p = 0,01$) и импульсивностью ($r = -0,40$ $p = 0,05$). Параметр «оценивание результатов» положительно связан с экстраверсией и лживостью (соответственно $r = 0,57$ $p = 0,00$ и $r = 0,41$ $p = 0,04$) и негативно с физической активностью ($r = -0,44$ $p = 0,03$) и импульсивностью ($r = -0,40$ $p = 0,05$). Параметр саморегуляции «гибкость» положительно связан с активацией достижения отдаленных целей ($r = 0,43$ $p = 0,03$), эгоцентризмом ($r = 0,51$ $p = 0,01$), обратно с интеллектуальной эмоциональностью ($r = -0,41$ $p = 0,04$) и чувствительностью к опасности ($r = -0,66$ $p = 0,00$). Параметр «самостоятельность» отрицательно связан с экстраверсией ($r = -0,41$ $p = 0,04$).

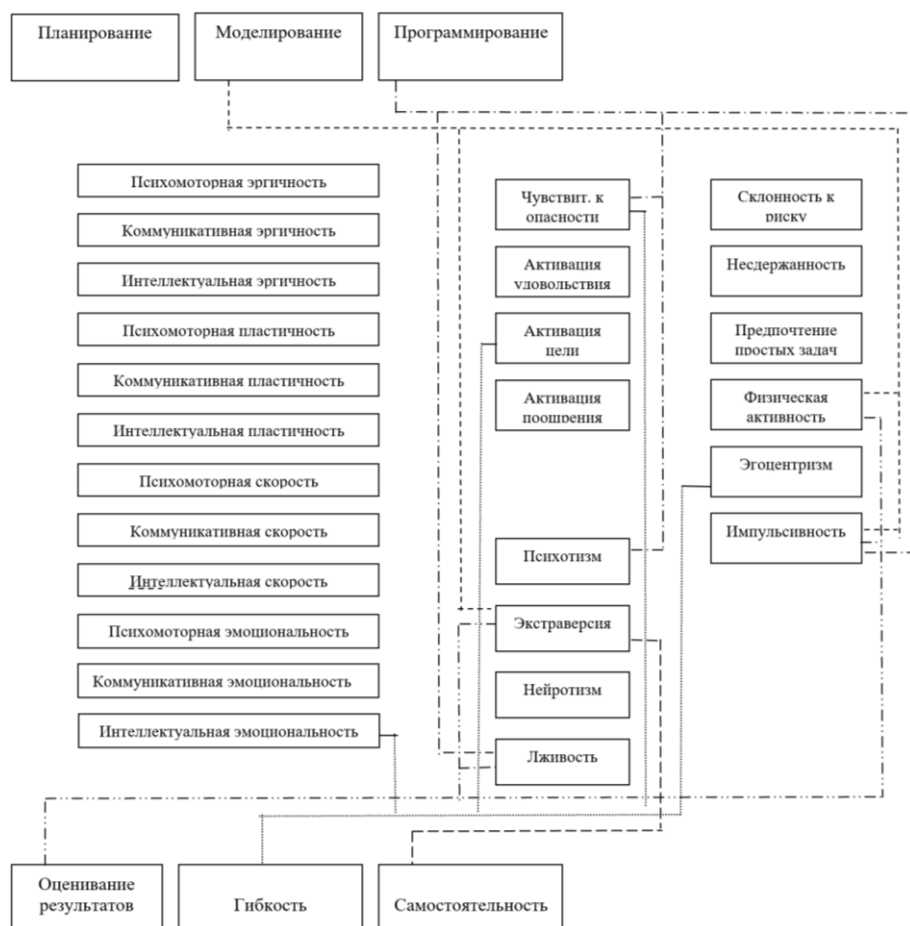

Рис. 3. Корреляционные плеяды в группе женщин, совершивших ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми в отношении совершенных ими общественно опасных деяний. Линии, подходящие к блокам слева, указывают на прямые корреляционные взаимосвязи; линии, подходящие к блокам справа, указывают на отрицательные корреляционные взаимосвязи

В группе женщин, признанных *невменяемыми* на момент совершения ООД, параметр «*планирование*» не обнаруживал связей с другими индивидуально-психологическими характеристиками (рис. 4). Параметр «*моделирование*» обнаруживал прямую связь с переменными психомоторная эргичность ($r = 0,52$ $p = 0,01$) и пластичность ($r = 0,46$ $p = 0,02$); а также обратную связь с параметрами психотизм ($r = -0,41$ $p = 0,04$), нейротизм ($r = -0,51$ $p = 0,01$), активация получения удовольствия ($r = -0,56$ $p = 0,00$), активация получения поощрения ($r = -0,70$ $p = 0,00$), склонность к риску ($r = -0,41$ $p = 0,03$), несдержанность ($r = -0,53$ $p = 0,01$), эгоцентризм ($r = -0,39$ $p = 0,05$) и чувствительность к опасности ($r = -0,53$ $p = 0,01$). Параметр «*программирование*» имеет обратную корреляционную связь с переменными актива-

ция получения удовольствия ($r = -0,41$ $p = 0,03$) и несдержанность ($r = -0,40$ $p = 0,04$). Параметр саморегуляции «оценивание результатов» обратно связан с переменными активация получения удовольствия ($r = -0,40$ $p = 0,04$) и активация получения поощрения ($r = -0,44$ $p = 0,02$). Параметр «гибкость» обнаруживал прямую связь с переменными экстраверсия ($r = 0,60$ $p = 0,00$), коммуникативная эргичность ($r = 0,45$ $p = 0,02$), коммуникативная скорость ($r = 0,43$ $p = 0,03$), а также обратную корреляционную связь с переменными социальная желательность ($r = -0,49$ $p = 0,01$) и чувствительность к опасности ($r = -0,43$ $p = 0,03$). Параметр «самостоятельность» имеет прямую корреляционную связь с переменными нейротизм ($r = 0,43$ $p = 0,02$), активация достижения цели ($r = 0,49$ $p = 0,01$), несдержанность ($r = 0,40$ $p = 0,04$) и эгоцентризм ($r = 0,47$ $p = 0,01$) и обратную с переменной социальная желательность ($r = -0,43$ $p = 0,03$).

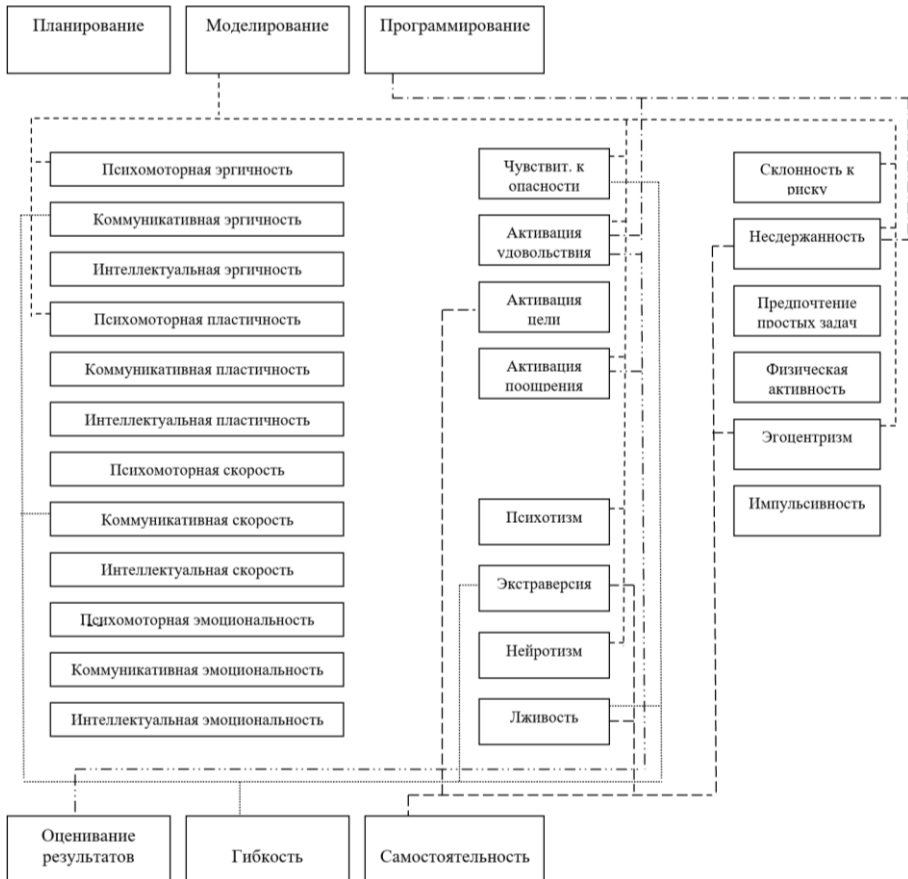

Рис. 4. Корреляционные плеяды в группе женщин, совершивших ООД и признанных невменяемыми в отношении совершенных ими общественно опасных деяний. Линии, подходящие к блокам слева, указывают на прямые корреляционные взаимосвязи; линии, подходящие к блокам справа, указывают на отрицательные корреляционные взаимосвязи

В дальнейшем в выделенных группах женщин был проведен структурно-функциональный анализ интеркорреляционных связей различных параметров саморегуляции с индивидуально-типологическими особенностями. Определены взаимосвязи, которые могут отражать нарушения саморегуляции.

Сравнительный структурно-функциональный анализ показал, что общее число корреляционных взаимосвязей в группе женщин, совершивших ООД, было значительно ниже, чем в группе женщин с нормосообразным поведением (15 и 31 соответственно) (таблица). При этом в группе женщин, совершивших ООД, отмечалось в 5 раз меньше взаимосвязей параметров саморегуляции с формально-динамическими характеристиками (соответственно 3 и 15). Также различалось разнообразие взаимосвязей, параметры саморегуляции оказались не связанными с формально-динамическими свойствами индивидуальности. Отличалось и качество взаимосвязей – в группе женщин с нормосообразным поведением отмечалось 12 взаимосвязей со статистической значимостью $\leq 0,01$ (38,71%), в группе женщин, совершивших ООД, отмечалось только 3 взаимосвязи со статистической значимостью $\leq 0,01$ (20%).

Структура взаимосвязей параметров саморегуляции с индивидуально-типологическими особенностями в группах психически здоровых и психически больных женщин, совершивших общественно опасные действия

Параметры саморегуляции и их значение	Женщины, совершившие ООД, вменяемые	Женщины, совершившие ООД, невменяемые	Женщины с нормосообразным поведением
Планирование: выдвижение и удержание целей, сформированность осознанного планирования деятельности	—	—	Планирование осуществляется с ориентацией на одобрение других (социальная желательность, высокая коммуникативная эргичность, низкие психотизм и эгоцентризм), а также с учетом возможных негативных последствий (высокая чувствительность к опасности и низкая активация получения удовольствия)
Моделирование представления о внешних и внутренних значимых условиях, их адекватность и детализированность	Моделирование связано с высокой экстраверсией, низкой импульсивностью и физической активностью	Моделирование связано с ростом психомоторной активности, снижением склонности к риску, несдержанности, эгоцентризма. Вместе с тем снижается и чувствительность к опасности	Моделирование связано с высокой интеллектуальной скоростью, низкими показателями психотизма, нейротизма, импульсивности и активации получения удовольствия

Продолжение таблицы

Параметры саморегуляции и их значение	Женщины, совершившие ООД, вменяемые	Женщины, совершившие ООД, невменяемые	Женщины с нормо-сообразным поведением
Программирование: продумывание способов своих действий для достижения целей	При высоком программировании – высокая социальная желательность сочетается с низкой чувствительностью к опасности. При низком программировании – высокие психотизм и импульсивность	Обратная связь с активацией получения удовольствия и несдержанностью	Связано с низким нейротизмом
Оценивание результатов: развитость и адекватность оценки себя и результатов своей деятельности	В ходе оценки своих результатов проявляются стремление к улучшению мнения других людей о себе, высокая потребность в активности и взаимодействии с окружающими	Обратная связь с активацией получения удовольствия и поощрения	Склонны к обсуждению результатов с другими людьми (коммуникативная эргичность, низкие эгоцентризм, психотизм, нейротизм), обдумыванию (высокая интеллектуальная скорость, низкие импульсивность и несдержанность) и улучшению (психомоторная эргичность)
Гибкость, способность вносить коррекции в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий	Гибкость связана с целедостижением (высокая активация достижения отдаленных целей), эгоцентризмом, низкой интеллектуальной эмоциональностью и низкой чувствительностью к опасным ситуациям	Связана с экстраверсией, коммуникативной эргичностью и скоростью и имеет обратную связь с социальной желательностью и чувствительностью к опасности	Связана с тенденцией к спокойному взаимодействию с окружающими (высокая коммуникативная эргичность и пластичность, низкая коммуникативная эмоциональность), способностью к перестройке интеллектуальной деятельности, а также с принятием риска и высокой физической активностью (склонность к риску, экстраверсия, физическая активность психомоторная скорость)

Окончание таблицы

Параметры саморегуляции и их значение	Женщины, совершившие ООД, вменяемые	Женщины, совершившие ООД, невменяемые	Женщины с нормо-сообразным поведением
Самостоятельность, регуляторная автономность	Самостоятельность связана с низкой экстраверсией	Связь с нейротизмом, активацией достижения отдаленных целей, несдержанностью, эгоцентризмом; обратная связь с социальной желательностью	Самостоятельность связана со стремлением к удовольствию, высокой коммуникативной скоростью, психотизмом и независимостью от других (эгоцентризмом)
Количество взаимосвязей	16	24	31
Количество взаимосвязей со статистической значимостью $\leq 0,01$	3 (20%)	10 (41,67%)	12 (38,71 %)

По результатам структурно-функционального анализа выявлено, что в группах женщин, совершивших ООД, отмечается снижение как общего количества корреляций различных параметров саморегуляции с индивидуально-типологическими характеристиками, так и глубины этих взаимосвязей. Изменяется и качественная характеристика этих сочетаний: все меньше становится взаимосвязей, которые отражают сохранность тех или иных звеньев саморегуляции.

В группе женщин, совершивших ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми, выделены взаимосвязи между индивидуально-типологическими особенностями и различными параметрами сознательной саморегуляции, отражающие снижение регуляции, или дизрегулирующие. В частности, высокий уровень программирования связан с высокой социальной желательностью и одновременно с низкой чувствительностью к опасным или негативным стимулам, а низкая способность к программированию поведения связана с высоким психотизмом и импульсивностью. Такое сочетание характеристик может приводить к тому, что у одних представительниц этой группы при продумывании способов достижения своих целей при ориентации на признание будет отмечаться игнорирование тех обстоятельств, которые могут приводить к нарушению нормативных правил; у других представительниц данной группы тщательному продумыванию способов достижения целей будут мешать импульсивность и психотизм. Оценка результатов своего поведения в этой группе связана со стремлением к улучшению мнения других людей о себе, что может приводить к неадекватности отражения качества деятельности. Параметр «гибкость», который отражает способность вносить коррективы в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий, связан с высокой активацией достижения целей, что может свидетельствовать о легкости смены целей при изменении условий. При этом процесс изменения целей определяется эгоцентризмом

и низкой чувствительностью к опасным ситуациям, которые могут приводить к асоциальным формам поведения.

В группе женщин, совершивших ООД и признанных невменяемыми, отмечалось преобладание взаимосвязей параметров саморегуляции с переменными активации поведения (активация получения удовольствия и поощрения) при дефиците взаимосвязей с формально-динамическими характеристиками психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сфер. Это может объясняться непосредственностью поведения и принятия решений, разбалансированностью темпераментальных основ деятельности. Также обращает на себя внимание связь параметров «моделирование» и «гибкость» с низкой чувствительностью к опасности, приводящей к недостаточной сортировке позитивных и негативных стимулов среды, сигнализирующих о возможных негативных последствиях.

В группе женщин с нормосообразным поведением не обнаружено взаимосвязей, которые приводят к дезадаптации. Параметры саморегуляции в этой группе обладают широкими взаимосвязями с индивидуально-типологическими особенностями, включая формально-динамические свойства индивидуальности.

Заключение

Результаты исследования позволили выделить различия между профилями саморегуляции в группах женщин, совершивших ООД, признанных вменяемыми и невменяемыми, и женщин с нормосообразным поведением. Женщинам, совершившим ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми, свойственны дефицит регуляторной самостоятельности и низкая сформированность внутренних критериев оценки своего поведения. В группе женщин, совершивших ООД и признанных невменяемыми, отмечаются дефект отражения результатов своего поведения и низкая критичность к результатам своих действий, неустойчивость намерений, зависимость поведения от изменчивых внешних влияний и недостаточная приверженность общепринятым нормам поведения.

Исследование показало, что у женщин, совершивших ООД, структурно-функциональное содержание этапов саморегуляции имеет ряд особенностей, которые повышают вероятность дизрегуляции поведения. Выявлено, что у женщин, которых рекомендовано считать вменяемыми, продумывание способов достижения своих целей сочетается с потребностью в позитивной оценке и низкой чувствительностью к опасности, но в то же время при дефиците способности к программированию у них проявляются импульсивность и жестокость в поведении. При коррекции своего поведения в изменяющихся условиях они опираются сугубо на личные интересы и неправильную оценку ситуации.

У женщин, признанных невменяемыми, оценка внешних и внутренних условий деятельности связана с низкой способностью к распознаванию опасности; они вносят изменения в свое поведение, опираясь на вероят-

ность получения непосредственного удовольствия и выгоды, а перестройка поведения при изменении условий связана с игнорированием мнений других людей.

В проведенном исследовании впервые получены новые данные об особенностях нарушений саморегуляции у женщин, совершивших ООД, в зависимости от факторов криминализации и психической патологии. Показано, что структурные взаимосвязи между параметрами саморегуляции и индивидуально-типологическими характеристиками имеют качественные и количественные отличия у женщин, совершивших ООД, по сравнению с женщинами с нормосообразным поведением. Результаты подтверждают, что нарушение регуляции поведения сопровождается снижением количества структурных взаимосвязей между разноуровневыми характеристиками (Менделевич, 2016), а также увеличением тех структурных взаимосвязей, которые отражают нарушения регуляции поведения.

Представленные в статье профили нарушений саморегуляции у женщин, совершивших ООД, которые признаны вменяемыми и невменяемыми в отношении совершенных ими ООД, могут стать методологическим основанием оценки дизрегуляции поведения женщин при производстве КСППЭ.

Литература

- Алексеева, Е. А. (2020). Современные тенденции развития женской преступности в России. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 25(1(80)), 105–112. doi: 10.24411/1999-6241-2020-11016
- Булыгина, В. Г., Жумагалиева, М. Ю., Макурина, А. П., Кабанова, Т. Н. (2021). Проблема создания новых экспериментальных методов для решения прикладных задач в патопсихологии и судебно-психиатрической практике. *Психология и право*, 1(4). <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49293.shtml> (дата обращения: 26.04.2021).
- Булыгина, В. Г., Лысенко, Н. Е., Носс И. Н., Ковалева, М. Е., Дубинский А. А., Токарева, Г. М. (2019). *Методы исследования индивидуально-типологических характеристик в судебно-психиатрической практике: Руководство для врачей*. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России.
- Дубинский, А. А., Лысенко, Н. Е., Булыгина, В. Г. (2019). Внеэкологические индивидуально-психологические факторы социальной дезадаптации и криминализации. *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*, 1(3(51)). https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3338/ (дата обращения: 12.10.2020).
- Каменсков, М. Ю., Введенский, Г. Е. (2014). Инструментальная диагностика парафилий с применением полиграфа: методологические проблемы и рекомендации к их решению (аналитический обзор). *Российский психиатрический журнал*, 3, 4–9.
- Качаева, М. А., Харитоновна, Н. К., Шпорт, С. В., Шишкина, О. А., Скибина, Н. В., Назарова, Н. Л. (2021). Сравнительный анализ клинико-социальных характеристик женщин с органическим расстройством личности, совершивших и не совершавших правонарушений. *Российский психиатрический журнал*, 1, 37–46. doi: 10.47877/1560-957X-2021-10104
- Конопкин, О. А. (2005). Теоретико эмпирические исследования. Структурно функциональный и содержательно психологический аспекты осознанной саморегуляции. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 2(1), 27–42.

- Кудрявцев, И. А. (2007). Нравственная сфера сознания ограниченно вменяемых правонарушителей. Часть I. *Психологический журнал*, 28(2), 78–94.
- Кудрявцев, И. А., Лапшина, Е. Н. (2008). Психологические механизмы и эффекты влияния патологии характера на саморегуляцию общественно опасных деяний. *Российский психиатрический журнал*, 3, 29–35.
- Кузнецов, Д. А., Булыгина, В. Г. (2012). Учет гендерной специфики криминального поведения в судебно-психиатрической профилактике. *Психологическая наука и образование: электронный журнал*, 2, 90–100. https://psyjournals.ru/files/53482/psyedu_ru_2012_2_Buligina%2C%20Kuznezov.pdf (дата обращения: 12.10.2020).
- Лысенко, Н. Е., Булыгина, В. Г. (2020). Особенности дизрегуляции поведения у лиц, совершивших общественно опасные действия. *Российский психиатрический журнал*, 6, 45–54. doi: 10.24411/1560-957X-2020-10606
- Менделевич, В. Д. (2016). *Психология девиантного поведения*. М.: Городец.
- Самылкин, Д. В., Ткаченко, А. А. (2020). Концепции уровневого нарушения регулятивных процессов при шизофрении: от вероятностного прогнозирования к прогностическому кодированию. *Российский психиатрический журнал*, 5, 34–46. doi: 10.24411/1560-957X-2020-10504
- Сафуанов, Ф. С., Киренская, А. В., Ткаченко, А. А., Телешева, К. Ю., Корнилова, С. В., Мямлин, В. В. (2013). Патохарактерологические особенности лиц с психическими расстройствами, склонных к импульсивной агрессии. *Психологические исследования*, 6(29). <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/831-safuanov29.html> (дата обращения: 12.10.2020).
- Ткаченко, А. А., Корзун, Д. Н. (2020). *Судебно-психиатрическая экспертиза*. М.: ГЭОТАР-Медиа. doi: 10.33029/9704-5636-1-2020-SPE-1-728
- Шиханцов, Г. Г. (2006). *Криминология*. Минск: Тесей.
- Шишкина, О. А., Качаева, М. А., Трушелёв, С. А. (2019). Социально-демографическая характеристика женщин с органическим расстройством личности, совершивших правонарушения. *Российский психиатрический журнал*, 5, 9–17. doi: 10.24411/1560-957X-2019-11940

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

*Поступила в редакцию 07.06.2021 г.; повторно 02.07.2021 г.;
принята 08.10.2021 г.*

Лысенко Надежда Евгеньевна – научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России, кандидат психологических наук.
E-mail: nlysenko@yandex.ru

Белякова Мария Юрьевна – научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России.
E-mail: belyakova.m@serbsky.ru

For citation: Lysenko, N. E., Belyakova, M. Yu. (2022) Features of Behavior Dysregulation in Women Committed Socially Dangerous Acts. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 204–222. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/11

Features of Behavior Dysregulation in Women Committed Socially Dangerous Acts

N.E. Lysenko¹, M. Yu. Belyakova¹

¹ V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, 23, Kropotkinskiy Lane, Moscow, 119034, Russian Federation

Abstract

The aim of the study was to determine the relationship between the parameters of self-regulation and the individual typological characteristics of women who committed socially dangerous acts. 25 women who committed socially dangerous acts, recognized as sane, and 27 women who were recognized as insane in relation to their socially dangerous acts were examined in the V. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology (Moscow). The comparison group included 26 women with normal behavior. We studied individual typological features associated with various parameters of self-regulation. Qualitative and quantitative analysis of the psychological structure of self-regulation revealed that in the groups of women who committed socially dangerous acts, there were correlations that reflect a violation of behavior regulation. The results show that when the factor of criminalization is added, i.e., the performance of socially dangerous acts, both the total number of correlations of various parameters of self-regulation with individual typological characteristics, the degree of severity of these relationships, and the qualitative characteristics of these combinations decrease: there are fewer and fewer relationships that reflect the safety of certain links of self-regulation.

In the group of women who were considered sane, a high level of behavior programming is associated with social desirability and low sensitivity to dangerous or negative stimuli, and a low ability to program behavior is associated with high psychoticism and impulsivity. The evaluation of the results of one's behavior is associated with the desire to improve the opinion of other people about oneself, and the "flexibility" parameter is associated with egocentrism and low sensitivity to dangerous situations. In the group of women who committed socially dangerous acts, recognized as insane, there was a predominance of relationships between the parameters of self-regulation with the activation variables of pleasure and reward, as well as a lack of relationships with the formal dynamic characteristics of psychomotor, intellectual and communicative spheres, which explain the immediacy of behavior and decision-making, and the imbalance of the temperamental foundations of activity. The self-regulation parameters such as "simulation" and "flexibility" reveal a connection with reduced sensitivity to danger, leading to insufficient sorting of positive and negative environmental stimuli that signal possible negative consequences. The results confirm that the violation of behavior regulation is accompanied by a decrease in the number of structural relationships between multi-level characteristics, as well as an increase in those structural relationships that reflect violations of behavior regulation.

Key words: self-regulation; individual typological features; behavior dysregulation; socially dangerous acts; women

References

- Alekseeva, E. A. (2020). Modern tendencies in development of female crimes in Russia. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 25(1), 105–112. doi: 10.24411/1999-6241-2020-11016
- Bulygina, V. G., Zhmagalieva, M. Yu., Makurina, A. P., & Kabanova, T. N. (2021). Problema sozdaniya novykh eksperimental'nykh metodov dlya resheniya prikladnykh zadach v

- patopsikhologii i sudebno-psikhiatricheskoy praktike [The problem of creating new experimental methods for solving applied problems in pathopsychology and forensic psychiatric practice]. *Psikhologiya i pravo*, 1(4). Retrieved April 26, 2021, from <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49293.shtml>
- Bulygina, V. G., Lysenko, N. E., Noss, I. N., Kovaleva, M. E., Dubinskiy A. A., & Tokareva, G. M. (2019). *Metody issledovaniya individual'no-tipologicheskikh kharakteristik v sudebno-psikhiatricheskoy praktike* [Methods for the study of individual typological characteristics in forensic psychiatric practice]. Moscow: Ministry of Health of Russia.
- Crooks, D., Anderson, N. E., Widdows, M., Petseva, N., Decety, J., Pluto, C., & Kiehl, K. A. (2019). The relationship between cavum septum pellucidum and psychopathic traits in female offenders. *Behavioral Brain Research*, 359, 967–972. doi: 10.1016/j.bbr.2018.06.011
- Dubinskiy, A. A., Lysenko, N. E., & Bulygina, V. G. (2019). Vnenozologicheskie individual'no-psikhologicheskie faktory sotsial'noy dezadaptatsii i kriminalizatsii [Extra-nosological individual psychological factors of social maladaptation and criminalization]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(3). Retrieved October, 12, 2020, from https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3338/
- Espelage, D.L., & De La Rue, L. (2013). Examining Predictors of Bullying and Sexual Violence Perpetration Among Middle School Female Students. In B. Russell, (Ed.), *Perceptions of Female Offenders How Stereotypes and Social Norms Affect Criminal Justice Responses* (pp. 25–45). New York, NY: Springer Science + Business Media. doi: 10.1007/978-1-4614-5871-5_3
- Gottschalk, P., & Glaso, L. (2014). Gender in White-Collar Crime: An Empirical Study of Pink-Collar Criminals. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 4, 22–34.
- Haynie, D., Steffensmeier, D., & Bell, K. (2007). Gender and serious violence: Untangling the role of friendship sex composition and peer violence. *Youth Violence and Juvenile Justice*, 5, 235–253.
- Kamenskov, M. Yu., & Vvedenskiy, G. E. (2014). Instrumental'naya diagnostika parafilii s primeneniem poligrafa: metodologicheskie problemy i rekomendatsii k ikh resheniyu (analiticheskiy obzor) [Instrumental diagnosis of paraphilias using a polygraph: methodological problems and recommendations for their solution (analytical review)]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 3, 4–9.
- Kachaeva, M. A., Kharitonova, N. K., Shport, S. V., Shishkina, O. A., Skibina, N. V., & Nazarova, N. L. (2021). Sravnitel'nyy analiz kliniko-sotsial'nykh kharakteristik zhenshchin s organicheskim rasstroystvom lichnosti, sovershivshikh i ne sovershivshikh pravonarusheniy [Comparative analysis of clinical and social characteristics of women with organic personality disorder who have committed and have not committed offenses]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 1, 37–46. doi: 10.47877/1560-957X-2021-10104
- Konopkin, O. A. (2005). Teoretiko empiricheskie issledovaniya. Strukturno funktsio-nal'nyy i sodержatel'no psikhologicheskiy aspekty osoznannoy samoregulyatsii [Theoretical empirical research. Structural-functional and content-psychological aspects of conscious self-regulation]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2(1), 27–42.
- Kudryavtsev, I. A. (2007). Nravstvennaya sfera soznaniya ogranichenno vmenyaemykh pravonarushiteley [The moral sphere of consciousness of limitedly sane offenders]. *Psikhologicheskiy zhurnal*, 28(2), 78–94.
- Kudryavtsev, I. A., & Lapshina, E. N. (2008). Psikhologicheskie mekhanizmy i efekty vliyaniya patologii kharaktera na samoregulyatsiyu obshchestvenno opasnykh deyaniy [Psychological mechanisms and effects of the influence of character pathology on the self-regulation of socially dangerous acts]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 3, 29–35.
- Kuznetsov, D. A., & Bulygina, V. G. (2012). Uchet gendernoy spetsifiki kriminal'nogo povedeniya v sudebno-psikhiatricheskoy profilaktike [Taking into account the gender

- specifics of criminal behavior in forensic psychiatric prevention]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2, 90–100.
- Lombroso, C., & Ferrero, W. (1895). *The Female Offender*. London: T. Fisher Unwin.
- Lysenko, N. E., & Bulygina, V. G. (2020). Osobennosti dizregulyatsii povedeniya u lits, sovershivshikh obshchestvenno opasnye deystviya [Behavioral dysregulation in persons who have committed socially dangerous actions]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 6, 45–54. doi: 10.24411/1560-957Kh-2020-10606
- Mendelevich, V. D. (2016). *Psikhologiya deviantnogo povedeniya* [Psychology of deviant behavior]. Moscow: Gorodets.
- Samylkin, D. V., & Tkachenko, A. A. (2020). Kontseptsii urovnevnogo narusheniya regulativnykh protsessov pri shizofrenii: ot veroyatnostnogo prognozirovaniya k prognosticheskomu kodirovaniyu [Concepts of level disturbance of regulatory processes in schizophrenia: from probabilistic prediction to predictive coding]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 5, 34–46. doi: 10.24411/1560-957X-2020-10504
- Safuanov, F. S., Kirenskaya, A. V., Tkachenko, A. A., Telesheva, K. Yu., Kornilova, S. V., & Myamlin, V. V. (2013). Patokharakterologicheskie osobennosti lits s psikhicheskimi rasstroystvami, sklonnykh k impul'sivnoy agressii [Pathocharacterological features of persons with mental disorders prone to impulsive aggression]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 6(29). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/831-safuanov29.html>
- Rennison, C. M., & Melde, C. (2013). Gender and Robbery: A National Test Deviant Behavior. *Deviant Behavior*, 4(35), 275–296.
- Schwartz, J., Conover-Williams, M., & Clemons, K. (2014). Thirty Years of Sex Stratification in Violent Crime Partnerships and Groups. *Feminist Criminology*, 1(10), 60–91.
- Shikhantsov, G. G. (2006). *Kriminologiya* [Criminology]. Minsk: Tesey.
- Shishkina, O. A., Kachaeva, M. A., & Trushchelev, S. A. (2019). Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika zhenshchin s organicheskim rasstroystvom lichnosti, sovershivshikh pravonarusheniya [Socio-demographic characteristics of women with organic personality disorder who have committed offenses]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 5, 9–17. doi: 10.24411/1560-957X-2019-11940
- Smith, J. M., Gacono, C. B., & Cunliffe, T. B. (2021). *Understanding Female Offenders Psychopathy, Criminal Behavior, Assessment, and Treatment*. San Diego, CA: Elsevier.
- Tkachenko, A.A., & Korzun, D. N. (2020). *Sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza* [Forensic psychiatric examination]. Moscow: GEOTAR-Media. doi: 10.33029/9704-5636-1-2020-SPE-1-728
- Wolff, K. T., Baglivio, M. T., Vaughn, M.G., DeLisi, M., & Piquero, A. R. (2017). For Males Only? The Search for Serious, Violent, and Chronic Female Juvenile Offenders. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 3, 168–195. doi: 10.1007/s40865-017-0059-4

Received 07.06.2021; Revised 02.07.2021;

Accepted 08.10.2021

Nadezhda E. Lysenko – Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Cand. Sc. (Psychol.)

E-mail: nlisenko@yandex.ru

Mariya Yu. Belyakova – Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology.

E-mail: belyakova.m@serbsky.ru

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 159.9

СУБЪЕКТИВНОЕ КАЧЕСТВО ВРЕМЕНИ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ¹

Д.А. Леонтьев¹, Е.Н. Осин¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д.20*

Резюме

Статья посвящена разработке и валидизации психометрической шкалы субъективного качества времени. Под субъективным качеством времени мы понимаем ту меру полноты, с которой может субъективно проживаться тот или иной отрезок времени, или время, связанное с той или иной деятельностью. Отталкиваясь от этого, мы поставили задачу разработки шкалы для измерения субъективного качества времени.

Первоначальный вариант шкалы включал 15 биполярных оценочных шкал, в процессе проверки и улучшения психометрических характеристик методики число шкал было сокращено до пяти. Однофакторная модель для пяти утверждений показала приемлемое соответствие данным (мультигрупповая модель в Mplus 8.4, статистика MLR: $\chi^2(20) = 36,10$, $p = 0,015$, CFI = 0,963, RMSEA = 0,089, 90% CI [0,039; 0,134], SRMR = 0,036). Надежность шкалы (α -Кронбаха) составила от 0,79 до 0,87 на разных выборках.

Несколько исследований было посвящено конструктивной валидности новой методики. В одном из них, в контексте исследования особенностей саморегуляции практикующих хатха-йогу, оценка качества времени занятий йогой была значимо выше, чем оценка качества времени заполнения опросников (критерий Стьюдента: $p < 0,001$; $d = 1,22$). В исследовании психологических и поведенческих реакций на пандемию Covid-19, проведенном в апреле 2020 г., методика ШКВ предлагалась выборке студентов в составе батареи методик. Как мы и предполагали, на фоне разворачивающейся пандемии оценки качества времени за последний месяц были значимо ниже, чем за прошлый год. Они также значимо коррелировали с другими индикаторами субъективного благополучия. Не было зафиксировано значимых связей оценки качества времени за последний месяц и за прошлый год с эмоциями и опасениями, вызываемыми коронавирусной пандемией. Таким образом, разработанная нами шкала качества времени обладает хорошими психометрическими характеристиками и пригодна в том числе для массовых мониторинговых опросов.

Ключевые слова: время; субъективное качество времени; семантический дифференциал; кластерный анализ; конструктивная валидность; субъективное благополучие; переживание в деятельности

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 18-18-00480 «Субъективные индикаторы и психологические предикторы качества жизни».

Время – одна из главных экзистенциальных ценностей, это главный ресурс жизни, без которого не происходит ничего, и одновременно метрика человеческой жизни, ведь жизнь состоит из времени, которое заполняется тем или иным способом. В этом смысле потерянное время равнозначно потере части жизни, убийство времени есть разновидность медленного суицида, а отсутствие свободного времени эквивалентно несвободе жизни (см. подробнее: Леонтьев, 2008).

Подобно тому как жизнь в целом характеризуется не только своей длительностью, но и качеством, конкретные отрезки времени, по-разному заполняемые, могут характеризоваться разным экзистенциальным качеством. Впервые проблеме качества времени поставил известный специалист по экономике культурной сферы А.М. Долгин, для которого главный аспект проблемы культурного потребления сводится к тому, как наилучшим образом распорядиться ресурсом свободного времени (Долгин, 2006, с. 102). Говоря о том, что «часть жизни может быть прожита с большей или меньшей полнотой» (там же, с. 215), А.М. Долгин различает по этому параметру произведение подлинного искусства, с одной стороны, и эрзац-культуры, с другой. Первое порождает качественное время жизни и тем самым служит ее «экзистенциальной пролонгации», а второе предполагает время менее высокого качества и тем самым жизнь сокращает. «Качественное время может рассматриваться как фундаментальный показатель благосостояния на том основании, что его приращение эквивалентно субъективно ощущаемому приращению жизни – эффекту, который позволяет иначе взглянуть на сам факт существования культуры» (там же, с. 365). Следствия, вытекающие из этого разведения для понимания человека и психологических механизмов его становления и развития, отчасти раскрыты в специальной публикации (Леонтьев, 2010).

Отталкиваясь от этой идеи А.М. Долгина, мы поставили задачу разработки психометрически обоснованной шкалы для измерения субъективного качества времени.

В процессе построения такой шкалы мы опирались на психосемантическую методологию, наиболее адекватную для диагностики субъективной оценки человеком тех или иных объектов и явлений.

Шкала качества времени: психометрические характеристики

Первоначальный вариант шкалы качества времени (ШКВ) включал 15 биполярных утверждений, оцениваемых по 7-балльной шкале по типу семантического дифференциала. Вводная фраза задает отрезок времени, подлежащий оценке. Это может быть время, заполненное каким-то конкретным занятием (например, занятиями спортом или просмотром телевизора), или время, определяемое хронологическими границами (последняя неделя, прошлый год).

Анализ психометрических характеристик ШКВ проводился на трех выборках респондентов, заполнявших шкалу, общим объемом $N = 292$ (доля

женщин 85,9%, возраст от 14 до 49 лет (медиана 18 лет)). Поскольку разные выборки заполняли шкалу применительно к различным отрезкам времени, для изучения структуры методики баллы были стандартизированы внутри каждой выборки. Для анализа структуры применялся иерархический кластерный анализ – метод Уорда, квадратическая Евклидова метрика, расстояния на основе матрицы корреляций Пирсона (рис. 1).

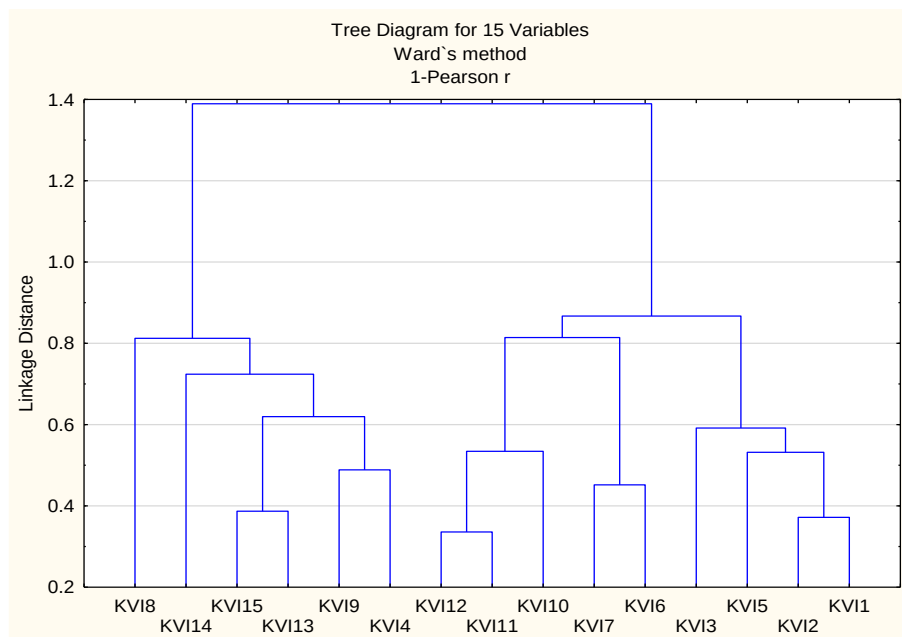

Рис. 1. Результаты кластерного анализа 15 утверждений шкалы качества времени

Кластерный анализ использовался с целью выделения и балансирования состава пунктов, образующих общую оценку качества времени. Он позволил выделить группы утверждений, отражающих общую оценку отрезка времени (4, 8, 9, 13, 14, 15), ощущение его ценности (10, 11, 12), его уникальность (6, 7) и насыщенность (1, 2, 3, 5). В наши задачи, однако, не входило выделение дробных конструкторов и субшкал методики, поскольку у нас нет теоретических оснований рассматривать качество времени как составной конструктор. Поэтому на основании теоретического анализа конструктора утверждения, отражающие общую оценку, были исключены, а из оставшихся было выбраны 5 утверждений, сбалансированно отражающих насыщенность, уникальность и ценность времени:

KV1	–	Насыщенным	3	2	1	0	1	2	3	пустым
KV2	+	Бесцветным	3	2	1	0	1	2	3	ярким
KV6	+	Незапоминающимся	3	2	1	0	1	2	3	незабываемым
KV10	–	Полным жизни	3	2	1	0	1	2	3	лишенным жизни
KV12	–	Обогащающим	3	2	1	0	1	2	3	бесполезным

Однофакторная модель для пяти утверждений показала приемлемое соответствие данным (мультигрупповая модель в Mplus 8.4, статистика MLR: $\chi^2(20) = 36,10$, $p = 0,015$, CFI = 0,963, RMSEA = 0,089, 90% CI [0,039; 0,134], SRMR = 0,036). Факторные нагрузки составили 0,83, –0,82, –0,62, 0,73 и 0,63 для утверждений 1, 2, 6, 10 и 12 соответственно. Надежность шкалы (α -Кронбаха) составила от 0,79 до 0,87 на разных выборках.

Таким образом, окончательная версия методики включает в себя пять пунктов. Ответы на прямые пункты (2, 6) кодируются как 1 2 3 4 5 6 7. Ответы на обратные пункты (1, 10, 12) – как 7 6 5 4 3 2 1. Затем общий балл по шкале рассчитывается как среднее по входящим в неё пунктам.

Конструктивная валидность методики

Первая попытка оценки конструктивной валидности была выполнена в контексте исследования особенностей саморегуляции практикующих хатхайогу ($N = 51$) (Архипова, Леонтьев, Рассказова, 2011). Сравнивались качество времени занятий йогой и качество времени заполнения опросников. Как и ожидалось, первая оценка ($M = 5,51$, $SD = 0,87$) была значительно выше, чем вторая ($M = 4,45$; $SD = 0,87$) (критерий Стьюдента: $p < 0,001$; $d = 1,22$).

В исследовании, проведенном в апреле 2020 г., методика ШКВ предлагалась выборке студентов 1-го курса ($N = 117$) в составе батареи личностных методик, включавшей также вопросы, относящиеся к психологическим и поведенческим реакциям на пандемию Covid-19. Предлагалось оценить время за последний месяц и за прошлый год. Мы предполагали, что на фоне разворачивающейся пандемии оценки качества времени за последний месяц будут существенно ниже, чем за прошлый год. Мы также предполагали, что эти оценки будут коррелировать с другими индикаторами субъективного благополучия, а также ожидали, что они выступают как предикторы эмоций и опасений, связанных с различными аспектами пандемии.

Первая гипотеза подтвердилась. Качество времени за последний месяц ($M = 4,47$; $SD = 1,46$) было оценено значительно ниже, чем за прошлый год ($M = 5,99$; $SD = 0,96$) ($p < 0,001$; $d = 1,26$). Вторая гипотеза также подтвердилась. Оба показателя качества времени значимо коррелировали с переменной «оптимизм» по тесту личностных ориентаций LOT (Гордеева, Сычев, Осин, 2010) ($p < 0,000$ и $p < 0,001$ соответственно), со шкалами субъектности ($p < 0,009$ и $p < 0,000$ соответственно) и гармонии ($p < 0,000$) опросника жизненной позиции личности ЖПЛ (Леонтьев, Шильманская, 2019), с уровнем субъективного контроля УСК (Бажин, Голынкина, Эткин, 1993) ($p < 0,000$ и $p < 0,014$ соответственно), со шкалой осмысленности (и отрицательно – со шкалой кризиса смысла) опросника источников смысла ОИС Т. Шнелл (Болотова, Леонтьев, 2016) ($p < 0,000$). Третья гипотеза не подтвердилась: не было зафиксировано никаких значимых связей оценки качества времени за последний месяц и за прошлый год с эмоциями и опасениями, вызываемыми коронавирусной пандемией.

Из различий в оценках качества времени за последний месяц и за прошлый год обращает на себя внимание наличие целого ряда значимых корреляций первой оценки с результатами методики диагностики переживаний в деятельности (Леонтьев, Осин, Досумова, Рзаева, Бобров, 2018), а именно с переживаниями удовольствия ($p < 0,003$) и смысла ($p < 0,038$) в учебной деятельности, смысла при ничегонеделании у себя дома ($p < 0,023$), а также с обратным знаком – с переживанием пустоты в учебе ($p < 0,000$) и при ничегонеделании ($p < 0,007$). Оценка качества времени за прошлый год не коррелировала значимо ни с какими переживаниями, за исключением усилия в учебной деятельности ($p < 0,019$). Возможно, это связано с тем, что, поскольку респонденты были студентами 1-го курса, поступившими в университет в середине прошлого года, их оценки времени прошлого года уже не связаны с переживаниями, сопровождающими актуальную деятельность.

Таким образом, разработанная нами шкала качества времени обладает хорошими психометрическими характеристиками и пригодна в том числе для массовых мониторинговых опросов. Имеющиеся данные говорят в пользу конструктивной валидности шкалы, однако недостаточны для того, чтобы утверждать это с определенностью.

Литература

- Архипова, Е. Ю., Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2011). Специфика личностной саморегуляции у лиц, практикующих хатха-йогу. В кн. А. А. Бочавер (ред.), *Материалы Всероссийской научно-практической конференции 26–29 сентября 2011 г. «Психология здоровья: спорт, профилактика, образ жизни»* (с. 40–43). М.: МГППУ.
- Бажин, Е. Ф., Голынкина, Е. М., Эткинд, А. М. (1993). *Опросник уровня субъективного контроля (УСК)*. М.: Смысл.
- Болотова, А. В., Леонтьев, Д. А. (2016). Русскоязычная адаптация опросника источников смысла Т. Шнелл. В. кн.: *Материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции по экзистенциальной психологии* (с. 77–82). М.: Смысл.
- Гордеева, Т. О., Сычев, О. А., Осин, Е. Н. (2010). Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT). *Психологическая диагностика*, 2, 36–64.
- Долгин, А. Б. (2006). *Экономика символического обмена*. М.: Инфра-М.
- Леонтьев, Д. А., Осин, Е. Н., Досумова, С. Ш., Рзаева, Ф. Р., Бобров, В. В. (2018). Переживания в учебной деятельности и их связь с психологическим благополучием. *Психологическая наука и образование*, 23(6), 55–66.
- Леонтьев, Д. А., Шильманская, А. Е. (2019). Жизненная позиция личности: от теории к операционализации. *Вопросы психологии*, 1, 90–100.
- Леонтьев, Д. А. (2008). Время как измерение человеческой жизни. В кн. Р. А. Ахмеров, Е. И. Головаха, Е. Г. Злобина и др. (ред.), *Время пути: исследования и размышления* (с. 8–36). Киев: Изд-во Ин-та социологии НАН Украины.
- Леонтьев, Д. А. (2010). Культурное потребление в антропологическом и психологическом контексте. В кн. И. М. Быховская (ред.), *Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований* (с. 217–241). М.: Смысл.

Поступила в редакцию 07.12.2020 г.; принята 22.12.2021 г.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич – главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: dleontiev@hse.ru

Осин Евгений Николаевич – заместитель заведующего Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: eosin@hse.ru

For citation: Leontiev, D. A., Osin, E. N. (2022). The Subjective Quality of Time as an Object of Psychological Assessment. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 223–229. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/12

The Subjective Quality of Time as an Object of Psychological Assessment¹

D.A. Leontiev¹, E.N. Osin¹

¹ HSE University, 20, Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The paper is focused at the development and validation of a psychometric scale of the subjective quality of time. The subjective quality of time is the measure of fullness with which one can experience a certain period of time, or the time associated with certain activity. Based on this, we aimed to develop a scale for measuring the subjective quality of time. The original version of the scale included 15 bipolar rating scales. In the process of testing and improving the psychometric characteristics of the inventory, the number of scales was reduced to 5. The one-factor model for 5 statements showed an acceptable fit to the data (multigroup model in Mplus 8.4, MLR statistic: $\chi^2(20) = 36.10$, $p = 0.015$, CFI = 0.963, RMSEA = 0.089, 90% CI [0.039; 0.134], SRMR = 0.036). The reliability of the scale (Cronbach's alpha) ranged from 0.79 to 0.87 in different samples. Several studies have focused on the construct validity of the new measure. In the study about the characteristics of self-regulation of hatha yoga practitioners, the assessment of the quality of time of yoga practice was significantly higher than the assessment of the quality of time for filling out questionnaires (Student's t-test: $p < 0.001$; $d = 1.22$). In another study of psychological and behavioral responses to the Covid-19 pandemic, the scale of the subjective quality of time was offered to a sample of students as part of a set of measures. As we expected, against the background of the unfolding pandemic, assessment of the quality of time for the last month was significantly lower than for the previous year. It also significantly correlated with other indicators of subjective well-being. There were no significant links between the assessment of the quality of time over the past month and over the past year with emotions and fears caused by the coronavirus pandemic.

Thus, the developed time quality scale has good psychometric characteristics and is suitable, among other things, for mass monitoring surveys.

Keywords: time; subjective quality of time; semantic differential; cluster analysis; construct validity; subjective well-being; experience in activity.

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00480 “Subjective indicators and psychological predictors of quality of life”.

References

- Arkhipova, E. Yu., Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2011, September). Spetsifika lichnostnoy samoregulyatsii u lits, praktikuyushchikh khatka-yogu [The specifics of personal self-regulation in people practicing hatha yoga]. *Psikhologiya zdorov'ya: sport, profilaktika, obraz zhizni* [Psychology of health: sports, prevention, lifestyle]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference September 26–29, 2011. Moscow: MSPPU.
- Bazhin, E. F., Golynkina, E. M., & Etkind, A. M. (1993). *Oprosnik urovnya sub"ektivnogo kontrolya (USK)* [Questionnaire of the level of subjective control (USK)]. Moscow: Smysl.
- Bolotova, A. V., & Leontiev, D. A. (2016, May). Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika istochnikov smysla T. Shnell [Russian-language adaptation of the T. Schnell questionnaire of sources of meaning]. *Proceedings of the Sixth All-Russian Scientific and Practical Conference on Existential Psychology*.
- Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., & Osin, E. N. (2010). Razrabotka russkoyazychnoy versii testa dispozitsionnogo optimizma (LOT) [Development of a Russian version of the dispositional optimism test (LOT)]. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2, 36–64.
- Dolgin, A. B. (2006). *Ekonomika simvolicheskogo obmena* [The economy of symbolic exchange]. Moscow: Infra-M.
- Leontiev, D. A., Osin, E. N., Dosumova, S. Sh., Rzaeva, F. R., & Bobrov, V. V. (2018). Perekhvativaniya v uchebnoy deyatel'nosti i ikh svyaz' s psikhologicheskim blagopoluchiem [Experiences in learning activities and their connection with psychological well-being]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 23(6), 55–66.
- Leontiev, D. A., & Shilmanskaya, A. E. (2019). Zhiznennaya pozitsiya lichnosti: ot teorii k operatsionalizatsii [Personal position in life: from theory to operationalization]. *Voprosy psikhologii*, 1, 90–100.
- Leontiev, D. A. (2008). Vremya kak izmerenie chelovecheskoy zhizni [Time as a dimension of human life]. In R. A. Akhmerov, E. I. Golovakha, E. G. Zlobina. (Eds.), *Vremya puti: issledovaniya i razmyshleniya* [Travel time: research and reflection] (pp. 8–36). Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine.
- Leontiev, D. A. (2010). Kul'turnoe potreblenie v antropologicheskom i psikhologicheskom kontekste [Cultural consumption in the anthropological and psychological context]. In I. M. Bykhovskaya. (Ed.), *Kul'turologiya: fundamental'nye osnovaniya prikladnykh issledovaniy* [Culturology: Fundamental Foundations of Applied Research] (pp. 217–241). Moscow: Smysl.

Received 07.12.2020; Accepted 22.12.2021

Dmitry A. Leontiev – Chief Researcher, Head of International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE University. PhD, D. Sc. (Psychol.), Professor.
E-mail: dleontiev@hse.ru

Evgeny N. Osin – Deputy Head of International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE University, PhD in Psychology, Associate Professor.
E-mail: eosin@hse.ru